

СОДЕРЖАНИЕ

XXVII годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1944 года	3
Приказ Верховного Главнокомандующего	11

СТАТЬИ

Сивков П. , полковник. — Балтийские моряки в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции	13
Генкина Э. — Из истории индустриализации СССР	23
Сидоров А. , проф. — Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 годах	37
Застенкер Н. — Прудон и бонапартистский переворот 2 декабря 1851 г.	58
Дитякин В. , проф. — Образование государства у хорватов	71

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Петров Л. — Доржи Банзаров — первый бурятский учёный	84
Демешкан Е. — Вальтер Скотт как историк	90
Мишулин А. , проф. — Объявление войны и заключение мира у древних римлян	103

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Веселовский С. , чл.-корр. АН СССР, Виноградов В. , проф., Покровский С. , проф. — Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII века. Т. I. Лебедев В. , проф. МГУ, Юшков С. , чл.-корр. АН УССР, проф. Моск. юрид. ин-та. — Сыромятников Б. «Регулярное» го- сударство Петра Первого и его идеология. Ч. 1-я. Кусикьян И. , проф. — Манандян Я. , акад. Краткий обзор истории древней Армении. Дьяконов М. — Заходер Б. , проф. История восточного средневековья (халифат и Ближний Восток). Кафенгауз Б. — Павлов М. А. , акад. Воспоминания металлурга. Ч. I и II. Пичета В. , чл.-корр. АН СССР. — Грацианский Н. , проф. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века	114
---	-----

ХРОНИКА

Королюк В. , Санчук Г. — Работа сектора славяноведения Института истории АН СССР (1943—1944 г.). В. К. — Пять лет кафедры славяноведения истфака МГУ. Иллерицкий В. — Работа истфака Кзылординского пединститута	139
--	-----

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский.

Б. М. Волын.
И. А. Кудрявцев.
И. И. Минц.
А. М. Панкратова.
С. И. Голнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.
А5359 Изд. № 716. Зак. 1778.

Д 3-31-04, Д 3-36-50.
Тираж — 20.000.

Подписано к печати 5/ХII 1944 г.

9 печ. л. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

XXVII ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны
товарища **И. В. Сталина** на торжественном заседании
Московского Совета депутатов трудящихся с партийными
и общественными организациями г. Москвы
6 ноября 1944 г.

Товарищи!

Сегодня советские люди празднуют 27 годовщину победы советской революции в нашей стране.

Четвёртый раз встречает наша страна годовщину советской революции в условиях Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков.

Это, конечно, не значит, что четвёртый год войны не отличается по своим итогам от предыдущих трёх лет войны. Наоборот, между ними существует коренная разница. Если два предыдущих года войны были годами наступления немецких войск и продвижения их в глубь нашей страны, когда Красная Армия была вынуждена вести оборонительные бои, а третий год войны был годом коренного перелома на нашем фронте, когда Красная Армия развернула мощные наступательные бои, разбила немцев в ряде решающих боёв, очистила от немецких войск две трети советской земли и заставила их перейти к обороне, причём Красная Армия всё ещё продолжала вести войну с немецкими войсками один на один, без серьёзной поддержки со стороны союзников, — то четвёртый год войны оказался годом решающих побед советских армий и армий наших союзников над немецкими войсками, когда немцы, вынужденные на этот раз вести войну на два фронта, оказались отброшенными к границам Германии.

В итоге истекший год завершился изгнанием немецких войск из пределов Советского Союза, Франции, Бельгии, средней Италии и перенесением военных действий на территорию Германии.

1. ГЕРМАНИЯ В ТИСКАХ МЕЖДУ ДВУМЯ ФРОНТАМИ

Решающие успехи Красной Армии в этом году и изгнание немцев из пределов советской земли были предрешены рядом сокрушительных ударов наших войск по немецким войскам, начатых ещё в январе этого года и развёрнутых затем в течение всего отчётного года.

Первый удар был нанесён нашими войсками в январе этого года под Ленинградом и Новгородом, когда Красная Армия взломала долговременную оборону немцев и отбросила их в Прибалтику. Результатом этого удара оказалось освобождение Ленинградской области.

Второй удар был нанесён в феврале — марте этого года на Буге, когда Красная Армия разгромила немецкие войска и отбросила их за Днестр. В результате этого удара Правобережная Украина была освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

Третий удар был нанесён в апреле—мае этого года в районе Крыма, когда немецкие войска были сброшены в Чёрное море. В результате этого удара были освобождены от немецкого гнёта Крым и Одесса.

Четвёртый удар был нанесён в июне этого года в районе Карелии, когда Красная Армия разбила финские войска, освободила Выборг и Петрозаводск и отбросила финнов в глубь Финляндии. Результатом

этого удара было освобождение большей части Карело-Финской советской республики.

Пятый удар был нанесён немцам в июне—июле этого года, когда Красная Армия наголову разбила немецкие войска под Витебском, Бобруйском, Могилёвом и завершила свой удар окружением 30 немецких дивизий под Минском. В результате этого удара наши войска: а) полностью освободили Белорусскую советскую республику; б) вышли на Вислу и освободили значительную часть союзной нам Польши; в) вышли на Неман и освободили большую часть Литовской советской республики; г) форсировали Неман и подошли к границам Германии.

Шестой удар был нанесён в июле—августе этого года в районе Западной Украины, когда Красная Армия разбила немецкие войска под Львовом и отбросила их за Сан и Вислу. В результате этого удара: а) была освобождена Западная Украина; б) наши войска форсировали Вислу и образовали за Вислой мощный плацдарм западнее Сандомира.

Седьмой удар был нанесён в августе этого года в районе Кишинёв—Яссы, когда наши войска разбила наголову немецко-румынские войска и завершили свой удар окружением 22 немецких дивизий под Кишинёвом, не считая румынских дивизий. В результате этого удара: а) была освобождена Молдавская советская республика; б) была выведена из строя союзница Германии—Румыния, которая объявила войну Германии и Венгрии; в) была выведена из строя союзница Германии—Болгария, которая также объявила войну Германии; г) был открыт путь для наших войск в Венгрию, последнюю союзницу Германии в Европе; д) открылась возможность протянуть руку помощи союзной нам Югославии против немецких захватчиков.

Восьмой удар был нанесён в сентябре—октябре этого года в Прибалтике, когда Красная Армия разбила немецкие войска под Таллином и Ригой и изгнала их из Прибалтики. В результате этого удара: а) была освобождена Эстонская советская республика; б) была освобождена большая часть Латвийской советской республики; в) была выведена из строя союзница Германии—Финляндия, которая объявила войну Германии; г) более 30 немецких дивизий оказались отрезанными от Пруссии и зажатыми в клещи в районе между Тукумсом и Либавой, где они теперь доколачиваются нашими войсками. (Продолжительные аплодисменты).

В октябре этого года начался девятый удар наших войск между Тиссой и Дунаем в районе Венгрии, имеющий своей целью вывести Венгрию из войны и повернуть её против Германии. В результате этого удара, который ещё не завершён: а) наши войска оказали прямую помощь союзной нам Югославии в деле изгнания немцев и освобождения Белграда; б) наши войска получили возможность перейти через Карпатский хребет и протянуть руку помощи союзной нам Чехословацкой республике, часть территории которой уже освобождена от немецких захватчиков.

Наконец, в конце октября этого года был осуществлён удар по немецким войскам в северной Финляндии, когда немецкие войска были вышиблены из района Печенга и наши войска, преследуя немцев, вступили в пределы союзной нам Норвегии. (Аплодисменты).

Я не привожу цифровых данных о потерях противника убитыми и пленными в результате этих операций, о количестве захваченных нашими войсками орудий, танков, самолётов, снарядов, пулемётов и т. д. Эти данные вам, должно быть, известны по сводкам Совинформбюро.

Таковы основные операции Красной Армии за истекший год, приведшие к изгнанию немецких войск из пределов нашей страны.

В результате этих операций было разбито и выведено из строя до 120 дивизий немцев и их союзников. Вместо 257 дивизий, стоявших

против нашего фронта в прошлом году, из коих 207 дивизий было немецких, мы имеем теперь против нашего фронта после всех «тотальных» и «сверхтотальных» мобилизаций всего 204 немецких и венгерских дивизий, из коих немецких дивизий насчитывается не более 180.

Нужно признать, что в нынешней войне гитлеровская Германия с её фашистской армией оказалась более мощным, коварным и опытным противником, нежели Германия и её армия во всех прошлых войнах. К этому нужно добавить, что немцам удалось использовать в этой войне производительные силы почти всей Европы и довольно значительные армии своих вассальных государств. И если, несмотря на эти благоприятные для Германии условия ведения войны, она всё же оказалась на краю неизбежной гибели, то это нужно объяснить тем, что главный противник Германии — Советский Союз превзошёл по силе гитлеровскую Германию. (Бурные аплодисменты).

Новым моментом за истекший год в войне против гитлеровской Германии нужно считать тот факт, что Красная Армия вела свои операции в этом году против немецких войск не в одиночестве, как это имело место в предыдущие годы, а совместно с войсками наших союзников. Тегеранская конференция не прошла даром. Решение Тегеранской конференции о совместном ударе по Германии с запада, востока и юга стало осуществляться с поразительной точностью. Одновременно с летними операциями Красной Армии на советско-германском фронте союзные войска начали вторжение во Францию и организовали мощные наступательные операции, вынудившие гитлеровскую Германию вести войну на два фронта. Войска и флот наших союзников совершили невиданную ещё в истории по организованности и размаху массовую десантную операцию на побережье Франции и мастерски преодолели укрепления немцев.

Таким образом Германия оказалась зажатой в тисках между двумя фронтами.

Как и следовало ожидать, враг не выдержал совместных ударов Красной Армии и союзных войск. Сопrotивление врага было сломлено, его войска в короткий срок были вышиблены из пределов средней Италии, Франции, Бельгии, Советского Союза. Враг был отброшен к границам Германии.

Не может быть сомнения, что без организации второго фронта в Европе, приковавшего к себе до 75 дивизий немцев, наши войска не смогли бы в такой короткий срок сломить сопротивление немецких войск и вышибить их из пределов Советского Союза. Но также несомненно и то, что без мощных наступательных операций Красной Армии летом этого года, приковавших к себе до 200 немецких дивизий, войска наших союзников не смогли бы так быстро расправиться с немецкими войсками и вышибить их из пределов средней Италии, Франции, Бельгии.

Задача состоит в том, чтобы держать Германию и впредь в тисках между двумя фронтами.

В этом ключ победы.

2. ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Если Красная Армия смогла успешно выполнить свой долг перед Родиной и изгнала немцев из пределов советской земли, то она сделала это благодаря тому, что её беззаветно поддерживала с тыла вся наша страна, все народы нашей страны. Самоотверженная работа всех советских людей — рабочих, крестьян, интеллигенции, равно как руководящая деятельность наших государственных и партийных органов проходила в истекшем году под знаменем — «всё для фронта».

Истекший год ознаменовался новыми успехами промышленности, сельского хозяйства, транспорта, новым подъёмом нашего военного хозяйства.

На четвёртом году войны наши заводы производят танков, самолётов, орудий, миномётов, боеприпасов в несколько раз больше, чем в начале войны. Позади остался наиболее трудный период в восстановлении сельского хозяйства. После возвращения стране плодородных полей Дона и Кубани, после освобождения Украины, наше сельское хозяйство быстро оправляется от тяжёлых потерь. Советский железнодорожный транспорт выдержал нагрузку, с которой едва ли справился бы транспорт другой страны. Всё это говорит за то, что экономическая основа советского государства оказалась несравненно более жизнеспособной, чем экономика вражеских государств.

Социалистический строй, порождённый Октябрьской революцией, дал нашему народу и нашей армии великую и непреодолимую силу. Советское государство, несмотря на тяжёлое бремя войны, несмотря на временную оккупацию немцами весьма больших и экономически важных районов страны, в ходе войны не сокращало, а год от года увеличивало снабжение фронта оружием и боеприпасами. Теперь Красная Армия имеет танков, орудий, самолётов не меньше, а больше, чем немецкая армия. Что касается качества нашей боевой техники, то в этом отношении она намного превосходит оружие врага. Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжёлой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своём единоборстве с гитлеровской Германией и её сообщниками одержали экономическую победу над врагом. (Бурные аплодисменты). Советские люди отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьёзные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспрецедентные трудности нынешней войны не сломили, а ещё более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа.

Наш рабочий класс отдаёт все свои силы для дела победы, непрерывно совершенствует технику производства, увеличивает мощность промышленных предприятий, воздвигает новые фабрики и заводы. Рабочий класс Советского Союза совершил великий трудовой подвиг в нынешней войне.

Наша интеллигенция смело идёт по пути новаторства в области техники и культуры, успешно развивает дальше современную науку, творчески применяет её достижения в производстве оружия для Красной Армии. Советская интеллигенция своим созидательным трудом внесла неоценимый вклад в дело разгрома врага.

Армия не может воевать и побеждать без современного вооружения; но она не может также воевать и побеждать без хлеба, без продовольствия. Красная Армия на четвёртом году войны, благодаря заботам колхозного крестьянства, не испытывает недостатка в продовольствии. Колхозники и колхозницы снабжают рабочих и интеллигенцию продовольствием, а промышленность сырьём, обеспечивают нормальную работу заводов и фабрик, изготавливающих оружие и снаряжение для фронта. Наше колхозное крестьянство активно и с полным сознанием своего долга перед Родиной содействует Красной Армии в достижении победы над врагом.

Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин и нашей славной молодёжи, вынесших на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Во имя чести и независимости Родины советские женщины, юноши и девушки проявляют доблесть и героизм на фронте труда. Они оказа-

лись достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищающих Родину от немецко-фашистских извергов.

Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и живогворный советский патриотизм.

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и всё более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами.

Советские люди ненавидят немецких захватчиков не потому, что они люди чужой нации, а потому, что они принесли нашему народу и всем свободолюбивым народам неисчислимые бедствия и страдания. В нашем народе издавна говорят: «Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что он овцу съел». (Смех. Продолжительные аплодисменты).

Немецкие фашисты избрали своим идеологическим оружием человеконенавистническую расовую теорию в расчёте на то, что проповедь звериного национализма создаст морально-политические предпосылки господства немецких захватчиков над порабощёнными народами. Однако политика расовой ненависти, проводимая гитлеровцами, стала на деле источником внутренней слабости и внешнеполитической изоляции немецко-фашистского государства. Идеология и политика расовой ненависти являются одним из факторов развала гитлеровского разбойничьего блока. Нельзя считать случайностью тот факт, что против немецких империалистов поднялись не только порабощённые народы Франции, Югославии, Польши, Чехословакии, Греции, Бельгии, Дании, Норвегии, Голландии, но и бывшие вассалы Гитлера — итальянцы, румыны, финны, болгары. Гитлеровская клика своей людоедской политикой восстановила против Германии все народы мира, а так называемая «избранная немецкая раса» стала предметом всеобщей ненависти.

В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение. Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев.

Теперь, когда Отечественная война идёт к победоносному концу, во всём величии встаёт историческая роль советского народа. Ныне все признают, что советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества.

3. УПРОЧЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ФРОНТА ПРОТИВОГЕРМАНСКОЙ КОАЛИЦИИ. ВОПРОС О МИРЕ И БЕЗОПАСНОСТИ

Истекший год был годом торжества общего дела противогерманской коалиции, во имя которого народы Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Америки объединились в боевой союз. Это был год упрочения единства и согласованности действий трёх основных держав против гитлеровской Германии.

Решение Тегеранской конференции о совместных действиях против Германии и блестящая реализация этого решения представляют один из ярких показателей упрочения фронта противогитлеровской коалиции. Мало найдётся в истории планов больших военных операций о совместных действиях против общего врага, которые были бы осуществлены с такой полнотой и точностью, с какой был осуществлён план о совместном ударе против Германии, выработанный на Тегеранской конференции. Не может быть сомнения, что без наличия единства взглядов и согласованности действий трёх великих держав Тегеранское решение не могло быть реализовано с такой полнотой и точностью. Несомненно также, с другой стороны, что успешное осуществление Тегеранского решения не могло не послужить делу упрочения фронта Объединённых Наций.

Столь же ярким показателем прочности фронта Объединённых Наций нужно считать решения конференции в Думбартон-Оксе по вопросу об организации безопасности после войны. Говорят о разногласиях между тремя державами по некоторым вопросам безопасности. Разногласия, конечно, есть и они будут ещё также и по ряду других вопросов. Разногласия бывают даже среди людей одной и той же партии. Тем более они должны иметь место среди представителей различных государств и различных партий. Удивляться надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трёх великих держав. Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трёх великих держав и в конечном счёте разрешаются по линии интересов этого единства. Известно, что более серьёзные разногласия существовали у нас по вопросу открытия второго фронта. Однако известно также и то, что эти разногласия были разрешены в конце концов в духе полного согласия. То же самое можно сказать о разногласиях на конференции в Думбартон-Оксе. Характерным для этой конференции является не то, что там вскрылись некоторые разногласия, а то, что девять десятых вопросов безопасности были разрешены на этой конференции в духе полного единодушия. Вот почему я думаю, что решения конференции в Думбартон-Оксе следует рассматривать как один из ярких показателей прочности фронта противогерманской коалиции.

Ещё более ярким показателем упрочения фронта Объединённых Наций нужно считать недавние переговоры с главой правительства Великобритании г. Черчиллем и министром иностранных дел Великобритании г. Иденом в Москве, проведённые в дружественной обстановке и в духе полного единодушия.

На всём протяжении войны гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки разобщить и противопоставить друг другу Объединённые Нации, вызвать среди них подозрительность и недружелюбие, ослабить их военные усилия взаимным недоверием, а если удастся — и борьбой друг с другом. Подобные стремления гитлеровских политиков вполне понятны. Для них нет большей опасности, нежели единство Объединённых Наций в борьбе против гитлеровского империализма, и для них не было бы большего военно-политического успеха, нежели разобщение союзных держав в их борьбе против общего врага. Известно, однако, сколь тщетными оказались потуги фашистских политиков расстроить союз великих держав. Это означает, что в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы.

Можно не сомневаться в том, что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трёх лет войны и если он скреплён кровью народов, поднявшихся на защиту своей свободы и чести, то тем

более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны. (Продолжительные аплодисменты).

Истекший год был, однако, не только годом упрочения противогерманского фронта союзных держав, но и годом расширения этого фронта. Нельзя считать случайностью тот факт, что вслед за Италией из войны были выведены и другие союзники Германии — Финляндия, Румыния, Болгария. Следует отметить, что эти государства не только вышли из войны, но и порвали с Германией и объявили ей войну, примкнув таким образом к фронту Объединённых Наций. Это означает без сомнения расширение фронта Объединённых Наций против гитлеровской Германии. Не может быть сомнения, что последняя союзница Германии в Европе — Венгрия также будет выведена из строя в ближайшее время. Это будет означать полную изоляцию гитлеровской Германии в Европе и неизбежность её краха.

Объединённые Нации стоят перед победоносным завершением войны против гитлеровской Германии.

Война с Германией будет выиграна Объединёнными Нациями, — в этом теперь уже не может быть никакого сомнения.

Выиграть войну с Германией значит осуществить великое историческое дело. Но выиграть войну ещё не значит обеспечить народам прочный мир и надёжную безопасность в будущем. Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени.

После поражения Германии она, конечно, будет разоружена как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Было бы, однако, наивно думать, что она не попытается возродить свою мощь и развернуть новую агрессию. Всем известно, что немецкие заправилы уже теперь готовятся к новой войне. История показывает, что достаточно короткого периода времени в 20—30 лет, чтобы Германия оправилась от поражения и восстановила свою мощь. Какие имеются средства для того, чтобы предотвратить новую агрессию со стороны Германии, а если война всё же возникнет, — задушить её в самом начале и не дать ей развернуться в большую войну?

Этот вопрос тем более уместен, что, как показывает история, агрессивные нации, как нации нападающие, обычно бывают более подготовлены к новой войне, чем миролюбивые нации, которые, будучи не заинтересованы в новой войне, обычно опаздывают с подготовкой к ней. Это факт, что агрессивные нации в нынешней войне ещё перед началом войны имели уже готовую **АРМИЮ ВТОРЖЕНИЯ**, тогда как миролюбивые нации не имели даже вполне удовлетворительной **АРМИИ ПРИКРЫТИЯ** мобилизации. Нельзя считать случайностью такие неприятные факты, как «инцидент» в Пирл-Харборе, потеря Филиппин и других островов на Великом океане, потеря Гонконга и Сингапура, когда Япония, как агрессивная нация, оказалась более подготовленной к войне, чем Великобритания и Соединённые Штаты Америки, придерживавшиеся миролюбивой политики. Нельзя также считать случайностью такой неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия, как агрессивная нация, оказалась более подготовленной к войне, чем миролюбивый Советский Союз. Было бы наивно объяснять эти факты личными качествами японцев и германцев, их превосходством над англичанами, американцами, русскими, их предусмотрительностью и т. д. Дело здесь не в личных качествах, а в том, что заинтересованные в новой войне агрессивные нации, как нации, готовящиеся к войне в течение длительного срока и накапливающие для этого силы, бывают обычно — и должны быть — более подготовлены к войне, чем нации миролюбивые, не заинтересованные в новой войне. Это естественно и по-

нятно. Это, если хотите, — историческая закономерность, которую было бы опасно не учитывать.

Следовательно, нельзя отрицать того, что в будущем миролюбивые нации могут вновь оказаться застигнутыми врасплох агрессией, если, конечно, они не выработают уже теперь специальных мер, способных предотвратить агрессию.

Итак, какие имеются средства для того, чтобы предотвратить новую агрессию со стороны Германии, а если война всё же возникнет, — задуть её в самом начале и не дать ей развернуться в большую войну?

Для этого, кроме полного разоружения агрессивных наций, существует лишь одно средство: создать специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности из представителей миролюбивых наций, дать в распоряжение руководящего органа этой организации минимально-необходимое количество вооружённых сил, потребное для предотвращения агрессии, и обязать эту организацию в случае необходимости — применить без промедления эти вооружённые силы для предотвращения или ликвидации агрессии и наказания виновников агрессии.

Это не должно быть повторением печальной памяти Лиги Наций, которая не имела ни прав, ни средств для предотвращения агрессии. Это будет новая, специальная, полномочная международная организация, имеющая в своём распоряжении всё необходимое для того, чтобы защитить мир и предотвратить новую агрессию.

Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие.

Товарищи!

Советский народ и Красная Армия успешно осуществляют задачи, вставшие перед ними в ходе Отечественной войны. Красная Армия достойно выполнила свой патриотический долг и освободила нашу отчизну от врага. Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти. Теперь за Красной Армией остаётся её последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы. (Бурные, продолжительные аплодисменты). Есть основание рассчитывать, что эта задача будет выполнена Красной Армией в недалёком будущем. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Да здравствует наша победоносная Красная Армия! (Аплодисменты).

Да здравствует наш славный Военно-Морской Флот! (Аплодисменты).

Да здравствует могучий советский народ! (Аплодисменты).

Да здравствует наша великая Родина! (Бурные аплодисменты, все встают).

Смерть немецко-фашистским захватчикам! (Бурные аплодисменты, переходящие в длительную овацию. Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!»).

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

7 ноября 1944 года

№ 220

г. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза! Братья и сёстры, насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю Вас с 27-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции.

Двадцать седьмую годовщину Октябрьской революции мы празднуем в обстановке решающих побед Красной Армии над врагами нашей отчизны. Героическими усилиями Красной Армии и советского народа наша земля очищена от немецко-фашистских захватчиков.

В текущем году советские войска непрерывно обрушивали на врага удары, один сильнее другого. Зимой 1944 года Красная Армия одержала выдающиеся победы на Правобережной Украине и разгромила немцев под Ленинградом. Весной этого года Красная Армия очистила от немцев Крым. Летом 1944 года наши войска нанесли гитлеровской армии крупнейшие поражения, которые привели к коренному изменению обстановки на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Красная Армия сломила мощную оборону врага на Карельском перешейке, а также между Ладожским и Онежским озёрами и выбила Финляндию из разбойничьего гитлеровского блока. В историческом сражении на белорусских землях войска Красной Армии наголову разбили центральную группировку немецких войск в составе трёх армий, перебив и пленив при этом 540 тысяч немецких солдат и офицеров. В битве на Юге Красная Армия окружила и полностью уничтожила группировку немецких войск в составе двух армий. При этом советские войска истребили и взяли в плен более 250 тысяч немецких солдат и офицеров. Красная Армия разгромила немцев в Румынии, вышвырнула их из Болгарии, бьёт немцев на территории Венгрии. Наши войска сокрушили Прибалтийскую группировку гитлеровской армии. За летнюю кампанию 1944 года Красная Армия с боями прошла от Кишинёва до Белграда — свыше 900 километров, от Жлобина до Варшавы — более 600 километров, от Витебска до Тильзита — 550 километров. Война перенесена теперь на территорию фашистской Германии.

В ходе боёв Красная Армия изгнала немецко-фашистских захватчиков со всей территории советской Украины и Белоруссии, Карело-Финской, Молдавской, Эстонской, Латвийской и Литовской советских республик. Низвергнуто трёхлетнее фашистское иго на временно захваченных немцами землях наших братских советских республик. Красная Армия вернула свободу десяткам миллионов советских людей. Советская государственная граница, вероломно нарушенная гитлеровскими полчищами 22 июня 1941 года, восстановлена на всём протяжении от Чёрного до Баренцова моря.

Таким образом, истекший год явился годом полного освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков.

Завершив освобождение родной земли от гитлеровской нечисти, Красная Армия помогает теперь народам Польши, Югославии, Чехословакии разорвать цепи фашистского рабства и восстановить их свободу и независимость.

В зимних и летних сражениях истекшего года Красная Армия показала возросшее воинское мастерство. Воины Красной Армии умело взламывали укрепленные полосы противника, стремительно преследовали, окружали и уничтожали врага. В наступательных боях проявилось четкое взаимодействие всех родов советских войск, высокое искусство маневра. Советские воины закалились в сражениях, научились громить и побеждать врага. Красная Армия выросла в грозную силу и превосходит врага своими воинским умением и боевой техникой.

Силы Красной Армии многократно умножаются слаженной работой советского тыла. Рабочие, колхозники, интеллигенция с честью выполняют свой долг перед Родиной, героически преодолевают трудности военного времени, бесперебойно снабжают Красную Армию вооружением, огнеприпасами и продовольствием. Советское хозяйство беспрестанно наращивает свои силы и оказывает всё возрастающую помощь фронту.

Красная Армия и советский народ готовы нанести новые уничтожающие удары по врагу. Дни гитлеровского кровавого режима сочтены. Под ударами Красной Армии окончательно развалился фашистский блок, гитлеровская Германия лишилась большинства своих союзников. Мастерски проведенные армиями наших союзников крупные операции в западной Европе привели к разгрому немецких войск во Франции и Бельгии и освобождению этих стран от фашистской оккупации. Союзные войска перешли западную границу Германии. Совместные удары Красной Армии и англо-американских войск по гитлеровской Германии приблизили час победоносного окончания войны. Завершается окружение гитлеровской Германии. Логово фашистского зверя обложено со всех сторон, и никакие ухищрения врага не спасут его от неминуемого полного разгрома.

Красная Армия и армии наших союзников заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Задача сейчас состоит в том, чтобы стремительным натиском армий Объединённых наций в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза!

В Великой Отечественной войне мы отстояли свою Родину от захватчиков, окончательно ликвидировали угрозу порабощения народов СССР фашистскими извергами и стоим теперь накануне полной победы.

В ознаменование исторических побед Красной Армии на фронте и великих успехов рабочих, крестьян, интеллигенции в тылу, в честь освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков, —
П Р И К А З Ы В А Ю:

Сегодня, в день 27-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, в 20 часов произвести салют в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Петрозаводске, Таллине, Риге, Вильнюсе, Кишинёве, Тбилиси, Севастополе, Львове двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами.

Да здравствует 27-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции!

Да здравствует наше свободное советское отечество!

Да здравствует наша Красная Армия и Военно-Морской Флот!

Да здравствует великий советский народ!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.**

СТАТЬИ

БАЛТИЙСКИЕ МОРЯКИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Полковник П. Сиеков

В июльские дни 1917 г. буржуазии удалось путём расстрела рабочих, солдат и матросов в Петрограде на некоторое время отсрочить свою гибель. Однако буржуазия 3—5 июля не разбила рабочую революцию, а, наоборот, окончательно подорвала доверие масс к мелкобуржуазным, соглашательским партиям. Июльская расправа показала рабочим и крестьянам, что власть перешла в руки буржуазии.

Оценивая значение июльских событий, товарищ Сталин в своей речи на VI съезде РСДРП(б) говорил: «...теперь, после того, как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что Советы могут мирным путём взять власть в свои руки — значит, говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...»¹.

VI съезд большевистской партии нацелил партию и трудящиеся массы России на подготовку вооружённого восстания, на захват власти пролетариатом и беднейшими крестьянами. Выпущенный съездом манифест призывал: «Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетённые деревни!»².

Большое внимание VI съезд партии уделял работе большевистских организаций Балтийского флота. Балтийский флот был в тот период наиболее крепкой, вооружённой опорой большевистской партии. В партийных организациях флотских большевиков Гельсингфорса, Кронштадта и Ревеля к VI съезду наблюдался новый подъём. Временно появившийся упадок в работе и настроениях, вызванный разгромом июльской демонстрации, закрытием ряда большевистских газет, в том числе газет, издававшихся в основных базах флота — Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле («Го-

лос правды», «Волна», «Утро правды»), — и арестом некоторых флотских работников (Рошаль и др.), сменился новым подъёмом борьбы матросских масс против буржуазного Временного правительства и всего соглашательского блока. В этой борьбе большевики флота приобрели ещё больший авторитет и симпатии масс. «События 3—5 июля многому научили матросов», — говорилось на VI съезде. Ряды большевиков флота пополнялись. В первые же дни после событий 3—5 июля рядовые матросы, которые иногда по недоразумению попадали в ряды соглашательских партий, убедились в контрреволюционности их, становились на позиции большевиков.

В Гельсингфорсе до июльских дней на мелких кораблях преобладало влияние эсеров, после июльских дней произошёл резкий поворот в сторону большевиков. Характерным в этом отношении явилось заявление организации эсеров миноносца № 216, опубликованной в гельсингфорсской большевистской газете «Волна» следующее письмо: «Судовая ячейка партии социалистов-революционеров миноносца № 216, обсудив вопрос о текущем моменте, нашла, что истинные социалисты из рядов армии труда не могут... проводить свои лозунги социализма вместе с буржуазией... Исходя из таких соображений, судовая ячейка миноносца № 216 находит нужным оставить партию эсеров с её кадетскими лозунгами... Мы решили выйти из рядов исконного врага трудящихся масс, буржуазии, и стать под одно знамя Труда и Интернационала, партии большевизма. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»³.

Письмо подписали все 23 члена организации. Эсеры канонерской лодки «Б» заявили, что, если партия эсеров в дальнейшем будет проводить политику соглашательства, они возвратят свои билеты⁴. 60 моряков крейсера «Диана» заявили о своём уходе из партии эсеров и сдали свои билеты.

Чем ярче разгоралась борьба большевиков против буржуазного Временного правительства, чем больше становились соглашательские партии — меньшевики и эсеры —

¹ Ленин—Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 288. Партиздат. 1937.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 191. М. 1938.

³ «Волна» № 80 от 7 (20) июля 1917 г. (Гельсингфорс).

⁴ «Прибой» № 9 от 11 (24) августа 1917 года.

на контрреволюционный путь, на путь борьбы и репрессий против большевиков, тем больше поступало подобных заявлений; особенно количество их стало возрастать после VI съезда партии.

Из выступлений делегатов съезда видно, что большевистская организация в Гельсингфорсе имела 4500—4600, а в Кронштадте 3 тыс. членов партии и значительное количество сочувствующих. Особенно выделялись большевистскими настроениями команды линкоров «Республика» и «Петропавловск». После июльских дней на сторону большевиков полностью перешли команды линкоров «Гангут», «Севастополь» и «Андрей Первозванный», крейсеров «Рюрик», «Диана» и «Громобой». В Кронштадте среди матросских масс преобладали большевистские настроения.

Делегаты VI съезда, съехавшиеся со всех концов России, решили ближе познакомиться с флотскими большевиками и с Кронштадтом, на который буржуазная пресса выливали ушаты грязи. По окончании съезда большая группа делегатов во главе с Володарским, Джапаридзе и Верой Слуцкой, а также довольно большое количество питерских и сестрорецких рабочих отправились в Кронштадт. В центре города, на Якорной площади, состоялся многотысячный митинг. Выступления делегатов съезда на этом митинге ещё больше укрепили в кронштадтцах веру в правоту их дела и убедили в необходимости вооружённого восстания.

Большая заслуга в пропаганде решений VI съезда среди матросских масс Балтийского флота принадлежит большевистским газетам «Пролетарское дело», «Прябой» и «Звезда», издававшимся в Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле (взаем закрытых Керенским в июльские дни газет «Голос правды», «Волна» и «Утро правды»). Эти газеты, помещая на своих страницах резолюции и отдельные статьи, посвящённые работам VI съезда, готовили матросскую массу к решительным боям за свержение власти буржуазии и за переход власти в руки Советов.

12 (25) августа в Москве открылось Государственное совещание. Выступивший на совещании главнокомандующий русскими армиями генерал Корнилов требовал разгрома Советов и большевистских организаций и введения железной диктатуры буржуазии.

По флоту, как всегда при проведении каких-либо реакционных мероприятий со стороны Временного правительства, прокатилась волна протестов против совещания. Кронштадтский совет в резолюции, предложенной фракцией большевиков, заявил, что «буржуазия из этого совещания хочет создать постоянный политический центр контрреволюционных сил»¹ и что не буржуазия, а революционный пролетариат и

беднейшее крестьянство, ставшие у власти, могут разрешить задачи революции.

19 августа (1 сентября) в Петрограде были получены сведения о прорыве немцами Рижского фронта. 21 августа (3 сентября) Рига была сдана немцам. Сдавая Ригу, Корнилов преследовал цель — поставить под угрозу революционный Петроград и разгромить большевиков.

Возмущённые сдачей Риги, команды линкоров «Петропавловск», «Севастополь», «Гангут», «Полтава», «Республика» и крейсера «Громобой» в ультимативной форме потребовали от правительства расследования причин сдачи Риги и привлечения виновных к ответственности. 25 августа (7 сентября) Корнилов отдал приказ о наступлении на Петроград.

Так как большевистский Кронштадт представлял для Корнилова грозную опасность, предлагалось занять Ораниенбаум, ультимативно потребовать от кронштадтского гарнизона сложить оружие и перейти на материк. Для осуществления переворота изнутри Корнилов направил в Петроград одиночным порядком около 3 тыс. офицеров

В самом начале корниловского мятежа для выяснения обстановки, а также для получения соответствующих указаний кронштадтцы командировали в Петроград своих представителей. Явившись к Я. М. Свердлову, они рассказали ему о боевых настроениях матросов, солдат и рабочих Кронштадта и просили указаний. Я. М. Свердлов сообщил кронштадтцам, что ЦК партии принял решение выступить на борьбу против Корнилова, но что наступление против Корнилова не означает помощи Керенскому и что борьба против Керенского должна продолжаться с неослабевающей силой.

По возвращении делегации в Кронштадт 28 августа (10 сентября) состоялось экстренное заседание Кронштадтского совета, на котором по докладу делегации было принято следующее решение: послать из Кронштадта для усиления форта «Красная Горка» батальон солдат и матросов; выслать в район Ораниенбаума и Петергофа отряд кронштадтцев; вызвать в Кронштадт из Биорке и Тронгзунда все учебные суда; послать в Петроград в помощь питерским рабочим 5 тыс. вооружённых кронштадтцев.

Для выполнения указаний Я. М. Свердлова и решения Кронштадтского совета 29 августа (11 сентября) в Петроград на пароходах «Русь», «Луна», «Олонец» и др. было отправлено тремя караванами около 6 тыс. моряков. «Красная Горка», Ораниен-

¹ «Пролетарское дело» (орган Кронштадтского комитета РСДРП(б) от 4 ноября 1917 года.

баум и Петергоф были усилены вооружёнными кронштадтцами.

Кронштадтцы высадились на Васильевском острове и стройными рядами направились к Смольному.

На другой день «Рабочий» (центральный орган РСДРП(б)) писал: «Вчера прибыли из Кронштадта отряды товарищей-моряков. Отрадно было смотреть, как эти верные сыны революции, вооружённые с ног до головы, стройными рядами шествовали по Невскому, вызывая бодрящее настроение у рабочих и неприязненное отношение у обычной буржуазной публики, слоняющейся по этой людной улице нашего города»¹.

В эти дни на кронштадтских и петроградских матросов возложена была охрана важнейших правительственных зданий и жизненных центров города. Активное участие приняли моряки также в ликвидации контрреволюционных очагов в самом городе. В ночь на 29 августа (11 сентября) 250 моряков гвардейского экипажа и 600 моряков 2-го балтийского флотского экипажа окружили гостиницу «Астория», в которой находились корниловские юнкера и офицеры, и произвели там обыск, в результате которого было отобрано большое количество оружия и арестовано много офицеров. В «дикую» дивизию 1-го конного корпуса генерала Крымова для революционной работы среди солдат вместе с делегацией С. М. Кирова, были посланы сто моряков, прослуживших на западном фронте в составе этой дивизии около двух с половиной лет и хорошо знакомых с обычаями и нравами горских народов.

На обращение большевиков о помощи Петрограду откликнулись также Гельсингфорс и Ревель. Первый послал в Петроград четыре, а второй — два эсминца. Благодаря бдительности большевистской партии корниловский мятеж в течение нескольких дней был ликвидирован.

1 (14) сентября Временное правительство обнародовало закон о переименовании Российской империи в Российскую республику. Из этого закона не случайно выпало слово «демократическая». Матросская масса, ревниво относившаяся к вопросам демократии, расценила это как покушение на демократические права трудящихся. По всему флоту прокатилась волна протестов. Инициатором протеста была команда линкора «Петропавловск», по предложению которой на всех кораблях вместо андреевских флагов на стенах мачт были подняты красные флаги.

Окончательной большевизации матросских масс Балтийского флота способствовало распоряжение Временного правительства о роспуске Центрофлота². Центрофлоту по-

¹ «Рабочий» № 18 от 30 августа (12 сентября) 1917 года.

² Не следует смешивать с Центробалтом, находившимся в Гельсингфорсе. Центробалт стоял на большевистских позициях, а Центрофлот, являясь своего рода военно-морской секцией исполнительного комитета Всероссийского совета, был соглашательской, меньшевистско-эсеровской организацией, которую моряки разогнали в Октябрьские дни.

требовалось служебное помещение, под которое он явочным порядком решил занять квартиру начальника Главного морского штаба. Начальник штаба не хотел отдать квартиру, а Центрофлот также не хотел уступать своих позиций. Дело дошло до Временного правительства. Последнее, став на сторону начальника Главного морского штаба, отдало распоряжение распустить Центрофлот и назначить новые выборы, а в случае возникновения волнений на этой почве привлечь личный состав Центрофлота к ответственности за подстрекательство.

Приказ Временного правительства докатился до матросских масс Балтийского флота и до Центробалта. Не столько в защиту соглашательского Центрофлота, не пользовавшегося во флоте авторитетом, сколько по политическим соображениям матросская масса Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля и других баз флота решительно протестовала против роспуска Центрофлота.

Пленарное заседание Центробалта совместно с представителями 80 судовых комитетов 19 сентября (2 октября), обсуждая этот вопрос, приняло важное решение: флот «больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признаёт».

Аналогичные резолюции были приняты в Кронштадте, Ревеле, в частях Або-Аланда и на кораблях, стоявших на передовых позициях.

14 (27) сентября в Петрограде было созвано так называемое Демократическое Собрание. Через несколько дней после начала работ Демократического Собрания Временное правительство выкинуло новый трюк для обмана масс: из состава Собрания был сконструирован Предпарламент (совет республики) — «предбачник», как метко окрестили его рабочие.

25 сентября (8 октября) по указке Керенского было сформировано новое, третье и последнее по счёту коалиционное правительство.

Моряки Балтийского флота решительно высказались как против Демократического Собрания и Предпарламента, так и против нового, коалиционного министерства. Кронштадтский совет, большинство которого составляли матросы, заявил, что «такое правительство является органом буржуазной контрреволюции... и что такому правительству кронштадтский гарнизон и рабочие решительно отказывают в какой бы то ни было поддержке».

Аналогичную резолюцию принял II съезд моряков Балтийского флота, заседавший в эти дни в Гельсингфорсе.

Требую от ЦИК Всероссийского совета немедленного созыва съезда советов и передачи власти в руки советов, II съезд моряков в то же время заявил: «Безответственному министерству и выделенному из искусственно подтасованного Демократического Собрания — Предпарламенту — доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на йоту»¹.

В то время как II съезд моряков Балтийского флота решал вопросы большой политической важности, а по сути дела готовил матросские массы к борьбе за власть Советов, военная обстановка на Балтийском море осложнялась.

21 августа (3 сентября) немцы заняли Ригу. Балтийский флот в Рижском заливе потерял базу для подводных лодок и мелких судов. Несмотря на то что Рига находилась в руках немцев, Рижский залив некоторое время оставался в наших руках. Проливы: Ирбенский, Соэло-зунд и Моон-зунд, — ведущие в Рижский залив, охраняемые нашими батареями, были недоступны для германского флота. Владея проливами в Рижском заливе, наш флот тем самым владел и Рижским заливом. На Балтийский флот в этот период была возложена задача содействовать армии в обороне рижского и, в частности, перновского побережья.

Во второй половине сентября германский флот стал проявлять особенную активность. В Либаву и Виндаву стягивалось большое количество военных и транспортных судов. В этот же период немцы в Ирбенском проливе и в других местах производили усиленное траление мин. Участились налёты самолётов и цепелинов на корабли Балтийского флота, стоявшие в Аренсбурге, Рогекюле, Гапсале, Куйвасто и других пунктах. Было ясно, что немцы готовятся к большой операции по занятию островов и Рижского залива, с тем чтобы при содействии флота двинуться на Ревель и Петроград и принудить Россию к сепаратному миру, а затем, развязав себе руки на Востоке, бросить свои силы против Англии. Активность германского флота объяснялась ещё и тем, что обстановка во флоте была далеко не спокойная. Осенью 1917 г. на кораблях германского флота, стоявших в Вильгельмсгафене, произошло восстание. Один из восставших кораблей пытался уйти в Норвегию и там интернироваться, но, будучи окружён миноносцами, под угрозой потопления, вынужден был сдаться. На судах «Принц регент Луитпольд» и «Пиллау» произошла голодная стачка, которая была подавлена с большой жестокостью. По окончании стачки 400 матросов демонстративно покинули корабли.

Генерал Людендорф в своих записках по поводу этого восстания писал: «Длительный период покоя создал обстоятельства, по которым можно было судить о подпольной работе социал-демократической партии

в отдельных частях флота... Условия, в которых флот жил, благоприятствовали распространению в нём революционных идей... Новые военные занятия должны были поднять и укрепить дух флота»².

На одном из заседаний рейхстага германский морской министр фон Капелле заявил: «Русская революция вскружила головы некоторым лицам из состава нашего флота и способствовала распространению среди них революционных идей»³.

Сосредоточив значительные силы в Балтийском море, в конце сентября германское командование предприняло большую операцию, целью которой являлся захват островов и проливов, закрывавших немцам доступ в Рижский залив и преграждавших путь на Петроград.

В этой операции со стороны германского флота участвовали: 1 линейный крейсер, 10 линейных кораблей, 9 лёгких крейсеров, 47 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок и около 100 судов вспомогательного значения. Наш Балтийский флот этой армаде противопоставил два устаревших линкора («Слава» и «Гражданин»), три крейсера («Баян», «Адмирал Макаров» и «Диана»), 12 эскадренных миноносцев типа «Новик», 14 эсминцев устаревшего типа, канонерскую лодку «Храбрый», три подводные лодки (английские), около 80—90 вспомогательных судов и береговую оборону островов. Наш флот в этой операции занимал оборонительную позицию.

Первое крупное столкновение между нашими и германскими кораблями произошло 1 (14) октября в Моонзундском проливе, на Кесарском плёсе. В этом бою наши эскадренные миноносцы «Победитель», «Забияка», «Гром», «Константин» и канонерская лодка «Храбрый» героически сражались с германским линкором «Кайзер» и 14 эскадренными миноносцами. В этом исключительно ожесточённом бою особенно отличилась команда эскадренного миноносца «Гром». «Гром» погиб, но и немцы потеряли один эсминец, серьёзные повреждения получили 3 эсминца.

В этот и последующие дни — 2 (15) и 3 (16) октября — происходили бои наших береговых батарей с германскими линкорами и незначительные бои наших лёгких сил с кораблями противника.

4 (17) октября в южной части Моонзунда, к югу от Куйвасто, произошёл большой бой наших линкоров «Слава», «Гражданин», крейсера «Баян» и миноносцев с двумя германскими линкорами, крейсерами и эсминцами. Линкоры «Слава» и «Гражда-

¹ Протоколы II съезда моряков Балтийского флота. Центр. Госуд. Воен.-Морск. архив, ф. 1917 г., д. № 2.

² Косинский. Моонзундская операция 1917 г., стр. 51.

³ Там же.

нин» с исключительным героизмом сражались с противником, имевшим большее количество судов и более сильные по дальности орудия.

Бой начался около 10 час. утра. В начале боя на «Славе» вышла из строя носовая 12-дюймовая башня. «Слава», у которой осталось два 12-дюймовых орудия, была вынуждена вести бой против 2 германских линкоров. В 12 час. 35 мин. в «Славу» почти одновременно попало три 12-дюймовых снаряда, а примерно через две минуты почти в одно место — два новых снаряда.

Несмотря на полученные повреждения, пожар и затопление отдельных отсеков команда корабля продолжала храбро сражаться, обстреливая германские линкоры. На одном германском корабле и одном эсминце от попавших снарядов произошли взрыв и большой пожар, один из германских тральщиков был потоплен и один получил повреждения. Так «Слава» расплачивалась за нанесённые ей повреждения. В 12 час. 39 мин. «Слава» получила ещё два попадания: одно — в церковную палубу, другое — в броню против телеграфной рубки.

Примерно около 12 час. 50 мин. бой прекратился. Наши корабли вышли из сферы огня. Германские корабли также прекратили огонь. Принявшая большое количество воды, «Слава» глубоко сидела носом в воде. Моонзундский канал был для неё непроходим. Чтобы «Слава» не досталась врагу, её взорвали и затопили.

Получив известие о гибели «Грома» и «Славы», заседавший в это время II съезд моряков Балтийского флота в ответ на клевету Керенского, что будто в Балтийском флоте не все боевые средства на месте, выпустил воззвание: «Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один моряк не сойдёт побеждённым на сушу. Оклеветанный, заклеянный флот исполнит свой долг перед великой революцией. Мы обязались твёрдо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним своё обязательство, мы выполним его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта... Мы идём в бой не во имя исполнения договоров наших правителей с союзниками... Мы исполняем верховные веления нашего революционного сознания».

Воззвание призывало пролетариев всего мира: «Сбросьте с себя оковы, угнетённые! Поднимайтесь на борьбу. Нам нечего терять в этом мире, кроме цепей. Мы верим, мы дышим верою в победу революции. Мы знаем, что свой долг наши братья по революции выполняют до конца на баррикадах последнего боя. Мы знаем, что близок этот решительный бой. Поднимайте знамя восстания! Да здравствует всемирная революция! Да здравствует справедливый общий мир! Да здравствует социализм!»¹.

Моряки Балтийского флота моонзундской

операцией под руководством большевистской партии доказали непобедимость русского флота. Несмотря на превосходящие силы германского флота результаты боёв в Моонзунде были далеко не в его пользу.

В дни, когда моряки Балтийского флота громили кровь-самоотверженно сражались в Моонзунде с германским флотом, в буржуазных газетах была опубликована телеграмма Керенского на имя главнокомандующего армиями Северного фронта, в которой говорилось, что для «Балтийского флота настал грозный час испытаний». Керенский знал о враждебном отношении флота и, в частности, Кронштадта к Временному правительству и о том, что моряки не допустят снятия с фортов артиллерии. Он заявлял: «Пора опомниться, нужно перестать вольно и невольно играть наруку врагу. Кронштадтцы уже добились того, что в критический час (у них) не все средства на месте»².

Эта телеграмма вызвала резкий протест во всех частях Балтийского флота. Прокапталась волна митингов и собраний. Эта телеграмма вызвала бурю негодования также среди делегатов II съезда моряков Балтийского флота.

Усматривая в телеграмме обвинение Балтийского флота в измене, II съезд представителей Балтийского флота вынес резолюцию, в которой в резкой и категорической форме требовал от Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и... авантюриста Керенского... Тебе, продавшему революцию, Бонапарту-Керенскому,— говорилось далее в резолюции,— шлём проклятия в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах морских, призывая защищать революцию»³.

На телеграмму Керенского кронштадтцы ответили протестом. Они писали: «Товарищи и граждане! В грозный час испытаний министр-председатель осмелился перед лицом всей революционной России и всего мира бросить тёмный и тяжкий навет на революционный Кронштадт... Разве может быть сильнее обвинение, чем обвинение в вольной и невольной измене стране и революции, в вольном или невольном предательстве. Ибо играть наруку врагу, значит предать революцию врагу. Нельзя придумать более тяжкого обвинения, чем обвинение в измене и в предательстве... Но вместе с тем велика и ответственность то-

¹ Центральный государственный военно-морской архив (ЦГВМА), ф. 1917 г., д. № 2, л. 21.

² «Пролетарское дело» № 70 от 6 (19) октября 1917 года.

³ ЦГВМА, ф. 1927, д. № 2, л. 4. 1917.

го, кто берёт на себя смелость наложить позорящее клеймо. Товарищи, революционный Кронштадт не первый раз встречает попытку оклеветать его перед лицом трудящихся. Вы помните, как с лёгкой руки бывшего министра Церетели вся буржуазная, лживая пресса травила кронштадтцев, как контрреволюционное гнездо, отложившееся от России. И тогда Кронштадт обвинялся в измене революции. Мы с погодованием отвергли эту клевету. Нам поверили рабочие, солдаты и крестьяне. А те, у кого были сомнения, приезжали к нам, знакомились с революционными порядками Кронштадта, и от их сомнений не оставалось и следа. Мы не знаем, зачем нужно было сейчас, в этот «грозный час испытаний», министру Керенскому пустить новую лживую легенду о Кронштадте. Об этом мы спрашиваем министра и требуем от него прямого, ясного и категорического ответа. Пока мы не знаем побуждений гнусной клеветы министра из кронштадтский гарнизон. Но мы твёрдо знаем и никогда не забудем, как генералы министра Керенского, совершая предательство на фронте, клеветали на солдат, матросов в окопах. Вы помните, министр Керенский, как генерал Корнилов, которого вы называли «первым солдатом русской армии», снял полки с фронта и повёл их на революционный мозг страны — Петроград. Вы может быть вспомните, министр Керенский, как ваши ближайшие помощники Савилов и Филоненко явились ближайшими помощниками в походе на Петроград «первого солдата русской армии». Вы может быть вспомните, министр Керенский, как по приказу вашего генерального штаба после 3—5 июля был послан отряд «освободить Кронштадт». Как было отдано распоряжение на случай «непокорности» Кронштадта открыть по нему огонь из его же фортов. И только революционная дисциплина и выдержка кронштадтцев предотвратили тяжчайшее преступление братоубийственной бойни. Вы может быть вспомните, министр Керенский, как ваш главнокомандующий генерал Корнилов ещё 8 августа проектировал разрушить эти гнезда революции. Может быть кронштадтские матросы и солдаты повинны в том, что приняли все меры, чтобы не допустить этого разоружения? Да, в этом повинны наши моряки и солдаты. Да, мы, поскольку это было в наших силах, не допустили и не допустим разоружить оплот российской революции, даже если бы вы этого потребовали, вслед за вашим «первым солдатом».

Письмо заканчивалось призывом: «Долой предателей страны и революции! Долой клеветников на отряды русской революции»¹.

Резолюции Кронштадтского совета, представителей судовых команд и Центробалта от 19 сентября (2 октября), II съезда моряков Балтийского флота и резолюции митингов и собраний судовых и береговых команд Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля и других баз единодушно выражали не-

доверие Временному правительству, отказ исполнять его распоряжения и требовали созыва всероссийского съезда советов, который взял бы власть в свои руки.

Авангардную роль флота ярко подчеркнул в своём выступлении товарищ Сталин на историческом заседании ЦК 16 (29) октября, в ответе штрейкбрехерам и предателям революции Каменеву и Зиновьеву, выступавшим против вооружённого восстания. На их заявления, что рабочий класс ещё не дорос до социалистической революции и что социалистическая революция ещё не созрела, товарищ Сталин ответил: «Петроградский Совет уже встал на путь восстания... Флот уже восстал, поскольку пошёл против Керенского»².

Ленин и Сталин придавали огромное значение революционной энергии матросских масс. В предоктябрьский период партии большевиков нужно было провести большую работу среди крестьянства. С этой целью широко были использованы моряки.

В одном из своих писем предоктябрьского периода Ленин предлагал «составить отряд агитаторов для систематического объезда всех губерний и агитации в деревнях»³, для чего использовать уезжающих в отпуск матросов.

Незадолго перед этим товарищ Сталин предлагал в связи с кампанией выборов в Учредительное собрание «создать специальные делегации матросов, солдат»⁴, дать им соответствующие указания и, снабдив большевистской литературой, отправить по деревням.

Указания Ленина и Сталина нашли горячий отклик среди большевистских организаций флота. Сотни матросов-агитаторов разъезжали по всем уголкам необъятной России поднимать крестьян на борьбу против Временного правительства, за передачу власти в руки Советов. Несколько моряков выехали в крупные промышленные и военные центры как представители ЦК нашей партии: матрос П. Хохряков был направлен для большевизации Советов на Урал, матрос Н. Пожаров был послан Я. М. Свердловым в Черноморский флот с заданием «превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья и сделать Севастополь Кронштадтом юга»⁵.

В подготовке масс к Октябрю не меньшую роль, чем агитаторы-моряки, сыграли большевистские газеты, издававшиеся в базах флота. Каждый моряк считал своим долгом послать в провинцию или на фронт газету «Пролетарское дело» или «Утро правды». Эти газеты попадали в самые отдалённые уголки страны и делали своё

¹ Ленин—Сталин. Избранные произведения, стр. 576.

² Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 230.

³ 2-я и 3-я петроградские конференции большевиков в июне и октябре 1917 г., стр. 96.

⁴ «История гражданской войны в СССР», Т. I.

¹ «Пролетарское дело» № 10 от 6 (19) октября 1917 года

большевистское дело. Как яркий пример можно привести газету «Прибой» — любимую газету моряков Гельсингфорса.

В течение всего 1917 г. войска румынского фронта считались наиболее надёжной опорой Временного правительства. Сюда стекалось всё реакционное офицерство, выгнанное и бежавшее из большевистски настроенных воинских частей, армий и фронтов.

В подготовке разгрома большевиков Керенский возлагал большие надежды на армию румынского фронта. Но его надежды не оправдались. Армия румынского фронта большевизировалась, и выходила из подчинения реакционных генералов и офицеров. Значительную роль в большевизации армии румынского фронта сыграла гельсингфорсская большевистская газета «Прибой». Полковник Дроздовский, командовавший дроздовской дивизией в армии Деникина в 1919 г., писал о положении одной «крепкой» фронтовой части: «В полку началось проникновение большевистских лозунгов через газету «Прибой», орган Гельсингфорсского комитета РСДРП. Принять меры против попадания газеты в полк не могу, так как она проникает в полк тайным путём, по почте, в письмах... За последнюю неделю было несколько случаев единичного неповиновения и попытки к неповиновению массовому; были подстрекательства к неисполнению законных распоряжений... Обнаружение зачинщиков очень затрудняется укрывательством и сочувствием им солдатской массы»¹

В период подготовки октябрьского штурма Ленин и Сталин огромное внимание уделяли флоту и считали его одной из решающих сил в предстоящем вооружённом восстании.

В знаменитой статье «Советы постороннего» Ленин писал: «Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову. Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодёжь, а равно лучших матросов) в наибольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.: Окружить и отрезать Питер, взять его комбинационной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая искусства и тройной смелости»².

С такой же силой подчёркивал значение флота Ленин в своём письме «К товарищам большевикам, участвующим на областном съезде советов Северной области» (на съезде было значительное количество моряков): «Только немедленное движение балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию... Дело в восстании, которое мо-

жет и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель... Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть»³.

Временное правительство, предчувствуя свои последние дни, лихорадочно металось и продолжало проводить контрреволюционные мероприятия. 23 октября (5 ноября) морской генеральный штаб предпринял попытку под предлогом пробы машин вывести из Петрограда в море крейсер «Аврора». Эта попытка не удалась благодаря близкости команды «Авроры» и Центробалта.

Петроград в эти дни представлял собой вооружённый лагерь. Смольный превратился в штаб революции. Здесь находились вожди революции — Ленин и Сталин. Около здания и на громадной лестнице Смольного были установлены орудия и пулемёты, со стороны Невы охрану Смольного несли вооружённые катеры с «Авроры».

Поздно вечером 24 октября (6 ноября) в Адмиралтействе состоялось совещание делегатов моряков, прибывших на II всероссийский съезд советов. На совещании был решён вопрос об организации в городе патрульной службы. Выполнение этой задачи взял на себя матрос А. Железняков.

Ночью отряд моряков и солдат Кексгольмского полка взял главный почтамт, моряки заняли Балтийский и Николаевский вокзалы. Матросы и красногвардейцы ликвидировали попытку юнкеров захватить обратно Петроградское телеграфное агентство и Главный телеграф. Крейсер «Аврора» и тральщик № 15, стоявшие у Франко-русского завода, вышли на середину Невы и стали на якорь у Николаевского моста. Команда «Авроры» восстановила движение по мосту.

К 6 час. утра отряд моряков гвардейского экипажа занял Государственный банк; в 7 час. утра кексгольмцы заняли телефонную станцию, а моряки — Дворцовый мост.

К утру 25 октября (7 ноября) Временного правительства фактически уже не существовало. В его руках находился лишь Зимний дворец, окружённый со всех сторон войсками Военно-революционного комитета. В 12 час. дня отряд моряков под командованием Сладкова занял военный порт, радиостанцию «Новая Голландия» и Главное адмиралтейство. Матросы гвардейского экипажа и солдаты Измайловского пол-

¹ «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 248.

² Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 320.

³ Там же, стр. 324—325.

ка заняли Мариинский дворец; заседавшему там совету республики (Предпарламент) моряки предложили очистить помещение.

Одновременно и в тесном взаимодействии с Петроградом шла подготовка вооружённого восстания и в Балтийском флоте. Моряки рвались в бой против Временного правительства.

17 (30) октября, по решению Центробалта, на всех кораблях и в береговых частях были созданы боевые взводы.

В ночь на 21 октября (3 ноября) состоялось экстренное заседание исполнительного комитета Кронштадтского совета, на котором стоял вопрос о практической подготовке к вооружённому восстанию. В Петроград были делегированы два представителя. Явившись к Я. М. Свердлову, представители Кронштадта рассказали ему о боевом настроении кронштадтцев и просили дать указания. Я. М. Свердлов ответил: «Выступать пока не нужно, а быть в полной боевой готовности и ожидать указаний из Смольного».

Дни 23 и 24 октября (5 и 6 ноября) в Кронштадте прошли в напряжённом ожидании. В городе, на кораблях и в береговых частях шла усиленная подготовка к вооружённому восстанию. Шли митинги и собрания, производились выборы делегатов на II всероссийский съезд советов.

Поздно вечером 24 октября (6 ноября) из Петрограда была получена телефонограмма, в которой сообщалось, что Временное правительство пыталось вызвать в Петроград из окрестностей юнкеров и ударные батальоны, что газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты. В этой же телефонограмме Кронштадту предписывалось быть в полной боевой готовности, выслать усиленные караулы на станции железной дороги Ораниенбаум — Петроград, послать в Смольный двух представителей и ждать дальнейших указаний.

Обсудив полученную телефонограмму, исполнительный комитет Кронштадтского совета разработал детальный план своих действий. Согласно этому плану, в ночь на 25 октября (7 ноября) линейный корабль «Заря свободы» вышел из Кронштадта и стал на якорь в устье морского канала. Отряд моряков с этого корабля занял станцию Лигово. Рано утром отбыл из Кронштадта в Ораниенбаум отряд моряков в 700 человек, к 11 часам дня он занял все железнодорожные станции на участке Ораниенбаум — Петроград. Этот же отряд разо-

ружил ораниенбаумскую и петергофскую школы прапорщиков. Примерно с 9 час. утра началась погрузка пятитысячного сводного отряда на корабли, буксиры и баржи, она продолжалась до 2 час. дня. В Петроград вышли минные заградители «Амур» и «Хопер», миноносцы «Прозорливый» и «Рьяный», тральщик № 14 и несколько барж с буксирами. Организация отряда была настолько хорошо продумана, что кронштадтцы оборудовали под госпитальное судно и направили в Петроград под флагом Красного Креста яхту «Зарница».

К 4 час. вечера кронштадтцы были в Петрограде. Минный заградитель «Амур» стал на середине Невы, почти рядом с крейсером «Аврора». На «Амуре» находился штаб сводного кронштадтского отряда.

Кронштадтцы были разбиты на семь отдельных отрядов, из которых каждый, получив направление, двинулся к Зимнему дворцу.

Гельсингфорс, так же как и Кронштадт, готовился к выступлению. Днём 24 октября (6 ноября) на яхте «Полярная звезда» состоялось собрание представителей всех судовых комитетов совместно с Центробалтом. После обсуждения вопроса о текущем моменте была принята резолюция-приветствие открывавшемуся II всероссийскому съезду советов, в которой представители флота заявляли, что Балтийский флот поддерживает «борьбу съезда за власть всеми своими вооружёнными силами».

Около 8 час. вечера Центробалт получил из Петрограда условную телеграмму о высылке в Петроград кораблей и вооружённых отрядов. С получением этой телеграммы весь флот, стоявший в Гельсингфорсе, пошёл в движение. Из добровольцев — а их было много — формировались боевые отряды. Корабли «Самсон», «Забияка», «Деятельный», «Меткий» и «Ястреб» получили приказ Центробалта подготовиться к походу. На некоторых из них были неисправны механизмы, но желание вступить в бой с ненавистным Временным правительством было настолько велико, что всю ночь на 25 октября (7 ноября) на этих кораблях возились машинисты и кочегары около своих любимых механизмов и к утру привели их в порядок. Обещание, данное Центробалту, было выполнено.

Рано утром, до рассвета, из Гельсингфорса в Петроград отправились по железной дороге два отряда моряков общей численностью около 4500, а в 9—10 час. утра под звуки музыки и крики «ура» отплыли в Петроград корабли «Самсон», «Забияка», «Деятельный» и «Ястреб». Вечером они были уже в Петрограде, вошли в Неву и стали на якорь поблизости от крейсера «Аврора» и минного заградителя «Амур». Почти одновременно из Биорке прибыло учебное судно «Верный». Вооружённые команды, прибывшие в Петроград, двинулись к Зимнему дворцу.

Около 9 час. вечера с Петропавловской крепости раздался пушечный выстрел, и вслед за ним гулким эхом прокатился по Петрограду условный выстрел 6-дюймового орудия крейсера «Аврора».

Началось наступление. Затрещали пулемёты и ружейные выстрелы. Из Петропавловской крепости был открыт по Зимнему дворцу артиллерийский огонь. Матросы, находившиеся в конце Александровского сада и около здания Главного штаба, ринулись в атаку, но были встречены ружейным и пулемётным огнём засевших в Зимнем дворце и вынуждены были отступить. Часть матросов через двор Адмиралтейства вышла на набережную Невы и повела наступление на Зимний дворец со стороны Дворцового сада.

В 10 час. 45 мин. в Смольном открылся II всероссийский съезд советов. Съезд пришли приветствовать два матроса — с крейсера «Аврора» и с эсминца «Забияка». Они заверили собравшихся делегатов в том, что под охраной моряков съезд может спокойно продолжать свою работу.

Борьба за Зимний дворец продолжалась около пяти часов. В 2 час. 10 мин. ночи последний оплот бывшего самодержавия и Временного правительства — Зимний дворец был взят. Находившиеся во дворце члены Временного правительства были арестованы и под конвоем моряков и красногвардейцев направлены в Петропавловскую крепость.

Вечером 26 октября (8 ноября) открылось второе историческое заседание II съезда советов. С докладами о мире и о земле выступил Ленин. По его докладам были приняты первые и важнейшие декреты: о мире и о земле. На этом же заседании было сформировано первое советское правительство во главе с Лениным и народным комиссаром по делам национальностей товарищем Сталиным.

Октябрьская социалистическая революция совершилась.

Во всём ходе революции 1917 г. и в штурме Зимнего дворца моряки Балтийского флота сыграли огромную роль. Товарищ Сталин писал: «Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов»¹.

«Крейсер «Аврора», — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции»².

Керенский, бежавший из Петрограда утром 25 октября (7 ноября), организовал контрреволюционные силы под руководством генерала Краснова и двинул их на

Петроград. В Петрограде контрреволюционная организация — Комитет спасения родины и революции — готовила выступление юнкеров и прочих контрреволюционных сил.

Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина мобилизовала революционные силы. На борьбу против Керенского были брошены отряды моряков, революционных солдат и красногвардейцев. Ленин и Сталин из штаба Петроградского военного округа стали руководить всеми операциями по обороне Петрограда.

Вечером 27 октября (9 ноября) Ленин вызвал к себе моряков — представителей Военно-Морского революционного комитета — и детально расспросил их, какие корабли и каким образом могут быть использованы для борьбы против Керенского и Краснова. Сразу же после этого разговора Владимир Ильич связался по прямому проводу с Гельсингфорсом и приказал представителю Центробалта немедленно выслать в Петроград военные корабли.

В ночь на 29 октября (11 ноября) юнкера, находившиеся в Петрограде, поддержанные другими контрреволюционными элементами, подняли восстание. В ликвидации восстания юнкеров активное участие принимали моряки. Ликвидация мятежа носила характер горячих уличных боёв, доходивших до артиллерийского обстрела зданий (Владимирское училище).

29 октября (11 ноября), по распоряжению Ленина, в Петроград из Ревеля и Гельсингфорса прибыли крейсер «Олег» и эсминец «Победитель»; из Кронштадта — 440 моряков и 150 красногвардейцев; из Ревеля — отряд моряков; из Гельсингфорса — около 1500 моряков с двумя батареями; с форта Ино — несколько 3-дюймовых полевых орудий. В общей сложности количество моряков, находившихся в Петрограде в эти дни, по самым приблизительным подсчётам, составляло не менее 20 тысяч. Из них свыше 10 тыс. моряков было послано на фронт, под Пулково и Царское село.

Ленин разработал также план обороны подступов к Петрограду при помощи кораблей Балтийского флота. По приказанию Ленина вверх по Неве, к селу Рыбацкому, были посланы эсминцы «Победитель», «Забияка», «Деятельный» и «Меткий», а со стороны Финского залива в устье Морского канала вместо линкора «Заря свободы» был поставлен крейсер «Олег», вооружённый более дальнобойной артиллерией. Корабли держали под угрозой обстрела подъездные пути к Петрограду, по линиям Балтийской, Варшавской, Витебской, Северной и Николаевской железных дорог.

Петроград, как и в дни 24—25 октября (6—7 ноября), был превращён в вооружённый лагерь. На Неве стояли в боевой готовности «Аврора», «Амур», «Ястреб», «Верный» и другие корабли. Петропавловская крепость была подготовлена к обороне, туда был послан отряд моряков с «Авроры» и специалисты-комендоры с морского полигона. Около Петропавловской крепости, на середине Невы, был поставлен один из

¹ И. Сталин. «Об Октябрьской революции», стр. 20. Партиздат. 1932.

² «История ВКП(б). Краткий курс». стр. 199.

угольных миноносцев, со стороны Невы у Смольного дежурили катера, вооружённые пулемётами. В Смольном несли охрану моряки.

Войска Керенского продержались всего несколько дней. Они были разгромлены под Пулковом. Казаки под влиянием агитации пробравшихся в тыл красногвардейцев и матросов переходили на сторону революционных войск. В ночь на 1 (14) ноября Царское село перешло в руки войск Военно-революционного комитета, а днём 1 (14) ноября отряды солдат матросов и красногвардейцев заняли Гатчину. Краснов был арестован, а Керенскому удалось бежать.

Первый поход контрреволюции против Советов был отбит. В последующий, последнеябрьский период моряки Балтийского флота, а также и других флотов принимали активное участие в борьбе за утверждение власти Советов по всей стране.

2 (15) ноября большой отряд балтийских моряков был отправлен в Москву в помощь московским рабочим, где в эти дни шла ожесточённая борьба. По дороге в Москву они захватили бронепоезд юнкеров, прорвавшийся с Гатчинского фронта и шедший на помощь московским юнкерам. В Москве моряки приняли активное участие в ликвидации контрреволюционных очагов. Они захватили радиостанцию на Ходынке и передали её Московскому совету.

Тысячи моряков, по заданиям Ленина, Сталина, Свердлова и Молотова, разъехались по всем концам молодой Советской республики для организации советской власти на местах и для мобилизации продовольственных ресурсов. Так, например, старый большевик-матрос Тимофей Ульянов, по заданию Ленина, организовал из моря-

ков-кронштадтцев 10 продовольственных отрядов по 50 человек в каждом.

Моряки Балтийского флота принимали активное участие в разгроме контрреволюционной ставки генерала Духонина, в ликвидации банд Дутова под Оренбургом; 2 тыс. моряков Балтики, по распоряжению Ленина, были направлены на Юг для борьбы против буржуазной Украинской рады, они принимали участие в разгроме польского корпуса Довбор-Мусницкого, в ожесточённой борьбе против германских оккупантов, в ликвидации националистического контрреволюционного мятежа татарской буржуазии в Казани и т. д.

В первых числах января 1918 г., после роспуска советским правительством Учредительного собрания, отряд моряков Балтийского флота под командованием моряка Железнякова разогнал учредилковцев, пытавшихся оказать сопротивление. В эти же дни несколько тысяч моряков, затребованных Лениным и Сталиным из Гельсингфорса и Кронштадта, помогли молодому советскому правительству ликвидировать в зародыше мятеж в Петрограде, приурочивавшийся к открытию Учредительного собрания.

В борьбе за власть Советов моряков можно было видеть на Севере, на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке.

В последующие годы — годы гражданской войны — на морях, реках и озёрах, в пехоте, в кавалерии, в артиллерии — всюду моряки показали себя бесстрашными солдатами революции.

ИЗ ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР *

Э. Генкина

1925 год был переломным годом в истории нашей страны. Заканчивался период восстановления народного хозяйства и определялся переход к индустриализации. Как всегда в переломные моменты истории Советской страны, партия Ленина—Сталина не только заблаговременно определила момент перехода, но со всей ясностью наметила задачи нового этапа, показала его особенности, трудности развития, заметила новые формы и методы борьбы.

Товарищ Сталин в статье, посвящённой 8-й годовщине Октябрьской революции (7 ноября 1925 г.), писал: «Я думаю, что между периодом подготовки Октября, имевшим место восемь лет тому назад, и между нынешним периодом, спустя восемь лет после Октября, несмотря на всю громадную разницу между ними, имеется всё же одна общая черта. Эта общая черта состоит в том, что оба эти периода отражают переломный момент в развитии нашей революции. Тогда, в 1917 году, речь шла о том, чтобы сделать переход от власти буржуазии к власти пролетариата. Теперь, в 1925 году, речь идёт о том, чтобы сделать переход от нынешней экономики, которую нельзя назвать в целом социалистической, к экономике социалистической, к той экономике, которая должна послужить материальной основой социалистического общества»¹.

Переход к индустриализации был наметчен XIV съездом партии в декабре 1925 года. В своём докладе на XIV съезде партии товарищ Сталин говорил: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование,— вот в чём суть, основа нашей генеральной линии»².

В последующих своих выступлениях и прежде всего в докладе «О хозяйственном положении Советского Союза» активу

Ленинградской парторганизации 13 апреля 1926 г. товарищ Сталин развивал и конкретизировал основные положения великой программы индустриализации страны: «Основной факт, определяющий чашу политику, состоит в том, что в своём хозяйственном развитии наша страна вступила в новый период нэпа, в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации»³.

При переходе к нэпу Ленин поставил задачу построить фундамент социалистической экономики. Но в первый период нэпа (1921—1925) построение социалистического фундамента нашего хозяйства, как указывал Ленин, надо было начать с сельского хозяйства.

«Таков был первый период новой экономической политики. Теперь мы вступили во второй период нэпа. Самое важное и самое характерное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился теперь в сторону индустрии. Ежели тогда, в первый период новой экономической политики, нам надо было начинать с сельского хозяйства, ибо развитие всего народного хозяйства упиралось в сельское хозяйство, то теперь для того, чтобы продолжать строительство социалистического фундамента нашего хозяйства, для того, чтобы двинуть вперёд хозяйство в целом, необходимо сосредоточить внимание именно на индустрии. Теперь само сельское хозяйство не может двигаться вперёд, ежели во-время не подашь сельскохозяйственных машин, тракторов, изделий промышленности и т. д. Поэтому, ежели тогда, в первый период новой экономической политики, дело развития народного хозяйства в целом упиралось в сельское хозяйство, то теперь оно упирается и уже упёрлось в прямое развёртывание индустрии»⁴.

Так сформулировал товарищ Сталин в апреле 1926 г. сущность нового периода, в который вступила страна, и показал, в чём отличие первого периода нэпа от второго периода как периода индустриализации.

* Настоящая статья представляет собой часть главы (отдельные параграфы) на подготовляемого к печати III тома учебника по истории СССР для высших учебных заведений (публикуется часть разделов из главы учебника — «СССР в период индустриализации»).

¹ И. Сталин. Об Октябрьской революции, стр. 106. Партиздат. 1932.

² Стенографический отчёт XIV съезда ВКП(б), стр. 488. М. и Л. 1926.

³ Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 55. Партиздат. 1936.

⁴ Там же, стр. 56—57.

Товарищ Сталин подчёркивал также, что социалистическая индустриализация означает развитие прежде всего тяжёлой промышленности, когда значительно повышается и начинает преобладать удельный вес промышленности в экономике страны, когда индустриализация обеспечивает хозяйственную самостоятельность страны, оберегая её от превращения в придаток мирового капитализма.

В решении XIV съезда партии перед советским народом ставилась важнейшая задача — «вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратил в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по социалистически»¹.

Отличие социалистической индустриализации от индустриализации капиталистической заключалось прежде всего в том, что индустриализация капиталистических стран шла за счёт разорения и обнищания широких масс трудящихся, социалистическая индустриализация, наоборот, означала неуклонное улучшение материального положения трудящихся. Социалистическая индустриализация вела к укреплению смычки рабочего класса и крестьянства, поднимала её на новую, высшую ступень — производственной смычки.

Именно такая индустриализация на основе социализма и нужна была нашей стране.

Но где же было взять средства для осуществления индустриализации, для всемерного ускорения темпов развития промышленности?

«Что же остаётся делать советскому государству, если старые пути индустриализации страны являются для него неприемлемыми, а приток новых капиталов не на кабальных условиях всё ещё остаётся исключённым? Остаётся новый путь развития, — говорил товарищ Сталин, — путь, неизведанный ещё полностью другими странами, путь развития крупной промышленности без кредитов извне, путь индустриализации страны без обязательного притока иностранного капитала... Путь этот... не изведен буржуазными государствами. Но это далеко ещё не значит, что он невозможен для пролетарского государства. То, что невозможно или почти невозможно в данном случае для буржуазных государств, — вполне возможно для государства пролетарского»².

¹ Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 49.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 170—171. 9-е изд. (Разрядка моя. — Э. Г.).

В СССР был только один путь индустриализации — путь собственных сбережений, путь социалистического накопления внутри страны. Советское государство в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции получило такие источники накопления, каких не имела и не могла иметь ни одна капиталистическая страна в мире.

Национализация земли, банков, фабрик и заводов, монополизация внешней и внутренней торговли — всё это в руках пролетарского государства являлось и является важнейшим источником социалистического накопления. «Вот почему путь развития, невозможный для буржуазных государств, вполне возможен для пролетарского государства, несмотря на все его трудности и испытания»³.

Надо только, говорил товарищ Сталин в своей речи на активе Ленинградской партийной организации в апреле 1926 г., чтобы излишки накопления в стране не распылялись, а собирались в наших кредитных учреждениях, чтобы были тщательно закрыты все те дорожки, по которым часть излишков накопления могла бы попасть в руки частного капитала, надо в руках государства скапливать известные резервы, надо уметь расходовать накопленные резервы разумно, расчётливо, чтобы ни одна копейка народного добра не пропадала даром. Необходимо навести «строжайший, зверский режим экономики»⁴.

Но при решении задач индустриализации возникли большие трудности. Товарищ Сталин во всех своих выступлениях ориентировал страну и большевистскую партию на необходимость серьёзной и упорной борьбы для преодоления этих трудностей. Задачу индустриализации надо было решать в условиях страны, в основном аграрной, только что залечившей раны, нанесённые ей империалистической и гражданской войнами, и едва достигшей довоенного уровня производства. А ведь это был уровень царской России, страны, отстававшей в технико-экономическом отношении от передовых капиталистических стран. Удельный вес сельского хозяйства в экономике страны составлял в 1913 г. 58%, а промышленности — всего 42%. Казалось, что для достижения полного экономического преобразования страны на социалистических началах необходим длительный исторический срок. А между тем история не отпустила больших сроков для решения этой основной экономической задачи. Решать эту задачу надо было в обстановке капиталистического окружения, в условиях нарастающей угрозы войны со стороны агрессивных капиталистических государств. Надо было, как говорил Ленин в своей последней статье «Лучше меньше, да луч-

³ Там же, стр. 171.

⁴ Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 64.

ше», «успеть цивилизоваться» до грядущего военного столкновения, отстаивать независимость и экономическую самостоятельность нашей страны. Поэтому Ленин и Сталин так много внимания уделяли вопросу о темпах и сроках решения задач индустриализации, и не случайно именно вокруг этого вопроса развернулась ожесточённая борьба против врагов партии и советского народа.

В 1926—1929 гг. империалисты неоднократно пытались сорвать мир и навязать СССР новую войну. Недаром в эти годы товарищ Сталин говорил о едином фронте врагов советской власти «от Чемберлена до Троцкого». 1929 год — год великого перелома — отмечен так называемым «конфликтом на КВЖД» — попыткой прощупать СССР штыком. Но все эти попытки потерпели крах. Восторжествовала мирная политика советской власти, повысился международный престиж Советского Союза, а тем самым были созданы необходимые международные условия для осуществления индустриализации страны.

Серьёзнейшей трудностью была и проблема создания кадров индустриализации, новых командных кадров, способных руководить строительством крупной социалистической промышленности. Вопрос о подготовке кадров партия поставила как важнейший политический вопрос, как вопрос классовой борьбы. Мы не имели возможности подготовить новые кадры заранее, их необходимо было растить непосредственно в ходе индустриализации. Мало того: вредители — агентура международного капитала — именно в конце 20-х и начале 30-х годов особенно усилили вредительскую, вражескую деятельность. Об этом достаточно красноречиво говорил шахтинский процесс над вредителями, происходивший летом 1928 года. Шахтинское дело и вредительство старых, буржуазных специалистов товарищ Сталин охарактеризовал как попытку экономической интервенции в наши внутренние дела. На апрельском и июльском пленумах ЦК 1928 г. были намечены мероприятия по ликвидации последствий вредительства и по воспитанию новых командных кадров социалистической индустрии — «создание новой технической интеллигенции из людей рабочего класса». Пленум принял решение увеличить вдвое удельный вес инженерно-технических работников в крупной промышленности к концу первой пятилетки, передать ряд вузов и техникумов в ведение ВСНХ, увеличить рабочее и партийное ядро во вузах, расширить сеть дневных и вечерних рабфаков, усилить финансирование технического образования и улучшить материальное положение студенчества. Товарищ Сталин призывал советскую молодёжь к походу в науку, говорил о необходимости «выковать новые кадры большевиков-специалистов по всем отря-

слям знаний»¹, о необходимости «учиться, учиться упорнейшим образом».

При огромном размахе нового строительства, осуществлявшегося уже в первые годы индустриализации, необходим был чёткий и ясный план развития народного хозяйства на ряд лет. Ленин ещё на VIII съезде советов РСФСР (1920) говорил, что «нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьёзный успех... Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь»².

С ещё большей настойчивостью задача планирования поставил товарищ Сталин при переходе к индустриализации страны. Массовое строительство без плана было невозможно, план должен был ввести систему, осуществить на деле линию на индустриализацию страны.

В 1925—1926 гг. Госплан впервые разработал единые годовые контрольные цифры развития народного хозяйства. Товарищ Сталин, подчёркивая впоследствии огромное значение планирования, говорил о том, что наши планы — это не планы-прогнозы, планы-догадки, это планы-директивы. Необходимо было от контрольных цифр на год перейти к составлению плана хозяйственного строительства на ряд лет. Поэтому IV съезд советов СССР, состоявшийся 18—26 апреля 1927 г., поручил советскому правительству в кратчайший срок выработать пятилетний план развития народного хозяйства, а XV съезд партии в декабре 1927 г. утвердил директивы по составлению первой пятилетки. В течение всего 1928 г. шла разработка планов первой пятилетки, которая была окончательно утверждена XVI партийной конференцией в апреле 1929 г. и V съездом советов СССР в мае 1929 года. 1 октября 1928 г. страна приступила к осуществлению первого пятилетнего плана. Правые и троцкисты пытались во что бы то ни стало сорвать взятые партией темпы индустриализации и выдвигали свой лозунг «равнения на узкие места». Они кричали о «нереальности планов», оспаривали каждую цифру пятилетнего плана, настаивая на пересмотре их в сторону снижения. Враги партии и советского народа всячески боролись против индустриализации национальных республик, пытались доказывать, что «роль иностранного капитала» в осуществлении пятилетки должна быть примерно такой же, какой она была в промышленности царской России в 90-х годах XIX столетия, и т. д.

Правые капитулянты в лице Рыкова противопоставляли пятилетке свою «двухлетку», и товарищ Сталин в речи на апрельском пленуме ЦК 1929 г. «О правом уклоне в ВКП(б)» доказал, что «двухлетка» нужна была правым только для того, чтобы доказать якобы нереальность, неосуществимость пятилетнего плана.

¹ И. Сталин. Речь на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ, стр. 14. «Молодая гвардия». 1938.

² Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 43.

Вражеское сопротивление было сломлено, индустриализация осуществлялась на твёрдой основе единого перспективного государственного плана, сталинского плана индустриализации страны.

В первые же годы индустриализации пришлось столкнуться с новыми серьёзными трудностями и в области сельского хозяйства. Если в промышленности были рекордные темпы роста, то в сельском хозяйстве темпы развития нельзя было признать удовлетворительными. Медленные темпы развития сельского хозяйства объяснялись чрезмерной отсталостью техники и огромной распылённостью мелких индивидуальных крестьянских хозяйств. На полях в деревне работало в это время ещё 5 млн. сох, три четверти посевной площади засеивалось из лукошка. К концу 1927 г. колхозы и совхозы давали лишь немногим больше 2% всей сельскохозяйственной продукции и 7% товарной продукции хлеба. Колхозы объединяли в это время 0,8% всех крестьянских дворов, 0,7% всех посевных площадей. В 1928 г. в стране было 33 тыс. колхозов. В колхозы входило 416 тыс. крестьянских хозяйств, т. е. около 2% общего количества дворов.

Индустриализация страны, размах нового строительства означали одновременно рост городского населения, а следовательно, увеличивали спрос на товарный хлеб. Количество же товарного хлеба несмотря на урожайные годы не увеличивалось, а уменьшалось. В 1928 г. возникли серьёзные трудности на хлебном фронте. В начале 1929 г. пришлось опять ввести карточки на хлеб. Кулак прятал, гноил хлеб и не давал его социалистическому государству.

Товарищ Сталин говорил на апрельском пленуме ЦК 1928 г. о том, что «заготовительный кризис выражает собой первое, в условиях нэпа, серьёзное выступление капиталистических элементов деревни против советской власти»¹ и что «на спекулянтский удар кулачества по линии взвешивания хлебных цен партия должна была ответить таким контрударом, который бы отбил охоту у кулаков и спекулянтов угрожать голодом рабочему классу и кашей Красной Армии»².

Товарищ Сталин в своём докладе на XV съезде партии в декабре 1927 г. и в докладе «На хлебном фронте» в мае 1928 г. исчерпывающе показал причину трудностей в сельском хозяйстве и пути ликвидации этих трудностей. Товарищ Сталин показал, что при слабости колхозов и совхозов, при условии, что середняцкие хозяйства дают меньше товарного хлеба, чем давали до революции помещичьи и кулацкие хозяйства, одним из важнейших держателей товарного хлеба становится кулак, а кулак устраивает «хлебную стачку» и не даёт хлеба социалистическому государству.

Выход из создавшегося положения заключался «в переходе мелких и распылённых крестьянских хозяйств в крупные и

объединённые хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой, высшей техники»³, — говорил товарищ Сталин на XV съезде партии.

Выход был, следовательно, в курсе на коллективизацию страны, и этот курс провозгласил XV съезд партии в декабре 1927 года.

В годы индустриализации партия начала переходить в наступление по всему фронту против капиталистических элементов и в городе и в деревне. В первые же годы индустриализации создавались условия для решения задачи коллективизации. Курс на коллективизацию, как неоднократно подчёркивал товарищ Сталин, требовал всемерного повышения темпов развития промышленности.

Основные установки партии, определяющие программу индустриализации, должны были овладеть миллионными массами, чтобы претвориться в жизнь. Пятилетка должна была стать делом борьбы миллионов. Огромная работа партии по доведению идеи индустриализации до широких народных масс дала вскоре свои результаты. Мощный трудовой подъём, подъём социалистического соревнования, явился ответом масс на пятилетку.

20 января 1929 г. была опубликована историческая статья Ленина «Как организовать соревнование?» Эта статья была написана Лениным ещё в январе 1918 г., через несколько месяцев после победы Октябрьской социалистической революции, и впервые опубликована лишь 11 лет спустя, в январе 1929 года. Ленинская статья явилась призывом к трудящимся всей нашей страны. Начиная с февраля 1929 г. на крупнейших предприятиях стали появляться первые ударные бригады. В марте 1929 г. завод «Красный выборжец» (Ленинград) через «Правду» вызвал на соревнование по снижению себестоимости все заводы и фабрики СССР. Воззвание «Красного выборжца» получило широкий отклик по всей стране. Во всех городах страны, на всех крупнейших предприятиях выросли сотни ударных бригад. На Первомайской демонстрации 1929 г. впервые появился лозунг «Да здравствует социалистическое соревнование!».

Стихийно развернувшееся в первые месяцы 1929 г. соревнование принимало всё более организованные формы после обращения XVI партконференции «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» от 29 апреля 1929 года.

«Соревнование и пятилетка, — говорилось в обращении, — неразрывно связаны между собой». Обращение XVI партконференции способствовало стягиванию новых слоёв трудящихся в соревнование, усиливало руководство соревнованием со стороны партийных и профсоюзных организаций.

¹ «Правда» от 18 апреля 1928 года.

² Там же.

³ Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 235.

Из городов социалистическое соревнование перебросилось в деревню. Соревновались между собой совхозы и колхозы Украины, в поход за урожай и коллективизацию выступили Сибирь, Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга.

Оценивая значение социалистического соревнования, товарищ Сталин в мае 1929 г. писал: «Соревнование есть коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионов масс трудящихся. На самом деле соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма»¹.

Осенью 1929 г., когда были выяснены результаты хозяйственного года и разработаны плановые намётки на 1929—1930 г., впервые появился лозунг, выдвинутый самими массами: «Выполним пятилетку в 4 года!».

В августе 1929 г. в СССР проводился первый «День индустриализации». В октябре началась подготовка к созыву I-го всесоюзного съезда ударных бригад. Съезд открылся 5 декабря 1929 г. и прошёл под лозунгом «От ударных бригад к ударным, образцовым предприятиям!»

К лету 1930 г. организовались первые сквозные ударные бригады. Рабочие завода им. К. Маркса в Ленинграде выдвинули идею встречного промфинплана. На Московском заводе «Красный пролетарий» были организованы бригады для осуществления лозунга «Догнать и перегнать капиталистические страны!». Эти бригады создали один из лучших советских станков, названный в честь этого ленинского лозунга «ДИП». Эти станки частично освобождали страну от ввоза иностранного оборудования.

Подводя итоги развитию социалистического соревнования за год, товарищ Сталин на XVI съезде партии говорил: «Теперь дело соревнования и ударничества является делом завоеванным и закреплённым. Это факт, что социалистическим соревнованием охвачено у нас не менее двух миллионов рабочих, а в ударные бригады вовлечено более миллиона рабочих. Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжёлого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма»².

Во главе великого соревнования масс шла партия Ленина — Сталина.

В январе 1930 г. было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) о необходимости участия всех коммунистов и комсомольцев в ударных бригадах. Подобно тому как в годы гражданской войны коммунисты и комсомольцы шли на передовые позиции, на самые трудные участки фронта, так и в годы индустриализации коммунисты и комсомольцы были в первых рядах борцов за пятилетку.

Мысль тысяч людей билась над ускорением темпов индустриализации. В это время возникла идея переработки рабочей недели. С мест шли заявки на более интенсивное строительство. Все было поставлено на службу индустриализации. Идея индустриализации стала огромной силой, потому что она овладела массами.

Переход партии в наступление по всему фронту в год великого перелома потребовал, как указывал товарищ Сталин, перестройки рядов армии социалистического наступления. Отсюда перед партией стали основные задачи — поднятие самокритики, борьба с бюрократизмом, чистка совпарбата, создание новых хозяйственных кадров, усиление колхозного и совхозного строительства, наступление на кулака, снижение себестоимости, коренное улучшение практики профсоюзной работы, чистка партии. Разрешение этих задач являлось звеном в выполнении единого плана, плана наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни.

Товарищ Сталин, обращаясь к партии в наступлении, говорил кратко и ясно о трудностях, стоящих на пути его выполнения. В таком большом и трудном деле, как социалистическая реконструкция страны, говорил товарищ Сталин в 1930 г., «нельзя было ждать сплошных и быстрых успехов. В таком деле успехи могут обозначиться лишь спустя несколько лет»³. Поэтому надо было призвать партию «вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперёд к великой цели не допуская колебаний и неуверенности в своих рядах»⁴.

Вместе с тем товарищ Сталин говорил об особой природе трудностей реконструктивного периода по сравнению с трудностями восстановительного периода. Трудности перехода к реконструкции народного хозяйства — это трудности роста, трудности, которые таят в себе возможности их преодоления. Только решительное осуществление плана наступления помогло ликвидировать эти трудности.

Так при переходе к индустриализации и в годы индустриализации товарищ Сталин определил основное содержание новой полосы развития, её отличие от предыдущего этапа, наметил момент перехода к индустриализации, сформулировал

¹ И. Сталин. О социалистическом соревновании и стахановском движении, стр. 4. «Молодая гвардия». 1938.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 393. 10-е изд.

³ Ленин и Сталин. Сборник документов и сведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 638.

⁴ Там же

ущество социалистической индустриализации и показал её источники. Товарищ Сталин призвал к комбинированному наступлению, к решению задач коллективизации на основе индустриализации. Он определил трудности индустриализации и показал пути их преодоления. Товарищ Сталин разрешил важнейшие вопросы, связанные с индустриализацией: индустриализация и темпы, индустриализация и кадры, индустриализация и план, индустриализация и массы.

Сталинское учение об индустриализации складывалось в ожесточённой борьбе против врагов партии и советского народа. Серьёзный бой был дан уже на XIV съезде партии. Борьба шла по вопросу о перспективах социалистического строительства, по основному вопросу — о возможности победы социализма в одной стране. Враги пытались помешать созданию кадров индустриализации, сорвать темпы индустриализации, фальсифицировать и исказить план индустриализации, потушить энтузиазм миллионов масс советского народа и добиться провала генеральной линии партии. Но замыслы троцкистско-бухаринско-зиновьевско-рыковского блока об отступлении провалились. Победил сталинский план наступления. Товарищ Сталин вооружил советский народ своим учением об индустриализации, дал конкретную программу действий, определил план великих работ, который был полностью претворён в жизнь.

Директива XIV съезда партии о переходе к социалистической индустриализации начала немедленно претворяться в жизнь: строились и открывались электростанции, железные дороги, закладывались фабрики, заводы, шахты. Вся страна ещё до начала выполнения первого пятилетнего плана (1 октября 1928 г.) постепенно превращалась как бы в гигантскую строительную площадку. Новое строительство шло во всех концах огромной страны — в РСФСР и на Украине, в Белоруссии и Сибири, в Казахстане и Узбекистане, в Закавказье и на Дальнем Востоке. Осваивались новые районы, где раньше совсем не было крупной промышленности, развивались и росли старые промышленные центры страны.

Из всех новостроек, начатых в первые годы индустриализации и законченных в основном в период первой пятилетки, наибольшее значение для всей страны имели четыре строительства: Днепрострой, Туркестано-Сибирская железная дорога (Турк-сиб), Сталинградский тракторный завод и Магнитострой. Они были в центре внимания советского народа в 1926—1929 годах.

История этих четырёх строений как бы воплощает всю историю борьбы за индустриализацию страны. Конкретное осуществление сталинского плана индустриализации и руководство партии, обеспечивающее его выполнение, лучше всего проследить на примере истории этих четырёх первенцев пятилетки.

Днепрострой. Проект Днепростроя как идея, имеющая жизненно важное значение для страны, возник задолго до Октябрьской революции в России. Уже в начале XX в. в связи с ростом промышленности на юге страны стал вопрос о создании сплошного водного пути по Днепру. Пороги разделяли Днепр на два самостоятельных и не сообщавшихся друг с другом водных бассейна. Первоначально была поставлена задача — сделать Днепр судоходным. Затем возник вопрос об использовании энергии Днепра в пределах порогов. В дальнейшем возникла проблема орошения причерноморских земель путём вывода на них воды из Днепра, а также проблема приближения донецкого угля к железной руде Кривого Рога путём постройки новой железной дороги сверхмагистрального типа.

В 1914 г. был открыт Панамский канал, освободилось большое количество специальных машин, необходимых для подобного строительства. Ещё до окончания строительства Панамского канала французские и бельгийские капиталисты ставили вопрос об использовании энергии Днепра. За это предложение ухватился крупнейший русский заводчик Путилов. Началась разработка проектов. Но царское правительство отклоняло эти проекты без указания причин. В 1914 г., до начала мировой войны, всё же приступили к изыскательным работам. Но развёртывание работ натолкнулось на препятствие, непреодолимое в условиях царско-помещичьего строя.

«Одной из основных трудностей для изыскательных партий явилась оценка приднепровских земель, подлежащих затоплению после постройки плотин. Берегами Днепра от Александровска вверх до Екатеринослава владели в большинстве лица, имевшие крупные связи при дворе: генерал Синельников, помещица Малоба, граф Стеббок-Фермор, граф Коскуль, граф Воронцов-Дашков и др. В своде законов Российской империи была статья об отчуждении земель для постройки железной дороги, но ничего не говорилось о праве государства пользоваться земельными участками для проведения водных путей и вообще для гидравлических целей, чем сейчас же начали пользоваться сиятельные и несиятельные владельцы.

Когда инженер Белоконь явился в имение Стеббок-Фермора, граф вынес ему из покоев дарственную грамоту Екатерины II. В грамоте... было написано, что графу даруется в вечное, потомственное владение «земля, вода и воздух» отмежёванной территории.

— Ну, хорошо, насчет земли мы ещё как-нибудь с министерством договоримся, — снисходительно сказал граф. — А вот относительно права владеть энергией, заключённой в воде, дело будет сложнее.

— То-есть как? — не понял сначала Белоконов.

— За воду придётся тоже платить.

— За Днепр?

— Ну, да. Вы же видите в грамоте государыни совершенно ясно сказано: «земля, вода и воздух». Если министерство изобретёт и захочет поставить на моей территории какие-нибудь заводы, использующие воздух, я буду требовать вознаграждения и за воздух. Старые помещики права, когда говорят: «Против моего имени и небо моё»¹.

Ни царское, ни Временное правительство не могли реализовать проект шлюзования Днепра. Только после Октябрьской социалистической революции вопрос о днепровском строительстве стал на конкретную почву и рамки проекта были значительно расширены. В 1920 г. Днепрострой был включён в план ГОЭРЛО, а в 1921 г. было учреждено днепровское государственное строительство; в течение пяти лет (1921—1926) шла разработка нового проекта Днепростроя. В октябре 1926 г. правительство утвердило проект, а в ноябре 1927 г. произошла торжественная закладка Днепровской станции. Днепрострой был одним из первых гигантских строителей, начатых ещё до первой пятилетки и законченных до конца 1932 года.

28 марта 1932 г. на строительстве был уложен последний кубометр бетона, а 16 апреля 1932 г. была пущена первая турбина. Новый проект Днепростроя предусматривал не только строительство плотины, гидроэлектростанции и шлюза, но и постройку нового гигантского промышленного комбината и нового города — Запорожья.

Ещё в апреле 1927 г., т. е. в самом начале строительства Днепрогэса, в решении IV съезда советов СССР по докладу правительства было записано: «Съезд одобряет решения правительства о постройке мощной гидроэлектрической станции на Днепре и Семиречевской железной дороги, считая, что эти крупные сооружения являются началом переустройства всей экономики страны в соответствии с генеральным планом электрификации»².

Таким образом, две крупнейшие стройки положили начало переустройству всей экономики страны, и обе эти стройки были развёрнуты в национальных республиках:

Днепрострой — на Украине, Турксиб — в Казахстане.

Турксиб. Строительство Туркестано-Сибирской железной дороги также началось в 1927 году. Турксиб должен был соединить хлебные и лесные районы Западной Сибири с хлопковыми районами Средней Азии. Строительство дороги имело огромное хозяйственно-политическое значение: дорога должна была обслуживать новый, почти лишённый железнодорожного сообщения район, главным образом Казахской ССР.

Казахстан — огромная по пространству республика: на её территории могли бы разместиться две Франции и две Германии. Между Алма-Ата и Семипалатинском расстояние более чем тысяча километров. До постройки Турксиба республиканская газета «Советская степь» доходила в Семипалатинск только на двенадцатые сутки. Фурманов в своём романе «Мягкож» описывает путь из Ташкента в «таинственное Семиречье», который проделала группа работников Реввоенсовета Туркестанского фронта весной 1920 года. 600 вёрст надо было проехать через степи и горы на лошадях от одной почтовой станции к другой. А через десять лет к Верному (Алма-Ата) и дальше, до Семипалатинска, была проложена новая железнодорожная колея Турксиба.

Строительство дороги проходило в очень тяжёлых условиях. Летом 60 градусов жары, зимой бушуют бураны. Наиболее трудным по климатическим условиям был Прибалхашский район, «самое злое» место Турксиба. На протяжении двухсот километров тянулись сплошные пески, в которых увязали машины и верблюды. Строителям дороги приходилось вести борьбу со змеями, тарантулами, фалангами, охотиться на волков. Не было воды. Но несмотря на все эти трудности 1442 километра пути, от ст. Луговой до Семипалатинска, было проложено за 40 месяцев. На строительстве работала почти 50-тысячная армия рабочих, среди них много казахов. Здесь выковызывались кадры казахского пролетариата. Укладку железнодорожного полотна начали одновременно со стороны Луговой и Семипалатинска. 28 апреля 1930 г., на 17 месяцев раньше установленного правительством срока, на ст. Айна-Булак произошла смычка рельсовой колеи между северной и южной частями строительства. Строительство Турксиба было закончено раньше срока благодаря упорной и самоотверженной работе строителей.

Сталинградский тракторный завод. Вопросы развития тракторной промышленности в России привлекли внимание партии и правительства уже в первые годы советской власти. Ленин сказал на VIII съезде партии, что если бы мы имели 100 тыс. тракторов, крестьяне были бы за коммунизм. А в 1920 г. в России было всего 660 импортных тракторов, в большинстве устаревших и технически изношенных. Когда после окончания гражданской войны началось восстановление на-

¹ «Странички истории заводов». Сборник, стр. 272. Харьков. 1934.

² «Съезды советов СССР в постановлениях и резолюциях», стр. 125. М. 1939.

родного хозяйства, со всей остротой был поставлен вопрос о создании собственной тракторной промышленности. В апреле 1923 г. Совет труда и обороны СССР признал необходимым организовать серийное производство тракторов. При Госплане была создана специальная тракторная комиссия, разрабатывавшая типы тракторов, намеченных к производству.

В первую очередь тракторы начали производить на Путиловском заводе (Ленинград). Но в 1923—1924 г. путиловцы выпустили всего два трактора. Желая порадовать больного Владимира Ильича, они повезли свой первый трактор к Ленину в Горки. Трактор попытлся, сдвинулся с места и остановился. Владимир Ильич печально улыбнулся, и путиловцы поняли, что нужна ещё огромная работа, чтобы наладить производство тракторов в России. Товарищ Сталин, отвечая на вопросы студентов Свердловского университета, в июне 1925 г. говорил: «Необходимо насаждение тракторов в деревне, как средство технического революционизирования сельского хозяйства»¹.

Вместе с Лениным и Сталиным немало труда на создание тракторной промышленности в России положил и Ф. Дзержинский. В одном из своих выступлений он говорил: «Потребность в тракторах у нас огромная, и, конечно, будущность нашего тракторостроения в СССР колоссальная. Если мы на наши пространства пустим десятки тысяч тракторов, то мы такой дешёвый хлеб будем иметь, что никто в мире не сможет с нами конкурировать. Это произойдёт только при том условии, если мы крестьянину дадим хорошее орудие — трактор. Поэтому в программу наших заводов мы включаем тракторостроение»².

В 1925 г. в СССР было произведено 457 тракторов, в 1926 г. — 732, в 1927 г. — 660. Ввозилось значительно больше тракторов, чем производилось в стране. Предстояло кардинально разрешить проблему тракторостроения путём строительства новых заводов, производящих тракторы. Первым таким заводом в стране был Сталинградский тракторный. В 1925 г. было принято специальное решение о постройке в СССР крупного тракторного завода. Была создана комиссия для определения места постройки завода. Конкурировали города Таганрог, Ростов, Запорожье, Воронеж, Челябинск, Харьков, Сталинград. 11 ноября 1925 г. комиссия высказалась за Сталинград. При Совете труда и обороны была создана специальная комиссия под председательством Серго Орджоникидзе для окончательного разрешения вопроса о типе трактора, который будет производить Сталинградский тракторный

завод. Первоначально проектная мощность завода устанавливалась в 10 тыс. тракторов в год, потом эта цифра была доведена до 20 тыс., а затем и до 40 тыс. тракторов в год. 1 мая 1926 г. произошла торжественная закладка завода. Летом 1927 г. на площадку завода пришли первые строители. Но первое время только заготавливались строительные материалы, подводились подъездные пути, строились бараки для рабочих и сарай для хранения инструмента. Основные цехи проектировались в Америке, и надо было ждать, пока придут чертежи. В феврале 1929 г. было принято окончательное решение о производственной мощности завода: «Утвердить план общего расположения цехов завода им. Дзержинского производительностью в две смены 40 тыс. тракторов в год мощностью 15—30 лошадиных сил». Летом 1929 г. приступили к строительству основных цехов, а 17 июня 1930 г. с конвейера Сталинградского завода сошёл первый трактор³. Завод-гигант был построен в рекордный срок — в течение 11 месяцев, намного раньше установленного правительством срока. Заводу было присвоено имя Феликса Дзержинского, одного из первых инициаторов и энтузиастов тракторостроения в СССР.

На строительстве Сталинградского тракторного завода сконцентрировалось внимание всей страны. Завод в полном смысле этого слова стал символом индустриализации. В эти годы строилось много крупнейших заводов, но с особенной любовью советские люди следили за стройкой тракторного завода в Сталинграде. Завод занял особое место в истории индустриализации нашей страны. Это объясняется следующими причинами. Масштабы завода свидетельствовали о масштабах предпринятой технической реконструкции народного хозяйства. 40 тыс. тракторов в год это означало 144 трактора в день, каждые 5 минут с конвейера должен был сходиться один трактор. Самые большие заводы в США выпускали 100—110 тракторов в день и притом меньшей мощности. В наиболее отдалённых деревнях и сёлах СССР крестьяне, вступающие в колхоз, сообщали друг другу с волнением и радостью, что в Сталинграде будет построен завод, который каждые 5 минут будет давать по трактору. В те годы это казалось легендой, мечтой, но люди верили и знали, что это будет действительностью.

Но суть была, конечно, не только в гигантских масштабах завода. Это был также первый объект первоклассной техники, завод, на котором было сконцентрировано самое лучшее современное оборудование. Это требовало новой системы организации производства, внедрения конвейера и потока.

Не случайно также то, что первый крупнейший завод первой пятилетки был трактор-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 147. 9-е изд.

² Кон Ф. Ф. Э. Дзержинский, стр. 99. «Молодая гвардия». 1939.

³ Хроника строительства и пуска СТЗ. Журнал «Наши достижения» № 10 за 1932 год.

торным заводом. Здесь как бы сливались воедино сталинская идея индустриализации и сталинская идея коллективизации. Поэтому строители завода особенно стремились поднести первый трактор «СТЗ» XVI съезду партии — съезду развёрнутого наступления социализма по всему фронту. Строительство завода было в полном разгаре, когда миллионные массы крестьян двинулись в колхозы. Товарищ Сталин подчёркивал, что одним из решающих условий массового движения крестьян в колхозы был тот факт, что «советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, в новой технике»¹.

Со всех концов страны в Сталинград шли и ехали ходоки от крестьян посмотреть, правда ли, что строится завод, который будет давать 144 трактора — почти 6 МТС — в день.

Крестьяне приезжали в Сталинград для того, чтобы, как они сами говорили, «посмотреть, разузнать, а может быть, и пару тракторов закупить». Осенью 1929 г. приехала группа делегатов с Украины и оставила письмо, которое кончалось словами: «Хай живе индустрия, скорше трактор на село».

В адрес начальника строительства беспрерывным потоком шли такие телеграммы: «Сталинград. Тракторострой, рабочим завода, ячейке ВКП(б), дирекции. Батраки, бедняки и середняки в количестве 1400 человек изъявили согласие на создание крупного колхоза. Десятого ноября (1929 г. — Э. Г.) в Преображенском районе, Холёрского округа, на учредительном съезде этот колхоз создан под названием «Смерть кулакам». Колхоз объединяет 620 хозяйств с 3354 едоками. Принято единогласное постановление просить Сталинградский тракторострой принять шефство над новым колхозом»².

Такие же телеграммы приходили из Белоруссии: «Мы, бывшие бедняки и середняки, в количестве 12 человек, обсудив настоящее положение сельского хозяйства, пришли к заключению, что дальше вести индивидуальное хозяйство невозможно, решили организовать коллектив, название которому присвоили имя павшего борца на поле брани за социализм — «Фелякс Дзержинский»... Сегодня, собравшись на общее собрание коллектива постановили.. обратиться к вам... с просьбой принять над нами шефство. Колхоз наш находится в Белорусской ССР, Оршанского округа»³.

Из Центрально-Чернозёмной области писали ещё более конкретно: «Правление крупного колхоза им. Шевченко в Центрально-Чернозёмной области обращается к вам с просьбой взять шефство над нашим

колхозом... Желательно знать, в чём будет выражаться ваша потребность, чтобы к весне подготовить и выполнить ваши требования взамен полученных от нас тракторов»⁴.

Все эти письма и телеграммы были посланы осенью 1929 г., накануне XII годовщины Октябрьской революции, к которой была приурочена статья товарища Сталина «Год великого перелома». Понятно, почему именно в год великого перелома, когда миллионные массы крестьян шли в колхозы, колхозники так торопили строителей Сталинградского завода скорее дать тракторы селу. Понятно также, что в этих условиях строители завода шли на великие трудовые подвиги, чтобы как можно скорее и лучше удовлетворить нужду крестьянства в новой технике и новом инвентаре.

Рабочие, получавшие такие письма и телеграммы, приняли решение строить завод зимой. Впервые такое строительство велось в широких масштабах в зимних условиях. В пургу, в жестокие морозы комсомольцы Сталинградского тракторного завода на большой высоте стеклили крышу основного, механооборочного цеха. Когда сейчас читаешь слова Горького о героизме молодёжи Сталинградского тракторного, очень важно сопоставить эти слова с письмами и телеграммами колхозников и тогда понятнее станет позитивная основа великого трудового подвига, совершённого страной в 1929 году. Купив индустриализацию, провозглашённый XIV съездом партии в декабре 1925 г. и курс на коллективизацию, провозглашённый XV съездом партии в декабре 1927 г., объединили усилия рабочих и крестьян под руководством партии для решения задач развёрнутого социалистического наступления по всему фронту.

1929 год стал годом великого перелома и в городе и в деревне. Крестьяне массами шли в колхоз, а рабочие в городе развернули социалистическое соревнование и ударничество, поднимали производительность труда, ставили мировые рекорды строительства. На Сталинградском тракторном заводе американская фирма на установку железных конструкций механооборочного цеха дала 163 дня. Управление Тракторостроя снизило этот срок до 52 дней, а рабочие выполнили эту работу за 28 дней.

Серго Орджоникидзе, выступая в Сталинграде в 1931 г., сказал: «Нужно ли говорить о том, какое значение имеет для нас Сталинградский тракторный завод? Каждому из нас совершенно ясно, что та колоссальная борьба, которую мы ведём сейчас на селе, переводя всё старое, допотопное, раздробленное крестьянское хозяйство на социалистические рельсы может быть закреплена и увенчана успехом только в том случае, если СТЗ будет давать этим коллективным хозяйствам один трактор за другим. Мы этот завод строили

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 270, 11-е изд.

² Булыжник и Ханкин. Краснознамённый тракторострой, стр. 24. Изд. газеты «Поволжская правда». Саратов. 1930.

³ Там же, стр. 24—25.

⁴ Там же, стр. 26.

не для того, чтобы удивить мир тем, что вот, мол, мы на пустыре, где много столетий ничего кроме пыли не было, воздвигли завод, — ничего подобного. Мы с вами люди практические. Если мы строили этот завод, тратили миллионы золота, то ясно представляли себе, для чего мы его строим. Нам нужны тракторы для нашего социалистического хозяйства»¹.

Когда Сталинградский тракторный завод был уже построен, когда было смонтировано в кратчайший срок новейшее оборудование, когда с конвейера сошёл первый трактор, завод ещё долго не мог освоить свою проектную мощность. Только в апреле 1932 г., почти спустя два года после пуска завода, он начал давать 144 трактора в день. В июне же 1930 г. он дал только 8 тракторов за месяц, в июле 1930 г. с конвейера не сошёл ни один трактор. Враждебная нашей стране зарубежная печать злорадствовала, злобно доказывая, что построить самый крупный в мире тракторный завод большевики смогли, но освоить его и заставить работать на полную мощность им не удастся. Честь рабочего класса нашей страны, будущее индустриализации как бы сконцентрировались в это время в цехах Сталинградского тракторного. Политбюро ЦК партии каждую декаду обсуждало вопрос о работе Сталинградского тракторного завода. Как сводку с фронта боевых действий, читали советские люди ежедневно в газетах сообщения о ходе работ на Сталинградском тракторном. Вся страна пришла на помощь Сталинграду. Краснопутиловцы, соревновавшиеся со сталинградцами, писали им: «Товарищи дзержинцы! Не вам, пролетариям-металлистам, топтаться на месте. Пусть топчутся трусы и малозеры. Вы должны пойти вперед и других за собой повести».

Сталинградцы долго не отвечали краснопутиловцам. Они решили ответить не письмом, а тракторами. На заводе шла напряжённая борьба за освоение новой техники. Тысячи рабочих завода впервые пришли на производство, многие из них никогда не работали в крупной промышленности, не видели машин. Пришлось обучаться в процессе работы. В беседе с металлургами в 1934 г. товарищ Сталин говорил: «Мы пошли открыто и сознательно на неизбежные при этом издержки и перерасходы, связанные с недостатком технически подготовленных людей, умеющих обращаться с машинами. Правда, у нас наломали за это время немало машин. Но зато мы выиграли самое дорогое — время и создали самое ценное в хозяйстве — кадры»².

Сталинский лозунг «овладеть техникой» стал лозунгом миллионных масс. Сталинградский тракторный завод, испытывавший все трудности индустриализации, своей

работой доказал, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики. Новая техника вопреки злым предсказаниям врагов Советской страны была освоена, и первенец пятилетки — Сталинградский тракторный — выполнил свой долг перед страной.

Вот почему первый в истории Советского Союза тракторный завод сыграл такую выдающуюся роль в решении задачи индустриализации нашей страны.

Магнитострой. Огромный размах нового строительства вызвал острую и всё нарастающую нужду страны в металле. Вопросы развития металлургической промышленности, и в первую очередь чёрной металлургии, всё больше выдвигались на первый план. Металл нужен был для того, чтобы всдвигать цехи заводов, прокладывать рельсовую колею Турксиба, выпускать 144 трактора в день на Сталинградском тракторном заводе. Между тем к началу периода индустриализации в стране было серьёзное отставание чёрной металлургии. Если в целом по промышленности довоенный уровень был достигнут к 1926 г., то в области чёрной металлургии — только в 1929 году.

В своём докладе на XVI съезде партии товарищ Сталин говорил: «Имейте в виду, что мы достигли довоенной нормы производства чугуна и перевыполняем её только в текущем 1929/30 году. Это большая угроза для всего нашего народного хозяйства. Чтобы ликвидировать эту угрозу, надо наладить форсированное развитие чёрной металлургии»³.

Основной угольно-металлургической базой нашей страны в этот период, как и до революции, был Донбасс. В первые годы индустриализации старые промышленные районы росли особенно быстро, так как здесь можно было в полной мере использовать исторически сложившиеся преимущества. Освоение новых районов до начала первой пятилетки и даже в первые годы пятилетки шло ещё очень медленно. Однако установка на форсированное развитие окраин нашей страны была дана сразу же при выработке плана первой пятилетки. Новое размещение производительных сил, индустриализация окраин были основными задачами при разработке перспективного плана развития промышленности.

Огромные рудные богатства Урала, и в частности горы Магнитной, ещё до революции привлекали внимание промышленников. Но строительство крупных металлургических заводов здесь тормозили трудности двойного рода.

Старейшая в России уральская металлургия была технически чрезвычайно отсталой. Она работала исключительно на древесном угле. Выплавка чугуна на Урале в конце XIX — начале XX в. составляла 28% общей выплавки. На долю юга России (Донбасс) приходились остальные 72%. Это соотношение оставалось неиз-

¹ Орджоникидзе Г. Избранные статьи и речи, стр. 268. Госполитиздат. 1939.

² «Правда» от 29 декабря 1934 года.

³ Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 470.

межным до 1917 года. Только в годы гражданской войны и интервенции, когда Донбасс длительный срок находился в руках врага, удельный вес Востока в выплавке чугуна и добыче угля резко повысился. Удельный вес Урала в выплавке чугуна в 1920 г. составлял 71%, в 1921 г. он снизился до 58%, а в 1922 г. — до 39%. Удельный вес добычи угля на Урале и в Кузбассе в 1920 г. составил 24,3%, а в 1921 г. — 19,8% против 7% в 1913 году¹. Чтобы ликвидировать отставание уральской металлургии и использовать огромные рудные богатства Урала, необходимо было не только коренным образом реконструировать старые предприятия, но и построить новые, технически совершенные гиганты металлургии.

Урал, в противоположность Донбассу, не располагал собственной мощной топливно-энергетической базой. В Кузнецком бассейне имеются колоссальные запасы угля (свыше 400 млрд. т, что примерно в 7 раз превышает запасы угля в Донбассе), но угольная промышленность здесь почти не была развита. К началу первой мировой войны Кузнецкий бассейн насчитывал около пятидесяти мелких, примитивно оборудованных шахт, давших в 1913 г. всего 0,8 млн. т угля. Естественно, что возникали серьезные трудности при разрешении вопроса о строительстве новых мощных шахт в ранее совершенно необжитых районах с отсталой техникой. Мало того: сибирский уголь находился от уральской руды на расстоянии свыше двух тысяч километров. Раньше, как правило, железную руду подвозили к углю. С прогрессом техники руда стала определяющим фактором в развитии металлургии, начали подвозить уголь к руде. Разрешение проблемы как будто было найдено, но в условиях капитализма идея Урало-Кузбасса не могла быть осуществлена.

Ленин уже в апреле 1918 г. в своей программной работе «Очередные задачи Советской власти» поставил вопрос об Урало-Кузбассе как об одной из важнейших очередных задач советской власти.

«Подъем производительности труда требует, — писал Ленин, — прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (горф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»².

¹ См. «Урало-Кузнецкий комбинат». Сборник. Соцэкгиз. 1931.

² «Исторический журнал» № 10—11.

В ленинской постановке вопроса об Урало-Кузбассе нельзя не заметить ещё один новый, чрезвычайно важный момент, а именно — связь проблемы Урало-Кузбасса с интересами обороны Советской страны. Не случайно Ленин указывал, что даже после Брестского мира (т. е. после временного захвата Украины немецкими оккупантами) Россия имела возможность создать вторую угольно-металлургическую базу на Востоке. Так, проблема Урало-Кузбасса, как и вся проблема размещения производительных сил и индустриализации страны, с самого начала была неразрывно связана с вопросами дальнейшего укрепления обороноспособности Советской республики.

Тогда же, в апреле 1918 г., ВСНХ предложил Сибирскому обществу инженеров разработать вопрос о создании единой хозяйственной организации, «охватывающей область горно-металлургической промышленности Урала и Кузнецкого каменно-угольного бассейна — путём использования огромных рудных богатств Урала и, в первую очередь, горы Магнитной»³.

Сибирское общество инженеров в период 1918—1921 гг. разработало урало-кузнецкий проект о создании четырёх металлургических заводов производительностью в 820 тыс. т, работающих на кузнецком минеральном топливе.

Проблема Урало-Кузбасса ставилась также и в плане ГОЭЛРО. Но приступить конкретно к её осуществлению и, в частности, к строительству Магнитогорского завода стало возможно только при переходе к индустриализации.

Материалы Сибирского общества инженеров Госплан использовал при разработке первого пятилетнего плана. Но при решении вопроса о создании на Востоке угольно-металлургической базы пришлось столкнуться со злостным сопротивлением врагов, в частности украинских буржуазных националистов, всячески обосновывавших монопольное положение единственной угольно-металлургической базы на юге страны.

Вредители и буржуазные националисты тщетно доказывали, что «нет нигде примеров существования металлургических предприятий, которые работали бы на топливе, доставляемом за 1800 вёрст по железной дороге», что проблема Урало-Кузнецкого комбината является «временной установкой», так как «перевозка сырья и топлива за две тысячи километров всё же не может считаться рациональным модулем, сколько бы при этом ни ссылались на американские образцы».

² Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 453.

³ «Магнитострой. Строительство и эксплуатация Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина». Свердловск. 1934.

Но все эти вражеские «доводы» до конца опроверг и разоблачил товарищ Сталин в своём выступлении на XVI съезде партии: «Сейчас дело обстоит так, что наша промышленность, как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине. По-нятно, что без такой базы немыслима индустриализация страны. И вот такой базой является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и Туркестан? Все данные говорят нам о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой»¹.

Ещё до XVI съезда партии решение ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. «О работе Уралмета» поставило важнейшую задачу — добиться, чтобы «Урал стал главной базой снабжения страны качественной сталью и чугуном». Весной 1930 г. комиссия под председательством В. В. Куйбышева пересмотрела пятилетний план восточных районов и наметила резкое повышение темпов их развития. Так, капитальные вложения в промышленность Урала были определены в 5873 млн. руб. против 1962 млн. руб. по пятилетнему плану, по Сибири — в 2422 млн. руб. против 610 млн. руб., по Казахстану — в 923 млн. руб. против 346 млн. руб., намеченных первоначально².

В соответствии с этими новыми установками были значительно расширены и масштабы Магнитогорского завода, строительство которого развернулось полным ходом в 1929 году. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О строительстве Магнитогорского металлургического завода» так определило значение этого гиганта металлургии: «Народнохозяйственное значение Магнитогорского завода, определяемое его производственной мощностью (2,5 млн. т чугуна с развитием до 4 млн. т), усиливается его географическим расположением на стыке промышленного Урала, цветной металлургии Востока и Казахстана и огромных земельных площадей сельскохозяйственного назначения в Сибири, Казахстане и Средней Азии»³.

Масштабы Магнитогорского завода красноречиво определяет одна только цифра — 2,5 млн. т чугуна в год. Магнитогорский завод должен был работать на кузнецком привозном угле. А чтобы не пустовали вагоны, привозящие уголь и идущие обратно, на другом конце пути, в Кузнецке, начали строить другой гигант металлургии — Тельбесский завод. Эти два завода должны были давать стране 4 млн. т чугуна в год, т. е. продукцию, равную всей довоенной продукции царской России. Непрерывным потоком шла руда горы Магнитной в Кузнецк, уголь Кузбасса — в Магнитогорск. Урал должен был дать Кузбассу 3 млн. т руды в год, Кузбасс Уралу — 4 млн. т угля. Это было связано с большим железнодорожным строительством и постройкой мостов через Обь и Иртыш. Недаром в ходу было тогда двустихие:

«Разбудим гудками сибирскую тишь,
Построим мосты через Обь и Иртыш».

В центре плана Урало-Кузбасса, этого гигантского строительства, стоял Магнитогорский завод. Масштабы Магнитостроя стали в стране синонимом большевистских темпов, синонимом величия во всех областях хозяйства. На помощь Магнитострою, так же как и Сталинградскому тракторному, пришла вся страна. В адрес начальника строительства поступали телеграммы со всех концов Советского Союза от желающих работать на строительстве этого гиганта:

«Магнитострой. Директору мирового гиганта. Я ударник. Имею даже премии за хорошую работу. Желая буксировать Магнитострой, прошу вашего разрешения прибыть на мировой гигант. Ответа не пишите, потому что наша бригада уже снялась из Москвы и едет до вас. Комсомолец Лященко».

Рабочие Магнитостроя получали письма и несколько иного рода, от тех, кто воодушевлён был героическими темпами строительства и всячески хотел помочь, но сам приехать в Магнитогорск не мог.

«Товарищи магнитостроевцы! — говорилось в одном из многих таких писем. — Я работаю телеграфистом на нашей ст. Амосово. Я много читал о вашем героизме. Так вот и представляется мне сибирский мороз, и в нём огни горят. И из морозного тумана поднимаются леса вокруг будущих домен. Вокруг тех самых, что насытят нашу страну железом, сталь которых хлестнёт по крыльям вражеских самолётов, если они задумают на нас налететь. Хотелось мне попасть к вам, но я больной и прикованный к станции... Смотрю я на поезда, хожу по станции и вижу в тупиках на вагонах мелком написано: «Груз Магнитостроя». Или на платформе лежит какая-то железная диковина — я даже и не знаю, что такое, — и опять написано: «Груз Магнитостроя». И стоят эти вагоны... То идёт, другое идёт, а они стоят. Взял я и тайно (не знаю, можно ли так?), только написал я сам плакаты, да и наклеил на

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 540. 9-е изд.

² «Урало-Кузнецкий комбинат», стр. 36.

³ Савельев М. и Поскрёбышев А. Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам, стр. 821. Соцэкгиз. 1931.

вагоны. А написал так: «Товарищ! Здесь срочный груз гиганту металлургии Магнитострою. Не будь преступником перед страной, жаждущей его железа. Проталкивай груз в первую очередь». И что же? Ушли все вагоны. Не показываю я виду, спрашиваю у начальника про них. А он говорит: «На них надпись какая-то неудобная. Неловко их на станции держать». Я про себя посмеялся. Мне стало радостно своей помощи. Захотелось с вами поделиться. Вот и написал. Алексей Барышев».

Таких добровольных помощников и энтузиастов Магнитостроя в нашей стране было очень много. Каждый помогал, как мог, а все советские люди напряжённо следили за ходом гигантской стройки. В марте 1931 г. состоялся общемосковский слёт ударников по вопросу о выполнении январского решения ЦК ВКП(б) о Магнитострое.

Слёт принял следующее решение: «Соружение Магнитогорского и Кузнецкого гигантов является делом большевистской чести для каждого пролетария, для каждого специалиста, преданного делу социалистической стройки»¹. И дальше шёл счёт каждому московскому предприятию-поставщику, что и в какие сроки он должен дать Магнитострою и Кузнецкстрою.

Помощь страны поднимала дух строителей завода. И здесь, как и на Сталинградском тракторном, рабочие показывали чудеса трудового героизма. По окончании строительства Сталинградского завода на Магнитострое появилось немало сталинградцев.

«Плотничья бригада Козлова, награждённого орденом Красного знамени за работу на строительстве Сталинградского тракторного завода, с красным знаменем подымалась на седьмой этаж ЦЭС'а и ставила опалубку при 42 градусах мороза. Лишь раз в смеху спускалась бригада Козлова обедать. С тем же красным знаменем входила она в столовую, обогревалась, обедала ровно час и снова подымалась вверх. Внизу люди жались от холода и поражались мужеству козловцев».

Сталинградцы в Магнитогорске перекрывали свои собственные рекорды.

1 февраля 1932 г., к открытию XVII партийной конференции, с магнитогорской домны № 1 был получен первый чугун. Товарищ Сталин телеграфировал строителям завода: «Телеграф принёс известие об окончании пускового периода и развёртывании первой в СССР гигантской домны, дающей в день свыше 1000 тонн литейного чугуна, а в переводе на передельный чугун — около 1200 тонн в день. Поздравляю рабочих и административно-технический персонал Магнитостроя с успешным выполнением первой части программы завода! Поздравляю с овладением техникой первой в Европе гигантской домны-уникума! Привет ударникам и ударницам Магнитостроя, с боем преодолевшим трудности пуска и

развёртывания домны в условиях зимнего ненастья и с готовностью принимающим на себя основную тяжесть работы по строительству завода! Не сомневаюсь, что магнитогорцы также успешно выполняют главную часть программы 1932 года, построят ещё три домны, мартен, прокат и, таким образом, с честью выполнят свой долг перед страной»².

Так была пущена первая домна Магнитогорска, а к 1 января 1937 г. были введены к эксплуатации все четыре домны завода.

Согласно директивам партии и правительства, в дальнейшем обе угольно-металлургические базы — южная и восточная — должны были развиваться параллельно, но с тем, чтобы Урало-Кузнецкий комбинат к концу второй пятилетки занял в металлургии, по крайней мере, такое же место, какое занимает южная база.

Такие же изменения произошли и в добыче угля. Добыча угля в Донбассе росла из года в год. Но удельный вес Донбасса в угледобыче уменьшился с 77,5% в 1927—1928 г. до 69,9% в 1932 г., 53,9% в 1937 г. и должен был составить 46,2% в 1942 году.

Роль второй угольно-металлургической базы на Востоке в экономике страны возрастала с каждым годом. Значение этого факта для укрепления обороноспособности страны уже в те годы поняли отдельные, вдумчивые наблюдатели за рубежом. Крупнейший политический деятель Франции, Эррио, посетивший в 1933 г. вторично Советский Союз, в своей книге «Восток» уделил очень много внимания Урало-Кузбассу. «Украина, — писал он, — является базой металлургической промышленности и добычи угля для Советского Союза. Но теперь уж и этот источник кажется недостаточным. Теперь приступают к эксплуатации недр Урала — одной из богатейших в мире областей, где находятся залежи почти всех минералов, но преобладает, в особенности на восточном склоне, железная руда. В двух тысячах километров от этой сокровищницы — залежи Кузнецкого бассейна, содержащие огромные запасы каменного угля. Советская власть намеревается комбинировать уральскую руду с коксующимся углем Сибири. Можно надеяться, что один только Урал даст в 1937 г. 20 млн. т чугуна. Если это предположение оправдается, Советский Союз станет одной из первых стран в мире в области металлургии. Гора Магнитная содержит огромные рудные богатства, эксплуатация которых не представляет никаких трудностей. Она становится центром кипучей деятельности».

С особым чувством Эррио писал о строительстве кузнецких заводов в труднейших климатических условиях Сибири:

¹ «Москва—Магнитострою», стр. 24. Изд. ВЦСПС. 1931.

² «Правда» от 30 марта 1932 года.

«Даже не коммунисту и человеку, принадлежащему к старому миру, нетрудно понять, если только не обладать совершенно иссушенным рутинной мозгом, энтузиазм тех, кто создал такое строительство».

Анализируя данные об Урало-Кузбассе, Эррио говорил о всё более явственной тенденции «к перемещению на Восток экономической базы Союза. Угольный и металлургический Урало-Кузнецкий бассейн должен для Сибири играть такую же роль, какую Донецкий бассейн играет на западе... Индустриализация восточных областей идёт очень быстрыми темпами. К естественным причинам присоединяются также и соображения стратегического порядка, разобраться в которых нетрудно. Сибирь должна стать большим арсеналом».

И в заключение—общий вывод о впечатлении, которое осталось у Эррио после посещения Советской России в 1933 г.: «Со своей мощной промышленностью Советский Союз может предоставить своей армии такие возможности, что относиться к этой армии надлежит с величайшим уважением».

В конце 20-х и начале 30-х годов в СССР, кроме Днепростроя, Турксиба, Сталинградского тракторного и Магнитостроя, строилось много других крупнейших предприятий. К концу 1931 г. были сданы в эксплуатацию Харьковский тракторный завод, Горьковский автомобильный завод, реконструированы полностью завод АМО в Москве (завод имени Сталина) и многие другие предприятия. Но перечисленные выше четыре стройки были первыми крупнейшими стройками страны. Они представляли основные звенья индустриализации — электроэнергию, транспорт, металл, топливо, машиностроение (тракторостроение). В этих стройках наиболее конкретно и наглядно воплотилась генеральная линия партии на индустриализацию нашей страны.

На V съезде советов СССР, в мае 1929 г., был утверждён первый пятилетний план развития народного хозяйства. Это был великий план переустройства страны, который в корне менял её прежний облик. На сцене Большого театра в Москве, где происходил съезд, докладчик Г. Кржижановский демонстрировал электрифицированную карту первой пятилетки. По ходу доклада места новостроек, электростанций, железных дорог освещались лампочками. Когда в конце доклада Г. Кржижановский сказал: «Прошу осветить карту! Дайте электростроительство! Дайте топливо! Транспорт, металл, текстиль, химию!» — карта расцветилась сотнями разнообразных огней, и перед взорами делегатов съезда предстала наша

страна такой, какой она должна была стать по большевистскому, сталинскому плану первой пятилетки. Огромное волнение охватило зал. Делегаты встали со своих мест, звуки пролетарского гимна потрясли здание театра, и с особым смыслом звучали слова гимна: «Мы наш, мы новый мир построим!»

Прошло не пять, а только четыре года, и то, что на карте было помечено символическими звёздочками, квадратами, треугольниками, то, что было раньше планом, стало действительностью. К концу 1932 г. Магнитогорский завод давал стране 343 тыс. т чугуна, Кузнецкий завод — 243 тыс. тонн. 15 домен, построенных в период первой пятилетки, выплавляли в сутки 7 тыс. т чугуна. Новые тракторные и автомобильные заводы и заводы комбайнов дали к концу 1932 г. 27 550 автомобилей, 105 850 тракторов, 13 500 комбайнов. В январе 1933 г. на Макеевском заводе был пущен первый блюминг, а с конвейера Тракторного завода в Сталинграде сошёл 50-тысячный советский трактор. Задача индустриализации страны была выполнена в максимально короткий исторический срок.

На XV съезде товарищ Сталин говорил: «Наша страна становится индустриальной страной». На XVI съезде партии эта формулировка была дополнена указанием, что страна находится «накануне превращения из аграрной в индустриальную». На январском пленуме ЦК партии можно было уже констатировать, что «наша страна из аграрной стала индустриальной», а на XVII съезде партии стало возможным подвести окончательные итоги: «Страна наша стала прочно и окончательно индустриальной страной». В это время удельный вес промышленности в экономике страны составлял уже 70,4%, а сельского хозяйства — 29,3%.

Эти четыре основные формулировки товарища Сталина определяют путь борьбы за индустриализацию, этапы и вехи этой борьбы. Победа сталинского плана индустриализации вместе с тем означала успешное выполнение важнейшего ленинского указания — успеть осуществить индустриализацию до возможного грядущего нападения агрессивных капиталистических стран на Советский Союз. Недаром сейчас, в ходе войны, мы говорим о сталинской политике индустриализации как о политике, спасшей родину в её борьбе против своего злейшего врага — германского фашизма. Ибо одним из решающих факторов нашей победы в Великой отечественной войне являлась и является могучая советская индустрия, созданная трудящимися нашей страны под руководством партии и товарища Сталина в годы великих сталинских пятилеток.

БОРЬБА С КРИЗИСОМ ВООРУЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1915—1916 ГОДАХ*

Проф. Моск. ун-та А. Сидоров

Русско-японская война выявила слабые стороны военно-технического оснащения русской армии и её тактической подготовки. С трибуны Государственной думы помощник военного министра генерал Поливанов так охарактеризовал в 1912 г. состояние армии того времени: «Армия была лишена тогда многого для нас необходимого... Тогда, в 1908 году, не хватало почти половины комплекта обмундирования и снаряжения, потребных для выхода в поле армии военного состава, не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; совсем почти не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывали как опыт войны, так и пример соседних государств: не было гаубиц, пулемётов, горной артиллерии, полевой тяжёлой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т. е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии, скажу коротко: в 1908 году наша армия была небоеспособна»¹.

В 1908 г. Государственная дума ассигновала первые чрезвычайные кредиты на пополнение материальной части армии и создала комиссию государственной обороны, во главе которой стоял вождь октябристов Гучков. Между комиссией обороны и генералитетом армии, в особенности с одной его частью, которая понимала необходимость технических новшеств, установился тесный контакт. Генералы, как рассказывал член комиссии обороны монархист Крупенский, «проявили полную готовность нас о всём ознакомить»², а члены комиссии обороны, со своей стороны, «всей душой стремились помочь к широкому развитию военной мощи»³.

* Сокращённая глава из исследования автора об экономическом развитии России в период первой мировой войны и о политике царского правительства.

¹ Государственная дума 3-го созыва, сессия V, ч. 3-я, заседание 105, 13 апреля 1912 года.

² Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), ф. 46, д. № 32, л. 88. Протокол допроса Крупенского 12 сентября 1915 г. Верховной комиссией.

³ Там же.

Даже у военного министра генерала Сухомятина не было особых претензий к Государственной думе. Она отпускала средства и утверждала выработанные правительством законопроекты. В 1910 г. Государственная дума утвердила выработанный военным министерством проект реорганизации армии, в котором был учтён опыт русско-японской войны⁴.

Для осуществления намеченных мероприятий на предстоящее десятилетие требовалось 715 млн. руб.⁵ чрезвычайных кредитов, из них больше половины (388 млн. руб.) — на реорганизацию крепостей, 132 млн. руб. — на пополнение материальной части, 81 млн. руб. — на тяжёлую артиллерию и 114 млн. руб. — на стратегические шоссе. Этот план далеко не исчерпывал потребностей армии. Тем более он не уравнивал в отношении артиллерии русскую армию с передовыми европейскими армиями. В плане отражалась недооценка значения техники в предстоящей войне. Потребности военной промышленности (в частности казённых военных заводов) почти полностью игнорировались. Артиллерийские запасы были определены из расчёта тысячи выстрелов на орудие. Неоднократные попытки Генерального штаба добиться в 1912—1913 гг. увеличения нормы запасов до 1,5—2 тыс. выстрелов на орудие не встречали поддержки и отклонялись по финансовым соображениям⁶. Ограниченные финансовые возможности и распоряжения правительства заставляли военное ведомство выработать скромную программу реформ и растягивать её осуществление на много лет. Вместе с этим военное министерство допустило грубейшие ошибки. Оно считало, что запасов по тысяче выстрелов на пушку хватит на год большой европейской войны. В продолжительную войну тогда не верили не только

⁴ ЦВИА, ф. 46, д. № 23, лл. 98—108. Извлечение из записки военного министерства «О мероприятиях до государственной обороне».

⁵ Кроме уже отпущенных в 1908—1910 гг. 167 млн. рублей.

⁶ ЦВИА, ф. 46, д. 36, лл. 14—28. Письмо кн. Жилинского из Шантильи председателю Верховной комиссии.

большинство русских генералов, но и крупные военные специалисты европейских армий. Военное министерство не учитывало, что война с Германией и Австрией не будет походить на войну с Японией, а потребует большого напряжения всех сил страны.

В 1913 г. военное министерство выработало новый план усиления армии, известный под именем «Большой военной программы», который предполагалось осуществить к середине 1917 года. Но и по этому плану мобилизация всей промышленности на случай войны не была предусмотрена. Численность регулярных войск предполагалось увеличить на одну треть (около 500 тыс. человек), значительно усиливалась артиллерия, особенно тяжёлая. Государственная дума утвердила этот законопроект лишь в июне 1914 года. Следовательно, к началу мировой войны старый план, 1910 г., реорганизации армии не был осуществлён почти наполовину, а к выполнению нового плана ещё не приступали. В таком состоянии русскую армию застала война. Допущенные правительством и военным министерством ошибки повлекли за собой тяжелейшие последствия для армии. Все мобилизационные запасы были израсходованы за четыре месяца, а не за год, и к началу 1915 г. армия оказалась без винтовок, артиллерийских снарядов и патронов. Ни Ставка, ни правительство не отдавали себе полностью отчёта в глубине кризиса с вооружением и готовились к наступательным операциям.

Весной 1915 г. стратегические планы русского командования раздваивались. Главнокомандующий югозападным фронтом генерал-адъютант Иванов настойчиво добивался в Ставке утверждения своего плана — наступления через Карпаты в Венгрию и усиления своего фронта за счёт людских и материальных резервов Ставки и северозападного фронта. Новый главнокомандующий северозападным фронтом генерал Алексеев настаивал на развитии наступления с левого берега Вислы на Берлин. Он настойчиво доказывал, что «с Вислы мы достигнем Берлина скоро, с меньшей затратой времени, с меньшими жертвами, с большей безопасностью»¹. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич утвердил оперативный план генерала Иванова, поставив тем самым оборонительные задачи перед северозападным фронтом. Генерал Иванов рассчитывал, что успешное наступление через Карпаты «окажет существенное влияние на ход событий на всём театре войны»².

Но наступление югозападного фронта задерживалось из-за недостатка свежих войск и снарядов. В начале апреля наступление совсем прекратилось. Этим восполь-

зовались немцы: собрав мощный кулак под командованием Макензена, они прорвали фронт 3-й русской армии.

При первых же известиях о наших неудачах на Карпатах в связи с наступлением Макензена военный министр Сухомлинов осудил все планы Ставки, назвав их авантюрой. «Очень нужна была эта авантюра»³, — писал он в дневнике от 21 апреля. Военные неудачи и последовавшие взрывы ряда боевых складов вызвали напряжённую обстановку в правительственных верхах — в Совете министров, в Военном совете. Ставка настойчиво требовала снарядов и усиления снабжения армии.

Наступательная операция через Карпаты требовала огромного количества снарядов, патронов, оружия. «Авантюризм» стратегического плана русского наступления заключался вовсе не в том, что было выбрано неудачное направление для наступления, а в том, что наступательные планы не были обеспечены материально. «Основной стратегической ошибкой русского командования, — говорится в введении к сборнику документов Генштаба, — в горлицкой операции является, с одной стороны, стремление предпринять крупную наступательную операцию в Венгрию без соответствующего материального обеспечения её, с другой стороны, полное игнорирование основного правила всяких боевых действий — закрепления за собой занятых районов»⁴.

Русское командование было осведомлено о переброске германских войск для поддержки австрийцев, но оно не представляло себе действительного положения сь снарядами. Военный министр меньше других старался открыть Ставке глаза на положение дела. В дневнике Сухомлинова 29 марта имеется запись: «Если верно, что снарядов у нас мало, то надо обороняться, а не наступать, да ещё при таких условиях»⁵. Но, попав через день в Ставку, Сухомлинов остался доволен отличным настроением верховного главнокомандующего и ни одним словом не обмолвился ни об отсутствии снарядов, ни об оборонительных действиях, сторонником которых он являлся.

Весна и лето 1915 г. были самым тяжёлым периодом в снабжении армии снарядами и винтовками. Боевые запасы были исчерпаны, а производство их ещё не было организовано. Военный министр не чувствовал себя ответственным за дело снабжения армии. «Верховный командующий требует энергичной доставки снарядов личной телеграммой на моё имя, между тем как этим делом поставлен заниматься

¹ Бонч-Бруевич В. Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. 1-я, стр. 85. М. 1921.

² «Горлицкая операция». Сборник документов, стр. 26. 1941. Изд. Генштаба. Данилов Ю., ген. Россия в мировой войне, стр. 306—308. Берлин. 1924.

³ ЦВИА, ф. 46, д. 31. Дневник Сухомлинова, запись от 21 апреля 1915 г. (Дневник Сухомлинова повсюду по старому стилю. Дневник впервые используется нами.)

⁴ «Горлицкая операция». Сборник документов, стр. 24.

⁵ Дневник Сухомлинова, запись от 29 марта 1915 года.

генерал-инспектор артиллерии с особыми полномочиями. Моем вмешательством могу только теперь напортить»¹. Военный министр беспокоился не об отсутствии снарядов, а о том, что начальник штаба Ставки телеграфировал о доставке снарядов председателю Совета министров «в неподобающем тоне»².

В этой обстановке буржуазия стала поднимать голову, пытаясь оказать влияние на решение этих вопросов. В армию поехали члены Государственной думы — Родзянко, Гучков и др., — чтобы ознакомиться с положением дел на месте. Эти поездки расценивались Сухомлиновым как опасные для существующего строя: «А. И. Гучков основательно запускает свои лапы в армию. В Ставке могут этого не знать и никаких мер против этого не принимают, — не придавая никакого, очевидно, значения экскурсии Гучкова с членами Государственной думы. По-моему, это может создать очень опасное положение для существующего государственного нашего строя»³.

В Ставке не только не считали «опасными» эти визиты лидеров буржуазии, но очень внимательно прислушивались к советам Родзянко, Гучкова и других, выразивших настойчивое желание промышленников и банкиров поскорее взяться за мобилизацию промышленности для выполнения военных заказов. В этом духе были составлены Путиловым, Литвиновым-Фалинским и др.⁴ переданные в Ставку «предложения отечественной промышленности». Ставка очень мало надеялась на военного министра и обращалась большей частью непосредственно к председателю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, во главе которой стоял опытный артиллерист великий князь Сергей Михайлович. Этот орган создан был с целью помочь военному министру выправить кризисное положение с вооружением и боеприпасами, но был лишён широких полномочий и не располагал большими экономическими возможностями.

Ещё в феврале 1915 г. главнокомандующий обратился со следующей телеграммой к Сергею Михайловичу: «Положение очень серьёзное. Недосток пушечных патронов критический, подача замедлена. Фронт нервно настроен возможностью серьёзной неудачи от недостатка патронов. Нужны сверхмеры. Прошу ваше высочество потре-

бовать энергичной работы заводов и мастеровских»⁵.

В ответ на эту просьбу были приняты меры по скорейшей отправке снарядов с заводов и по усилению производства снарядов как на казённых, так и на частных заводах. Но проект общей мобилизации промышленности провалился, дело снабжения армии не выходило за пределы военного ведомства, работавшего темпами мирного времени, буржуазные организации и промышленники оставались в стороне.

Прошло два месяца. Развернулись серьёзные бои на югозападном фронте. Между тем армия переживала сильнейший кризис в снабжении оружием и боеприпасами. Требования Ставки усилить поставку снарядов стали ещё более настойчивыми. 21 апреля 1915 г. Ставка верховного главнокомандующего просила председателя Особой распорядительной комиссии сообщить, насколько ухудшилось положение с выпуском снарядов в результате взрыва на Охтенском пороховом заводе, какие меры приняты, что из боеприпасов предполагается получить из-за границы. «Наступают события, требующие особой интенсивной работы снабжения... Требую самых энергичных сверхмер для обеспечения армии. Генерал-адъютант Николай».

Ответ на эту телеграмму был не особенно утешителен: из Франции лишь «обещают» выслать первую партию патронов, в Англии ничего не предъявлено к сдаче нашим приёмщикам, винтовок будет изготовлено в апреле около 45 тысяч. Главным артиллерийским управлением принимались меры к ускорению, «и главное к расширению всех производств», что могло дать заметные результаты лишь через несколько месяцев. Так обстояло дело со снабжением армии, когда немцы и австрийцы перешли в контрнаступление.

26 апреля 1915 г. вновь поступила телеграмма верховного главнокомандующего, в которой говорилось, что никакого улучшения в снабжении армии патронами не произошло. «Подобное положение недопустимо, — отмечалось в телеграмме. — Обстановка требует проявления сверхэнергии, и не проявление её ляжет на ответственность Главного артиллерийского управления. Прошу Ваше императорское высочество принять все меры и оказать всё своё личное влияние»⁶. Обсуждение этой телеграммы в Распорядительной комиссии по артиллерийской части показало, что существовавшие военные казённые заводы работали с максимальной нагрузкой, а некоторые, как петербургский трубочный завод, пороховые и па-

¹ Дневник Сухомлинова, запись от 26 апреля 1915 года.

² Там же, запись от 12 мая 1915 года.

³ Там же, запись от 15 апреля 1915 года.

⁴ ЦВИА, ф. 369, д. № 1. Об учреждении Особого совещания, лл. 1—3. Телеграмма великого князя Николая Николаевича от 13 марта 1915 года.

⁵ ЦВИА, ф. 46, д. № 6. Верховная комиссия, лл. 8—9. Письмо генерала Петрова великому князю с просьбой сообщить, что им принято в связи с телеграммой верховного главнокомандующего от 20 февраля 1915 года.

⁶ Там же, лл. 10—15. Ответ вел. кн. Сергея Михайловича председателю Верховной комиссии.

тронные заводы, работали «на пределе риска, непоправимого несчастья». Поэтому дальнейшее увеличение производительности заводов зависело лишь «от ожидаемых прибытий станков».

Ни в телеграммах Ставки, ни в ответах Главного артиллерийского управления и Распорядительной комиссии ещё не было никаких указаний на привлечение частной промышленности к снабжению армии. Такое положение не обещало скорого улучшения дела. Ставка поняла это скорее, чем правительство и военный министр. Поэтому там не видели ничего подозрительного в поездках на фронт Гучкова и Родзянко. С ними не только разговаривали, но выслушивали их резкую критику Сухомлинова и решили поддержать их предложение о более смелом привлечении частной промышленности к работе по вооружению армии. Различные источники согласованно рассказывают об этих визитах Родзянко в Ставку. Генерал Янушкевич, бывший по роду своей службы в курсе взаимоотношений Ставки с буржуазией, в своих показаниях Верховной комиссии проливал свет на причины возникновения Особого совещания и отставку ген. Сухомлинова. Во время своих визитов М. В. Родзянко «продолжал со свойственной ему горячностью утверждать, что весь корень зла, вся причина недостаточного снабжения заключается в несоответствии генерала Сухомлинова занимаемому им посту военного министра, в его бездействии, в его нежелании напрячь силы и обратиться к содействию общества в этом трудном деле»¹. В начале мая 1915 г. Родзянко прибыл в Ставку в сопровождении представителей промышленности — Путилова и Литвинова-Фалинского. После объяснения с ними и Родзянко, рассказывает Янушкевич, «я остановился на мысли учредить Особое совещание под председательством военного министра из представителей заинтересованных ведомств, но с обязательным участием в Совещании и членов законодательных учреждений, чтобы с одной стороны поставить будущие меры под контроль представителей общества, а с другой стороны предоставить последним возможность не только критиковать, но и активно действовать»². Эта идея получила одобрение как со стороны верховного главнокомандующего, так и царя. На этот раз между Ставкой и буржуазией было достигнуто соглашение об организации особого органа по снабжению армии, в состав которого должны были войти представители Государственной думы, Государственного совета, промышленности и банков. Этим соглашением предreshался вопрос об отстав-

ке Сухомлинова, работать с которым представители думских кругов не хотели. Его отставка несколько затянулась.

В телеграмме верховного главнокомандующего военному министру от 13 мая 1915 г. была преподана новая широкая программа деятельности. «Наиболее надёжное решение возможно было бы осуществить,—говорилось в телеграмме,—учредив под вашим председательством Совещание из председателя Государственной думы с четырьмя её членами, представителями промышленных групп, пригласив в первую очередь господ Путилова, Литвинова-Фалинского и затем других, по мере надобности, и из пяти компетентных представителей военного ведомства по вашему усмотрению. Для развития поставки снарядов, орудий, патронов и ружей вам предоставляется право привлечения к работе всех частных заводов до реквизиции их запасов и станков включительно, право испрошения и незамедлительного открытия кредитов и, в случае признания Совещанием необходимости, отпуска безвозвратных ссуд на оборудование новых мастерских и заводов, с подчинением этих расходов последующему государственному контролю. По докладе о сем его величеству благоугодно было вышеизложенные предложения утвердить и повелеть незамедлительно приступить к проведению их в жизнь. Уверен, что ваше высокопревосходительство, зная то значение, которое имеет для хода военных действий своевременное и обильное снабжение вооружением и боевыми припасами, проведёте эту меру со сверхэнергией. Каждый день промедления может иметь непоправимые последствия»³.

Во время пребывания великого князя Сергея Михайловича в Ставке ему дополнительно дано было указание, о чём он и поставил в известность военного министра, «чтобы артиллерийское ведомство оказывало содействие промышленной группе, организуемой председателем Государственной думы — Родзянко». Великий князь Сергей Михайлович в своём письме говорит о новой группе промышленников, которая будет даже распределять заказы между заводами.

Предложение верховного главнокомандующего об организации Совещания было утверждено царём, но с некоторыми изменениями. Видимо, не надеясь на Сухомлинова, верховный главнокомандующий 19 мая самостоятельно вошёл с докладом к царю об учреждении Особого совещания⁴. Военный министр сделал это же лишь 21 мая. В предложениях военного министра есть некоторое уточнение программы деятельности Совещания, изложенной Ставкой. Военный министр просил расширить права Совещания, передав в его ведение не только вопросы артиллерийского

¹ ЦВИА, ф. 46, д. № 50, лл. 225—231. Показания ген. Янушкевича от 19 сентября 1916 года.

² ЦВИА, ф. 46, д. № 50, лл. 225—231. Одновременно буржуазия поставила вопрос о привлечении промышленности к работе на войну на IX съезде представителей промышленности и торговли, где по инициативе Рябушинского было решено организовать военно-промышленные комитеты.

³ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 1, лл. 1—3. Телеграмма генерал-адъютанта Николая военному министру.

⁴ Там же, л. 5. В деле имеется копия этого представления.

снабжения, но также инженерного и интендантского. Он просил ввести дополнительно в Совещание трёх представителей морского министерства и по одному представителю от министерства финансов и государственного контроля. Он считал необходимым выдачу кредитов и безвозвратных пособий распространить не только на организацию новых заводов и мастерских, но и на расширение существующих¹.

На этом организационный период, связанный с созданием Совещания, не закончился. Совет министров, устранённый от подготовительной работы, не был согласен с тем, что вповль созданное Совещание было наделено столь исключительными правами, делавшими его независимым от военных и гражданских властей. Он рассматривал Совещание как одну из обычных междуведомственных комиссий, которые годами разрабатывают проекты и незаметно ликвидируются.

Из положения о Совещании, представленного военным министром на утверждение Совета министров 26 мая 1915 г., были исключены пункты о широких правах Совещания. Началась переписка между военным министерством и председателем Совета министров².

Военный министр доказывал, что права Особого совещания не меньше, чем права Военного совета, и решительно выступал против их умаления. Уменьшение прав Совещания явилось бы «безусловно недопустимым уклонением от высочайшего предначертания», и нужды в таком органе не было бы. Совет министров решил подчинить себе Особое совещание и по другой линии. В случае разногласия председателя Особого совещания с членами его военный министр должен был апеллировать к царю «на общем, через Совет министров, основании». Это притязание Совета министров военным министром решительно отклонялось. Сухомлинов писал председателю Совета министров Горемыкину: «Особое совещание должно занимать в отношении заготовлений для нужд действующей армии исключительное положение и отнюдь не может быть подведомственно, в пределах предоставленных ему прав, Совету министров»³. Решения Особого совещания не подлежали обсуждению ни гражданских, ни военных властей, за исключением верховного главнокомандующего, и должны были ими беспрекословно выполняться.

28 мая 1915 г. Сухомлинов отправил второе письмо на имя И. Л. Горемыкина. В нём приводились дополнительные аргу-

менты в защиту исключительных прав Совещания. Военный министр указывал, что идея организации этого Совещания принадлежала председателю Государственной думы и была утверждена верховным главнокомандующим в Ставке, где были выработаны и утверждены принципиальные основания для его работы. «Между тем, вносимой Советом министров поправкой мысль, положенная в основание при испрошении высочайшего соизволения на образование Совещания, будет вкорме изменена и таким образом будет допущено уклонение от высочайшего предначертания»⁴. Доводы Сухомлинова в защиту чрезвычайных полномочий Совещания носили характер прямой угрозы. Он говорил, что «члены законодательных палат не захотят оставаться в составе Совещания», если ему будет придан обычный характер междуведомственной комиссии; без них же Совещание потеряет своё значение и, «как мне представляется, должно быть тогда упразднённым»⁵, — писал военный министр.

Потребовалось ещё два заседания Совета министров, чтобы договориться окончательно относительно компетенции Совещания. Доводы Сухомлинова были приняты, и Совет министров согласился с его предложением создать второе «государство в государстве».

Совет министров, говорится в журнале заседания, «ввиду исключительного значения, придаваемого с точки зрения обеспечения интересов снабжения армии, военным министром во всей полноте заявленных им ныне предположений, не счёл себя вправе настаивать на каких-либо в данной области возражениях»⁶.

Однако министр внутренних дел Маклаков заявил своё несогласие с решением о неравном представительстве в Совещании от Государственной думы и Государственного совета. От Государственной думы, кроме четырёх членов, был представлен ещё и председатель — Родзянко; от Государственного совета были лишь четыре члена. В этом факте министр внутренних дел усмотрел коренное нарушение «закона» и потребовал усиления представительства от Государственного совета. Совет министров хотя и счёл «вескими» возражения Маклакова, но не поддержал его. Однако возражения эти были доложены царю. Лишь 7 июня был закончен «организационный» период Совещания — царь утвердил журнал Совета министров. Военное ведомство отстояло исключительно широкие полномочия Особого совещания.

14 мая 1915 г. состоялось первое заседание Особого совещания под председательством военного министра генерала

¹ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 29—30. Имеется пометка Сухомлинова о согласии царя, данном 21 мая 1915 года.

² Там же, д. № 1, лл. 67—70. Письмо воен. мин. Горемыкину от 21 мая. В деле есть и второе письмо Сухомлинова, посланное Горемыкину в тот же день дополнительно к первому.

³ Там же.

⁴ ЦВИА, ф. 369, д. № 1, лл. 72, 73.

⁵ Там же.

⁶ Там же, лл. 96—101. Особый журнал Совета министров от 26 и 29 мая и 2 июня 1915 года. Утверждено царём 7 июня 1915 года.

Сухомлинова. На этом заседании присутствовали: председатель Государственной думы М. В. Родзянко, члены Государственной думы — А. Д. Протопопов, И. И. Дмитриуков, Н. В. Савич; от военного министерства — генерал-инженер А. П. Вернандер, генерал от инфантерии М. А. Беляев, генерал-лейтенанты: А. С. Лукомский, А. А. Маниковский, Е. К. Смысловский; от «частной промышленности» были приглашены А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский. Основной тон обсуждения на этом заседании передаёт запись Сухомлинова в его дневнике: «Председатель Государственной думы громил Главное артиллерийское управление, предлагал распоряжаться вне всяких законов и вешать кого угодно, не исполняющих моих распоряжений»¹. Этот свой тон Родзянко, по заявлению Сухомлинова, сохранял и на втором заседании Совещания: «Родзянко не может успокоиться и всё шельмует Главное артиллерийское управление»². Разумеется, Родзянко не предлагал никого вешать, но он действительно обрушился на военное министерство и требовал от его руководителя решительных действий. Журналы Особого совещания дают возможность более подробно проследить борьбу мнений в Совещании и те атаки, которые представители буржуазии вели против военного ведомства и в первую очередь против самого Сухомлинова.

На первом же заседании представители буржуазии поставили на обсуждение вопрос о недостаточном привлечении частной промышленности к работе на армию. Представители военного ведомства заверили, что ими «принимаются все меры к привлечению частной промышленности к выполнению казённых заказов, поскольку производительность их может быть для ведомства использована, а также меры к устранению излишней волокиты, в том числе и указания заводам об имеющихся быть предъявленными к ним требованиях по завершению уже данных заказов»³. Они обещали устранить имеющиеся «некоторые недочёты» и усилить деловой контакт с частной промышленностью. В журнале Совещания сглаживаются некоторые характерные высказывания отдельных лиц. Всё же, как видно из его текста, представители промышленности требовали «коренного изменения существующих между военным ведомством и частными предприятиями соотношений»⁴. Промышленники настаивали прежде всего на широком привлечении не только отдельных заводов, но всей промышленности к работе на армию, а также на составлении плана «объединённой работы частных заводов». Про-

мышленники указали на трудности расширения деятельности частных заводов. Главными из них были «недостаток на внутреннем рынке необходимых металлов», трудности их доставки из-за границы и затруднения в перевозке грузов по железным дорогам. Всё заседание было посвящено выяснению вопроса о плане заказов военного ведомства. Этот план поручено было выработать Главному артиллерийскому управлению «совместно с представителями объединённой группы промышленников». Это была крупная победа буржуазии, добившейся права решать в качестве равноправной стороны все вопросы материального обеспечения армии. Хотя в Совещании большинство принадлежало генералам, но и они уже понимали, что без тесного сотрудничества с буржуазией не удастся быстро улучшить положение со снарядами и вооружением.

Вопросы о сотрудничестве промышленников с правительством и план заказов были в центре внимания второго заседания Совещания, 18 мая 1915 года. На этом заседании были установлены сроки выдачи военных заказов — июнь 1916 года⁵. Что касается программы, то Главное артиллерийское управление обязано было представить полную картину «потребности армии в предметах артиллерийского снабжения в целом их виде и деталях составных частей таковых, на основании данных Генерального штаба и содержащих в себе сведения о том, в какой мере эта потребность удовлетворяется казёнными и частными заводами или путём заграничных заказов, по периодам на каждый месяц»⁶. Правительство вынуждено было открыть перед буржуазной частью Совещания все военные секреты и представить исчерпывающие данные о положении дела с боевым снабжением армии.

Ввиду предстоявшей мобилизации ратников 2-го разряда военное ведомство сообщило, что, помимо железнодорожников и почтовиков, «освобождены будут рабочие специалисты на частных заводах, изготавливающих предметы обороны»⁷. Это была также важная уступка буржуазии. Первые мобилизации достаточно опустошили кадры квалифицированных рабочих на заводах.

Привлечение частной промышленности к работе на армию очень быстро дало положительные результаты. Московский областной военно-промышленный комитет провёл анкетное обследование предприятий, работавших на оборону, по состоянию на

¹ ЦВИА, ф. 46, д. № 106. Дневник Сухомлинова, запись от 14 мая 1915 года.

² Там же, запись от 17 мая 1915 года.

³ ЦВИА, ф. 379, оп. 1, д. № 49. Журнал заседаний Особого совещания № 1 от 14 мая 1915 года.

⁴ Там же.

⁵ Позднее сроки выдачи военных заказов были продлены до 1 июня 1917 г., а потом и до конца года.

⁶ ЦВИА, ф. 379, оп. 1, д. № 49. Журнал заседаний Особого совещания № 2 от 18 мая 1915 года.

⁷ Журнал заседаний Особого совещания № 2 от 18 мая 1915 года.

1 июля 1915 года¹. Оказалось, что в пределах области, объединявшей ряд губерний Центральной России, уже работали на армию 493 предприятия. Из них обработкой металла были заняты 125 предприятий, хлопка — 104, шерсти — 39, льна, пеньки, шёлка и других текстильных изделий для армии были заняты 86 предприятий. Далее шли предприятия, занятые обработкой животных продуктов, питательных и вкусовых веществ.

Необходимо было заняться разрешением существенного вопроса о химических продуктах для вооружения и производстве взрывчатых веществ. В стране не хватало пороха, пироксилина, толуола. Приходилось закупать эти продукты в огромном количестве в Америке, поэтому Совещание торопилось организовать их производство на частных и казённых заводах внутри страны. Артиллерийское ведомство вынуждено было оказывать содействие частным заводам в приобретении в Америке пироксилина, организовать перевозку рабочих и материалов для постройки порохового завода частным предпринимателем Барановским, командировать своих специалистов на частные предприятия, следить за изготовлением частными заводами механизмов и станков, необходимых для производства пороха.

С ходом производства взрывчатых веществ Совещание более подробно ознакомилось в конце июля. Из доклада генерал-майора Ипатьева выяснилось, что ежемесячная потребность во взрывчатых веществах достигала 165 тыс. пудов, а внутреннее производство в сентябре 1915 г. ожидалось лишь в 60 тыс. пудов. Кроме того 67 тыс. пудов должно было поступить по заграничным заказам. Всё же нехватка взрывчатки была очень велика. По мнению генерал-майора Ипатьева, добиться больших результатов по изготовлению взрывчатых веществ в России затруднительно ввиду отсутствия в России сырого материала для приготовления серной кислоты. Впоследствии была создана специальная комиссия по вопросам химического производства под председательством генерал-майора Ипатьева, много сделавшая для организации производства взрывчатых веществ. Для производства серной кислоты и толуола были привлечены частные предприятия Донецкого бассейна, земские и городские управы, и дело это было налажено.

3 июля 1915 г. генерал-майор Ипатьев докладывал военному министру программу работ, намеченную во исполнение решений Особого совещания, — об увеличении производства «серной кислоты до размеров, отвечающих заданиям новой програм-

¹ Московский военно-промышленный комитет. Список фабрично-заводских предприятий Московского района, занятых исполнением работы на государственную оборону. К сожалению, анкетное обследование проведено было поверхностно и, кроме названия предприятий, никаких других показателей не давало.

мы производства взрывчатых веществ»². Комиссия наметила постройку ряда новых заводов для производства 12 млн. пудов серной кислоты в год. К моменту доклада, т. е. к началу июля, были уже заключены соглашения о постройке 14 новых заводов серной кислоты с годовой производительностью около 8 млн. пудов. Стоимость оборудования заводов включается в цену серной кислоты или олеума. Правительство закупало всю продукцию этих заводов на два года вперёд. Покупная цена была точно зафиксирована — от 1 р. 40 к. до 1 р. 60 к. за пуд кислоты и от 2 р. 10 к. до 2 р. 40 к. за пуд олеума. Всего предстояло уплатить по этим контрактам 24 млн. руб., из них «около 7 млн. руб. надо было выдать в виде аванса на постройку заводов в ближайшие месяцы после заключения контрактов, остальные 17 млн. руб. должны быть израсходованы в течение двух с половиной лет, приблизительно равными частями по месяцам»³.

Заключённые контракты относились лишь к двум третям заводов, намеченных к постройке; вся программа увеличения производства серной кислоты до 12 млн. пудов в год требовала расходов около 32 млн. рублей.

Таким образом, война потребовала создания новой отрасли промышленности, которой ранее в России почти не существовало. Указанной выше суммой расходов дело не ограничилось. Потребовалось также расширить производство серного колчедана, построить подъездные пути к местам его разработки и т. д. Сумма этих расходов не была определена. Чтобы ускорить строительство этих заводов, необходимо было закупить за границей свинец, чилийскую селитру, аппаратуру; надо было подготовить кадры низшего технического персонала. Строительство новых заводов и организация производства на них оказались делом сложным, и осенью 1915 г. по предложению генерал-майора Ипатьева, были созданы одно центральное и шесть районных бюро по серной кислоте. Содержание созданного аппарата обходилось в 114 тыс. руб. в год⁴. Изготовлением кислоты были заняты 39 заводов.

Особое совещание явилось для русской буржуазии органом, в котором она выступала даже против Совета министров. Выдавая частным предприятиям миллионы, а иногда и десятки миллионов рублей ссуд и авансов, правительство пыталось подчинить их своему контролю. Для этого правительственные чиновники вводились в

² ЦВИА, ф. канцелярии военного министра, д. № 712, лл. 178—198. Письмо председателя комиссии по заготовке взрывчатых веществ начальнику канцелярии военного министра.

³ ЦВИА, ф. канцелярии военного министра, д. № 712, лл. 178—198.

⁴ Там же, лл. 195—196. Об организации особого бюро для наблюдения и контроля над постройкой сернокислотных заводов.

состав членов правлений. Они наблюдали, чтобы отпускаемые казной средства расходовались по назначению.

При рассмотрении вопроса о выдаче ссуд из казны Путиловскому и Русско-Балтийскому заводам Совет министров обусловил «разрешение таковых, между прочим, введением в состав правлений субсидируемых обществ, для наблюдения за деятельностью их, особых представителей от министерства финансов и предоставлением им права приостанавливать не соответствующие интересам правительства, решения»¹. С этим не хотели мириться крупнейшие промышленные и банковые воротилы. Они подняли этот вопрос на заседании Особого совещания. Хотя представители военного и морского ведомств считали, что принятые правительством меры ограждают интересы казны и усиливают влияние правительства на заводы, всё же после обмена мнений Совещание приняло решение довести до сведения Совета министров просьбу промышленников о сохранении за частными предприятиями полной самостоятельности.

Под председательством Сухомлинова состоялось всего семь заседаний Особого совещания. Отметим наиболее характерные решения за это время. Мы уже говорили, что первым был поставлен вопрос о плане производства снарядов и об участии в этом деле русской промышленности. Не ограничиваясь крупной промышленностью, Родзянко выдвинул вопрос о привлечении «общественных сил» к работе на оборону. Имелась в виду земства и земские деятели, якобы обладавшие большей осведомлённостью о положении местной промышленности. «Намечасмая мера могла бы выразиться, прежде всего, в обращении посредством особой анкеты к председателям губернских земских управ и выяснении ими, при помощи созыва находящихся в их губерниях заводчиков, какие из предприятий могут быть использованы для нужд государственной обороны»². Предложение Родзянко было единодушно принято.

27 мая 1915 г. Сухомлинов обратился к председателям 43 губернских земских управ с письмом, в котором информировал их об организации Особого совещания, ставящего своей целью привлечение к работе на оборону частной промышленности и «общественных сил» страны. Обращение имело целью выяснить через губернские и уездные управы, «какие именно заводы и фабрики или хотя бы менее значительные промышленные заведения могли быть использованы для нужд государственной

обороны или путём непосредственного принятия на себя работ хотя бы по отдельным стадиям того или другого производства или передачей станков и другого технического оборудования на те заводы, которые в этом могут нуждаться»³.

Этим обращением военного министра остался весьма недоволен князь Львов, председатель вновь образованного Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым. Он ждал, что обращение к земству будет сделано именно через Земский союз, и в непосредственном обращении военного министра к председателям губернских управ он увидел попытку обойти его.

На собрании уполномоченных губернских управ по докладу Главного комитета об участии Земского союза в деле снабжения действующей армии была принята резолюция, в которой подчёркивалось, что обслуживание армии должно быть поручено «не отдельным земствам, а Всероссийскому земскому союзу, как объединяющему собой всю земскую Россию»⁴. Земскому союзу удалось добиться признания своих прав до стороны Особого совещания. В дальнейшем Особое совещание выдавало заказы Главному комитету по снабжению армии, который был организован при Земском союзе, что, впрочем, не исключало принятия отдельными земствами тех или иных заказов военного ведомства.

Обращение Особого совещания к земствам не могло дать сколько-нибудь значительного эффекта в снабжении армии. Председатели земских управ сообщали, что располагают только ремесленными училищами, которые при наличии чертежей и материала могли бы изготавливать дистанционные трубки. Училища эти были бедно оборудованы, имели от 1 до 5 станков. Только четыре губернии имели в училищах от 10 до 13 станков, шесть губерний — от 5 до 18 станков, три — по 25, и одна лишь киевская управа сообщила о возможности мобилизовать до 300 станков⁵. Только отдельные земства сообщили о частных владельцах, имеющих токарные и слесарные станки.

В дальнейшем деятельность земства развернулась по линии привлечения к работе по военным заказам мелких частных кустарных мастерских. Мастерские эти принимали заказы не на снаряды, а на предметы обочно-вещевого и интендантского снабжения, в которых армия также испытывала огромную нужду.

Из других представителей буржуазной общественности на призыв Особого совещания отозвалось Общество винокурных заводчиков. 1 июня 1915 г. совет общества, «состоявший из представителей всех районов России»⁶, прислал «патриотическое»

¹ ЦВИА, лл. 25—28. Журнал заседаний Особого совещания № 2 от 18 мая 1915 г. Впоследствии комиссия, образованная Особым совещанием, решила, что, как правило, при выдаче ссуд предприятиям необходимо назначение в состав правлений этих заводов представителей министерства финансов.

² ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 49, лл. 48—53. Журнал заседаний Особого совещания № 3.

³ ЦВИА, д. № 96, л. 21.

⁴ Там же, д. № 96, лл. 97—98. Письмо Львова от 17 июня 1915 г. в Особое совещание.

⁵ Там же, лл. 61—74.

⁶ Там же, л. 42.

письмо, в котором заявлял о готовности всех заводчиков империи, «в случае надобности», предоставить свои заводы с оборудованием и машинами для изготовления оборонных заказов. Главное артиллерийское управление впоследствии предприняло практические шаги, чтобы ближе ознакомиться с теми возможностями, которые давали винокуренные заводы, располагавшие значительным оборудованием.

На том же заседании председатель Государственной думы предложил привлечь к снабжению армии «постоянные съезды промышленности и торговли, биржевые комитеты и прочие объединяющие промышленность органы»¹. Совещание высказалось за создание на местах особых организаций для посредничества между промышленниками и Особым совещанием.

Сухомлинов уступал требованиям думцев, хотя и не считал все эти меры полезными и необходимыми. Как раз после этого (4-го) заседания Особого совещания Сухомлинов в своём дневнике писал: «Председатель Государственной думы продолжает «патриотически шуметь», отвергая всякие формальности, не признавая ни 87, ни 17 и никаких статей закона и требуя диктаторской власти председателю Особого совещания по заказам и расходам на них. Одна болтовня, потеря времени и масса потраченной бумаги на журналы заседаний. Так дела скопом не решаются»².

Тем не менее, не чувствуя прочной опоры, Сухомлинов должен был делать вид, что он разделяет взгляды думцев. В начале июня, за несколько дней до своей отставки, Сухомлинов отдал дань требованиям времени и подписал письмо председателю Совета съездов представителей промышленности и торговли, в котором призывал, что многочисленные торгово-промышленные организации могут оказать военному ведомству «особо ценное содействие». Он просил председателя Совета съездов передать объединениям торговли и промышленности «призыв оказать всемерную помощь Совещанию по обороне»³. Этот призыв едва ли имел практическое значение, так как буржуазия уже создала военно-промышленные комитеты и через них организовано наступала на правительство, требуя участия представителей комитета в «оборонной работе». Что касается крупной промышленности, то представителей её не приходилось агитировать, так как фабриканты и заводчики уже хорошо знали дорогу в военное министерство, где вместе с заказами выдавались и солидные денежные субсидии. Кроме того буржуазные круги были уверены, что Сухомлинову долго не удержаться во главе министерства, а новая, «своя» кандидатура — генерал

Потливанов, — будет для них удобной фигурой в роли военного министра.

Особое совещание регулировало размещение военных заказов как внутри страны, так и за границей. Например 1 июня 1915 г. Совещание обсудило предложение лорда Китченера о поставке 12 млн. снарядов с ноября 1915 г. по ноябрь 1916 года. Передавая это предложение, генерал Янушкевич, начальник штаба верховного главнокомандующего, обратил внимание Совещания на серьёзное политическое значение этого заказа. Он указал на то, что непринятие предложения британского правительства может в случае боевых неудач из-за недостатка снарядов «вызвать нападки со стороны союзников». Особое совещание высказалось за принятие этого заказа при условии поставки «полными выстрелами с пироксилиновым порохом», начиная с июля 1915 года⁴. Предложение Китченера Ставкой было принято⁵.

6 июня 1915 г. Совещание обсуждало вопрос об эвакуации промышленности Рижского района. Были выработаны условия эвакуации, при Генеральном штабе была создана особая комиссия по эвакуации, в которую входили представители промышленности.

Особое значение имело обсуждение условий заказа Путиловскому заводу на производство 700 трёхдюймовых пушек с поставкой их в период с сентября 1915 г. по июль 1916 года. Цена пушки была определена прежняя, согласно условиям 10 февраля 1915 г., но за каждое орудие, сданное сверх программы, завод получал премию в 2 тыс. рублей. В связи с обстоятельствами военного времени Совещание удовлетворило просьбу Путиловского завода о доплате ему 1 275 750 рублей. Кроме того председатель особой комиссии Протопопов доложил о заказе Путиловскому заводу 3 млн. пушечных патронов. Цена патрона определялась в 33 р. 70 к. без пороха. Совещание в принципе согласилось передать заказ на патроны Путиловскому заводу и предложило Главному артиллерийскому управлению заключить с заводом договор⁶.

Военный министр Сухомлинов плохо отдавал себе отчёт в сложившейся обстановке и ещё менее того желал работать вместе с представителями буржуазии. Октябрьско-кадетские лидеры повели усиленную кампанию против Сухомлинова. Известия с фронтов о неудачах армии подымали активность буржуазии, требовавшей уступок от правительства и наказания конкретных виновников поражения. Первым должен был уйти начальник Главного артиллерийского

¹ ЦВИА, л. 55. Журнал заседаний Особого совещания № 4 от 27 мая 1915 г.

² Там же, ф. 46, д. № 106, запись от 27 мая 1915 года.

³ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 96, л. 56:

⁴ ЦВИА, ф. 46, д. № 106, лл. 102—103. Журнал заседаний Особого совещания № 5 от 1 июня 1915 года.

⁵ Там же. Журнал заседаний Особого совещания № 6 от 6 июня 1915 года.

⁶ Там же.

управления генерал Кузьмин-Караваев¹. На его место был назначен энергичный организатор и знающий артиллерист генерал Маниковский, бывший комендант кронштадтской крепости. Во главе Военно-технического управления поставлен был генерал Милеант, сменивший Вернадера.

✓ Это было только началом перемен в военном министерстве. Сам военный министр Сухомлинов оказался связанным с немецкими шпионами, изменив родине. «Деятельностью тыла были недовольны армии и верховный главнокомандующий. Большинство учреждений и многие общественные деятели ставили в вину военному министру плохое снабжение армии, указывая, что он совершенно не справляется со своей задачей. Кампанию против Сухомлинова возглавили председатель Государственной думы Родзянко и член Государственного совета, бывший председатель Государственной думы Гучков»². Думцы требовали отставки Сухомлинова и ряда других, наиболее реакционных министров. Они объявили Сухомлинова единственным виновником неудач, обходя всё правительство³. Сухомлинов несколько субъективно отразил происходящие события в своём дневнике: «Говорят, А. И. Гучков орудует во-всю и программу свою ведёт настойчиво, нахально и хитро. Родзянко у него играет роль «тарана»⁴. На следующий день Сухомлинов записал, что Родзянко советует ему подать в отставку, «так как съехавшиеся думцы меня ругают и винят в неудачах на войне».

11 июня русские войска оставили Львов, а 12 июня, во время заседания Совета министров, Сухомлинов получил письмо царя из Ставки с извещением об отставке.

Николай II расстался с Сухомлиновым с сожалением, уступая единодушному требованию общественного мнения. Он благодарил его за труды «на благо нашей родной армии» и выражал уверенность, что история будет к нему более снисходитель-

¹ ЦВИА, ф. 46, д. № 107. Имеется копия письма Сухомлинова к Кузьмину-Караваеву от 24 мая 1915 г. в связи с его отставкой и назначением Маниковского.

² Лукомский А. Воспоминания. Т. 1, стр. 65. Берлин. 1922.

³ Вопрос об ответственности за вскрытую неподготовленность России к ведению войны являлся предметом широкой дискуссии на первом заседании IV сессии 4-й Государственной думы 19 июля 1915 года. Марков II с трибуны Думы заявил о виновности в этом не только министров и генералов, но и членов Думы. Лидеры же буржуазии стремились переложить всю ответственность на Сухомлинова и Генеральный штаб, заявляя, что Сухомлинов обманул Думу.

⁴ ЦВИА, ф. 46, д. № 106, запись от 8 июня 1915 года.

ным судьей, «чем осуждение современников». Председатель Верховной комиссии, организованной для расследования причин неготовности русской армии к войне, ген. Петров докладывал в 1916 г. царю следующее: «Верховная комиссия не могла не усмотреть, что те тяжёлые испытания, которые пришлось перенести нашей доблестной армии из-за несвоевременности и недостаточности пополнения запасов её воинского снабжения, происходили не от каких-либо стихийных сил и не могущих быть своевременно предотвращёнными обстоятельством, а являлись прискорбным следствием деятельности органов военного министерства»⁵. Ген. Петров вместе с другими членами Верховной комиссии, министрами Наумовым, графом Бобринским, членом Государственной думы Варун-Секрет и др., фактически полностью солидаризировался с мнением буржуазной общественности, объявив Сухомлинова главным виновником военных неудач России. Для представителей правительства не было никакого расчёта брать Сухомлинова под защиту. Пожертвовав Сухомлиновым, правительство оставалось как бы вне подозрения.

12 июня преемником Сухомлинова был назначен генерал Поливанов, кандидатура думских кругов, т. е. октябристов и кадетов, поддержанная великим князем Николаем Николаевичем⁶. Так во главе Особого совещания оказался человек, близкий к думским кругам. Вопросы снабжения армии Поливанов возложил на генерала Лукомского, игравшего видную роль в работе Особого совещания. Кардинального обновления состава работников военного министерства не было произведено и при Поливанове.

В мае 1915 г., на 9-м съезде представителей промышленности и торговли, был создан Военно-промышленный комитет. 13 июня на заседании Особого совещания слушалось заявление Центрального военно-промышленного комитета о плане распределения заказов на 6 млн. снарядов. Это заявление предложено было рассмотреть в исполнительной комиссии. Совещание высказалось за то, чтобы Военно-промышленный комитет занялся производством особо дефицитных снарядов крупных калибров и винтовок⁷.

В дальнейшей работе Особого совещания военно-промышленные комитеты являлись посредниками между казной, с одной стороны, и мелкой и средней промышленностью страны—с другой. Получая через Особое совещание огромные заказы и авансы, Центральный военно-промышленный комитет распределял их через местные органы по предприятиям.

⁵ ЦВИА, ф. 46, д. № 47, лл. 11—36. «Всепоподданнейшее донесение Верховной комиссии». Николай согласился с выводами, представленными ему на утверждение.

⁶ Поливанов А. Мемуары, стр. 127—139. 1924.

⁷ ЦВИА, ф. 46, д. 106, лл. 10, 156. Журнал заседаний Особого совещания № 7 от 13 июня 1915 года.

Большие заказы были даны генерату Ванкову, который сумел наладить на предприятиях, главным образом Московского района и юга России, изготовление снарядов (гранат) французского образца из сталлистого чугуна. В этой работе им оказывали помощь прибывшие в Россию французские техники. Первоначально производство гранат находилось в безотрадном положении, но мероприятия Особого совещания помогли преодолеть все трудности и серьёзно организовать это дело.

20 июня 1915 г. состоялось первое заседание Особого совещания под председательством нового военного министра — Поливанова. Генерал Поливанов был незаурядным администратором среди руководящих военных работников царской России.

Прекрасно образованный, трудолюбивый, склонный к либерализму, Поливанов выдвинулся лишь во время революции 1905 года. В 1906 г. он был назначен помощником военного министра, оставаясь на этом посту до апреля 1912 года. Он являлся правой рукой военного министра в вопросах бюджета и материально-технического снаряжения армии. На посту помощника военного министра, работая под руководством Сухомлинова, Поливанов умел ладить со Столыпиным и Коковцовым. Одновременно он близко сошёлся с буржуазно-октябристскими и кадетскими кругами Государственной думы. Поливанов принадлежал к чиновникам столыпинской формации, однако в Государственной думе он видел полезный придаток государственного аппарата, поэтому его сотрудничество с членами комиссии государственной обороны было искренним. Вероятно, поэтому буржуазные деятели не вспомнили о его ответственности за неподготовленность армии к войне. Назначение Поливанова военным министром было встречено отрицательно императрицей и распутинскими кругами. Он не заслуживал доверия двора своей связью с Гучковым. При Поливанове влияние буржуазии на деятельность Особого совещания резко усилилось.

На первом заседании Особого совещания Поливанов обратился с вопросом к Родзянке о том, в какой мере успешна деятельность самого Совещания. Родзянко дал положительное заключение о деятельности Совещания, которое, по его словам, обещало «полный успех в выполнении возложенных на Совещание задач». Одновременно он отметил необходимость дальнейшего сближения с торгово-промышленными кругами.

Параллельно с Совещанием существовала особая Распорядительная комиссия во главе с великим князем Сергеем Михайловичем, что создавало известный параллелизм в работе Совещания. Родзянко потребовал ликвидации Распорядительной комиссии, и это было осуществлено.

Под руководством Поливанова деятельность Особого совещания получила боль-

шой размах. В Лондоне был организован заготовительный англо-русский комитет, во главе которого стоял один из великих князей; практическая работа комитета направлялась генералом Гермониусом. Американские заказы реализовались через банкирский дом Моргана. Однако основное внимание Особое совещание обращало на отечественную промышленность. Буржуазия ревниво наблюдала за тем, чтобы субсидии попадали в отечественную промышленность.

Особое совещание встречало много технических и экономических трудностей в организации военного производства. «Наибольшие трудности,— пишет Лукомский,— мы должны были встретить по заготовкам и заказам орудий, пулемётов, взрывчатых веществ, удушающих газов, дистанционных трубок, авиационных аппаратов и винтовок. На всё остальное предложений из-за границы поступало много (преимущественно из Англии и Америки), и многое можно было изготовить в России. На орудия и пулемёты, помимо заказов отечественным заводам, были даны заказы в Англию, Францию и Америку. Для изготовления дистанционных трубок строились два завода в России, но кроме того были даны заказы на трубки во Францию и Японию. В Америке были заказаны полные снаряды (т. е. уже снаряжённые трубками)»¹.

Совещание много занималось вопросом об увеличении загрузки предприятий Петроградского фабричного района. В связи с трудностями снабжения топливом Петроградского района, первоначально было намечено ограничить здесь военные заказы и передать большую часть их заводам Южной и Средней России. На этом особенно настаивало министерство путей сообщения. Но под влиянием крупнейших промышленников и банков Совещание высказалось за полную нагрузку мощно оборудованного Петроградского района, все заводы которого «должны работать с полным напряжением всех своих производительных сил». Совещание потребовало проведения таких мер, которые гарантировали бы снабжение топливом всего района². Несколько позднее Совещание признало необходимым ограничить развитие промышленности в Петроградском районе. Новые предприятия там не разрешалось строить. Существующие же предприятия предполагалось полностью обеспечить заказами.

Совещание занялось также вопросом о более полном использовании уральской промышленности. Наряду с казёнными предприятиями решено было загрузить и частные заводы. Была организована специальная комиссия, которая разработала программу обследования уральских заводов. Комиссия должна была изыскать средства

¹ Лукомский А. Воспоминания. Т. I, стр. 68.

² ЦВИА, ф. 46, д. 105, лл. 217—219. Журнал заседания Особого совещания № 10 от 27 июня 1915 года.

для увеличения их производства, в частности производства орудий крупных калибров и снаряжения к ним¹. В начале августа 1915 г. Совещанию были доложены результаты работы комиссии по выявлению готовности уральских казённых и частных заводов к выполнению оборонных заказов. На этом же Совещании решено было отпустить уральским казённым заводам 1,5 млн. рублей². Комиссия наметила увеличение производительности заводов в шесть раз; этот план казался бывшему министру торговли и промышленности Тимашеву неосуществимым «по недостатку руды и древесного топлива»³.

При распределении заказов Совещание открыто стало на защиту интересов русской промышленности. Оно высказалось за то, чтобы все оборонные заказы размещались по мере возможности на отечественных заводах и к закупкам за границей прибегали лишь в случае невозможности обеспечить полностью заказы в России.

Работа оборонных предприятий находилась в тесной зависимости от состояния транспорта, положения с топливом и металлом. Поэтому Совещанию часто приходилось разрешать вопросы общеэкономического и даже политического порядка. Например 4 июля 1915 г. Совещание подробно рассматривало вопросы рабочего движения в связи с забастовками, возникшими на ряде предприятий, и требованиями рабочих о повышении заработной платы. Ряд членов Совещания выступил за создание примирительных камер, состоящих из представителей рабочих и заводладельцев под председательством чиновника, назначенного правительством. Было предложено также ограничить прибыль предприятий. Эти предложения совпадали с требованиями военно-промышленных комитетов. Представители промышленности выступали с обычными отговорками о том, что правительство не может регулировать расценки заработной платы. Совещание высказалось за проведение решительных мер против забастовок. Однако никаких практических мер по улучшению положения рабочих не было намечено, и вопрос был передан на рассмотрение правительства⁴.

8 июля Совещание разбирало вопрос о работе Архангельского порта и о строительстве железной дороги. Вице-адмирал Угрюмов информировал Совещание о ходе работ по переширке узкоколейки между

Архангельском и Вологдой на широкую колею.

На заседании 15 июля обсуждалась топливная проблема. Специальная комиссия доложила о своей поездке в Харьков в связи с сокращением погрузки угля. Комиссия вскрыла следующие причины недогрузки топлива в июле: «1) сокращение добычи угля по недостатку рабочих, 2) невозможность погрузки вагонов по недостатку грузчиков и 3) отказ рабочих грузить в праздничные дни».

Комиссия высказалась за увеличение количества рабочих в Донбассе со 160 тыс. до 250 тыс. человек за счёт применения труда военнопленных и «жёлтого труда». Член Государственного совета Тимашев высказался за применение всеобщей реквизиции минерального топлива. Это предложение было поддержано остальными членами Совещания. Разумеется, не забыли записать пункт о выдаче шахтовладельцам авансов от казны и о помощи мелким и средним рудникам. Нефтяную промышленность было признано необходимым сделать государственной, о чём и было доведено до сведения правительства.

Создание военно-промышленных комитетов и участие представителей буржуазии в составе Особого совещания помогли правительству осуществить широкую программу работы по усилению снабжения армии. Крупные промышленные общества заключали такие контракты на поставки в казну, о которых до войны не смели и мечтать. Об Обществе Путиловских заводов было уже сказано выше. Приведём ещё один пример: 11 июля 1915 г. Особое совещание обсудило предложение «Русского акционерного общества артиллерийских заводов»⁵ об изготовлении 2500 трёхдюймовых пушек. Срок поставок определялся с марта 1916 г. по сентябрь 1917 года. Военное ведомство установило цену за орудие — 9224 рубля. Эта цена определялась лишь на поставки до 1 января 1917 г.; от поставок остальной части орудий акционерное общество оставляло за собой право отказаться, если по ходу войны орудия окажутся ненужными. Совещание обязало Главное артиллерийское управление оформить заказ.

Большое место в работе Совещания занимало обсуждение заявлений на поставку оружия из-за границы. Испытывая огромную нужду в винтовках, Совещание охотно цеплялось за каждое такое предложение. На одном только заседании 29 июля были обсуждены: предложение Эдварса на поставку 1 млн. винтовок со штыками и тысячу патронов на винтовку по цене 66 долл. за комплект (заказ предполагалось выполнить менее чем за один год); предложение Алистер Смита на поставку 700 тыс. трёх-

¹ ЦВИА, ф. 46, д. № 106, лл. 238—239. Журнал заседаний Особого совещания № 10 от 27 июня 1915 года.

² Там же, д. № 50. Журнал заседаний Особого совещания № 21 от 8 августа 1915 года.

³ Там же, д. № 106, л. 101. Журнал заседаний Особого совещания № 22 от 12 августа 1915 года.

⁴ Там же, д. № 50, лл. 54—55. Журнал Особого совещания № 12 от 4 июля 1915 года.

⁵ Это филиал Вилкерса, во главе которого стоял инженер Балинский, строивший артиллерийский завод в Царицыне. Балинский был связан с группой банкиров, которые возглавлял Вышнеградский. Во время войны так и не приступили к изготовлению орудий на царицынском заводе.

линейных винтовок с тысячу патронов на каждую, по цене 70 долл. за винтовку; предложение Ашеберга на поставку 3 млн. винтовок Маузера. 8 августа 1915 г. обсуждалось предложение князя Розетта о поставке 2 млн. винтовок по 34,23 долл. за штуку, 15 августа был утверждён заказ на 2 млн. винтовок от Вольтерса, группа Вандербильд — по 70 долл. за комплект¹. Среди поступавших из-за границы предложений было большое количество несерьёзных, иногда прямо аферистских. Поэтому вслед за положительным решением Совещания требовалась серьёзная проверка предложений, после которой большая часть их отпала.

Изучение материалов Особого совещания со всей очевидностью показывает наличие в стране крупного экономического кризиса уже к лету 1915 года.

Железнодорожный транспорт работал плохо и не справлялся ни с хозяйственными, ни с военными перевозками. Промышленность испытывала недостаток в рабочей силе и топливе. В рабочем классе начинали проявляться признаки пробуждения политической активности.

Особое совещание самим ходом вещей вынуждено было братья за решение самых разнообразных вопросов. При всём бюрократизме и косности государственного аппарата Совещание являлось всё же наиболее действенным органом, проводившим иногда важные хозяйственные решения. Но всё же Совещание не могло заниматься глубоким изучением хозяйственных вопросов; оно было лишено возможности осуществлять руководство соответствующими отраслями хозяйства. Совещание занималось в основном размещением заказов в целях материального снабжения армии и привлечением частной промышленности к работе на оборону. Тем более Совещание было неспособно добиться коренного изменения в экономическом положении страны и парализовать экономический кризис.

Состав Совещания по обороне был очень ограничен. Представители буржуазии приглашались туда с большим разбором. Кроме незначительной группы крупнейших банковских и промышленных воротил, представителей Государственной думы и Центрального военно-промышленного комитета, как правило, больше никто из буржуазных кругов на Совещание не допускался.

Московский областной военно-промышленный комитет избрал своим представителем в Особое совещание А. И. Коновалова, крупного московского промышленника-текстильщика, о чём Рябушинский телеграммой известил председателя Государственной думы Родзянко. Родзянко просил генерала Лукомского пригласить Коновалова на одно из ближайших заседаний, и только по специальному ходатайству Лукомского перед председателем Особого совещания генералом Поливановым Коновалов был допущен на одно заседание, 11 июля, «только в качестве приглашённого,

так как изменение состава Совещания не зависит от меня»², — написал Поливанов на представление Лукомского. Таким узким составом Совещания буржуазия была недовольна и подготовляла его взрыв изнутри.

Совещание разрабатывало новый проект положения об Особом совещании. 13 июля 1915 г. Поливанов запросил разрешения Совета министров представить вновь разработанное положение об Особом совещании в Государственную думу³. 18 июля последовала высочайшая санкция на представление «Положения об Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства» на законодательное рассмотрение⁴. Новое положение значительно расширяло задачи и полномочия Совещания, а также и его состав. Выступая 19 июля 1915 г. с правительственной декларацией перед Думой, Горемыкин отметил, что правительство внесло на рассмотрение Думы законопроект о создании учреждения, призванного руководить снабжением армии боевыми припасами, заниматься вопросами промышленности, топлива, продовольствия. Пытаясь добиться расположения членов Думы, Горемыкин заявил, что намечается расширение представительства от Государственной думы, Государственного совета и промышленности в проектируемом учреждении.

Тем временем 47 депутатов Государственной думы внесли проект об организации Главного управления по снабжению армии⁵. Под проектом стояли подписи Шингарёва, Милюкова, Аджемова, Родичева, Салазкина, Щепкина и др. Как видно из подписей, инициатива разработки этого проекта принадлежала кадетским кругам, которые находились под прямым влиянием созданного в Англии 16 июня 1915 г. министерства снабжения. Либеральные депутаты Думы решили перенести английскую практику на русскую почву. Предполагалось, что Главное управление по снабжению армии будет организовано лишь на время войны. Руководить Главным управлением должен был главноуправляющий совместно с Советом, в состав которого предполагалось привлечь представителей общественных организаций. Буржуазия охотно шла на сотрудничество с самодержавием, требуя лишь широкого представительства в органах государственной власти. Проектом предусматривались широкие права Главного управления, вплоть до государственного управления частными предприятиями, смены директоров, регулирования цен, принудительного отчуждения сырья и т. д.

Представленный правительством законопроект об Особом совещании по обороне обсуждался на объединённой комиссии Го-

² ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 1, лл. 139—141.

³ Там же, л. 174.

⁴ Там же, л. 202.

⁵ Там же, л. 191—192. Документ озаглавлен: «Законодательное предположение об учреждении Главного управления по снабжению армии».

¹ Винтовка с тысячу патронов к ней.

сударственной думы — по военно-морским делам и бюджетной — в конце июля — начале августа 1915 года. Председателем комиссии был кадет А. Шингарёв, докладчиками — Н. Савич и В. Степанов.

Прения носили политический характер. Тон задал сам председатель объединённой комиссии Шингарёв, выступивший с резкой критикой правительства и правительственного законопроекта, в защиту предложения об организации Главного управления по снабжению армии. По мнению Шингарёва, главный недостаток — «наша беда» — в несогласованной работе органов власти и в слабости Совета министров. «У нас власть рассыпалась, у нас ведь хозяина власти нет, у нас полная расплывённость этой власти. Когда вы обратите ваше внимание на любое дело обороны, на какое угодно дело, то вы находите именно отсутствие хозяина»¹, — сказал он. Казалось, Шингарёв выступает в защиту сильной власти и поддерживает предложение правительства о наделении военного министра исключительными правами для организации хозяйственной жизни страны. На деле же Шингарёв выступил против предоставления военному министру чрезвычайных полномочий, ставивших его над Советом министров.

Шингарёв предложил оставить в ведении военного министра только военно-технические вопросы, связанные с работой Генерального штаба и с улучшением военной подготовки резервов. Остальные вопросы, по мнению Шингарёва, должны быть переданы другому ведомству, так как «необходимо для военного министра бремя хозяйственной, подготовительной части с него снять, иначе будет то, что было: министр с этим делом справиться не сможет и не в состоянии будет уделять достаточно времени на организацию службы Генерального штаба и на подготовку боевых частей армии, и мы окажемся в прежнем положении»². Другими словами, Шингарёв являлся противником вмешательства военного министра в вопросы организации хозяйства и считал, что они должны разрешаться другими ведомствами и другими людьми. Он подразумевал, что для этих целей будут приглашены, если не для руководства, то для консультации, представители буржуазии. Эти идеи Шингарёва нашли отражение в проекте «47». Однако как самый проект, так и доводы Шингарёва не встретили в объединённой комиссии поддержки. Большинство членов комиссии решительно высказалось против организации особого органа снабжения, а также и против законопроекта правительства, так как он давал широкое полномочия военному ведомству в разрешении вопросов продовольствия, перевозок и топлива. «Такое обременение военного министра несвойственными ему обязанностями

ствлекло бы его от руководства важнейшими делами, непосредственно относящимися к обороне государства, и замедлило бы их безотлагательное разрешение, — говорилось в решении, принятом комиссией, — ввиду сего соединённые комиссии признали необходимым образовать, кроме Особого совещания по обороне государства, при главных начальниках подлежащих ведомств Особые совещания по объединению мероприятий по продовольствию, по снабжению топливом и по перевозкам с тем, чтобы в случае разномыслия означенных Особых совещаний по соприкосновенным вопросам военному министру было предоставлено принимать то решение, которое будет им признано наиболее отвечающим интересам обороны государства»³.

Это решение значительно улучшало правительственный законопроект и создавало более стройную организацию по руководству важнейшими отраслями хозяйственной жизни страны на время войны. Проект, принятый комиссией, предлагал возложить ответственность за организацию соответствующих отраслей хозяйства на существовавшие правительственные органы — министерства. Тем самым исключалась ломка существовавшего государственного аппарата.

В Государственную думу был внесён законопроект об учреждении четырёх Особых совещаний: по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих на оборону, по продовольственному делу, по перевозкам топлива, продовольственных и военных грузов. Одновременно с этим законопроектом были также внесены разработанные положения о всех четырёх Особых совещаниях. Правительство согласилось с изменениями, внесёнными объединённой комиссией, после чего Государственная дума утвердила законопроект о создании четырёх Особых совещаний.

Для обсуждения принятого Думой законопроекта в Государственном совете была создана комиссия из 30 членов под председательством графа Кокорцова. Комиссия согласилась с законопроектом Государственной думы и внесла в него лишь незначительные редакционные поправки.

17 августа 1915 г. состоялось заседание Государственного совета, посвящённое обсуждению законопроекта об учреждении четырёх Особых совещаний⁴. С докладом о законопроекте выступил Стишинский, подробно охарактеризовавший политику правительства в деле организации государст-

¹ Ленинградский центральный государственный архив внешней политики, культуры и быта. ф. Государственной думы, отд. законодательный, 1915 г., д. № 44/4356, лл. 57—59.

² Там же.

³ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 2, л. 146. Доклад по законопроекту об утверждении положения об Особом совещании по обороне государства.

⁴ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 2, лл. 169—180. Стенографический отчёт 5-го заседания Государственного совета (сессия II, 17 августа 1915 г.).

венной обороны. Он предлагал утвердить внесённое Государственной думой предложение. Выступивший в прениях М. Ковалевский назвал представленный законопроект «совершенным новшеством» нашей государственной жизни. Он высказался за представительство в организуемых совещаниях от всех слоёв общества — фабрикантов, рабочих, учёных и техников, — т. е. за гучковско-коноваловскую программу поддержки правительства всеми слоями общества. При таком представительстве, по мнению Ковалевского, Совещания теряли классовый характер и приобретали «всенародный характер»¹. Разумеется, выступление Ковалевского не оказало какого-либо влияния на решение Государственного совета, но оно сеяло вредные иллюзии среди интеллигенции и рабочих. Вождь горнопромышленников юга фон Дитмар настойчиво добивался расширения представительства буржуазии в этих Совещаниях, особенно в Совещании по продовольствию и перевозкам. Умеренный либерал фон Дитмар и то оказался в оппозиции к правительству, которое было неспособно на проведение крупных экономических мероприятий, необходимых для победоносной войны. Дитмар считал, что организация совещаний даст свой результат лишь тогда, когда будет достигнуто объединение деятельности министерств, а председатель Совета министров «действительно будет главой правительства с соответствующими полномочиями». В завуалированной форме он высказался против существовавшего состава правительства, за министерство, пользующееся общественным доверием, т. е. за программу прогрессивного блока, который как раз в эти дни окончательно сколачивался из большинства депутатов Государственной думы и Совета.

Только один Маклаков высказался против законопроекта, считая его «для нашего государственного строя неприемлемым»², но голос его прозвучал одиноко.

Князь Лобанов-Ростовский от имени целой группы (41 чел.) внёс предложение организовать наряду с четырьмя Совещаниями ещё и пятое — по борьбе с немецким засилием, — но это предложение не встретило поддержки большинства.

В процессе обсуждения законопроекта члены Государственного совета внесли предложение образовать своеобразный парламентский согласительный блок из 30 членов Государственной думы и такого же количества членов Государственного совета, входящих во все Особые совещания. Это предложение встретило поддержку большинства членов комиссии, обсуждавшей законопроект. В прениях против этого предложения выступил военный министр Поливанов, указавший, что такое пятое Совещание не ускорит, а затормозит рассмотрение всех вопросов. Его возражения носили не принципиальный, а практический характер. Не желая обострять разногласий, члены

Совета поддержали Поливанова, и законопроект Думы был утверждён Советом, а позже и царём. Так появились четыре Особых совещания, начавших свою деятельность в августе 1915 года. Несмотря на то что формально все четыре Совещания были равноправны, Особое совещание по обороне государства заняло руководящее место и приобрело особое значение.

1915 год принёс ряд тяжёлых поражений русской армии. Кайзеровская империя пыталась добиться решения исхода войны на восточном фронте, разбив русскую армию. Для этого десятки дивизий с западного фронта и резервы были переброшены на восточный фронт. Наступление немецкой армии началось Горлицким прорывом на югозападном фронте в мае 1915 года. Начались кровопролитные бои полувооружённой русской армии с наступающими немецко-австрийскими войсками. Отбросив русские армии из Галиции, немцы перенесли центр удара в Польшу, заставив и здесь русские войска отступить. В ходе этих боёв были потеряны все крепости по Висле, оставлены Польша, Литва. По приказу генерала Иванова, подготавливалась эвакуация Киева, в Совете министров велись разговоры об эвакуации Петрограда. Армия понесла огромные потери в технике и людях. Военные поражения царизма весной и летом 1915 г. ускорили нарастание революционного кризиса в стране. «Этот кризис, — писал Ленин, — был ускорен рядом самых тяжёлых поражений, которые нанесены были России и её союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах её старый командующий состав, заскорузлого дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским мелкобуржуазным»³. Следовательно, поражения России в войне сыграли «роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв»⁴.

Были и другие причины, способствовавшие росту революционного движения в стране, и среди них самая главная — наличие революционного пролетариата, который не захлестнула мутная волна социал-шовинизма. Уже в августе 1915 г. в стране были налицо признаки революционной ситуации. В. И. Ленин в следующих словах охарактеризовал сложившуюся осенью 1915 г. политическую обстановку в стране: «Теперь мы снова идём к революции. Это все видят. Сам Хвостов говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—6 годы»⁵.

Этот вывод Ленина вынужден был признать позднее принципиальный защитник монархии в России П. Милоков. В своей ра-

¹ ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 2.

² Там же, лл. 173—174.

³ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 16.

⁴ Там же.

⁵ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 316.

боте «Россия на переломе», написанной уже в эмиграции, Милюков признал, что под влиянием военных поражений царизма и обострения внутренней классовой борьбы осенью 1915 г. «вероятность приближающейся революции превратилась мало-помалу в полную достоверность и неизбежность». Он указывает на август — сентябрь 1915 г. как на время, «когда вторая революция сделалась окончательно неизбежной»¹.

Недовольство войной охватило различные слои населения и особенно сильно рабочие массы. Крестьянство также поднималось на борьбу. Среди буржуазии и правительственных верхов царил разброд, шатание, разногласия по коренным вопросам ведения войны и внутренней политики. Буржуазию пугали военные поражения, слухи о сепаратных переговорах царского правительства с Германией. Особенный страх испытывала буржуазия перед активизирующимся рабочим классом. Начиная с июня 1915 г. забастовки рабочих прекращались. В августе забастовали крупнейшие оборонные предприятия Петрограда — Путиловский завод, Шлиссельбургский и др. На заседании Особого совещания 19 августа говорили о «весьма тревожном состоянии рабочих масс» и поэтому, чтобы не вызвать всеобщей забастовки, отказались от осуществления милитаризации промышленности².

На заседании Совета министров 11 августа генерал Рузский указал на «безнадёжность» военного положения России в случае забастовок рабочих и «беспорядков». Там же отмечали всеобщее недовольство в стране и говорили, «что правительство висит в воздухе и никого не удовлетворяет»³. Министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской предлагал членам кабинета считаться с тем фактом, «что поражения на фронте создали революционно повышенное настроение в стране»⁴. В Совете министров, по заявлению Горемыкина, происходил «быстрый сдвиг влево, вниз по течению». Спустя год после начала войны, в июне 1915 г., Земский и Городской союзы, как отмечает охранка, «впервые сочли необходимым вступить на путь политических требований»⁵.

В августе произошла смена верховного командования. Эта смена вызвала общее недовольство среди буржуазии и большинства членов Совета министров. В Москве, на квартирах у Рябушинского и Конова-

лова, состоялись совещания «прогрессивных деятелей», которые намерены были предъявить требования об организации правительства, пользующегося «доверием страны и полнотою власти». Охранка предупредила правительство, что следует ожидать резолюции Московской городской думы с требованием полного обновления состава настоящего кабинета с готовым списком лиц на министерские посты⁶.

13 августа 1915 г. газета «Утро России» — орган Рябушинского — опубликовала предполагаемый личный состав нового правительства, назвав его «кабинетом обороны». 18 августа состоялось частное совещание гласных Московской городской думы, на котором велись речи о единстве «народных» представителей, т. е. членов Государственной думы, с правительством, пользующимся «полным доверием страны».

Между членами Государственной думы и Государственного совета заканчивались переговоры о программе прогрессивного блока. 19 августа Московская городская дума приняла резолюцию с требованием «создания правительства сильным доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна»⁷. 22 августа была закончена работа по выработке программы прогрессивного блока. Совет объединённого дворянства уполномочил своего председателя послать Горемыкину письмо, в котором говорилось, что «произносимые и передаваемые прессой во все концы страны левые речи» «являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя»⁸.

Правительство приняло решение вступить в переговоры с прогрессивным блоком на предмет осуществления его программы. В газетах открыто назывались имена кандидатов в состав нового правительства, на заседаниях правительства обсуждался вопрос о роспуске Государственной думы, об уступках буржуазии, о необходимости работать в контакте с общественностью. Совет министров вопреки желаниям своего председателя принял решение «ходатайствовать» о немедленном созыве заседания Совета министров под председательством царя для обсуждения вопросов о верховном главнокомандующем, об эвакуации Петрограда и «о внутренней политике на будущее, т. е. политика твёрдая или же политика, идущая навстречу общественным пожеланиям». Большинство членов Совета министров выступало за уступки буржуазии, за соглашение с ней, даже за уход правительства в отставку. Создалось оригинальное и чрезвычайно редкое положение, когда министр внутренних дел князь Н. Шербаков, призванный охранять трон, на заседании Совета министров заявил, что монарх и правительство находятся «в радикальном разноречии» со всей «благоразумной» общественностью, т. е. «с дворянами, купцами, городами, земствами и даже армией», и требовал не репрессий,

¹ Милюков П. Россия на переломе. Т. I, стр. 12—13.

² ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 50. Журнал заседаний Особого совещания № 24 от 19 августа 1915 года.

³ Архив русской революции. Т. 18; «Тяжёлые дни» (секретное заседание Совета министров), стр. 64, слова Сазонова на заседании Совета министров 11 августа 1915 года.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ «Буржуазия накануне февральской революции». Центрархив, 1927 г., стр. 19—21.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Поливанов А. Мемуары, стр. 222.

⁸ Там же, стр. 223.

а уступок в пользу буржуазии. Дело кончилось тем, что большинство Совета министров пошло на открытую демонстрацию.

21 августа, вечером, на квартире министра иностранных дел Сазонова собрался фактически весь Совет министров (кроме Горемыкина, Хвостова и Рухлова). Здесь было принято известное обращение к царю с «единодушной просьбой» отказаться от замены Николая Николаевича и указано на коренное «разномыслие» с председателем Совета министров «в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства»¹. Это была наиболее яркая иллюстрация распада верхов, разброда среди правящей клики.

Буржуазия чувствовала себя именинницей и готовилась возглавить правительство, если и не ответственное перед Думой, то, по крайней мере, пользующееся «доверием страны». К этой программе, которую Горемыкин и Хвостов называли программой государственного переворота, примыкало и большинство Совета министров. Буржуазия добивалась власти, и в этом ей помогали те представители знати и правительства, которые ещё не утратили способности разбираться в обстановке и понимали, что продолжение войны возможно лишь при активном сотрудничестве с буржуазией. Умеренный столыпинец, Сазонов считал возможным включить в программу правительства и «пять шестых программы блока». Он был совершенно прав, ибо отлично понимал, что кадеты и другие представители буржуазии боятся революционного взрыва, а посему намечают умеренную программу буржуазных реформ, долженствующих укрепить монархию. Милюков также считал программу прогрессивного блока приемлемой «для тогдашнего правительства», т. е. правительства Горемыкина. Программа блока была рассчитана на сохранение монархии в России и предупреждение революции. Как справедливо пишет Милюков, прогрессивный блок хотел дать «последний шанс царю для спасения династии в России, для предупреждения революционной катастрофы»².

Но этой помощью буржуазии царизм не сумел воспользоваться. Перепуганный Горемыкин и его единомышленники видели в создании блока средство для «захвата власти». Добровольно уступать власть они не собирались.

Как известно, несколько дней спустя переговоры правительства с лидерами «прогрессивного блока» кончились разрывом. Горемыкин добился роспуска Государственной думы и поворота всей политики правительства вправо.

Мы коротко охарактеризовали политические настроения правящих верхов и буржуазии в то время, когда было принято решение о создании Особых совещаний по обороне государства, по топливу, по перевозкам и по продовольствию. Эта военная

реформа государственного аппарата была проведена под нажимом и по инициативе буржуазии. Буржуазия очень внимательно следила за работой государственного аппарата, и когда военное министерство внесло законопроект о создании Особого совещания по обороне государства, единственного органа, обязанного руководить перестройкой хозяйственной жизни страны на военный лад, она поддержала это предложение, но вместо одного Совещания предложила создать четыре, с целью охватить все основные вопросы военной экономики страны: «Для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства и для обеспечения армии и флота предметами боевого и прочего материального снабжения учреждается под председательством военного министра Особое совещание»³. Особое совещание по обеспечению топливом было организовано под председательством министра торговли и промышленности, по продовольственному делу — под председательством министра земледелия, а по перевозкам — под председательством министра путей сообщения.

Совещание по обороне государства имело более широкие полномочия, чем Совещания, ведавшие хозяйственными вопросами. Наряду с обеспечением армии и флота всеми видами вооружения и боевого снабжения Совещание по обороне должно было заниматься объединением мероприятий по обороне, т. е. координацией всех усилий тыла для снабжения армии и флота. Состав этого Совещания был наиболее широким⁴. Наряду с работниками военного ведомства и представителями других министерств в основное ядро Совещания входили представители Государственной думы и Государственного совета. Совещание по обороне походило на маленький парламент, состоявший из 50 человек. Во все остальные Совещания входили лишь по 7 представителей от Государственной думы и Государственного совета, пред-

³ Положения об Особых совещаниях напечатаны. См. Особые совещания и комитеты военного времени. Сост. государств. канцелярия, стр. 7. Петроград. 1917.

⁴ В состав Особого совещания по обороне государства входили: «1) председатель Государственного совета, 2) председатель Гос. думы, 3) девять членов Гос. Совета и девять членов Гос. думы, по избранию сих установлений, по принадлежности, 4) представители от министерств: морского, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности и от Государственного контроля, по одному от каждого ведомства, назначаемые главными начальниками подлежащих ведомств, по согласию с военным министром; 5) пять представителей от военного министерства, по назначению военного министра, 6) представители Всероссийского земского и городского союза — по одному от каждого по избранию их комитетов и 7) четыре представителя Центрального военно-промышленного комитета, по его избранию» (там же, стр. 8—9).

¹ Поливанов А. Мемуары, стр. 235—236.

² Милюков П. Россия на переломе, стр. 14.

ставители буржуазных общественных организаций допускались сюда также в меньшем количестве, представители Военно-промышленного комитета вовсе не участвовали ни в Совещании по продовольствию, ни в Совещании по перевозкам¹. Представители Государственной думы в Особых совещаниях сохраняли свои полномочия и во время перерывов в её работе и после досрочного её роспуска до нового созыва.

Все представители промышленности и банков, персонально входившие ранее в состав Совещания по усилению армии всеми видами довольствия, теперь механически исключались из состава вновь созданного Совещания по обороне. Они были заменены представителями буржуазных организаций, что означало усиление представительства «отечественной» буржуазии.

Буржуазия добилась довольно сильного представительства во всех государственных, центральных и местных органах Особых совещаний, имевших отношение к экономике войны и вопросам государственной обороны². Особые совещания являлись высшими государственными «установлениями», которым никто не мог давать предписаний и требовать от них отчёта. Лишь по окончании войны председатели их должны были представить отчёты о своей деятельности в Государственную думу и Государственный совет вместе с журналами заседаний. Следовательно, законодательные палаты сохранили лишь право последующего контроля и проверки. Денежные средства, необходимые для деятельности Особых совещаний, представлялись Советом министров.

Основное внимание Особого совещания по обороне было сосредоточено на деятельности всех предприятий — казённых и частных, работающих для армии и флота. Оно заботилось о расширении старых предприятий, о постройке новых предприятий, о распределении оборонных заказов между русскими и иностранными предприятиями. Председатель Особого совещания по обороне был наделён исключительно широкими правами в решении вопросов промышленности³. Он мог закрывать предприятия, не выполняющие казённые заказы, требовать выполнения заказов казны ранее других, секвестрировать частные предприятия и назначать для управления ими уполномоченных. В случае необходимости он

мог устранять от службы и смещать директоров, управляющих, советы предприятий, работающих на оборону, регулировать заработную плату.

Председатель Совещания по топливу мог устанавливать «предельные цены» на все виды топлива; он же распределял жидкое и твёрдое минеральное топливо между потребителями. Председатель Совещания по продовольствию получил исключительные права не только по заготовкам продовольствия и фуража для армии, но и в отношении регулирования торговли ими и цен. Он мог применять «общие и частные реквизиции скота, всякого рода продовольственных ресурсов, фуража и семян»⁴.

Председатель Совещания по перевозкам получил исключительные права в деле регулирования перевозок, изменения правил перевозки, выгрузки и хранения грузов. Его внимание было сосредоточено на усилении «пропускной способности железных дорог»⁵, снабжении их подвижным составом, строительстве подъездных путей, выполнении заказов на подвижной состав внутри страны и за границей. Он мог устанавливать «принудительное пользование» подвижным составом, пароходами, баржами на водных путях и т. д. В случае невозможности выполнить предъявляемые другими Совещаниями требования на перевозке арбитром являлось Совещание по обороне.

Хотя все Совещания, по положению, являлись «верховными установлениями», независимыми и не подчинёнными другим, всё же Особое совещание по обороне было первенствующим среди них. По положению, оно могло вмешиваться и очень часто вмешивалось во все сферы экономической жизни и контролировало деятельность остальных Совещаний. Все решения председателей Особых совещаний по продовольствию, топливу и по перевозкам «срочно сообщаются» военному министру как председателю Совещания по обороне на окончательную санкцию. Он имел право своей властью «приостанавливать все распоряжения» председателей Особых совещаний и ставить эти вопросы на обсуждение Совещания по обороне с приглашением председателей и членов этих совещаний, а если и там не достигалось соглашения, то «вопрос выносится немедленно в Совет министров на его разрешение»⁶. Такой порядок решения вопросов давал возможность до некоторой степени объединять и направлять деятельность всех Совещаний по одному плану.

Особое совещание по обороне становилось своеобразным экономическим штабом, регулирующим всю хозяйственную жизнь страны. Создание Особых совещаний являлось своего рода попыткой государственно-капиталистической организации хозяйственной жизни страны. Решающая роль сохранялась при этом за агентами государственной власти, за министрами, но бур-

¹ В положении об Особых совещаниях по перевозкам, продовольствию и топливу было особо оговорено право председателя приглашать представителей буржуазных общественных организаций для участия в заседаниях.

² Вопросы стратегии войны не подлежали компетенции Особого совещания и военного министра: ими целиком занималась Ставка верховного главнокомандующего.

³ Положение о Совещании по обороне, стр. 10, п. 10.

⁴ Там же, стр. 33, п. 10.

⁵ Там же, стр. 39, п. 11.

⁶ Там же, стр. 26, 35, 46.

жуазия послала во все созданные организации своих представителей, которые, помогая правительству в организации военного хозяйства, одновременно должны были отстаивать узкомеркантильные интересы буржуазии и укреплять её политические позиции.

Испомогательными органами всей этой системы являлись военно-промышленные комитеты, Земский и Городской союзы, поскольку они принимали участие в работе на нужды войны.

Особые совещания имели свой аппарат на периферии. Все председатели Особых совещаний получили право назначать на места своих уполномоченных, под председательством которых организовались местные совещания с участием представителей от Всероссийского земского и Городского союзов, а также от местного военно-промышленного комитета¹ и чиновников. По линии Особого совещания по обороне эти местные совещания получили название «Заводских совещаний».

10 сентября 1915 г. Поливанов утвердил положение о Заводских совещаниях, а 17 октября царь утвердил и районных уполномоченных Заводских совещаний².

Заводские совещания организовались с целью более полного использования производственной мощи заводов и лучшей организации сотрудничества заводов в пределах района. Заводские совещания получили право обследовать заводы и выдавать новые заказы. Председатели Заводских совещаний были правомочны проводить общие и частные реквизиции, устанавливать размер заработной платы рабочим, изменять характер и объём производства, а также выдавать авансы, пособия и ссуды; они же возбуждали перед председателем Совещания представления об отстранении от службы членов правлений, директоров и управляющих как казённых, так и частных заводов, если в этом была необходимость. Всего было организовано 11 районов и столько же утверждено уполномоченных председателя Особого совещания по обороне: Петроградский район (6 губерний), Ревельский район (2 губернии), Московский район (12 губерний) и два завода — Сормовский и Кулебакский, Нижегородский район (6 губерний), Киевский (6 губерний), Екатеринославский район (4 губернии), Харьковский район (3 губернии), Ростовский район (объединял область Войска Донского и Царицынский уезд, Саратовской губернии), Уральский район (6 губерний и 2 области), Сибирский район (вся Сибирь, включая и полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги), Кавказский район (10 губерний и областей).

¹ Положения о Совещаниях по обороне, стр. 15, 24, 35, 44.

² ЦВИА, ф. 369, оп. 1, д. № 9. О личном составе Особого совещания и образующих при нём комиссий и комитетов, лл. 146—148, 5 сентября 1915 года. Проект положения о Заводских совещаниях был рассмотрен и утверждён Особым совещанием.

В ноябре 1915 г. генерал-губернатор Гондатти ходатайствовал об организации двух отдельных Заводских совещаний для Восточной Сибири с центрами в Иркутске и Хабаровске. В связи с перенесением Сибирского совещания из Томска в Иркутск вопрос об организации новых Заводских совещаний отпал.

Районными уполномоченными Особого совещания чаще всего назначались военные³. Самой видной фигурой из них был уполномоченный Петроградского района генерал от инфантерии А. Мышлаевский, бывший одно время начальником Генерального штаба. Мышлаевский принимал деятельное участие в заседаниях Особого совещания по обороне и руководил работой металлургического комитета. Несмотря на широкое представительство буржуазных элементов общее руководство Заводскими совещаниями крепко держали в своих руках военный министр и его представители. Особое совещание по обороне имело несколько постоянных комиссий, всё время регулярно работавших и готовивших вопросы для Особого совещания⁴.

Наблюдательная комиссия под председательством А. Куломзина (председатель Государственного совета) должна была контролировать выполнение заказов и контрактов, заключённых с поставщиками. Судя по подробным журналам Совещания, Куломзин не играл руководящей и активной роли в работе Совещания. Были организованы две подготовительные комиссии: одна ведала вопросами артиллерийского снабжения; председателем её был член Государственного совета С. Тимашев, бывший министр торговли и промышленности; другая комиссия — общего характера — ведала вопросами инженерного, интендантского и санитарного снабжения; председателем её был генерал-майор А. Саткевич. По предложению В. Гурко, была организована эвакуационная комиссия — для выработки плана эвакуации предприятий. Деятельность её должна была протекать в контакте с деятельностью аналогичной подкомиссии Государственной думы и Совещания по эвакуации при министре торговли и промышленности; председателем этой комиссии был назначен председатель Государственной думы М. Родзянко. Таким образом, оба председателя законодательных палат являлись не рядовыми участниками Совещания по обороне, а руководящими работниками, ведавшими крупными разделами его работы.

Во всех комиссиях самую деятельную роль играли представители буржуазной

³ За исключением «штабмейстера» Безака (Киевский район) и статского советника Егорова (Уральский район), все остальные уполномоченные — генералы и адмиралы и один полковник — князь К. Н. Абхази.

⁴ В ЦВИА имеются протоколы этих комиссий. Решение о создании комиссий и их личном составе было вынесено 26 августа 1915 г., на первом заседании Особого совещания.

общественности — А. Гучков, А. Коновалов, Д. Зернов (от Военно-промышленного комитета), князь Львов и др. Наиболее активное участие в работе Совещания принимали Тимашев и Родзянко¹.

Заседания Совещания по обороне проходили два раза в неделю, велся подробный журнал заседаний, который подписывался членами Совещания. В случае несогласия с принятым председателем Совещания решением члены его могли записать особое мнение, которое помещалось приложением к журналу. Как правило, председатель Особого совещания по обороне вносимые предложения ставил на голосование всех членов. Изредка в качестве приложения к журналу помещались другие документы: решения подготовительных комиссий, доклады комиссий, проводивших обследования, и т. д. При наблюдательной комиссии была особая анкетная комиссия, занимавшаяся разного рода статистико-экономическими исследованиями, учётом рабочей силы и забастовок, выяснением степени загрузки промышленности отдельных районов и целых отраслей военными заказами. Позднее при Особом совещании по обороне были организованы комитет по снабжению металлами, комиссия по учёту рабочей силы, реквизиционная комиссия и валютная комиссия.

22 августа 1915 г. в Зимнем дворце состоялось заседание Особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам под председательством Николая II². За длинными столами, проходившими через всю залу, разместились, с одной стороны, царь с министрами и чиновниками министерств, по другую сторону — представители буржуазной общественности. Это разделение участников Особых совещаний на два лагеря выражало действительное разделение, наметившееся среди правящих групп общества. Не было прочного единства даже среди господствующих классов общества — дворянства и буржуазии, — не было его и среди членов Особых совещаний. Поэтому объединённое заседание Особых совещаний имело скорее торжественный характер, оно должно было продемонстрировать, что новый верховный главнокомандующий — Николай II — «руководит и работами тыла».

¹ В архиве сохранились стенограммы заседаний эвакуационной комиссии и её журналы. Ряд стенографических записей заседаний остался невыправленным. Они, видимо, служили материалом для составления журналов.

² Последнее заседание Особого совещания по усилению снабжения артиллерийским снаряжением действующей армии состоялось 19 августа 1915 года. Это было 24-е заседание. Журнал объединённого заседания Особых совещаний имеется в деле без номера. Первое заседание Особого совещания по обороне государства состоялось 26 августа 1915 года. С этого заседания начинается новый счёт заседаниям Особого совещания по обороне.

Всё заседание свелось к трём коротким речам, которые произнесли царь, военный министр Поливанов и председатель Государственной думы Родзянко.

Николай II говорил, что усиление армии боевыми припасами является самым главным и важным делом, порученным Особому совещанию по обороне. Военный министр более точно и конкретно указал на новые задачи, стоящие перед вновь созданными Особыми совещаниями. Они сводились к тому, чтобы «довести до крайнего напряжения производительные силы страны» с целью снабжения армии всем необходимым. Только через год после начала войны представители правительства открыто заговорили о необходимости «напряжения» всех производительных сил страны, чтобы обеспечить победу армии.

В речи Родзянко явно звучали нотки политических требований. Указав на крепость народного духа, он обратился к царю с пожеланием призвать к работе по укреплению армии «весь верный вам русский народ»³. В этом расплывчатом и неопределённом лозунге передавались требования и устремления русской буржуазии, изложенные в программе «прогрессивного блока», сводившиеся к требованию передачи власти в руки буржуазии. «Создание объединённого правительства из лиц, пользующихся доверием страны» — вот первый и основной пункт программы «прогрессивного блока», изложенный Родзянко несколько туманно.

Несколько дней спустя после заседаний Особых совещаний министр земледелия Кривошеин прямо заявил на заседании Совета министров: «Что мы ни говори, что мы ни обещай, как ни заигрывай с прогрессивным блоком и общественностью, нам всё равно ни на грош не поверят. Ведь требования Государственной думы сводятся к вопросу не программы, а людей, которым ввернется власть»⁴.

Судя по речи Родзянко и по тому, что делалось за стенами Зимнего дворца, можно с уверенностью сказать, что Особые совещания не приведут к прочной консолидации буржуазии вокруг правительства. Совместное заседание Особых совещаний не сплотило даже самое правительство. Буржуазия использовала эти Совещания для дальнейшей борьбы за власть, для наступления на рабочий класс. Как раз после объединённого заседания Особых совещаний Николай II получил через военного министра письмо от большинства министров о «коренном разномыслии» с председателем Совета министров и с требованием уступок в пользу буржуазии. Этот факт, несомненно, побуждал представителей буржуазии к дальнейшим оппозиционным политическим выступлениям.

³ ЦВИА, ф. 369, оп. I, д. № 53. Журнал объединённого заседания Особых совещаний.

⁴ Архив русской революции. Т. 18. «Тяжёлые дни», стр. 123.

Первое деловое заседание Совещания по обороне состоялось 26 августа. В числе членов Совещания оказался весь цвет российской бюрократии: от Государственного совета — Куломзин, затем Тимашев, Тимирязев, Стишинский, Трепов и др. Большинство участников Совещания — представители Государственной думы — принадлежало к оппозиционному лагерю, хотя среди них были и правые — Н. Марков и В. Шульгин. Крайним «левым» был кадет А. Шингарёв. Вожака кадетов — П. Милюкова — в то время на Совещание ещё не допускали. Среди членов Совещания оказались и лидеры буржуазных общественных организаций: князь Г. Львов — от Земского союза, М. Челноков — от Всероссийского союза городов, Гучков и Коновалов — от Центрального военно-промышленного комитета. Военное министерство было представлено наиболее видными генералами — Беляевым, Лукомским, Маниковским и др.

Среди членов Совещания было мало людей, знавших технику боевого снабжения и вообще практически знакомых с работой промышленности. «Зато было много таких, которые видели в этом Совещании главным образом орудие политической борьбы. И так как таких было большинство и они были наиболее активными, то военный министр, их ставленник, являвшийся якобы полным хозяином дел, на самом деле был послушным орудием в руках этих господ, которые делали, что хотели»¹. Если допустить, что в этих словах Маниковского, прекрасно знавшего весь состав Совещания по длительной совместной работе, имеется известное преувеличение, то всё же в основном эта характеристика справедлива. Ни Поливанов, ни сменившие его генералы Шуваев и Беляев не были настоящими и полными хозяевами положения. Они вынуждены были считаться с требованиями и пожеланиями буржуазии. А Поливанов прямо шёл у неё на поводу. Совещание по обороне являлось трибуной для буржуазии, разоблачавшей несостоятельность военного ведомства в организации обороны.

Наиболее крупные деятели банков в работе Совещания не принимали органического участия. Они появлялись в зале заседаний лишь в связи с обсуждением их контрактов или в качестве просителей о выдаче многомиллионных ссуд и авансов. Но влияние банковского капитала на деятельность Совещания было огромно. Не один раз банки заставляли Совещание считаться с их силой и уступать в важных вопросах.

Осенью 1915 г. армия переживала ещё глубокий кризис боевого снабжения. Поэтому первым вопросом, которым занялось Особое совещание, было обеспечение армии артиллерией, винтовками и патронами.

Одновременно с работой Особого совещания по обороне начала свою работу и Верховная комиссия, организованная для расследования причин недостаточности боевого снабжения армии. Организация этой комиссии явилась уступкой глубокому общественному недовольству, выявившемуся в стране. Верховная комиссия должна была явиться, по замыслу правительства, отдушиной для общественного недовольства. Комиссия собрала огромный и ценный материал о работе промышленности, о деятельности военного министра Сухомлинова, но практического влияния на работу Совещания по обороне не оказала.

Мы рассмотрели политику правительства и буржуазии в конце первого года войны. Реакционное царское правительство оставило армию без снаряжения и вооружения. За его преступную политику армия расплачивалась морем крови и десятками тысяч человеческих жертв. Поражение русской армии в 1915 г. было прямым следствием преступной политики правительства. Это породило стихийное недовольство в армии и в тылу и подготовило революционную обстановку к осени 1915 года.

Русская буржуазия боялась революции, поэтому она укрепляла свои организации, сколачивала «прогрессивный блок», рассчитанный на сговор, на сделку с правительством. Боясь, что поражение в войне с Германией повлечёт крах всех её империалистических замыслов и ускорит революцию, буржуазия выступила с программой мобилизации промышленности. Она рассчитывала полностью захватить в свои руки руководство экономической жизнью страны. Но буржуазии не удалось осуществить свой план. Однако, отказывая буржуазии в политических уступках, распуская Государственную думу, правительство, вместе с тем, не могло отказаться от сотрудничества с буржуазией. Виднейшие лидеры российской буржуазии, руководители вновь созданных буржуазных организаций — Земского и Городского союзов Центрального военно-промышленного комитета, а также Государственной думы и Государственного совета — послали своих представителей во вновь созданные государственные органы власти — Особые совещания. Тем самым буржуазия значительно упрочила свои позиции. Это сотрудничество с реакционным правительством русская контрреволюционная буржуазия не прерывала ни на один день, даже когда выступала с политической критикой деятельности царизма. Наоборот, она всячески старалась помочь царизму довести войну до победного конца. Однако, как показали дальнейшие события, сотрудничество буржуазии с правительством в Особых совещаниях и деятельность буржуазных организаций не могли организовать экономику страны, преодолеть начавшийся экономический кризис и предотвратить назревавшую революцию.

¹ Маниковский А. Боевое снабжение русской армии. Ч. 3-я, стр. 160—161. М. 1923.

ПРУДОН И БОНАПАРТИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ, 2 ДЕКАБРЯ 1851 ГОДА

Н. Застенкер

Среди произведений Прудона особое место занимает его книга о бонапартистском перевороте 2 декабря 1851 г., вышедшая в свет летом 1852 г., — «La révolution sociale, démontrée par le coup d'Etat du 2 décembre». По своему содержанию и политическому смыслу это произведение представляет не только исторический интерес: его надо причислить к тем мутным источникам, из которых на разных исторических этапах черпали вдохновение реакционные писаки, боровшиеся против демократической республики во Франции. Книгой Прудона прикрывались неоднократно многочисленные ренегаты и карьеристы, перебежавшие на службу французской плутократии. Из неё пополняли свой идеологический багаж «теоретик» итальянского фашизма. Наконец, в наши дни это произведение Прудона послужило средством самооправдания и орудием растления народа которыми охотно пользовалась клика фашистских оборотней из бывших социалистов и синдикалистов, подвизавшихся на ролях «теоретиков» петэновского режима и гнусно предавших Францию Гитлеру.

Несмотря на своё злое влияние на политическую жизнь Франции названное сочинение Прудона не получило должной оценки в обширной литературе, посвящённой «отцу анархии». При этом, как мы увидим ниже, многочисленные комментарии и характеристики идей этой книги в трудах буржуазных, да и социалистических, историков искажали её подлинный смысл и место в теоретической и политической биографии Прудона.

К сожалению, и марксистская литература о Прудоне несвободна от серьёзных ошибок в оценке этой книги и не раскрыла действительных отношений Прудона с бонапартизмом. Оставив в тени историю происхождения книги Прудона, наша, марксистская литература ограничивалась беглыми замечаниями об этом произведении, не получившем до сих пор должного объяснения. И это несмотря на то, что смысл позиции Прудона в отношении бонапартистского переворота вскрыл ещё Маркс.

Главную мысль своего произведения Прудон довольно точно передал названием книги — «La révolution sociale, démontrée par le coup d'Etat du 2 décembre» («Социальная революция, показанная переворотом 2 декабря»). Смысл этого парадоксального названия автор разъяснял в письме к Луи-Наполеону, обращаясь к нему с просьбой

разрешить выход в свет своей книги¹. «Вы являетесь революцией девятнадцатого века, так как не может быть ничем иным. Вне этого 2 декабря было бы лишь историческим происшествием, не имеющим ни принципа, ни значения, — таков мой первый пункт. Теперь — знаете ли вы об этом, г-н президент? Хотите ли вы этого? Решитесь ли сказать это? Щекотливые вопросы, которые я не смею решить, — таков мой второй пункт. В этом вся моя книга»².

И действительно, вся книга Прудона была посвящена доказательству того, что Луи-Наполеон, организатор государственного переворота, который удушил республику и установил диктатуру военщины и плутократии над французским народом, является не кем иным, как носителем и орудием социальной революции. Как доказывал Прудон, бонапартистский переворот не только не задушил социальную революцию, но, напротив, продвинул её вперёд и дал ей возможность осуществиться. Так пытался представить Прудон французскому народу бонапартистскую диктатуру в те дни, когда она путём террора расправлялась с революционными рабочими, с верными республике крестьянами, с республиканцами, со всеми передовыми людьми Франции, охваченными ненавистью и презрением к кровавой наполеоновской шайке.

Не удивительно, что эта книга вызвала негодование республиканского лагеря и повлекла за собой обвинение Прудона в бонапартизме. Это обвинение совершенно естественно, если принять во внимание необычайный тезис книги и ту пользу, которую извлёк из выступления Прудона бонапартистский лагерь в первые месяцы после переворота. При всём широко известном пристрастии Прудона к парадоксам было невозможно объяснить этим пристрастием данное сочинение. Прудон не мог не отдавать себе отчёт в том, что он поёт в уни-

¹ Когда книга Прудона была уже напечатана, цензура наложила на неё запрет. Прудон обратился с открытым письмом к Луи-Наполеону, в котором взывал к «высокой политике» Бонапарта и добивался снятия цензурного запрета. Благодаря личному вмешательству Луи-Наполеона выход книги Прудона был разрешён.

² Proudhon P.-J. «La révolution sociale démontrée par le coup d'Etat du 2 décembre», p. X. 6-e ed. Paris. Garnier Frères. 1852 (в дальнейшем: «La révolution sociale...»).

сон с хором памфлетистов, который, вдохновляясь субсидиями Елисейского дворца, защищал и восхвалял Луи-Наполеона и его узурпаторский переворот. Прудон чувствовал это и в разгаре работы над книгой признавался в том, что его произведение «является до известной степени соучастием в преступлении» и «проституированием разума»¹.

Однако книга Прудона выделялась из бонапартистской литературы и своим замыслом и своей конструкцией. Тот факт, что она не была оплаченной бонапартистской стражей, только увеличивал её влияние на общественное мнение, подчёркивал ещё сильнее её опасность и справедливость негодования республиканского лагеря.

Произведение Прудона отличалось от бонапартистских брошюр и статей, равно как от республиканских памфлетов, видевших в перевороте 2 декабря лишь удачно выполненный заговор, прежде всего наличием широкой исторической конструкции. Прудон видел в событиях бонапартистского переворота «нечто иное, чем только заговор», и стремился показать его историческую закономерность, исходя из истории революции 1848 года. Эта закономерность, по Прудону, сводилась к следующему. Тайной всех переворотов, от июльской революции 1830 г. до 2 декабря 1851 г., является социальный вопрос. Его провозгласила февральская революция 1848 г., но она не решила его. Временное правительство также не осмелилось осуществить социальную революцию отчасти из-за общего предубеждения против неё, отчасти из-за боязни того, что произойдёт, если начать её осуществление. И в результате создалась следующая ситуация: «Против демократии образовалась коалиция всех, кто, правильно или неправильно, был напуган. собственники, предприниматели, мануфактуристы, торговля, банк, духовенство, крестьяне, высшее офицерство, чиновничество, — словом, две трети страны. 15 мая и 24 июня революционная демократия пытается вернуть себе руководство; ей противоставляют её собственный закон — всеобщее избирательное право, её повергают наземь»². Борьба была перенесена на почву конституции, что означало отступление демократии и привело к избранию президентом республики Луи-Наполеона.

В этом историческом экскурсе Прудона мы напрасно стали бы искать правильное объяснение причины успеха Луи-Наполеона на президентских выборах. Прудон не сделал из своего исторического очерка вы-

вода, что Луи-Наполеон — представитель всех сил реакции, собравшихся вокруг авантюриста с фамилией Бонапарта, как знамени контрреволюции, знамени борьбы против демократической республики. После президентских выборов, утверждал Прудон, Луи-Наполеон делается «представителем революции», ибо глава государства «не представляет партий, не наследует собственности; он представляет ситуацию, он наследует необходимость»³. Таков неожиданный вывод Прудона, искажавшего логику исторических событий по причинам, о которых мы будем говорить ниже. Обзор последующей истории Прудон завершил таким же благоприятным для Луи-Наполеона заключением. В 1851 г., писал Прудон, создалось следующее положение: все партии, правые и левые, хотели диктатуры. Её хотели и «уставшие массы» и «обеспокоенная буржуазия, стремившаяся положиться на услужливого главу защитников её интересов»⁴.

Переворот 2 декабря имел успех якобы благодаря этой ситуации. Луи-Наполеона поддержали буржуазия и значительная часть среднего класса. Но решающую роль в успехе бонапартистского переворота, по Прудону, сыграли народные массы. — «не вооружённая сила, а народ, безучастный и скорее симпатизирующий, — вот кто решил движение в пользу Бонапарта»⁵. Прудон целиком воспроизвёл в своей исторической схеме эту бонапартистскую легенду и клевету на французский народ, сопроводив её сентенцией, которую восхваляли и на все лады перепевали французские реакционные публицисты и современные фашисты: «Никто, в сущности, не является меньшим демократом, чем народ. Его идеи всегда возвращаются к единоличной власти»⁶.

При такой ситуации, доказывал Прудон, Луи-Наполеон смог удачно совершить переворот «один и против всех», что показывает «силу обстановки и логику истории». Но и в данном случае Луи-Наполеон является «наследником ситуации». И Прудон снова проделывает вольфас с оценкой исторического смысла успеха бонапартистской шайки: «Луи-Наполеон, так же как и его дядя, является революционным диктатором, с той разницей, что первый консул спешил закончить первую фазу революции, тогда как президент открывает вторую»⁷. Он «агент нового периода, он выражает высшую форму революции»⁸. Увенчав таким выводом свою историческую конструкцию, Прудон посвятил остальную часть книги выяснению этой «формулы», убеждая Луи-Наполеона принять её и взяться за её осуществление.

Внимательный читатель книги Прудона не мог не заметить существа подтасовки, которую проделал автор в «историческом»

¹ См. записки Прудона в его неопубликованной памятной книжке, которые приводят Доллеанс и Дюво, авторы предисловия и редакторы последнего французского издания книги Прудона (Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 70. Paris, Marcel Rivière. 1936).

² Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 59. 1852.

³ Ibidem, p. 62.

⁴ Ibidem, p. 72.

⁵ Ibidem, p. 70.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem, p. 88.

⁸ Ibidem, p. 89.

анализе событий. Несмотря на то что Прудон говорил о классах и классовой борьбе в революции 1848 г., он был далёк от объяснения этой борьбой политики правительства. В политических деятелях он видел прежде всего носителей соответствующих идей и догм. «Человек является всегда, во всех обстоятельствах своей жизни, лишь выразителем какой-либо идеи»¹, — убеждал Прудон Луи-Наполеона. Правительственная власть и политика представляли, по Прудону, не классовую политику, а историческую ситуацию, воспринятую в свете абстрактных идей носителя власти. Враждебную пролетариату политику временного правительства он старался представить как «предрассудок» и «ошибку». Главе бонапартистской шайки Прудон приписывал роль руководителя революции. При этом он пытался «доказать», будто революция была навязана Наполеону III всей ситуацией, сложившейся к моменту взятия власти, как историческая необходимость. Могло казаться, что Прудон исходил здесь из мысли о «душеприказчиках революции», как говорил впоследствии Маркс о реакционных правительствах, унаследовавших задачи, не решённые революцией 1848 г., и вынужденных решать их реакционными способами. Однако внимательное рассмотрение книги Прудона и развивавшихся в ней идей убеждает нас в том, что в своей оценке бонапартизма Прудон исходил из соображений, ничего общего не имевших с исторической действительностью периода контрреволюции.

В предисловии к своей бессмертной работе «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс отметил порочность «исторического» объяснения Прудонем переворота 2 декабря, указав на то, что «историческое изображение переворота превращается у него в историческую апологию героя государственного переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых «объективных историков»².

Действительно, Прудон в своей книге старался ярлиться в тогу объективизма и говорил о себе, как о «беспристрастном историке, свободном от всякого партийного озлобления»³. Однако маска объективизма только слегка прикрывала прудоновскую апологику. Прудон, благосклонно относившийся к Луи-Наполеону, говорил ему: «Я ваш благожелательный астролог»⁴. Эта благожелательность, как мы увидим, имела глубокую подоплёку: позиция буржуазного объективизма была всё же недостаточной для того, чтобы объявить душеителя революции её агентом, выразителем её потребностей.

Присмотримся ближе к той «социальной

революции», осуществления которой Прудон ждал от Луи-Наполеона. Известно, что под термином «революция» Прудон понимал экономические реформы и прежде всего реформу кредита, направленную против кредитной монополии финансовой аристократии, облагающей данью процентов промышленность и торговлю, ремесло и сельское хозяйство. Осуществление дешёвого кредита — этого главного требования Прудона — должно было, согласно его взглядам, привести к освобождению труда и к слиянию буржуазии и пролетариата в один собственный класс, что и составляло цель прудоновского реформаторства⁵. «Революция» Прудона несколько не затрагивала основ существующего строя и сводилась к тому, чтобы «средствами гарантийного договора и взаимной помощи сократить незаметным образом бремя, отягощающее производство, вычеты из заработной платы, удержания, навязанные обращению и потреблению; уменьшить утомительность труда, тяжесть сделки, помехи кредиту и рынкам, длительность ученичества, судороги конкуренции, неравенство образования, случайности природы и т. д. — вот в области богатства вся революция, вот прогресс»⁶.

Эту-то задачу, не решённую временным правительством и перешедшую по наследству к последующим правительствам, и призван был, по мнению Прудона, решить Луи-Наполеон, не только как «наследник», но и как представитель идей, близких к программе прудоновской «социальной революции». В этой мысли и заключалась основа всей книги Прудона, всей позорной прудоновской апологетики бонапартизма. Сходство программных лозунгов, наличие общих противников — вот что толкало глашатая реакционной, мелкобуржуазной, утопической программы реформ в сторону бонапартистской реакционной диктатуры. В этом нетрудно убедиться, проследив ход рассуждений Прудона.

С точки зрения Прудона, главным и, собственно говоря, единственным врагом «социальной революции» была паразитическая прослойка буржуазии, жившая на доходы от процентов, привилегий и монополий, — банкиры, ренты, сановная бюрократия, верхи католической иерархии. Главным же

⁵ Прудон писал: «Превратить буржуазию и пролетариат в средний класс, класс, живущий на прибыли, и класс, живущий на заработную плату, в класс, который, собственно говоря, не получает ни прибыли, ни заработной платы, но который изобретает, предпринимает, создаёт ценности, производит, обменивает, который один создаёт экономику общества и действительно представляет страну: таков был, говорим мы, действительный вопрос февраля» (Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 135).

⁶ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 54.

¹ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 87.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 313.

³ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 118.

⁴ Ibidem, p. 232.

средством сохранения господства этих слоёв буржуазного общества Прудон считал государственную власть, основанную на могуществе политических партий. Централизованная государственная власть и политические партии — таковы враги «социальной революции» Прудона. «Порок экономического режима создаёт неравенство состояний и, следовательно, классовое различие; классовое различие вызывает для своей защиты политическую централизацию; политическая централизация порождает партии, при которых власть по необходимости неустойчива и социальный мир невозможен. Только радикальная экономическая реформа может вывести нас из этого круга, а её отталкивают»¹. Этот круг идей Прудона подводил его к приятию демагогического лозунга бонапартизма о «надпартийной» государственной власти. В самом деле: экономическую реформу Прудона «отталкивают» старые партии — легитимисты, орлеанисты, «клерикалы», догматики социалистических школ, «якобинцы» 1848 года. Но бонапартистская диктатура направлена против тех же врагов. В глазах Прудона Луи-Наполеон присоединился к лагерю прудоновской «революции», сделался её оружием, прежде всего своей борьбой против старых партий, охранявших господство «паразитической» прослойки буржуазии.

Важно подчеркнуть, что Прудон понимал этот вывод не только в том смысле, что, борясь против старых партий, Луи-Наполеон становился агентом «революции», так сказать, объективно, независимо от своих взглядов и намерений. В благожелательной оценке бонапартизма Прудон характерно было то, что он считал Луи-Наполеона субъективно близким к своей прудоновской программе «революции». Выражением революционных взглядов и намерений Бонапарта Прудон считал пресловутые «наполеоновские идеи», питавшие бонапартистскую социальную демагогию. Так например известная книга Луи-Наполеона, обещавшая искоренение пауперизма средствами филантропии, социального призрения, общественных работ для безработных, касс взаимопомощи, — словом, убогий арсенал идей полицейского социализма Луи-Наполеона, — эта книга представляла в глазах Прудона свидетельство того, что Бонапарт сознаёт свою «революционную миссию»².

¹ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 54.

² В своих неопубликованных заметках Прудон писал: «Человек, именующий себя Бонапартом, должен знать то, что говорит. Искоренение пауперизма — это освобождение пролетариата, это право на труд, это общество, опрокинутое дном вверх. Словом, Бонапарт сделал не менее, не более, чем Распайль и Ледрю-Роллен: чтобы получить голоса, он стал социалистом» (Proudhon P.-J. «Napoléon III». Manuscripts inédits, publiés par Clément Rochel, p. 189. Paris, 1900).

Ещё более важным доказательством этого Прудон считал другую «наполеоновскую идею» — лозунг «национального правительства», кладущего якобы конец политической неустойчивости и эгоистической борьбе партийных «клик». В своих неопубликованных рукописях о Луи-Наполеоне Прудон писал, что он долго не мог понять «идею» победы Бонапарта на президентских выборах 1848 года. Суть дела, признавался Прудон, раскрыл сам Луи-Наполеон, заявив, что Франция избрала его потому, что он не принадлежит ни к каким партиям. Это означало, расшифровывал Прудон, следующее: «Франция избрала меня потому, что не хочет больше правительства», ибо «власть и партии являются, в отношении друг к другу, следствием и причиной: уберите партии и вы уничтожите власть, и наоборот»³.

Легко понять теперь, какой смысл имело обращение Прудона к Луи-Наполеону с призывом осуществить свою «революционную миссию», которую Прудон выразил формулой: «Антигекратизм, антикапитализм, антифеодализм». Идеи Прудона были направлены на реконструкцию, но вместе с тем — на сохранение буржуазного общества на стадии неразвитости, преобладания мелкого производства. Внутренний реакционный смысл прудонизма мирил кажущееся противоречие между анархистским отрицанием государства и упованием на реакционную диктатуру. «Социальную революцию сделать очень легко, без малейшего потрясения, — убеждал Прудон диктатора. — Если наступит подъём в делах, рост прибылей, доверия, народолюбия, безопасности»⁴, за неё будут и пролетариат и средний класс.

По мнению Прудона, вся трудность заключалась в буржуазии (под ней он подразумевал финансовую аристократию и её защитников), «которую нужно заставить, путём убеждения и заботы о её интересах, добровольно изменить употребление её капиталов, если она не хочет непроизводительно истратить их и, следовательно, быстро прийти к полному разорению»⁵. Предвидя сопротивление этого могущественного слоя и опасаясь его, Прудон возлагал надежды на реакционную силу бонапартистской диктатуры. Не активности народных масс, не борьбе рабочего класса, перед которыми мелкобуржуазный реформатор испытывал непреодолимый страх, а бонапартистской диктатуре Прудон отводил активную роль в преодолении сопротивления социальной реформе со стороны буржуазии. Он требовал от Луи-Наполеона принудительного удешевления кредита и рекомендовал ему «принудить капитал ис-

³ Proudhon P.-J. «Napoléon III...», p. 141.

⁴ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 136.

⁵ Ibidem, p. 137.

кать в командитных обществах тех прибылей, какие ныне сулят ему государственный долг и ипотеки»¹.

Той роли, которую Прудон отводил бонапартистской диктатуре в области социальной реформы, полностью соответствовала и подсказывавшаяся им Луи-Наполеону политическая программа. Эта программа не только исходила из демагогической идеи правительства, стоящего якобы над партиями, но звала бонапартистскую диктатуру идти до конца по пути политического разоружения народа и ликвидации политической самостоятельности рабочего класса. Реакционная природа прудонизма, глубокая связь этой реакционности с апологией бонапартизму нигде, может быть, не выступала так ярко, как в совете, который давал Прудон Луи-Наполеону: «Чтобы справиться с партиями, есть только одно средство — это создать одну партию, которая поглотит все»². Прудон призывал душителя демократической республики к последовательности в ликвидации политических партий и выдвигал, в сущности, идею режима законченной реакции, идею, которую позднее подхватили и развивали теоретики фашистского «тоталитарного» государства. Здесь вплотную сомкнулись между собой реакционность «взбешенного мелкого буржуа» и буржуазная реакция в её особенно гнусной разновидности и форме.

Созпадение идей у таких, казалось бы, противоположных направлений имело своеобразную внутреннюю логику. Кроме упований на активную помощь бонапартистской диктатуры в осуществлении родственной демагогическим посулам Луи-Наполеона «революции» прудонизм с бонапартизмом сближала также общая им реакционная утопия. Реформаторские проекты Прудона опирались на тот же ложный расчёт, что и наполеоновская демагогическая «идея», — на «очищенные» от политики и политической борьбы материальные интересы всех классов. Как расценивал Прудон «революционность» того или иного класса, лучше всего видно из следующих выкладок, которыми он обосновывал свою программу «анархии» в книге «*Idée générale de la révolution en XIX siècle*», выпущенной в 1851 году. Крестьянин хочет земли. Все обещали её ему, но никто не дал. Он скептически относится к правительству. «Он прежде всего революционер, его идеи и интересы диктуют ему это»³. Рабочий хочет «работы, образования, соучастия в делах предприятия, дешёвых жилищ и средств существования». «Не надо принимать слишком серьёзно его конституционные манифестации — на политические теории он плюет так же, как и крестьянин. Он чистый революционер». Коммерсант, промышленник, мелкий собственник вос-

принимают вещи таким же образом: им нужны дела, заказы, дешёвый кредит, долгосрочные ссуды, обширные рынки; никаких налогов и преград. Они называют это наивно «быть консерватором». Это — недоразумение. «Коммерсант, фабрикант, мануфактурист, земельный собственник, всякий из средней и высшей буржуазии, кто несёт бремя патента или ипотеки и пр. и работает на собственный страх и риск, мало озабочен, в сущности, политикой и формой правительства. Эти люди хотят жить и жить хорошо; они революционеры до глубины души, только они ищут революцию по ложной примете»⁴.

Эти же и подобные им рассуждения лежали в основе «наполеоновских идей» Луи Бонапарта, с той разницей, что последний на основе их считал все классы контрреволюционными, в то время как Прудон объявлял их «революционными». В своём конкретном содержании понятия эти были у них сходными. И тот и другой рассчитывали на «равновесие интересов», которое устранил борьбу классов и партий. У одного «равновесие интересов» обеспечивало то состояние общества, при котором в конце концов становились якобы ненужными правительство и государственная власть, у другого оно делалось прочной опорой «независимой» императорской власти. Прудоновский анархизм был своего рода бонапартизмом снизу, который легко мирился с бонапартизмом сверху, ибо покоился на одинаково реакционном основании.

Этой идейной связи прудонизма с бонапартизмом не замечали буржуазные историки и биографы Прудона. Игнорируя идейно-политические связи, они видели в книге Прудона лишь тактическую уловку, тактический приём её автора и, давая ей натянутое, фальшивое объяснение, старались оправдать Прудона, снять с него обвинение в предательстве демократии. Так поступал, например, Чернов, известный либеральный историк республиканского движения во Франции. В своей работе о республиканской партии в период второй империи Чернов отводил от Прудона упреки в измене республиканским идеям на том основании, что Прудон исходил якобы из тактических соображений и напоминал читателю своей книгой изречение античного писателя: «Я не пишу против того, кто издаёт проскрипции». Как говорил Чернов, цель книги Прудона — в том, чтобы «отыскать значение, фатальность государственного переворота, воздав справедливость тем, кто поднялся на борьбу с ним, спасая честь нации»⁵. Но несостоятельность такого объяснения бросается в глаза. Более чем странным был способ воздавать похвалу защитникам республики книгой, которая объявляла душителя республики носителем исторического

¹ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 147.

² Ibidem, p. 235—236.

³ Proudhon P.-J. «Idée générale de la révolution en XIX siècle», p. 347. Paris. Marcel Rivière. 1924.

⁴ Ibidem, p. 347—348.

⁵ См. Tschernoff J. «Le parti républicain au coup d'Etat et sous le second Empire», p. 181. Paris. 1906.

прогресса, а его узурпаторский переворот — «социальной революцией».

Укажем также на фальсификацию смысла позиции Прудона «социалистическим» историком Альбером Тома. В своей «Истории второй империи» Тома представлял Прудона «прозорливцем», старавшимся разгадать тёмную игру Елисейского дворца. А. Тома приписал Прудону намерение защищать «народную политику» от силы, которую Луи-Наполеон пустил в ход «против народных партий», заключив союз с реакционными партиями. Но Тома, поставленный перед необходимостью объяснить, как Прудон, «забывая приёмы, пущенные в ход героем 2 декабря, может мечтать о деятельности социалистического Цезаря», не в состоянии был свести концы с концами и отделался тем, что объявил книгу Прудона «странною»¹.

Тома пытался объяснить политику Прудона тем, что «необходимо было напрячь все усилия, чтобы помешать правительству Бонапарта скатиться вниз по наклонной плоскости в объятия католицизма и социальной реакции»². Нетрудно видеть, что такое «объяснение», будучи характерным для спортунизма Тома, не только оправдывало Прудона, но и обходило главную «странность» его позиции — «забвение» реакционной сущности бонапартизма, отделение Луи-Наполеона от социальной реакции, упование на «деятельность социалистического Цезаря» и т. д.

Не останавливаясь на других объяснениях того же рода, коснёмся соображений, выдвигавших на первый план тактическую уловку, якобы лежавшую в основе книги Прудона. Нет сомнения, что Прудону была свойственна беспринципная тактика политического обмана, или, как он сам говорил, «макиавеллизма». Наш отечественный почитатель Прудона — Н. К. Михайловский — правильно подметил, что «самая умеренная характеристика его образа действия в этом отношении может быть выражена словом «плутоватость»³. Михайловский признавал, что в данном случае «Прудон замарался», пуская в ход эту плутоватость по отношению к Луи-Наполеону. Но, подвергнув морализирующей мелкобуржуазной критике книгу Прудона, Михайловский усмотрел в ней лишь психологическую проблему, считая, что «дело здесь не в теории, а в личности Прудона»⁴. Ошибочность подобного взгляда вскрыл ещё Плеханов в своих блестящих очерках французского утопического социализма XIX века.

Плеханов совершенно правильно указал на то, что беспринципное политиканство ряда социалистов-утопистов являлось логическим следствием отрицания ими политики. Плеханов был прав, когда, приведя в

пример книгу Прудона о бонапартистском перевороте, поставил её в связь с анархистскими идеями автора: «Когда политиканство достигает такой степени интенсивности, оно является не только логическим следствием отрицания политики. Оно служит также едва ли не лучшим показателем сбивчивости, запутанности социальных взглядов занимающегося им утописта»⁵.

Плеханов своим замечанием близко подошёл к правильному решению вопроса об отношении Прудона к бонапартизму. Но и он не усмотрел идейно-политических связей между прудонизмом и бонапартизмом и ослабил свой вывод, оценив книгу Прудона лишь как вызванный политиканством «промах»⁶. В действительности этот «промах» был последовательным падением, объяснение которого надо искать во взглядах Прудона на социальный вопрос, в реакционной сущности его идей.

К объяснению книги Прудона «макиавеллистскими» расчётами «отца анархии» присоединяются и представители современного буржуазного «неопрудонизма». Такую попытку, не лишённую интереса и внешней убедительности, предприняли Доллеанс и Дюво, редакторы новейшего (двоемого) французского издания книги Прудона. В их распоряжении были неопубликованные материалы литературного наследия Прудона, в том числе его памятные книжки, в которых хранятся записи и заметки, проливающие свет на многие страницы политической биографии Прудона. В свете этих материалов отпадает прежде всего возможность объяснить позицию Прудона «актом обольщения», на которое был таким мастером Луи-Наполеон⁷.

Напрашивается вывод, что восхваление героя переворота 2 декабря носило у Прудона лицемерный характер. Этот вывод

⁵ Плеханов Г. Соч. Т. XVIII, стр. 105.

⁶ Там же.

⁷ Прудон довольно трезво оценивал личность Бонапарта и был свободен от иллюзий насчёт политического, интеллектуального и морального уровня главы бонапартистской шайки. В своих заметках в 1852 г. Прудон писал о Бонапарте: «Видя его в первый раз в 1848 году, я испытал смутное чувство, что передо мной человек, умертвивший стыд или, скорее, никогда его не имевший, как та проститутка Марциала, которая не помнила, чтобы она была когда-либо девственницей». Как раз в то время, когда Прудон писал свою книгу, он заполнял свои памятные книжки анекдотами и слухами о Елисейском дворце и характеристиками Луи-Наполеона, вроде следующей: «Незаконнорожденный убудок дочери Жозефины, сын и внук потаскух, глуп, бездарен, без стыда и совести, насмешка над Бонапартом по имени и по крови» (Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 63. Edit. 1936). Об обстоятельствах встречи Прудона с Луи-Наполеоном в 1848 г. см. ниже.

¹ Тома А. «История второй империи». Русский перевод, стр. 33. СПб. 1908.

² Там же, стр. 148.

³ Белинский В. Соч. Т. IV, стр. XVI (статья Н. К. Михайловского «Прудон и Белинский»). Изд. Павленкова.

⁴ Там же.

использовали Доллеанс и Дюво для объяснения книги Прудона сугубо «макиавеллистскими» расчётами. Прудон, по их мнению, надеялся на то, что бонапартистская диктатура, повергая страну в хаос, разрушая устой государства и в то же время не имея никакой конструктивной программы, подготовит наступление царства анархии. «Луи-Наполеон, личность весьма незначительная, уничтожил партии, но, будучи далёк от реконструкции общества, он позволит осуществиться его постепенному разложению; он предоставит стране скользнуть к анархии. И Прудон мог, при данных условиях, сотрудничать с Бонапартом в этом деле установления безвластия (*à cette oeuvre se non gouvernement*)»¹. Однако в этом подкупающем простотой толковании позиции Прудона ошибочно главное допущение, будто бы Прудон сочувствовал бонапартизму, как разрушительной силе, расчищающей путь к анархии своей инертностью, пассивной ролью в общественном переустройстве. На самом же деле Прудон имел в виду не пассивную, а активную роль бонапартистской диктатуры в осуществлении своих реформаторских планов, и его книга, призывавшая Луи-Наполеона осуществить «социальную революцию», отражала эти расчёты автора.

Ещё более красноречиво свидетельствуют об этом письма Прудона, в которых он давал оценку первым мероприятиям бонапартистской диктатуры в области экономических реформ — конверсии ренты, налогу на прибыль, снижению городских пошлин и т. д. Прудон считал, что эти реформы Луи-Наполеона, «у которого есть свой социалистический план», — «меры против буржуазии»².

В переписке Прудона дальнейшие мероприятия бонапартистского правительства характеризовались ещё определеннее. Прудон видел в них программу Луи-Наполеона, которая в ряде пунктов прямо совпадала с его программой. Реформы кредита, которые провела бонапартистская диктатура в 1852 г., Прудон считал чуть ли не заимствованными у себя. «Он только что издал, вынужденный необходимостью, три декрета, которые можно было бы принять за мою социальную ликвидацию в миниатюре: земельный кредит, снижение учётной ставки (французского) банка, организация труда в тюрьмах»³, — писал Прудон о Луи-Наполеоне в марте 1852 г. Ш. Эдмонду.

После учреждения банка поземельного кредита и снижения учётной ставки по коммерческим сделкам до 3% Прудон за-

писал в свою памятную книжку: «Этот декрет, в сочетании с тем, который учредил банк земельного кредита, есть буквально применение моего проекта ликвидации»⁴. Таким образом, совершенно очевидно, что Прудон восхвалял бонапартистский переворот не из расчёта, что его следствием будет стихийный процесс разложения общества, а в надежде на осуществление своих реформаторских планов с помощью силы, преследующей сходные и родственные Прудону цели. Этим объясняется и критика Прудона в его книге пресловутых «колебаний» бонапартистской политики. Прудон был недоволен «непоследовательностью» Луи-Наполеона. Он осуждал законы, которые были направлены на пользу крупным капиталистам, но он видел в этих мероприятиях лишь выражение борьбы внутри бонапартистского лагеря. Прудон представлял дело таким образом: против революционных планов Луи-Наполеона ведёт борьбу примкнувшая к победителю реакция — клерикалы, легитимисты, орлеанисты, крупная буржуазия. Вот почему, как писал Прудон Ш. Эдмонду, Луи-Наполеон ведёт «политику эклектизма, одновременно революционного и консервативного»⁵. Дело в том, объяснял Прудон, что «в проведении своих социалистических проектов он остановлен вдруг сопротивлением банкиров буржуазии и части своей партии»⁶.

Старательно отделяя Луи-Наполеона от буржуазной реакции, Прудон считал борьбу между «революционными» и консервативными элементами в бонапартистском лагере неизбежной и рассчитывал на неё. На эту борьбу и делал ставку Прудон в своей книге. Эта книга, по замыслу Прудона, должна была преодолеть колебания Луи-Наполеона и укрепить его «революционные» намерения, одновременно удержав его от несбыточных цезаристских планов. Но ренегатство Прудона сказало даже в последнем вопросе. Прудон порицал стремление Луи-Наполеона подражать Наполеону I и осуждал его намерение реставрировать империю, объявляя это «забвением» идеи 2 декабря. И в то же время он был не прочь использовать цезаристские намерения Луи-Наполеона в «революционных» целях. Вот пример такого «макиавеллизма». Прудон доказывал Луи-Наполеону бесцельность и даже гибельность политики слепого подражания Наполеону I вследствие коренной разницы в международной и внутренней обстановке. Политика наполеоновских завоеваний невозможна и гибельна. Современная борьба с Англией со-

¹ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 63, éd. 1936; см. также статью G. Duveau «Proudhon pendant la seconde République» в журнале «La révolution de 1848», mars — avril 1936, T. 39.

² Proudhon P.-J. Correspondances. T. IV, p. 180. Paris. 1875.

³ Ibidem, p. 233.

⁴ Проектом ликвидации Прудон называл свой план реформ, имеющих целью осуществление строя «анархии». Этот план был изложен Прудона в «Idée générale de la révolution en XIX siècle» под названием «социальная ликвидация».

⁵ Proudhon P.-J. Correspondances. T. IV, p. 232.

⁶ Ibidem.

стоит в том, чтобы победить её «в войне капиталов», а это возможно лишь посредством «социальной революции», ибо удешевление кредита приведёт к снижению издержек производства, даст победу над Англией на поприще свободной конкуренции и подчинит французскому влиянию страны европейского континента. И тогда, обещал Прудон Луи-Наполеону, «попавшись в демократические и социальные сети, царица морей не ускользнёт от вас!»¹.

Во внутренней политике также бесплодно подражание Наполеону I: «Пока будут антагонистические партии и враждебные классы, власть будет неустойчивой и существование нации непрочно»². Язык Прудона, убеждавшего диктатора в ошибочности политики подражания Наполеону I, был характерным для его позорной роли «благожелательного астролога» бонапартизма. Прудон заклинал Луи-Наполеона не идти по пути такого подражания, ибо это «утопия, непонимание своей миссии, измена фортуны, неверность своей звезде»³. По-бонапартистски сюсюкающий язык соответствовал смыслу позиции Прудона: он старался убедить Луи-Наполеона в том, что осуществление «революционной миссии» является единственным средством укрепить бонапартистский режим, укрепить диктатуру душиателя республики.

Мы лишь утвердимся в наших выводах, если обратимся к материалам, характеризующим взаимоотношения Прудона с бонапартистским лагерем.

В обрисовке буржуазных историков книга Прудона о перевороте 2 декабря была выступлением автора, ставшего на почву признания «свершившихся фактов», и бонапартистский «уклон» возник у Прудона лишь после того, как переворот был совершён. Этот совершенно ошибочный и искажающий факты взгляд нашёл отражение и в нашей литературе, пытавшейся дать характеристику книге Прудона⁴. На самом деле — и материалы политической биографии Прудона содержат многочисленные доказательства этого — бонапартистские симпатии и связи установились у Прудона задолго до переворота 2 декабря и определяли его политическую линию во время переворота.

¹ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 255: Paris. 1852.

² Ibidem, p. 232.

³ Ibidem, p. 125.

⁴ См., например, Розенберг Д. «История политической экономии». Ч. 3-я. Автор, давая характеристику книге Прудона, проводит мысль, что Прудон сначала был противником переворота 2 декабря и изменил своё отношение к нему после того, как переворот был совершён и Бонапарт стал императором (стр. 206). Кстати сказать, книга Прудона вышла в свет в июле 1852 г., т. е. за несколько месяцев до того, как Луи-Наполеон стал императором.

Надо указать здесь прежде всего на знаменательную встречу Прудона с Луи-Наполеоном ещё в 1848 г., немедленно после возвращения последнего во Францию. Этот факт был разоблачён в 1849 г. жирарденовской газетой «Presse», язвительно указавшей на то, что Прудон оказался первым человеком, которого захотел видеть Луи-Наполеон во Франции. Действительно, Бонапарт, избранный депутатом учредительного собрания на сентябрьских дополнительных выборах 1848 г., приехав из Лондона в Париж 25 сентября, на следующий же день имел конфиденциальную встречу с Прудоном.

Прудон, вынужденный дать объяснение относительно этой встречи, выдвигал на первый план ту часть разговора, в которой собеседники⁵ затрагивали вопросы организации труда и удешевления кредита и критиковали политику Кавеньяка. По словам Прудона, Луи-Наполеон восторгался идеями Прудона в области «дешёвого кредита». Но за успокоительными объяснениями Прудона всё же нельзя было скрыть практическую цель этого свидания. Разговор шёл о кандидатуре Луи-Наполеона на президентских выборах, причём инициатором этого разговора был Прудон. Он высказался в положительном для Луи-Наполеона смысле при условии, если Бонапарт откажется от намерения реставрации империи. Политический смысл беседы состоял в зондировании почвы для кандидатуры Луи-Наполеона на президентских выборах. Это подтверждали слова Прудона: «Словом, мы могли верить... что человек, который только что предстал перед нами, больше не имел ничего общего с конспиратором Страсбурга и Булони и что явилась возможность, чтобы республика, некогда погибшая от руки одного Бонапарта, утвердилась в наши дни руками другого Бонапарта»⁶.

Подтверждением попытки сговора с Луи-Наполеоном служит тот факт, что Прудон пытался, хотя и робко, привлечь социалистические группы к поддержке кандидатуры Луи-Наполеона на президентских выборах. Прудон умалчивал об этом факте. Но А. Даримон, бывший тогда правой рукой Прудона, редактор прудоновской газеты «Peuple», в своих воспоминаниях рассказывал о собрании, состоявшемся в конце сентября 1848 г. в редакции газеты с участием Делеклюза и других представителей демократической прессы. На этом собрании обсуждался вопрос об отношении социалистов к президентским кандидатурам. Прудон сначала решительно возражал против тактики бойкота и высказывался за

⁵ В беседе с Луи-Бонапартом принимали участие, кроме Прудона, бонапартист Басано, близкий человек Ледрю-Роллена — Жоли-старший — и Шмельц, которого Прудон захватил с собой в качестве «свидетеля».

⁶ См. Proudhon P.-J. Correspondances. Т. III, p. 17, письмо Прудона к Жирардену от 11 июля 1849 года.

предпочтительность кандидатуры Луи-Наполеона¹.

Связь Прудона с бонапартистскими кругами, начало которой положило свидание с Луи-Наполеоном, не прекращалась и после того, как Прудон присоединился к республиканско-демократическому лагерю, борющемуся против опасности монархической реставрации. Этому утверждению, казалось бы, противоречили известные факты выступлений Прудона против Бонапарта — президента республики. Мы имеем в виду ожесточённую кампанию прудоновской газеты «Peuple» против Луи-Наполеона в 1848—1849 гг., резкие выпады Прудона против Бонапарта и, наконец, арест Прудона и осуждение его к трём годам тюремного заключения за дерзкие памфлеты против президента. Однако при более внимательном изучении политической линии Прудона бросается в глаза следующее обстоятельство. Нападки Прудона на Бонапарта и его политику продолжались до тех пор, пока бонапартисты шли в союзе с партией порядка и выступали объединённо с ней. Но при первых же признаках отделения бонапартистов от других монархических партий, при первых же проявлениях борьбы Луи-Наполеона против партии порядка Прудон стал искать сближения с бонапартистским лагерем, и не только сам искал, но пытался увлечь на этот путь и демократически-социалистический блок — Гору.

Переписка Прудона содержит многочисленные свидетельства его предательской деятельности в отношении демократии. Свидетельство переписки Прудона здесь особенно ценно, так как Прудон с 5 июня 1849 г. по 5 июня 1852 г. находился в тюремном заключении и был лишён возможности непосредственного контакта с главой бонапартистской шайки.

Первый шаг по пути разрыва Луи-Наполеона с партией порядка — ~~отставка министра Барро и образование президентского министерства д'Опуль — Фульда~~ шаг, который Маркс считал «решающим поворотным пунктом» в подготовке государственного переворота, вызвал горячее одобрение Прудона, расценившего это событие как возвращение Луи-Наполеона на «революционную стезю». Приветствуя это мероприятие Бонапарта, Пру-

дон, как он сам выразился, «протягивал ему руку» для примирения. Это предложение сотрудничества поддержали бонапартисты, считавшие для себя полезным использовать услуги Прудона для дезорганизации демократического и рабочего движения.

О наметившемся сговоре свидетельствует любопытный проект возрождения «народного банка» Прудона под эгидой Луи-Наполеона как главного учредителя. Прудон поддержал этот проект, и если он не был осуществлён, то, во всяком случае, не по его вине². Он отпал, очевидно, из-за того, что бонапартисты боялись оттолкнуть от себя буржуазию в лагерь партии порядка сотрудничеством с «красными», к которому общественное мнение причисляло Прудона. Но, хотя данный проект не получил развития, связи Прудона с бонапартистами систематически возобновлялись.

По мере обострения борьбы бонапартистского лагеря против партии порядка усиливалась тяга к нему Прудона и его линия принимала всё более явный характер. Из тюрьмы Прудон обращался к бонапартисту префекту полиции Карлье и в министерство внутренних дел с просьбами об освобождении, подчёркивая своё положительное теперь отношение к президенту и его правительству³.

В ноябре 1850 г. в неотправленной петиции на имя Луи-Наполеона Прудон просил о досрочном освобождении, обещая немедленно основать газету для борьбы против «старых партий» и уверяя Бонапарта в том, что их позиции совпадают: «Вы боретесь с теми же врагами, вы принадлежите... тому же делу»⁴. Эту петицию Прудон по адресу не отправил, но не потому, что он отказался от мысли искать такого соглашения. Прудон предпочёл, повидимому, путь прямых переговоров с Елисейским дворцом. Переписка Прудона неоспоримо доказывает, что такие переговоры велись в конце 1850 года. О них свидетельствуют письма Прудона к известному бонапартисту Лаллу, человеку из личного окружения Луи-Наполеона. В письмах снова фигурирует проект освобождения Прудона из тюремного заключения для издания газеты, которая будет вести борьбу против «старых партий», борьбу, как выразился Пру-

¹ Встретив решительный протест и возражения Делеклюза и большинства присутствовавших, Прудон отказался от своего предложения. Затем он высказался за воздержание от участия в выборах, а через некоторое время поддержал кандидатуру Кавеньяка. Все эти метаморфозы проделаны были Прудоном на одном собрании (см. Darimon A. «A travers une révolution», p. 77. Paris. 1884). В своих воспоминаниях Даримон излагал, также со слов Прудона, историю свидания последнего с Луи-Наполеоном (стр. 68—75). В период президентских выборов газета Прудона «Peuple», подчиняясь дисциплине социалистического блока, поддерживала кандидатуру Распайля.

² 3 декабря 1849 г. Прудон писал своему другу Гильомену из тюрьмы Сен-Пелажи: «Я должен сообщить вам о крупном деле, которое затевается между Сен-Пелажи и Елисейским дворцом. Речь идёт не больше, не меньше, как о том, чтобы основать при помощи Луи-Бонапарта народный банк». Прудон уверял Гильомена, что инициатива этого предприятия исходит из Елисейского дворца и что он, Прудон, дал положительный ответ (см. Proudhon P.-J. Correspondances. T. III, p. 62; см. также письмо Прудона от 14 декабря по тому же вопросу к Ланглуа. T. III, p. 68).

³ См. Proudhon P.-J. Correspondances T. III, p. 226.

⁴ Ibidem, p. 372.

дон, «под auspiciis и с одобрения президента республики, к которому я лично никогда не был враждебно настроен»¹.

Прудон прервал переговоры с Лаллу вследствие очередного зигзага бонапартистской политики в сторону партии порядка, но он заверял Лаллу в своей готовности немедленно их возобновить, как только возобновится борьба президента против партии порядка: «Вам стоит только дать мне знать об этом, и я тотчас же обращусь с прошением; моё рвение относительно наших общих врагов настолько велико, что я сохраню по освобождению самую искреннюю благодарность по отношению к г-ну президенту республики»².

Эти грязные закулисные комбинации соответствовали предательскому поведению Прудона по отношению к демократическому лагерю, к которому он примыкал. Добиться отказа Горы от оппозиции и склонить её к сотрудничеству и объединению с Елисейским дворцом против партии порядка — такова затаённая мечта Прудона. Каждый шаг вынужденного голосования депутатов демократически-социалистического блока за президентские законопроекты встречал бурное одобрение Прудона, всякая оговорка и декларация Горы, подчёркивавшая оппозицию к Бонапарту, вызывала у него негодование. Он заполнял письма и интимные бумаги планами заключения блока Горы с президентом и впоследствии всячески осуждал Гору за отказ от такого союза в период подготовки бонапартистского переворота³. Но эти услужливые по отношению к бонапартистам намерения Прудона успеха не имели, и его подрывная деятельность в демократическом лагере всё более настойчиво и определённо вела к расколу демократического блока.

Прудон стремился взорвать изнутри Гору бешеной травлей социалистов. Не случайно именно в этот период становятся особенно ожесточёнными нападки Прудона на социалистические течения, которые он характеризовал общим названием «коммунистов», на сторонников Луи Блана, Каба, Фурье, Сен-Симона. Атаки Прудона на социалистов и социализм были составной частью его политического курса на союз с бонапартизмом. Более того, как можно догадываться, Прудон, ведя борьбу против социалистов внутри Горы и злобно критикуя социалистические теории, выполнял в известном смысле задания бонапартистов, стремившихся взорвать Гору и привлечь рабочих к своей демагогической «социальной» программе. Переписка Прудона со-

держит некоторые намёки на эту «увязку».

В письме к министру внутренних дел (апрель 1850 г.) Прудон подчёркивал своё намерение «со всей энергией бороться против коалиции коммунистов». Вслед за тем в директиве редакторам своей газеты («Voix du peuple»), требуя от них «отчётливо отделить нашу школу, школу прогрессивной и неограниченной свободы, от социалистических сект, стремящихся, под разными наименованиями, убить личность во имя общества», Прудон разъяснял, что «наши проекты насчёт этого известны министру» и что «если бы об этом узнали наши враги... они изобразили бы это, как сговор с полицией»⁴.

Не удивительно, что, являясь пособником, фактическим агентом бонапартистов внутри Горы, Прудон положительно воспринимал возможность президентского государственного переворота задолго до его свершения. В этом отношении показательны его письма к Даримону от февраля 1850 г., в которых он доказывал желательность бонапартистского переворота для осуществления своих идей и уверял, что «империя не будет вовсе означать гибели свободы, законности и права»⁵. Это высказывание Прудона можно было бы принять за случайно вырвавшиеся слова отчаяния при виде крепнущей реакции, но оно было, во-первых, не единичным, а повторялось неоднократно и в дальнейшей переписке Прудона⁶, а во-вторых, находилось в полном соответствии с его бонапартистскими связями.

В свете этих фактов становится понятной и жертвенность Прудона в дни бонапартистского переворота, за что его заслуженно клеймили в республиканском лагере. Поведение Прудона в дни переворота выдавало его страх перед последствиями кровавых и подлых деяний узурпаторской бонапартистской шайки и казалось противоречивым. Скульптор сенсимонист Этекс в своих воспоминаниях рассказывал о встрече с Прудоном 2 декабря на улице Парижа и о намерении Прудона принять

⁴ Proudhon P.-J. Correspondances. T. III, p. 237.

⁵ Ibidem, p. 98.

⁶ См., например, его письмо редакторам «Voix du peuple» от 22 мая 1850 г. по поводу закрытия газеты властями; Прудон призывал их созерцательно отнестись к реакции и предстоящему падению республики, «не стоящей уже, как и Гора, труда, положительного нами на её защиту»; см. также «то письмо к Даримону от 11 июня 1850 г. с указанием поместить во вновь выходящей газете («Peuple») статьи, доказывающие, что «революция равно совершается посредством реакции, как и посредством демократии», и что «революционный ветер толкает тех и других, причём первых ещё сильнее» (Proudhon P.-J. Correspondances. T. III, p. 269, 298).

¹ См. Proudhon P.-J. Correspondances. T. III, p. 381.

² Ibidem, p. 382.

³ См. записи памятной книжки Прудона, приведённые Доллеансом и Дюво в предисловии к «La révolution sociale...», p. 48—51, éd. 1936.

участие в борьбе против переворота¹. Но это было и осталось фразой: Прудон не только не принял участия в борьбе против бонапартистского переворота, но стремился удержать от сопротивления и тех левых республиканцев, которые пытались организовать защиту республики и поднять народные массы на отпор и разгром узурпаторов власти. Роль Прудона в декабрьские дни 1851 г. достаточно ярко показал В. Гюго в «Истории одного преступления». Он рассказал о безуспешной попытке Прудона отговорить его и других республиканцев от борьбы против Бонапарта, ссылаясь на безнадежность сопротивления и ошибочность надежд на поддержку народа, который якобы находился на стороне президента².

За всем этим скрывались не только и не столько колебания мелкого буржуа, сколько внутреннее приятие событий, определённые надежды на бонапартизм, давно возникшие у Прудона. Он двурушничал, сваливая вину за неудачу сопротивления перевороту на народ, на рабочих Парижа, якобы не хотевших поддерживать республиканцев. Прудон использовал эту бонапартистскую легенду для оплёвывания демократии, для злобных тирад против народа, подхваченных и смакуемых впоследствии фашистами. В действительности же он больше всего боялся победы народного отпора бонапартистскому перевороту.

В своих письмах в первые же дни после переворота Прудон писал: «Если бы 2 декабря победил народ, то победила бы грозная для нас политическая, социальная, моральная, индустриальная и т. д. и т. д. организация». Он добавлял: «Не забудьте, что победа права над 2 декабря превратилась бы вскоре в торжество над местной свободой, над свободой индивидуума, торговли и т. д. и что анархисты стали бы очистительной жертвой для красных»³.

О том, каково было действительное отношение Прудона к борьбе рабочих в защиту республики, лучше всего свидетельствует его собственное признание: «Когда

я представляю себе, чем было бы господство наших божакон, я не имею больше силы осуждать события 2 декабря с высшей точки зрения путей человечества»⁴. Затаённый смысл этой боязни раскрывала запись Прудона в памятной книжке: «Если бы Л. Б. (Луи Бонапарт. — Н. Э.) не пришёл, мы имели бы ещё более безжалостный коммунизм, который на столетия изменил бы то положение вещей, которое может, в конце концов, через несколько лет придти к концу»⁵.

Прудон заверял в своей книге Луи-Наполеона в том, что в отличие от 13 июня 1849 г., когда он принял бы участие в борьбе против президента, если бы не тюремное заключение, в дни бонапартистского переворота, «вследствие того, что демократия поднялась на борьбу с ним 2 декабря, я не могу больше говорить, что был бы с нею»⁶. Это не было, как представляли его буржуазные биографы, лишь сервильным поклоном по адресу победителя. На этот раз Прудон говорил искренно. В основе его «пассивного» поведения в дни бонапартистского переворота лежали приятие и одобрение удушения демократического движения, общий с буржуазной реакцией страх перед революционным народным подъёмом.

Чтобы ещё раз проверить наш вывод, посмотрим на практические шаги Прудона по отношению к бонапартистской диктатуре вскоре после переворота. Прудон не замедлил возобновить личную связь и прямой контакт с ближайшим окружением Луи-Наполеона. Предлогом для этого послужил составленный Прудоном фантастически гнусный проект основания при помощи бонапартистского правительства где-либо вне Франции колонии для республиканцев, которых ссылали в то время в Кайенну и Каледонию. Прудон направил из тюрьмы свой проект министру колоний и уже через четыре дня, 28 декабря 1851 г., был вызван к Морни, сводному брату Луи-Наполеона, одному из виднейших главарей бонапартистской шайки. Во время свидания с Морни Прудон, как он сам выразился, «нащупывал почву» для сотрудничества с новой властью. Вернувшись со свидания, полный оптимизма, он писал своему брату: «Судя по приёму, я чувствую, что смогу, возможно, ещё играть роль»⁷. Последующие шаги и высказывания Прудона достаточно определённо говорили о том, на какую роль он рассчитывал в то время. Первоначальные опасения о грозящей ему ссылке быстро сменились чувством безопасности. Уверенность Прудона в том, что при новом режиме он получит благоприятную возможность для политической и публицистической деятель-

¹ Etex R. *Souvenirs d'un artiste*, p. 263. Paris. Dentu. 1877. К Прудону, находившемуся в тюремном заключении, администрация относилась благосклонно: она разрешала ему иногда выходить из тюрьмы по личным делам. Так было и 2 декабря. Встретившись с Этексом и его спутниками, Прудон пошёл с ними к городской ратуше и на предупреждения о риске и смертельной опасности отвечал: «Я принадлежу революции».

² Hugo V. *Histoire d'un crime*, p. 183—185. Paris. Edition nationale. 1893.

³ Proudhon P.-J. *Correspondances*. T. IV, p. 150.

⁴ Ibidem, p. 152.

⁵ Proudhon P.-J. «La révolution sociale...», p. 70, éd. 1936.

⁶ Ibidem, p. 237.

⁷ Proudhon P.-J. *Correspondances*. T. IV, p. 173.

ности, росла, его связи с окружением Луи-Наполеона расширялись.

В письмах к друзьям Прудон расценивал обстановку, создавшуюся во Франции после переворота 2 декабря, обстановку, вызвавшую возмущение и отвращение у всех честных людей в стране и за границей, как «превосходную для высшего прогресса, лучшую из всех, какие были с 25 февраля 1848 г.»¹. Эта оценка ситуации и растущий контакт с бонапартистскими кругами привели к тому, что Прудон стал рассчитывать на роль советника Луи-Наполеона.

Эти расчёты хорошо передаёт письмо Прудона к Марку Дюфрессу: «Так как я имею некоторые основания думать, что на меня смотрят в Елисейском дворце достаточно благожелательно, я намерен произвести диверсию, напав внезапно из всех сил на этих милых орлеанистов, легитимистов, иезуитов и т. д.»².

Представляя свои планы в виде «ловкого маневра», Прудон лишь маскировал их сущность, чтобы сделать их приемлемыми для республиканца Дюфресса. Он рисовал свои намерения как коварный замысел по отношению к Луи-Наполеону: «Я обсуждаю его миссию, разумным образом подталкиваю его на революционные мероприятия, которые, конечно, при данных обстоятельствах должны увеличить его популярность, но вместе с тем должны способствовать наступлению демократии, рассорить его со старыми партиями и скомпрометировать»³. Прудон спешил оправдать этот показательный «макиавеллизм», ссылаясь на то, что «заниматься политикой — это мыть руки в лавозе»⁴. Но он не мог скрыть своих ожиданий и чаяний: «Говорят, будто бы президент уже несколько раз хотел вызвать меня к себе, и Безюше почти что подтвердил мне этот слух»⁵.

Из этих надежд и планов и родилась книга Прудона о перевороте 2 декабря. Таким образом, эта книга не была случайным произведением писателя, известного склонностью к парадоксам, либо «промахом» запутавшегося в политиканстве утописта: многочисленные факты, свидетельствующие о бонапартистских связях и симпатиях Прудона задолго до переворота 2 декабря, подтверждают тот вывод, что эта книга была лишь завершением определённого политического пути её автора. Она замыкала путь реакционной политики Прудона в период революции и республики 1848—1851 годов. Вопреки попыткам буржуазных историков и биографов Прудона оправдать либо смягчить предательский смысл книги Прудона она вполне заслуживает

та ту единственно правильную, уничтожающую оценку, которую дал ей Маркс. Маркс считал, что книгу Прудона о государственном перевороте «надо рассматривать не просто как плохое произведение, а как прямую подлость, которая, однако, вполне соответствует его мелкобуржуазной точке зрения; здесь он кокетничает с Луи Бонапартом и старается сделать его приемлемым для французских рабочих»⁶.

На примере этого произведения Прудона мы убеждаемся ещё раз в том, какой величайшей прозорливостью, бдительностью была отмечена борьба марксизма против прудонизма. Сокрушительная критика прудонистских идей в «Нищете философии» и последующая непримиримая борьба Маркса и Энгельса против прудонизма имели не одно только теоретическое значение. Прудонизм был реакционной теорией, без преодоления которой был невозможен успех идей научного коммунизма и рост классового самосознания пролетариата. Прудонизм был вместе с тем источником политического растления, подрывавшим борьбу против всех видов буржуазной реакции.

Критика прудонизма Марксом и Энгельсом имела большое политическое значение для борьбы рабочего класса и трудящихся масс с реакционными конвульсиями буржуазного общества во Франции XIX века. Она сохранила своё значение и для последующего времени. История подтвердила подрывную роль прудонистских идей и традиций в политических судьбах французского народа. Предательские традиции Прудона сохраняли влияние среди известной части мелкобуржуазных слоёв и даже среди рабочих Франции, чему немало способствовало примиренческое отношение к прудонизму и его наследию, которое насаждал французский социалистический оппортунизм. Работа А. Тома о второй империи служит примером такого адвокатски беспринципного отношения к Прудону, даже когда речь шла о его низких поклонах по адресу бонапартистской диктатуры.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 29. Нельзя не указать попутно на грубое искажение этой марксовой оценки книги Прудона Д. Розенбергом, который объяснял кокетничание Прудона с Луи-Наполеоном намерением «склонить его в пользу французских рабочих» (Розенберг Д. «История политической экономики». Ч. 3-я, стр. 208). История дальнейших отношений Прудона к бонапартистской диктатуре — обширная тема, которая выходит за рамки данной статьи и требует специального исследования. Но уже здесь можно заметить, как ошибочны обычные утверждения прудонистской историографии о происшедшем будто бы быстром отказе Прудона от иллюзий по отношению к бонапартизму и переходе к непримиримой оппозиции к нему. Прудона, конечно, вскоре постигло разочарование относительно намерений Наполеона III, но он видел в политике второй империи отказ от «идей»

¹ Proudhon P.-J. Correspondances. T. IV, p. 289.

² Ibidem, p. 255.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem. Безюше — начальник тюрьмы Сен-Пелажи, в которой был заключён Прудон в 1851—1852 годах.

Не удивительно, что реакционные силы, исподволь готовившие капитуляцию Франции перед фашизмом, удушение демократических свобод французского народа, в поисках средств разложения народного антифашистского фронта не могли обойти и наследия прудонизма. Отношение Прудона к бонапартизму, его книга о перевороте 2 декабря всплыли на поверхность современности и сделались боевым оружием фашистской пропаганды. Характерно заявление, которым сопроводили новое издание книги Прудона, выпущенное в 1936 г., её редакторы. Они подчеркнули, что эта работа Прудона «должна фигурировать среди самых неотложных наших чтений. Никакая другая книга не является более актуальной в 1936 году»¹. Весьма характерно и понятно то, что на Прудона ссылались фашистская группка «социалистов», развернувшая предательскую деятельность по подготовке капитуляции Франции перед Гитлером и участвовавшая в фашистском перевороте Петэна — Лавала. Все эти Спинассы, Деа, Фроссары, пользуясь реакционными идеями Прудона и приспособляя их к фашистским лозунгам, проповедовали «примирение классов» под эгидой «авторитарного правительства», которое с помощью банковского кредита и «контроля» осуществит «социальное освобождение». На использование Прудона этой группкой фашистских оборотней указывал в своё время М. Торез, говоря о том, что прудоновские «реакционные мелкобуржуазные бредни, в своё время сметённые одним дуновением Коммуны... подхвачены в наши дни «социалистами» из «Effort». Спинассы, Деа и Фроссары переняли у Прудона и его раболепство перед сильными мира сего (известно, что Прудон кокетничал с Наполеоном III)².

Таким образом, книга Прудона стала

2 декабря и возлагал надежды на так называемых либеральных бонапартистов. Прудон долгое время поддерживал связь с главой «либеральных бонапартистов» — принцем Наполеоном («плон-плон»). В одном из своих писем Прудон говорил принцу Наполеону про «общность интересов, которая объединяет в настоящее время Вашу судьбу с судьбой революции». Материалы показывают, что Прудон не стал в непримиримую оппозицию к бонапартистской диктатуре даже тогда, когда видел кризис империи и уже предвещал, сожалея об этом, её крах вследствие «исчерпания идеи».

¹ Proudhon P.-J. La révolution sociale..., p. 106. Предисловие Доллеанса и Дюво. 1936.

² Торез М. «О так называемой «национальной революции» во Франции». «Коммунистический Интернационал» № 5 за 1941 г., стр. 25.

средством подготовки фашистской реакции, её использовали предатели французского народа и агенты гитлеровской Германии во Франции. Объявив бонапартистский переворот «социальной революцией», Прудон положил начало гнусной традиции маскировать чёрные дела злейшей реакции «революцией». Эта маскировка стала в эпоху империализма принадлежностью многих реакционных заговоров против народов и их демократических прав. Особенно нуждался в таком прикрытии своих разбойничьих, империалистических намерений фашизм, готовивший заговор против всего человечества. Муссолини и его прихвостни поспешили назвать реакционный переворот итальянского фашизма «революцией». Не иначе, как «национальной революцией», именовали и немецкие фашисты свой захват власти в Германии и установление в ней реакционнейшей диктатуры разбойников-империалистов.

Французские агенты Гитлера и их презренные сообщники из Виши, действуя по указке своих берлинских хозяев и руководствуясь их примером, шли по той же проторённой дорожке. Они тоже объявили своё предательство Франции, свой реакционный переворот против республики «национальной революцией». При этом они не могли забыть исторический опыт бонапартистского переворота 1851 г., удушившего демократическую республику и отдавшего Францию во власть военщины и плутократии. Этот опыт не забыл и французский народ, хранящий великие и славные традиции революционной борьбы за свободу.

Прудон, провозгласивший переворот 2 декабря «социальной революцией» и старавшийся примирить с ним массы пролетариата и мелкой буржуазии, был для вишйских «теоретиков» счастливой находкой. Ссылаясь на его книгу о 2 декабря и используя престиж «революционера», который ещё сохраняло его имя у некоторой части французской интеллигенции, можно было увлечь кое-кого в лагерь вишйской реакции.

Не менее ценную услугу оказала книга Прудона для прикрытия реакционнейших мероприятий Виши социальным флером. Ссылаясь на Прудона, истолковывавшего цели бонапартистской реакции в виде «социальной революции», вишйцы и их «теоретики» набрасывали покрывало «социализма» на те мероприятия, которыми они в действительности лишь укрепляли позиции монополистического капитала во Франции. Так оказался Прудон на службе у французского фашизма.

Вот почему прозорливая, глубокая критика Марксом реакционных идей Прудона и его отношения к бонапартистскому перевороту 2 декабря не только сохраняет историческое значение, но приобретает особую актуальность в наши дни.

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА У ХОРВАТОВ

Проф. В. Дитякин

Известно, что национал-шовинизм немецких историков нигде не проявился столь ярко, как в разрешении вопроса о происхождении государства у славянских народов. Продолжая традиции средневековых летописцев, апологетов германского феодализма и германской агрессии против славян, эти историки упорно и настойчиво утверждали, что славянские народы по природе своей «неспособны к созиданию государства», что начала государственного бытия у славян положили немцы, что славяне сами по себе, «по природе своей», могут только «повиноваться», что они — только «пассивная стихия», организуемая немецкой «активной», «деятельной» «расой». Все эти «построения» ещё в 60-х годах прошлого века предельно цинично сформулировал глава так называемой новой немецкой исторической школы пресловутый Трейчке в своём известном рассуждении о том, что все попытки славян освободиться от немецкого господства «бесполезны», «бессмысленны», «тщетны и заранее осуждены историей». В случае же временной удачи (освобождения от немцев), рассуждает Трейчке, потеряли бы сами славяне, лишившись необходимого им «руководства назначенных провидением повелителей, учителей и обуздателей», и история человечества сделала бы огромный шаг назад¹.

В вопросе о происхождении государства у хорватов, наряду с немецкими историками, правда, в гораздо меньшей степени, приложили руку и итальянские историки-националисты. Они сосредоточили своё внимание преимущественно на вопросах возникновения и развития городской жизни и культуры у славянских народов побережья Адриатического моря, «доказывая», так же как немцы, что хорватские и далматинские города своим устройством, государственным складом и культурой обязаны итальянцам, итальянским средне-

вековым городам; от них, дескать, они взяли и начала государственного бытия и его формы².

Энергичную борьбу со всеми извращениями истории хорватского государства повели ещё в 40-е годы XIX в. молодые, пылающие горячей любовью к своей стране и к своему народу хорватские историки, ранние предшественники широко развернувшегося впоследствии национально-освободительного движения. Они, и в первую очередь известный историк-литературовед И. Кукулевич-Сакчинский, сделали очень много для разыскания новых и более критического издания старых источников и их первоначальной обработки. Они заслуженно занимают почётное место среди лучших представителей хорватской и общеславянской культуры. Однако и они, как и их преемники, среди которых в первую очередь следует назвать Фр. Рачкого, С. Любича, Т. Смичикласа, В. Клаича и др., всё же не были и не могли быть последовательны, ибо, во-первых, они всё же оставались представителями буржуазного национально-освободительного движения со всей его специфической ограниченностью³ и, во-вторых, ещё нередко сохраняли уважение к авторитету немецкой науки и её построениям.

В более позднее время, в конце XIX и начале XX в., великодержавность в сочетании с узким национализмом у этих историков стали сильно тормозить развитие исторической науки.

Проблема происхождения государства у хорватов осложняется, в первую очередь тем, что до сих пор не выяснен вопрос о времени его зарождения. В подавляющем

¹ Treitschke «Historische und politische Aufsätze», S. 1. Leipzig. 1865; ср. столь же циничные рассуждения о немцах, каждый из которых — «der Staatschöpfer», Pastenaci «Volksgeschichte der Germanen», S. 276. Berlin. 1936. Первым против этих гнусных вымыслов выступил ещё в 1845 и 1859 гг. Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 339, 343; Т. XI. Ч. 2-я, стр. 118).

² Тамаро А. «Italiani e Slavi nell'Adriatico». Roma. 1915; его же «La Venetie Julienne et la Dalmatie». T. I—III. Roma. 1919; его же «La lotta della razze nell'Europa danubiana». Bologna. 1923 и др.

³ Подробнее об этом периоде в развитии исторической науки у славянских народов см. статью акад. Н. Державина «Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения». «Исторический журнал» № 11 за 1942 год.

большинстве исследований по этому вопросу до сих пор ещё господствует формально-юридическая точка зрения, согласно которой для решения этого вопроса вполне достаточно наличия формально-юридического признака — появления в грамотах представителей центральной власти у хорватов термина «гех» или «regnum». Исходя из этого, многие склонны считать основателем хорватского государства Тримира (ок. 850—864 гг.), который первый назвал свою страну «regnum Croatum» (королевство хорватов), а свои земли — «regale territorium» (королевскими)¹. Однако с этой точки зрения было бы правильнее считать основателем хорватского государства Мутимира (892—914), который первый объявил себя хорватским князем — Dei gratia (точнее, diuinae munere)², подчёркивая тем самым, что он получил свою власть не как вассал, не из рук германского или византийского императора, а «божией милостью». Но такой терминологический подход столь же логично привёл бы к признанию первым государем и Томислава (914—940), который первый именовался гех Croatorum³, в то время как других крупных феодалов именовали duces, тем более, что этот же термин (гех) в обращении иностранцев к хорватским государям впервые был применён также только к Томиславу, в то время как его ближайших предшественников именовали просто dux, princeps, comes⁴.

Этот разноречивый, ярко обнаруживший неудовлетворительность формально-юридического подхода, вынудил более пытливых историков отказаться от него и создать другие концепции происхождения хорватского государства.

Согласно точке зрения немецких историков, государственная власть у хорватов содалась в первой четверти IX в. под воздействием франков (германцев). Именно они, по мнению немецких историков, организовали «извечно славянский хаос» в государство и

дали хорватам государственную форму жизни. Только якобы с того момента, когда Борна при помощи и под покровительством немцев соединил под своей властью эти разрозненные племена и с утверждения германского императора образовал из Хорватии государство, начинается «настоящая» история Хорватии⁵.

⁵ Первый изложил эту точку зрения J. Chr. von Engel. «Geschichte Ungarns». Halle. 1798. (Welthistorie. Bd. 49). Он дал в своей книге, кроме истории Венгрии, обширный и долгое время бывший почти единственным очерк истории Сербии, Хорватии и особенно Далмации. За ним следовал Klause. H. L. «Res slavorum imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX». P. I. 1854. Особенно много труда на «доказательства» этой теории положил являвшийся очень долгое время большим авторитетом и для хорватских историков Ernst Dümmler, автор известной работы «Ueber die älteste Geschichte der Slaven im Dalmatien (549—928)» (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. XX, H. I—III. Wien. 1856 (цитирую «Aelteste Geschichte»). Ему принадлежит категорическое положение: «Da Monarchen unter den Slaven sich überall erst durch fremde Einwirkung gebildet haben», то и в образовании государства у хорватов решающую роль сыграло франкское и частью византийское влияние (стр. 375). В других своих работах: «Ueber die südöstlichen Marken des frankischen Reiches unter den Karolingern (795—907)» в «Archiv für die Kunde österreichen Geschichtsquellen». Bd. X, и в капитальной «Geschichte des ostfrankischen Reiches», он даёт дополнительную аргументацию своей концепции. Ср. Gfröger A. F. «Byzantinische Geschichte», 2 Bd. Graz. 1872—1877 (здесь очерк истории хорватов до XI в.) и др. Простота и кажущаяся аргументированность этого построения немецких шовинистов в своё время были настолько подкупающи, что эту точку зрения иногда разделяли и другие историки. Так, историк проф. И. Смирнов, автор единственной оригинальной, написанной на русском языке истории ранней Хорватии, целиком приняв эту концепцию, построил на ней своё изложение истории Хорватии в VIII—IX веках. С конца VIII в. «во внутреннюю жизнь хорватов, — писал он, — входит государственное начало... под влиянием чужеземного элемента — немецкого» (Смирнов И. «Очерк истории хорватского государства до подчинения его угорской короле», стр. 16. Казань. 1879). Этой же точки зрения автор упорно придерживался и 20 лет спустя, перепечатав без всяких изменений многие главы этой его книги в своём труде «Очерк культурной истории южных славян». Выд. I, II, стр. 255 и сл. Казань. 1900.

¹ Codex diplom. CSD, I; Docum. LIX, p. 45; Jura Regni CDS, I, 3; MHSM, VII, p. 4—5.

² Cod. diplom. CSD, I, 72; Jura RCDS, I, 6; MHSM, VII, 12—14.

³ Farlati Illyria sacra, III, 93; MHSM, VII, 189. Послание папы Иоанна X.

⁴ Ibidem. Большую подборку такого материала сделал F. Racki в статье «Kada i kako se preobrazi hrvatska knezevina u kraljevina». «Rad Jugoslavenske Akademije», XVII. 1871, str. 70—71. К сожалению, и этот очень авторитетный автор в своей обильно насыщенной материалом статье стоит в основном на формально-юридической точке зрения. В заключение и он приходит к выводу, что превращение Хорватия в королевство произошло лишь при Томиславе.

Чем аргументируют своё построение сторонники этой немецкой точки зрения? На первых порах их аргументация кажется вполне убедительной, ибо они, по традиции немецкой науки, широко привлекают материалы источников, тщательно сверяют их между собой, усердно комментируют. У них фигурируют византийские, франкские и итальянские хроники, императорские, папские и королевские грамоты. Однако над всем этим кажущимся обилием материала (в подавляющем большинстве он относится не к моменту рождения хорватского государства, а к более позднему периоду) доминирует известная точка зрения, которая и определяет весь ход мысли исследователя. Исследователь возмещает фактическую скудость источников, их противоречивость и неполноту догадками, домыслами. Чётко определённый, сравнительно небольшой материал источников дополняется и ратцвечивается аналогиями, «теоретическими» рассуждениями и т. п., значение которых легко обнаруживается при беспристрастном, строго критическом подходе к ним.

Антинаучность и предвзятость немецкой «теории» происхождения государства у хорватов уже давно, как было сказано, привлекли внимание славянской исторической науки. Её лучшие представители резко выступили против этой клеветнической теории и противопоставили ей свои построения. Однако, руководимые прежде всего своим национальным, патристическим чувством, славянские историки, вместо того чтобы подвергнуть эту «теорию» суровой исторической критике, взять под критический обстрел её доводы и аргументы, сосредоточили внимание по преимуществу на противопоставлении этой неверной теории своей концепции. При этом они, к сожалению, далеко не использовали весь материал источников, а ограничились выборкой из него лишь того, что подкрепляло эту их концепцию. Исходя из некоего априорного положения об извечной самобытности и «особенности» развития славянских народов и их культуры, эти историки и построили свою концепцию исконного, очень древнего, возникшего совершенно самостоятельно института княжеской наследственной власти у хорватов.

Крупнейший представитель этой национально-хорватской теории, знаменитый учёный Фр. Рачкий утверждает, что когда хорваты появились на своей новой родине, они представляли собой сплотившийся народ с высокоразвитой (хотя и несколько своеобразной) государственной организацией. На этом-то основании Рачкий и говорит об изначальной истории хорватского княжества и во всех известных нам исторических лицах VII—VIII вв. видит «князей», вкладывая в это понятие опре-

делённое содержание¹. Ещё дальше пошёл В. Ягич: развивая построения Рачкого, он утверждал, что «в народном сознании (хорватов, когда они переселились на юг.— В. Д.) уже проснулась мысль о каком-то большем (чем жупа, разумеется.— В. Д.) объединении: жупан стоит во главе жупании, а несколько жупанов в то же время подчиняются великому жупану; власть великого жупана была наследственной»².

Идеализируя далёкое прошлое хорватов, Рачкий особенно подчёркивал, что их раннее государство имело прекрасное и мудрое устройство, которое обеспечивало внутреннюю и внешнюю силу хорватов. Благодаря такой государственной власти хорваты успешно побеждали своих врагов и сами были обеспечены от нападения.

Что лежит в основе такого построения? К сожалению, как уже было упомянуто, основания его очень шатки: некоторые сообщения Константина Багрянородного и наличие в хорватском языке слова «князь». О первом мы будем подробно говорить ниже, о втором же достаточно указать, что ещё в конце XIX в. закарпатские славяне называли сельского старосту «князем»³.

Главным же недостатком этой концепции является то обстоятельство, что хорватские историки не изучали вопроса о происхождении государства у хорватов во всей его широте, со всей необходимой обстоятельностью и тщательностью. Если оставить в стороне «Odlomci» Рачкого и небольшую работу В. Бражничя, посвящённую в большей своей части позднейшим временам⁴, то почти ни один хорватский историк не интересовался этим вопросом по существу, ограничиваясь ссылкой на тот

¹ Количество исторических работ Рачкого огромно. Отмечаю здесь лишь имеющие непосредственное отношение к теме. Это в первую очередь сохранившие большую ценность и донные «Odlomci iz drzavnaga prava hrvatskoga». Viden, 1861, затем упомянутая выше статья «Kada i kako se preobrazi...», «Nackrt Jugoslav. povest» («Arhiv za povjest jugosl.», IV), «Borba juznich Slavena za drzavnu neodvisnost u XI vijeku» («Rad», kn. 24, 25, 27, 28, 30, 31), «Nutarne stanje Hrvatskie prije XII stoljica» («Rad», kn. 70, 79, 91, 99, 105, 115, 116) и др. О Рачком см. Smiciklas T. «Fr. Rački». Zagreb, 1895; Zagorsky VI. «Fr. Rački et la renaissance scientifique et politique de la Croatie (1828—1894)». Paris. 1909.

² Ягич В. «История сербско-хорватской литературы». Русский перевод, стр. 22. Казань, 1887; ср. его же «Ein Kapitel aus der Geschichte den südslavischen Sprachen». «Archiv für slavischen Philologie». Bd. XVI.

³ Maciejowski V. «Historia prawodawstw Slowianskich». T. I. 1882. (Мацевский В. «История славянского права». Перевод, стр. 84). На это обстоятельство обратил внимание проф. И. Смирнов в «Очерке истории хорватского государства», стр. 8.

⁴ Braznic V. «Zupe u drzavi hrvatskoj za narodne dinastije». 1879.

или иной авторитет. Возьмём наиболее значительные труды по истории Хорватии — капитальные исследования Т. Смичикласа, В. Клаича, Р. Хорвата и широко распространённые очерки Ф. Шишича¹. Смичиклас больше других уделял места характеристике общественной жизни древних хорватов. Но, отведя для этого около 10 страниц своего исследования (стр. 132—141), он всё же ограничился эклектическим изложением общеизвестных вещей. Без всякой мотивировки он целиком отождествил «бана» с западноевропейским «дуксом» и, следуя Гфререру, утверждал о наличии у хорватов единого верховного воеводы, равного немецкому герцогу². А если принять во внимание, что из всего материала источников Смичиклас в этой главе приводит свидетельства лишь одного Маврикия, то неудовлетворительность его трактовки будет ясна. Не дальше ушёл и Клаич. Характеризуя общественный быт древних хорватов, он ограничивается цитатой из Прокопия и ссылкой на Маврикия (стр. 26), а затем прямо говорит о «князьях». Назвав одним из первых князей мифического Поргу (стр. 41), он далее уже категорически говорит об установлении княжества с правителями рода Порги. Таков же, по существу, ход мыслей и у Шишича.

Как видим, ни один из этих историков не находил нужным проанализировать причины, обстановку, условия рождения государственной власти у хорватов. Стоя целиком на точке зрения гармонического естественного развития государства из племенных институтов, они спокойно переходят от VII к IX в., не замечая глубокого качественного различия между этими эпохами в жизни хорватского народа. Лежащая в основе этой концепции ошибочная теория лишает их возможности дать подлинную историю хорватского общества. Задача выяснения процесса образования государства у хорватов может быть решена прежде всего на основе материала источников и их критического анализа в свете определённых,

¹ Smiciklas T. «Poviest Hrvatska». Dio I. Zagreb. 1882; Klaič V. «Poviest Hrvata». Svez I. Zagreb. 1899; Sisic F. «Hrvatska Povest». Dio I. Zagreb. 1906, 1925; Horvat R. «Poviest Hrvatska». Dio I. 1924.

² Гфререр писал, что когда хорваты пришли в Далмацию, то у них был единый верховный начальник, который имел власть немецкого герцога. Он назывался «бан», что значит по-словенски или по-хорватски «господин». Не этого ли Гфререра имел в виду Маркс, когда писал, что «европейские учёные, в большинстве своём прирождённые придворные лакеи, превращают базилевса (военачальника. — В. Д.) в монарха в современном смысле слова» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 84).

³ Державин Н. «Славяне и Византия в VI в.», стр. 5—47. «Язык и литература». Т. VI. Л. 1931. Здесь же об интересных исследованиях Н. Жупанича (N. Zupanič) по древнейшей истории славян на Балканском полуострове.

много раз проверенных теоретических положений.

Хорватов, как этнически оформившийся народ, мы находим на занимаемой ими ныне территории уже в середине VI века³. Обладая сильной общественной организацией, резко противоположной господствовавшей на Балканском полуострове системе поздней Римской империи, они сравнительно быстро⁴ сломали её сопротивление. Основными занятиями хорватов были земледелие, скотоводство, рыбная ловля и мореплавание. Основной формой общежития у хорватов была большая семейная община — «задруга» (куча), следы которой несмотря на большие социально-экономические сдвиги, происходившие в стране на протяжении более тысячи лет, сохранились до середины (а кое-где даже и до конца) XIX века. Эта большая семейная община, являясь основной ячейкой рода, владела землями и всеми угодьями⁵. Союз нескольких таких задруг, «братств», первоначально принадлежавших к одному и тому же роду, составлял жупу, которая охватывала сначала группу деревень, а впоследствии целый округ и тем самым превращалась из родового союза в территориальный. Во главе жупы стоял жупан — выборный старейшина, в лице которого объединялась судебная и военная власть, а в языческие времена жупан был и жрецом жупы⁶.

Сущность занимающего нас вопроса и заключается в том, когда и при каких обстоятельствах первоначальный общинно-родовой строй у хорватов сменился государственным. Представители национально-хорватской теории утверждают, как было указано, что уже в VII в., в годы прихода хорватов на новую родину, жупаны хотя и сохранились как руководители жуп, но уже подчинялись великому жупану — князю, который и был представителем высшей государственной власти. Напротив, пред-

⁴ К хорватам полностью могут быть отнесены слова Энгельса о «таинственном волшебном средстве, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу умирающей Европе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 132). Историкам-шовинистам следовало бы также всегда помнить и следующие слова Энгельса: «Но омолодили Европу не их (этих новых народов. — В. Д.) специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй» (там же).

⁵ См. классическую характеристику южнославянской задруги у Энгельса (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 42). Недостаток места не позволяет нам дать полную картину племенного строя хорватского народа, в котором налицо все установленные Морганом и Энгельсом характерные черты типичного племенного устройства (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 71—73, 83).

⁶ У словенцев сохранилось ещё название священника — «жупник».

ставители германской школы столь же категорически утверждают, что значение жупана ослабело лишь под влиянием римско-германских государственных идей и установлений, что только значительно позже, в начале IX в. (во времена Борны и Ладислава), роль могущественных и независимых жупанов была сведена до степени простых придворных хорватского князя. Таким образом, расхождение между этими концепциями очень значительное.

Обратимся к документам и фактам. Как было сказано, сторонники национально-хорватской школы опирались в своём построении в первую очередь на свидетельства и авторитет Константина Багрянородного. Фр. Рачкий во многих своих работах высоко поднял авторитет Константина Багрянородного как историка и долгое время не сомневался в достоверности его сообщений¹. За ним следовала вся хорватская школа, несмотря на то что ещё задолго до того многие исследователи высказывали серьёзные критические соображения по поводу достоверности ряда сообщений Константина Багрянородного. П. Шафарик, Э. Дюммлер, А. Гальфердинг, К. Грот, М. Дринов, особенно последний, неоднократно отмечали необходимость строжайшей проверки сообщений Константина Багрянородного и указывали на их противоречивость — как внутреннюю, так и по сравнению с другими источниками². Далёкие от гиперкритицизма Дринова и Смирнова, совершенно незаслуженно не доверявших сообщениям Константина Багрянородного, мы, следуя более объективным специальным работам (А. Рамбо, Ф. Гирш, Т. Флоринский)³, признаём огромную ценность многих его сообщений. Однако это несколько не снимает многих его ошибок,

¹ Račkí Fr. «Ocjene starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest sredniego veku». Knjiznik, I. Zagreb. 1865, p. 56—77; «Scriptores regni chroaticarum» pred XII stoljećem. «RJA». Kn. LI. 1880, и отдельно p. 154—164. Zagreb. 1880.

² Шафарик П. «Славянские древности» (перевод О. Бодянского). Т. II. Кн. 1-я, стр. 393 и сл.; Dümmleг E. «Aelteste Geschichte», S. 356 ff; Гальфердинг А. «Письма»; Зернин К. «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного». Харьков. 1858; Грот К. «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове». СПб. 1892. «Записки И. Р. Географического общества». Т. IX; Дринов М. «Заселение Балканского полуострова славянами». 1872; Смирнов И. «Очерк...», стр. 112—114 и др.

³ Rambaud A. «L'empire grec au X siècle. Constantin Porphyrogenete». Paris. 1870; Hirsch F., «Kaiser Konstantin VII Porphyg». Berlin. 1873; «Byzantinische Studien». Leipzig. 1876. Флоринский Т. «Константин Порфирородный, как писатель о южных славянах, пред судом новейшей критики». «Журнал министерства народного просвещения» за 1881 г., тт. 214—215.

противоречий, недоговорённостей. В данном случае нам важно подчеркнуть ещё то обстоятельство, что Константин Багрянородный некоторые стороны жизни славян на Балканах понимал лучше, чем западноевропейские, немецкие или итальянские хронисты. Но мы не должны забывать и того, что Константин Багрянородный меньше всего был историком, он прежде всего политический мыслитель, обращающийся к истории для подкрепления своих политических построений.

Константин Багрянородный в семи сообщениях говорит о государственном строе древних хорватов. Первый раз он упоминает о нём в рассказе о приходе хорватов на новую родину («De administrando imperio», cap. 30). Здесь он сообщает, что один род хорватов (mia de genea), а именно пять братьев: Клукас, Лобел, Косенц, Мухло и Хорваг — и две сестры — Туга и Буга — «со своим народом», отделившись от остальных, пришли в Далмацию, победили сидевших здесь аваров, и «с тех пор эта земля была во владении хорватов». Это сообщение (как и четыре других, в которых Константин Багрянородный употребляет термин «архонт») и служит основным аргументом хорватских историков в их концепции раннего появления государственности у хорватов. О чём же в действительности говорит это сообщение? Это обычная, традиционная для многих историков прошлого история о некоторых мифических вождях, вроде пресловутых Рюрика, Синеуса и Трувора, Чеха, Леха, Радима, Вята, Кия и др., без участия которых этот историк в силу авторитарности своего мышления вообще не мог представить себе такого важного в истории народа факта, как переселение. Из этого рассказа можно сделать лишь один вывод, — что в то время хорваты жили родовым строем, большего отсюда вывести нельзя. К тому же и сам Константин Багрянородный в 31-й главе своего труда сообщает совершенно иное. Для подтверждения «княжеской» теории ничего нового не дают и четыре других сообщения Константина Багрянородного, где он оперирует выражением «архонт» (стр. 144, 148, 149). Так же, как и первое, эти сообщения не только не имеют твёрдого, бесспорного основания, но более того: сам же сообщающий обесценивает их в дальнейшем изложении. А так как все сообщаемые Константином Багрянородным в этих строках факты долгое время являлись и являются предметом дискуссии⁴ и ни один из них

⁴ Итоги дискуссии для 80-х годов XIX в. подвёл К. Грот (Указ. соч., стр. 75 и сл.) О состоянии вопроса в новейшей науке см. Niederle L. «Slovanske starožytности». Dila II. Svaz. I, p. 385. Praze. 1906. Ср. комментарии к отрывкам из «Константина Багрянородного» Фр. Рачкого в его замечательном издании «Documenta historiae Croatiae periodam antiquam illustrantia». «Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium». Vol. VII. Zagrabiae. 1877. Цитирую «R», p. 291.

не может считаться безусловно признанным, то естественно, что повисает в воздухе и основанная на них концепция изначальной княжеской власти у хорватов.

Гораздо важнее сообщение Константина Багрянородного о государственном строе древних хорватов, данное им в 29-й главе труда. Здесь он рассказывает о том, как жители далматинских городов, «когда Римская империя, вследствие бездействия и нерадения в то время царствовавших, едва не зачахла... соседние народы, хорваты, сербы, захлумляне, тервуняне и другие, отпав от Римской империи, сделались самовластны и независимы. Князей, как говорят, эти народы не имеют, кроме жупанов — старейшин, — подобно тому как это в обычае и у других славян».

Это свидетельство Константина Багрянородного является важнейшим из всего, что он сообщает о славянах в своём замечательном труде о славянах. Оно убедительнее других прежде всего потому, что здесь Константин Багрянородный пишет о фактах, или очень близких ему по времени (о 820 г., а сочинение написано в 948—952 гг.), или современных, очевидцем которых он сам был, или о которых он получил непосредственное сообщение (*hos fasi*), т. е. степень достоверности его сообщения здесь максимальна. Далее, несомненно, что он, как и многие другие византийские деятели IX—X вв., проявлял к славянам живейший интерес, знал их современный ему или близкий к нему быт и порядки лучше, чем их далёкое прошлое. Обращает на себя внимание, наконец, и особая распространённость этого отрывка, мало свойственная лаконичному в описании невизантийского материала писателю; эта распространённость объясняется значительностью сообщаемого факта.

В той же, 29-й главе, на следующей странице после приведённого отрывка, Константин Багрянородный, упомянув о том, что некоторые хорваты, сербы и др. долго оставались некрещёнными, рассказывает об обращении их к императору Василию Македоняну, который и крестил их, а после крещения «назначил им князей, которых они желали и сами избрали из наиболее любимого и почитаемого ими рода. И с тех пор и донныне избираются для них князья из этого самого рода, а не из иного» (стр. 129).

Это сообщение Константина Багрянородного — не только фиксация исторического факта: оно преследует определённую политическую цель, и только с признанием этого соображения мы можем понять слова историка о Василии, что он *proebaleto* — «назначил»¹. Дело в том, что после восшествия на престол Седеслава (878) при помощи и содействии византийского императора прекратилась (на время) тянувшаяся несколько десятилетий борьба между византийскими и римскими импе-

раторами из-за Хорватии и Далмации (в пользу первых). Обстоятельства прихода к власти Седеслава были таковы, что он крайне нуждался в признании византийского императора, для чего даже совершил путешествие в Константинополь². Поэтому-то Константин Багрянородный и подчёркивает, что император Василий назначил — утвердил князей (Седеслава и других его родичей), которых «желали» хорваты и которые были избраны «из наиболее любимого и почитаемого ими рода» (род Трпимира). Записывая это, Константин Багрянородный преследовал, думается нам, и другую цель: закрепить за Византией право утверждения хорватских князей, создать известную традицию, показать хорватским князьям и хорватскому народу, что верховное утверждение их правителей они получают из рук византийского императора.

Так мы понимаем это сообщение Константина Багрянородного. Остаётся отметить ещё один штрих — имеющееся в сообщении категорическое указание на наличие начала выборности князей у хорватов (правда, это указание привлечено здесь для оправдания политики византийских императоров)³.

Подводя итог всем свидетельствам Константина Багрянородного о государственном строе у древних хорватов, мы можем установить следующее. У Константина Багрянородного нельзя найти чётких, ясных, бесспорных указаний на существование твёрдой государственной власти в виде преемственной княжеской власти у хорватов VII—VIII веков. Сведения его о ранних хорватских «князьях» (архонтах) отрывочны, несвязны⁴ и противоречивы. Из них можно сделать только один вывод, а именно: на протяжении двух столетий со времени выступления хорватов на историческую арену из их племенных и родовых старейшин, может быть, иногда выделялись такие, которые своими делами более закреплялись в памяти современников или потомков, чем другие, безвестно потонувшие во мраке истории. Такие эпизодические фигуры⁵ известны в истории и других на-

² *Johannis Chron. venet.*, MGH, VII, 21; *Danduli. Chron. Venet.*, SRI, XII, 187. «R», p. 375.

³ Ср. в сообщении Константина Багрянородного о деяниях императора Василия Македоняна важное указание на наличие в это время князей у захлумлян и тервунян (гл. 30, стр. 147).

⁴ Даже ярые апологеты достоверности сообщений Константина Багрянородного уже давно отметили то обстоятельство, что он не называет ни одного имени князей от отца Порги до Трпимира.

⁵ Это о них говорит Энгельс: «Верховный военачальник... уже домогался тиранической власти и иногда достигал её. Такие счастливые узурпаторы, однако, отнюдь не были неограниченными властителями; но они уже начинали разбивать окозы родового строя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 121).

¹ *Designavit*, как переводит это слово Рачкий, «R», p. 371.

родов, но делать отсюда вывод о наличии сложившегося государства, конечно, нельзя.

Что несомненно в сообщениях Константина Багрянородного, — это ясное, чёткое указание на сохранившиеся ещё в начале IX в. значительные следы недавнего господства родоплеменных отношений у хорватов, на типичный для многих народов этой стадии развития порядок управления посредством своих родовых выборных — старейшин¹. Говорить о наследственности их власти нет никаких оснований². Это хорошо известные нам старейшины, классический образец которых так гениально обрисовал Ф. Энгельс.

О жизненности этого родоплеменного устройства и его характерного признака — жупы — говорят многочисленные сообщения и в первую очередь того же Константина Багрянородного; он рассказывает о разделении земли хорватов (в его время) на 14 жуп и даёт их наименования (гл. 30, стр. 145). Это сообщение Константина Багрянородного подтверждается многочисленными документами и хрониками³, показывающими жизнь этих жуп в IX—XI веках. Всего было 23 жупы: Хлебиана, Центина, Имота, Плеба, Пезента (Везентска), Приморска, Брибирская, Нинска, Книнска, Сидразка, Смина, Крбавска, Лика, Гатска (первые 11, как сообщает Константин Багрянородный, управлялись каждая своим жупаном; 3 последние — баном), Бочаки, Бужани, Дрил, Клесса, Лука, Полтича, Загорско, Застобрыко, Затинско. Предполагается существование ещё нескольких жуп, названия которых не сохранились. Все эти жупы и были основными ячейками политической организации древних хорватов.

Обратимся к другим источникам ранней истории хорватов. Это в первую очередь современные событиям летописи других византийских, франкских хронистов, некото-

рые документы чатской канцелярии и написанные много позже, но ценные использованием не дошедшего до нас материала труды хорватских летописцев. Но и в них мы не находим ни одного прямого упоминания о «князьях» хорватских, а почти сплошь встречаются суммарные формулы — «племня», «род». Таковы прежде всего сообщения известного автора ценнейшего сочинения по ранней истории славян — Прокопия и анонимного автора жития еп. Домна⁴.

Очень важно сообщение константинопольского патриарха (806—815) Никифора, автора «Продолжения истории царя Маврикия», об обстоятельствах заключения в 679 г. мира аварским каганом с Византийской империей⁵. Рассказывая о посылке каганом посольства в Византию, Никифор пишет, что в нём принимали участие (как это показано позднейшими историками⁶) представители и от хорватов и сербов — «гастальды и уважаемые мужи», т. е. старейшины.

Ценный материал даёт живший в конце VIII в. анонимный автор «Чудес св. Димитрия». В рассказе о нашествии аваров и шедших вместе с ними паннонских хорватов на Солунь в 677 и 758 гг. он несколько раз упоминает об их общественной организации. В сообщении о нашествии 677 г. он говорит только о племенах и ни словом не упоминает о вождях. Второе сообщение его⁷ даёт некоторое основание говорить о вожде (дуксе), тем более что речь идёт о походе и к тому же в очень далеко отстоящие местности.

О племенном быте ранних хорватов определённо говорит и ещё один источник. Известный автор истории сплитской (салонской) церкви архидиакон Сплитский Фома, сбивчиво и путанно рассказывая о начальной истории хорватов, сообщает, что они пришли, разделённые «in septem vel octo tribus pobiliim»⁸. Отмеченный неоднократно в историографической литературе аристократизм Фомы Сплитского объясняет нам его последние слова, но смысл его сообщения ясен.

Что касается встречающихся в источниках так называемых *primores*, то появление их указывает на уже начавшийся процесс дифференциации внутри хорватского рода. «Первый зародыш особых знатных семей внутри рода»⁹, по выражению Энгельса, мы

⁴ Procopius «De bello Gothico», lib. III, c. 38, p. 441 («R», p. 219). Vita S. Domnii episcopi, «R», p. 288

⁵ «R», p. 285, ed. Bonn, p. 87.

⁶ Johannis Lucii Dalmatini «De regno Dalmatiae et Croatiae Libri sex. Amstelredami MDCLXVI», lib. I, cap. II, p. 44; Rački «Monumenta», p. 285.

⁷ Оба сообщения даны у «R», p. 282—283, 292—294.

⁸ Thomas Archidiaconus Spalatensis «Historia Salonitana», c. VII, Lucius, p. 318.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 85.

¹ Именно это указание Константина Багрянородного использовал крупнейший русский византист Ф. И. Успенский в своей характеристике отношений Византии к хорватам и другим народам северозападной окраины империи. «История Византийской империи». Т. I, стр. 767—768 и др. СПб. 1912.

² Вопреки Гроту, который, зачав с категоричного утверждения: «Княжеская власть у хорватов и сербов была с самого начала наследственна» (со ссылкой на Константина Багрянородного. Гл. 32, стр. 153), — тут же оговаривается, что, «однако, никаких подробностей об этом наследственном праве (мы) не знаем» (Указ. соч., стр. 218), и ссылается на того же Рачкого, который ратует за созданный им мир наследственных князей. Rački Fr. «Odlomci...», str. 88.

³ Этот материал собран в Monumenta R., в примечаниях Рачкого (стр. 413), указывая на другие помещённые в этом же издании документы — в Index'e sub v. «Chroatorum iurrae», p. 512—513. Сводная обработка всего материала дана в «Rad JA», кп. XXV, p. 31—52; ср. Грот К. Указ. соч., стр. 99—101 и др.

встречаем уже в сказании о пяти братьях и в свидетельстве Фомы Сплитского; в дальнейшем их развитие идёт обычным путём.

Что же произошло в конце VIII— начале IX в. на территории, населённой хорватами и родственными им племенами? Свидетельства об этом периоде сравнительно большого количества источников дают возможность восстановить события с достаточной полнотой.

Общий ход событий представляется в следующем виде. Закончив в 774 г. покорение лангобардского королевства, Карл Великий приступил к завоеванию земель, населённых аvaraми и южными славянами. Точно определить время первого столкновения франков с хорватами нет возможности; большинство исследователей полагает, что это произошло около 791 г., во время похода Пипина, сына Карла Великого, на аваров. По крайней мере, древнейшая франкская летопись, так называемые *Annales Laureshamenses*, а вслед за ней и другие именно под этим годом рассказывают о походе Пипина в Иллирию и оттуда в Паннонию и о страшном разорении этих областей франками¹. Что этим походом далеко ещё не было закончено подчинение страны, доказывает поход Карла на аваров в 796 г. В сообщении о нём упоминаются паннонские славяне и какой-то их дукс (?) Воймир (*Womirgus*, *Womirgus*)². Историки до сих пор мало обращали внимания на сообщения хроник о походе 796 г., хотя они представляют исключительный интерес.

Хроника коротко сообщает³, что Генрих (Эрих), маркграф Фриуля, послав своих людей «cum Womirgo Sclavo in Pannonias», снова разгромил аваров, разрушил их знаменитый «hringum», убил их кагана и отправил Карлу огромную добычу.

Комментаторы хроники построили на основе этого сообщения целую легенду. На-

пример они именуют Воймира *dux Slavorum* и даже «великим жупаном Хорватии» (Дюммлер), утверждают, что славяне были в этом походе союзниками франков⁴ и получили независимость именно благодаря разрушению франками аварского государства. Но все эти рассуждения лишены каких бы то ни было оснований. Это домыслы, основанные на предвзятых суждениях, для Рачкого, который говорит о хорватском государстве ещё в VII в., *Womirgus Sclavus*, конечно, не может быть не кем иным, как именно «князем». Дюммлер же, пытаясь «доказать», что «дикие» славяне — хорваты приобщались к культуре только благодаря немцам, строит целую легенду о том, что хорваты получили независимость из рук франков и в благодарность за это и стали союзниками франков⁵. В связи с этим понятны и рассказы о том, что хорваты и вообще-то подчинялись франкам, «не оказывая им ни малейшего сопротивления»⁶.

Всё это легенды! В действительности же едва ли есть в ранней истории хорватов более драматичная страница, чем история борьбы их против франкского владычества, история этих 25 лет, с первого столкновения их с франками (немцами) до предательства Борны, своего рода «квислинга» IX века. Доказательства тому — и походы Карла на хорватов, сопровождавшиеся кровавыми расправами, и героическая борьба Людевита Паннонского, и наконец, память об этой борьбе, сохранившаяся на целое столетие у соседей хорватов — византийцев (Константин Багрянородный).

Остановимся на первой легенде. На основании достижений новейшей историографии⁷ можно утверждать, что между хорватами и аvaraми долгое время не только не было враждебных отношений, а, напротив, нередко они сотрудничали в походах на Византию. Хорваты занимали области, в которых авары не были заинтересованы, — следовательно, хорватов не от кого и было освободить.

⁴ Характерно заглавие, которое даёт Рачкий этому отрывку: «*Slaveni sub Womiro Francorum contra Avaros Socii*» («R», p. 298).

⁵ См. ещё Smiciklas, 164; Klaič, 42 я др. Эта же легенда повторяется и в новейшем в русской литературе очерке истории Хорватии М. Бердоносова «Хорватия» (БСЭ. Т. 60, стр. 76): «Последствием этого продвижения (франков. — В. Д.) было освобождение от аварского владычества паннонской Хорватии». В этой же статье строкой выше встречается и такое совершенно безграмотное утверждение: «Впервые на историческую арену Хорватия выступает в конце VIII в. в связи с продвижением на юго-восток франков». Далее автор выдумал какие-то «12 племён, на которые делились хорваты».

⁶ Смирнов И. «Очерк...», стр. 18.

⁷ Niederle L. Op. cit., p. 200—230, 320—324.

¹ *Annales Laureshamenses ad a. 791*, c. XXIV, MGH, I, 34—35; *Einhardi Annales ad a. 791*, MGH, I, 177; *Annales Laurissenses*, MGH, I, 176. Большая часть известий об этом периоде собрана в «*Monumenta...*», p. 297 ff. Историографические замечания об этих хрониках см. Wattenbach W. «*Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*», III Aufl. Berlin. 1873. Bd. I, S. 112 ff. Rački Fr. «*Scriptores. Ocjena*». О походе Пипина см. письмо Карла от сентября 791 г. «R», p. 296—297.

² Дюммлер сближает это имя с позднейшим «Звонмир» (Указ. соч., стр. 384).

³ Основное сообщение дают Лоршские анналы (MGH, I, 182), остальные (*Einhardi annales*, *ibidem*, p. 183; *Annales Tiliani*, *ibidem*, p. 22) только повторяют его. См. о походе 796 г. ещё *Annales Lauresham. ad a. 796* (MGH, I, 37). *Conversio Bagoariorum et Carentanorum, Carmen de Pippini regis victoria*, Poëta Saxo, письмо Алкуина — все они у «R», p. 298—299.

Долгое время у хорватов существовал родоплеменной строй, задруги и жулы. Однако неумолимый закон исторического развития сказался и здесь. И те *primores*, которых мы встречаем впервые в сообщении конца VII в.¹, и те отрывочные упоминания о «князьях» и «дуксах», количество которых увеличивается в VIII в., говорят, по существу, об одном и том же — о процессе разложения рода, о растущей социальной (классовой) дифференциации. И когда в сообщениях о франкском походе 796 г. мы встречаем некоего «славянина Воймира», союзничающего с франками в борьбе против аваров, то нас несколько не удивляют слова тех же хроник о гражданской войне — «*civili bello fatigatis inter se principibus*». Это пишут *Annales Laurissenses*. Точно, слово в слово, повторяет их и основанная на этих анналах хроника Регинона и в несколько более лаконичной форме *Annales Tiliiani*². Эти сообщения дают нам основание говорить о развернувшейся в стране в конце VIII в. гражданской войне, в огне которой рождалась новая система общественных отношений, рождалось государство, в настоящем смысле этого слова. Борьба этих *primores*³ и есть борьба представителей некоторых выдвинувшихся родов за власть в племени, за удержание её как достояния своего рода. При этом, как известно, они нередко обращались за помощью к иностранцам. Воймир, надо полагать, был одним из магнатов, перешедших на сторону франков, с тем чтобы с их помощью захватить власть.

Но и поход 796 г. не достиг цели. В 799 г. в Трасате хорваты убили упомянутого маркграфа фриульского Эриха⁴ и посланного затем для восстановления порядка графа Герольда, баварского наместника.

Только после новой карательной экспедиции франков в том же, 799 году можно говорить о некотором укреплении их власти в землях хорватов, хотя в 802 и 803 гг. ещё имели место попытки покорённых народов вернуть свою свободу. Только под 803 г. Эйнгард сообщает об окончательном «умиротворении» страны Карлом, которое и было закреплено заключением мира между Карлом и императором Ни-

¹ У Теофана в его Хронографии ad. a. 6169; «R», p. 285.

² *Annales Laurissenses ad. a. 796*, MGH, I, p. 182; *Reginonis Chronicon ad a. 796*, ibidem, p. 561; *Annales Tiliiani ad a. 796*, ibidem, p. 122.

³ В указанном отрывке из Лоршских анналов и других и у *Poeta Saxo* (*cum tarcanis, primatibus regni*) речь идёт об азарской державе в целом, т. е. включая и хорватов. Именно так — и это правильно — это понимают все историки.

⁴ *Einhardi «Annales»*; *Einhardi vita Caroli*, c. 13; *Poeta Saxo*, особенно *Versus Paulini* (аквилейский патриарх) *de Herico duse*, письма Алкуина, который говорит о *maioris periculi*, созданной выступлением паннонских и либурнских народов (все отрывки у «R», p. 300—302).

кифором. По этому миру Византия отказывалась от захваченных франками областей.

Однако, как известно, споры между франкской империей и Византией далеко не были разрешены соглашениями 803 и 811 годов. Лишь аахенский мир 815 г. закрепил границы империи. По этому миру, за франкской империей остались вся Паннония (Верхняя и Нижняя), Истрия, Либурния и Далмация, за исключением вновь возвращённых Византии приморских городов: Зара, Трот, Спалато и Рагуза. Договор этот был затем подтверждён Падерборнским соглашением 815 г. (между Людовиком Благочестивым и Львом V)⁵. На Падерборнский съезд (*conventus*), по рассказу Эйнгарда (*Annales*), «пришли все первые люди и помы восточных славян». Это сообщение имеет для нас огромное значение, потому что оно подтверждает наше положение о системе общественных отношений у хорватов конца VIII и начала IX века. Важно оно и потому, что исходит от непосредственного участника всех крупнейших событий франкской империи, учёнейшего человека того времени — Эйнгарда, который, конечно, упомянул бы о славянских дуксах, если бы они действительно существовали. Однако Эйнгард употребляет термин «*primores*» именно для обозначения им представителей родовой знати, аристократии, ибо буквально через строку он говорит о «*primores Romapopum*», замешанных в убийстве папы Льва, — в Риме же этого времени, как известно, никаких «князей» не было⁶.

Подлинным основателем хорватского государства следует считать славного Людевита, князя паннонских хорватов, объединителя хорватских племён в борьбе против франкского господства, неустрашимого, последовательного борца против франков — врагов хорватского народа. В источниках о нём имеются лишь скудные сообщения. Для авторов франкских летописей он опасный мятежник, действия которого наносили серьёзный ущерб могуществу франкской империи. Позднейшие историки в своих суждениях о Людевите руководились своими, уже известными нам точками зрения. Немецкие историки замалчивали его⁷, пред-

⁵ *Einhardi «Annales»*, «R», p. 316. О том, что споры о границах всё же не прекратились окончательно, свидетельствуют новые переговоры 817 г. («R», p. 317).

⁶ Поэтому совершенно очевидны ошибочность и тенденциозность Рачкого в его комментарии к этому сообщению, когда он находит в нём указание на Людевита, «*dux Pannoniae*» («*Monumenta*», p. 317).

⁷ Например в известной обширной работе Дюммлера, заполненной тысячами сплошь и рядом малозначущих мелочей, «*Ueber die älteste Geschichte der Slaven in Dalmatien*», Людевиту отведена одна страница (стр. 389), и он спустя тысячу с лишним лет всё же именуется «*dieser gefährlicher Feind*».

ставители хорватской национальной школы хотя и упоминали о нём (и иногда весьма обстоятельно), но характеризовали его только как эпизодическое лицо, хотя и сыгравшее большую роль в истории хорватов¹. А нужно было показать деятельность Людевита шире, на фоне всего комплекса процессов и событий этого времени, особенно в истории вековой борьбы хорватского и других славянских народов против немцев.

Для нас время, личность и деятельность Людевита особенно ценны именно потому, что в его время окончательно складывалась хорватская государственность в борьбе против иноземного владычества. Людевит для нас — выразитель коренных требований хорватского народа, представитель его лучших стремлений; в нём глубоко живут любовь к родине и ненависть к её врагам и поработителям.

Обратимся к фактам. Под 818 г. Эйнгард рассказывает о том, что к Людовику Благочестивому в Геристаль явились послы различных народов и правителей, среди которых были Людевит, «dux rannonis inferioris», и Борна, «dux Guduscannonum et Timocanonum» (дукс гадчая и тимочая). Людевит обвинял² Кадолоая, маркграфа фриульского, бывшего в то время франкским наместником Паннонии и Далмации, в жестокости и дерзости (*crudelitis atque insolentiae*)³. Как видно, франки далеко не чувствовали себя в этих областях хозяевами. Вель после их последней карательной экспедиции прошло 15 лет — срок, казалось бы, достаточный для «умиротворения» покорённого населения, — однако франки «до того жестоко поступали с ними (хорватами. — В. Д.), что убивали даже грудных младенцев и бросали их псам». Так писал спустя более ста лет Константин Багрянородный⁴, и, как видно, зверства франков были так страшны, что память о них сохранилась и через столетие.

Несмотря на заявление Людевита зверства франков продолжались. Тогда Людевит объединил большую часть хорватских племён и возглавил восстание.

¹ Ср. довольно обширный, но излишне драматизированный и литературно украшенный рассказ Smiciklas, p. 171—175; Klaič, p. 43—47; Šišić, p. 35—37; prof. Ljubic S. O Pasavskoj Hrvatskoj i o zlatnih noveih njezina zadnjega kneza Sertma (1018), «Rad», kn. 43, p. 120; ср. Дринов М. Соч. Т. I, стр. 406—409.

² А не «жаловался», как писали Дюммлер (Указ. соч., стр. 389) и Грот (Указ. соч., стр. 117). И. Эйнгард и автор «Жизни Людовика» говорят совершенно определённо: «accusare», «accusantes».

³ Einhardi «Annales», MGH, I, 205 («R», p. 320). Ср. Vita Hludovici imp., c. 311. MGH, II, 624, сокращённый и несколько модифицированный рассказ Эйнгарда.

⁴ De admin. imp., cap. 30, p. 147.

В 819 г. император направил для борьбы против Людевита огромное войско (из Италии), но оно было разбито Людевитом, и лишь жалкие остатки его вернулись домой⁵. Однако, как видно, Людевит не отказывался от мысли добиться выполнения своих требований мирным путём. Хронисты сообщают об имевших место в том же, 819 г. переговорах Людевита с императором и о посольстве, направленном к нему Людевитом. Людевит предлагал императору какие-то условия (*conditiones quasdam*), по выполнению которых обещал повиноваться ему. Что это были за условия, летописцы не сообщают; историки же в своих догадках заходят слишком далеко⁶. Однако самый факт сообщений немецких хронистов, язвительно выдающий их гнев и досаду, выражения, употребляемые ими, обвинение Людевита в «безумной гордости», «надменности», «высокомерии», «дерзости», а затем в «вероломстве», «упрямстве» и тому подобных «смертных грехах» — всё это говорит о том, что Людевит отстаивал свободу и независимость хорватских племён, что с точки зрения немецких государей было величайшей дерзостью.

Неудача переговоров побудила Людевита искать союзников среди соседних племён для совместного выступления против немцев. К нему примкнули словенцы (карантанцы) и тимочане. Началась настоящая война. Против Людевита с большим войском выступил преемник Кадолоая гр. Бальдрик. Под давлением численно превосходящего войска Бальдриха Людевит вынужден был отступить. Этот первый успех немцев, как видно, окрылил германофальские элементы далматинско-хорватской знати, стремившейся к захвату власти. Хронисты сообщают, что на отступавшего Людевита напал Борна, один из жупанов, стремившихся к установлению единодержавия. На реке Купе произошло сражение. Но в решительный момент гадчаре оставили Борну, и он вместе со своим тестем Драгомужем был разбит наголову и едва спасся при помощи своих дружинников-телохра-

⁵ Vita Hludovici imp., MGH, II, 624; Einhardi «Annales», ad. a. 819, MGH, I, 205; «R», p. 321.

⁶ «Можно думать, впрочем, — писал И. Смирнов, — что они были оскорбительны для чести императора, так как он отказался их выполнить» («Очерк», стр. 19). В данном случае Смирнов идёт целиком на поводу у германских хронистов.

нителее¹. Людевит преследовал по пятам убегающего противника, вторгся в Далмацию и прошёл по ней, опустошая её огнём и мечом. Борна же запер все свои крепости, а сам с избранным отрядом днём и ночью атаковал войско Людевита со всех сторон. Таким образом он постепенно истощал силы Людевита, и последний, потеряв около 3 тыс. человек убитыми и более 300 пленными, вынужден был оставить Далмацию.

Война вступила в новый фазис. Борна, как видно, окончательно решив использовать для достижения своих честолюбивых целей сложившуюся обстановку, обратился к императору, сначала через послов, а затем и лично, с предложением своих услуг для борьбы против народного движения. Получив от императора большое вспомогательное войско, Борна принял участие в новом грандиозном походе², предпринятом немцами против Людевита. В 820 г. три армии с трёх сторон двинулись для опустошения земель Людевита и разгрома его войск. Однако и этот поход не достиг цели. Людевит не был побеждён. Единственное, чего добились немцы и их союзники — предложили из среды хорватов в походе 820 г. — это подчинения фриульскому маркграфу Бальриху жителей Карниолы (по р. Сава) и части карантанцев.

Предпринятый немцами в следующем, 821 году новый поход также был безуспешен; немцы лишь опустошили земли Людевита. Таким образом, и третий поход огромной германской империи против небольшого, героически оборонявшегося славянского народа оказался безуспешным.

Несомненно, что именно это обстоятельство — затягивание войны — явилось причиной события, которое немецкие и некоторые германофильски настроенные историки выдают за начало хорватского государства. Эйнгард в своих анналах, перечисляя события 821 г., после короткого упоминания об известном нам походе рассказывает, что в это время умер Борна. Об этом же факте рассказывает и биограф императора Людовика, но с некоторым, как увидим дальше, существенным различием.

Это сообщение Эйнгарда и явилось источником для ряда построений, характерных для немецкой исторической школы, которые, к сожалению, оказались привлека-

тельными и для некоторых других историков.

Основываясь на том, что Эйнгард называет в 821 г. Борну «князем Далмации и Либурии», о чём, заметим кстати, биограф Людовика умалчивает, Дюммлер и последующие историки, ничтоже сумняшеся, пишут: «В 821 г. Борна был уже князем Далмации и Либурии. Теперь все далматинские хорваты составили одно политическое целое: возникло хорватское государство». Этот далеко идущий вывод основан на произвольном толковании только одного слова только одного анналиста! Больше никаких данных нет; в действительности же из источников можно сделать совершенно другой вывод.

Столь же неосновательно и тенденциозно третье положение немецких историков — будто бы «далматинцы объединились под властью лица, преданного интересам императорского трона». Монархические тенденции авторов таких положений ясны; ясно также, почему им нужно было писать, что далматинцы якобы объединились сами. Что это за «добровольное» объединение, когда «объединяющиеся» восстают и бросают своего вождя на поле боя! Рассказы хронистов об этом событии очень красочны и не дают никаких оснований для кривотолков. «Объединение» сопровождалось жесточайшей борьбой, восстанием против «объединителя», предательством (с точки зрения симпатизировавших своему агенту немецких хронистов), насилиями. Несомненно, немцы помогали Борне, вознаграждая его тем самым за измену своему народу, и, надо думать, после ухода из Далмации Людевита действительно помогли ему «объединить» далматинских хорватов.

Что обстановка в Далмации и Либурии и после этого «объединения» была напряжённой, можно видеть из немецких же описаний вокняжения Ладислава. Слова Эйнгарда «по просьбе народа»³ не должны нас смущать. Это или риторика, к которой нередко прибегали, как известно, и Каролинги, или выражение, употреблённое нарочито, для укрепления авторитета нового узурпатора — немецкого агента. Наконец, нельзя отрицать и того, что просьба к императору действительно могла поступить, но только от тех кругов, которые были заинтересованы в вокняжении Ладислава. Но самое любопытное заключается в том, что биограф императора Людовика, обычно слепо следующий в изложении фактов за Эйнгардом, но не обладающий его красноречием, прямо пишет, что император «поставил» преемника Борны — Ладислава.

Так рассеивается ещё одна легенда о возникновении хорватского государства. Хорватское государство действительно было создано в это время, но не в далматинской Хорватии, подчинённой и порабощённой немцами и немецкими агентами — аристократами, а в посавской Хорватии, где продолжал сопротивляться славный Людевит.

¹ «Auxilio tamen praetorianorum suorum...» Einhardus «auxilio domestico...» Vita Ludovici imp. Наличие дружины у Борны свидетельствует о глубоком процессе разложения старинного общественного устройства хорватов. Известно, что в дружинах «был уже зародыш упадка старинной народной свободы», что «они содействовали появлению королевской власти» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 121).

² Einhardi «Annales», Einhardi «Fuldensis Annales», Vita Ludovici. Thegani. Vita Ludovici imp. «R», p. 324—325.

³ Но не «избранный народом», как пишет И. Смирнов (Указ. соч., стр. 22).

Второе важное сообщение Эйнгарда о событиях 821 г. говорит о том, что возглавленное Людевитом движение поддержали византийцы. Есть также данные, позволяющие утверждать, что Людевиту помогали и болгары.

Борьба хорватов против немцев и их пособников продолжалась и в следующем, 822 году¹. Новое войско двинулось в Паннонию из Италии. Людевит под давлением превосходящих сил врага вынужден был оставить город Сисек и бежать в Далмацию, где он и нашёл приют у какого-то жупана². Как рассказывают немецкие хронисты, он «убил» этого жупана и «захватил» его город. В 823 г. Людевит был убит лядей покойного Борны — Людемьсом. Надо думать, что и «поставленный» императором новый князь Далмации, Ладислав, был в курсе всех этих событий и что предательское убийство Людевита было произведено с его ведома, если не при прямом его участии.

Так закончил свою деятельность славный вождь хорватского народа Людевят, первый поднявший знамя борьбы против немецких захватчиков, подлинный объединитель хорватского народа, создатель хорватского национального государства. Личность и дела его были неизвестны немецким захватчикам; они осыпали его ругательствами, возводили на него клеветнические обвинения в вероломстве, коварстве и т. п.

Однако есть все основания утверждать, что и после смерти Людевита борьба паннонских хорватов против немецкого владычества не прекратилась. Константин Багрянородный определённо говорит о семи годах войны хорватов против франков³.

В 824 г. по юговосточной границе франкской империи между франками и болгарями происходили столкновения, постепенно разраставшиеся в настоящую войну⁴. Одним из театров войны явились область тимочан и Нижняя Паннония. Эйнгард и другие историки говорят о боях между паннонскими славянами и франками, об изгнании ими немецких властей и восстановлении своих «rectores».

Франко-болгарские столкновения продолжались по крайней мере до 829 г. А затем

под 838 г. снова встречается прямое указание на борьбу паннонских хорватов против франков, при этом первых возглавлял дукс Ратимир. Под его властью находилась довольно значительная область с центром между Дравой и Савой. Являясь «непосредственным или ближайшим преемником Людевита» (Рачкий), Ратимир, так же как и Людевит, хотел освободиться от франкской зависимости. Баварский герцог Людовик (третий сын императора Людовика) направил для борьбы против Ратимира паннонского графа Ратбоду «cum exercitu multo». Сопротивление было сломлено. Ратимир вынужден был бежать, паннонским графом стал один из славянских нобилей — Привислав, ещё до того перешедший на сторону императора.

Таковы последние отклики славного движения, которое возглавил Людевит.

Первая попытка создать объединённое хорватское государство, предпринятая Людевитом, окончилась неудачей. Но не создали государства и немецкие клезреты — Борна, Ладислав и Привислав. На территории Хорватии продолжала кипеть ожесточённая борьба. Только игнорируя все изложенные, аргументированные показания многих (в том числе и враждебных хорватам) источников факты, можно утверждать, что, начиная с Борны далматинского, идёт «прямая» линия «органического» процесса развития хорватского государства, непрерывно и преемственно, вплоть до окончательного оформления его при Трпимире и его преемниках.

Необходимо прежде всего отвергнуть мысль, будто бы сразу после ликвидации движения Людевита Хорватия представляла собой единое целое: не только Хорватия, в широком смысле слова, но даже и Далмация была далека от какого бы то ни было единства. Начнём с посавской Хорватии. Как уже было указано, вопреки утверждению некоторых историков, ещё долгое время нельзя было считать окончательно покорённой франками. Так же обстоит дело и в далматинской, приморской Хорватии. Только идя по пути узко филологического анализа и слепого преклонения перед франкскими хронистами, можно говорить, что вся Хорватия или вся Далмация представляли собой в то время единое государство.

Даже Моислава, наиболее значительного после Людевита хорватского национального князя, далеко ещё нельзя считать князем всей Хорватии или всей Далмации.

Таким образом, если можно говорить о хорватском государстве того времени (середина IX в.), то лишь в отношении сравнительно небольшой части территории, населённой хорватами и родственными им народами. Лишь при Трпимире (около 850—864 гг.) можно говорить о хорватском государстве феодального типа как о вполне сложившемся государственном объедине-

¹ О событиях 822 г. см. Einhardi «Annales», Vita Hludovici imp., «R.», p. 327.

² Это ещё один факт, говорящий о том, что далеко не вся Далмация была в это время «объединена» Ладиславом. Сообщение Эйнгарда о бегстве Людевита ad Sorabos даёт основание предполагать, что Людевит нашёл убежище в южных областях Далмации, населённых сербскими племенами.

³ De admin. imp., cap. 30.

⁴ Все источники о событиях 824—829 гг. тщательно собраны и прокомментированы Фр. Рачким. «R.», p. 330; см. указанную статью S. Ljubic, «Rad JA», kn. XLIII, str. 120.

нии. Его знаменитая (единственная дошедшая до нас) датированная грамота 4 марта 852 г. ничем не отличается от подобных ей грамот феодальных государей периода складывания феодального государства. В грамоте встречаются и капелланы, и камерарий, и в качестве свидетелей (*testes*) акта 5 жупанов. О мощи хорватского государства в то время много писал Константин Багрянородный, рисуя его сильной в военном отношении державой.

Так завершается первый период в истории хорватского государства. На развалинах старого, племенного строя строится новое, феодальное государство, но не сразу, конечно, и далеко не гладко. Международное положение молодого государства было очень тяжёлое. Окружённое более сильными противниками — немцами и итальянцами, — оно с первых дней своего существования испытывало всё более растущее давление. Внутри страны шли ожесточённая борьба классов, выдвижение и развитие новой аристократии, феодальной знати, представители которой боролись между собой за власть. Начался длительный период феодальных усобиц; он продолжался до тех пор, пока Мутимир (882—914), а за ним в ещё большей степени Томислав (914—940), искусно используя эту обстановку противоречий и борьбы, не закрепили государственную власть в руках своей династии и не создали хорватское королевство.

Теперь можно подвести итоги всему исследованию.

1. Существующие в научной литературе объяснения происхождения хорватского государства нужно признать несостоятельными. Все они представляют собой не столько результат объективного научного исследования, сколько попытку провести предиктованное определённым складом политического сознания построение. Особенной тенденциозностью в этом отношении отличается немецкая историческая школа, представители которой исходят из предпосылки о неспособности славянских народов к самостоятельному политическому существованию и развитию. Искажая факты, немецкие историки ложно утверждают огромное, исключительное значение германского элемента в истории славянства вообще и в частности в истории хорватов. Дикие, сокрушительные набеги немецкой военизированной и производимые ею спустошения и разорения славянских земель они изображают как исполнение некоей «миссии» — внесение в жизнь «отсталых» славянских племён элементов культуры, государственного, «упорядоченного» бытия. Отсюда и утверждения немецких историков, что хорваты создали своё первое государство только под руководством немцев и при прямом участии

Однако несостоятельна и теория исключительности и самобытности государствен-

ного развития хорватов, которую выдвигают в противовес немецким историкам представители хорватской националистической историографии и их сторонники. Выступая против ложных утверждений немецкой исторической школы, они создают легенду об исконном характере княжеской власти у хорватов, снижают роль и значение родоплеменного устройства и тем самым заходят в тупик при объяснении важнейших процессов и событий истории хорватов VIII—IX веков.)

2. Ответ на вопрос об образовании государства у хорватов надо искать прежде всего во внутренней истории хорватских племён в период второй половины VIII и начала IX века. Основным процессом этой истории является борьба новых, нарождающихся, феодальных элементов против остатков родоплеменных отношений. Выдвижение аристократических родов, их борьба за власть и различные перемены её — вот существо истории Борны, дукса далматинского. До конца VIII в. хорватские племёна в основном управлялись родовыми старейшинами — жупанами, — наряду с которыми всё более и более выдвигались *primores* — представители знати, нередко совмещавшие в одном лице и функции жупанов. Развёртывание этой борьбы, отражавшей классовую дифференциацию хорватского общества, приходится на один из наиболее тяжёлых периодов в истории хорватов — период нашествия германцев.

3. Нашествие германцев (франков) и их попытки установить своё господство над хорватами встречают упорное, длительное сопротивление большей части хорватских племён и их союзников — других славянских народов (словенцев, болгар). Начинается первая страница многовековой героической борьбы хорватского народа против немецких захватчиков. Именно в процессе этой борьбы против немецкого господства, а не благодаря ему совершается переход от родового строя к классовому, создаётся государство у хорватов как новая форма их общественного бытия. Объединение хорватских племён в единое государство стимулировалось в это время необходимостью объединения всех сил для борьбы против нашествия немцев, против врагов хорватского народа. Тяга к объединению находит яркое выражение в деятельности славного Людевита Посавского, возглавившего эту борьбу и руководившего ею в течение нескольких лет. Но борьба против немцев осложнялась острой классовой борьбой, развернувшейся среди хорватских племён, переходивших в это время от родового строя к государственному. Измена Борны общехорватскому делу, его сотрудничество с немцами и борьба против Людевита являются ярким выражением этой внутренней классовой борьбы, стремления новой знати укрепить своё положение хотя бы при помощи иноземцев.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ДОРЖИ БАНЗАРОВ — ПЕРВЫЙ БУРЯТСКИЙ УЧЕНЫЙ

Л. Петров

Издавна у бурят была мечта о свободе, счастье и независимости. Ярким выражением этой мечты о светлом будущем явилось сказание (улигер) о храбром и мудром Гэсэре. Оно повествует о том, что в старину чудовища наводили ужас на людей своими злодеяниями, но на защиту обездоленных выступил неустрашимый Гэсэр со своими тридцатью тремя баторами, а за ними поднялись на борьбу лучшие сыны народа. Чудовища были истреблены. Люди вздохнули свободно и стали жить богато и счастливо.

Эта прекрасная легенда о Гэсэре и его богатырях, боровшихся за свободу всех угнетённых тружеников, произвела неизгладимое впечатление на молодого бурятского учёного и демократа-просветителя Доржи Банзарова.

В 1848 г., когда в Европе поднялся могучий вал революционного движения, Банзаров (ему было тогда 26 лет) писал своему другу А. А. Бобровникову: «У обитателей Запада настало теперь смутное время: они повыгоняли своих ханов и владельцев... Судя по характеру настоящего времени, не явится ли снова Гэсэр. Тогда нам предстоит случай быть в числе тридцати трёх богатырей его»¹.

В переломные моменты истории народов резче всего проявляются истинные устремления людей: становится очевидным, на стороне какой партии стоит тот или иной деятель. Из немногих слов Доржи Банзарова, выраженных в письме иносказательно, языком народной бурятской легенды о Гэсэре и его тридцати трёх богатырях, отчётливо видно, что светильник демократических идей неугасимо озарял внутренний мир Доржи Банзарова.

Банзаров горячо приветствовал революционные события на Западе. И если бы революция произошла в царской России, он был бы одним из её богатырей. Он был страстным патриотом своей родины и горячо верил в светлое будущее как бурят, так и великого русского народа. Беспредельно любя свой народ, Банзаров в то же время не был национально ограниченным.

¹ «Чёрная вера или шаманство у монголов и другие статьи Доржи Банзарова». Сборник под ред. Г. Потанина с приложением его статьи «Очерк жизни и деятельности Д. Банзарова», стр. 111. СПб. 1891.

Он с огромным уважением относился к русской культуре, оказавшей решающее влияние на его мировоззрение, жизнь и деятельность. Доржи Банзаров мечтал стать одним из богатырей национально-освободительной борьбы бурятского народа за своё счастье, свободу и независимость. На крутом повороте мировой истории Банзаров был в лагере Герцена, Белинского, Чернышевского — великих русских демократов-просветителей XIX столетия.

Он был видным новатором в науке. «Научная деятельность Доржи Банзарова возвеличила его родной народ. В учёном мире заговорили о бурятах как о народе, который выдвинул из своей среды выдающегося деятеля науки. Прав был его биограф и друг П. С. Савельев, который писал: «Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большее внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров»².

Доржи³ Банзаров родился в 1822 г. в семье забайкальского казака-бурята Банзара Боргонова, в урочище Усть-Ичетуй, расположенном в долине реки Джиды⁴.

В 1832 г. десятилетнего Доржи родители отдали в троицкосавскую⁵ войсковую русско-монгольскую школу. Здесь Доржи проявил незаурядные способности. В 1834 г., по окончании школы, Доржи Банзаров в числе других бурятских мальчиков, которых готовили в писари и переводчики селенгинской степной думы, поступил в 1-ю казанскую гимназию. О периоде жизни Банзарова в Казани известный синолог В. П. Васильев писал: «Я уже второй год учился в Казанском университете... когда зимой 1834 г. привезли из Забайкалья четырёх бурятских мальчиков в первую гимназию... Я знал их всех. Один... скоро умер; другой... не уступавший Доржи в учении, тоже не выдержал; остались Будаев и Банзаров. Первый... был отдан в солдаты за

² Петров Л. Доржи Банзаров, стр. 5. Предисловие И. Тугутова. Улан-Удэ. 1943

³ Доржи — по-русски «алмаз».

⁴ В настоящее время Джидинский аймак, Бурят-Монгольской АССР.

⁵ Троицкосавск — ныне город Кяхта, Бурят-Монгольской АССР.

дело с инспектором гимназии Скорняковым. Доржи Банзаров казался всех моложе, сухощавым, но крепко сложенным; учился отлично, наряду с лучшими учениками из русских»¹.

В гимназии Доржи занимался с исключительным трудолюбием и проявил блестящие способности. Он закончил полный гимназический курс «с успехом и отличием». В 1842 г. Доржи Банзаров, двадцатилетний юноша, поступил в Казанский университет. Попечитель округа писал о нём министру просвещения: «Утвердительно сказать можно, что молодой Банзаров, окончив образование в университете и поступив на службу на родине, будет иметь самое благодетельное влияние на своих соплеменников...»

Банзаров поступил в Казанский университет в сравнительно благоприятный момент: в то время ректором университета был гениальный математик Н. И. Лобачевский.

Проводниками просветительных идей в Казанском университете в 30—40-х годах прошлого века наряду с Н. Лобачевским были Д. Мейер, Е. Аристов (казанский Гранинский), Н. Иванов, О. Ковалевский и другие профессора. В этот период с кафедры раздавались голоса о необходимости обслуживать народ. Несомненно, на развитие мировоззрения Банзарова большое влияние оказала передовая русская литература, которой в то время идейно руководили Герцен и Белинский.

Банзаров был знаком с философией Гегеля², с трудом А. Гумбольдта «Космос» и с другими произведениями современной ему западноевропейской научной литературы. Он знал до десяти языков и, в частности, свободно владел французским, английским и немецким. Благодаря инициативе петрашевцев, приехавших из Петербурга, и сосланных поляков — студентов Киевского университета — идеи утопического социализма, в частности учение Фурье, широко распространялись среди казанского студенчества 40-х годов. Банзаров, общительный, жизнерадостный, жадно тянувшийся к науке, к новым идеям, быстро и глубоко воспринимал эти идеи. Неслучайно петербургские учёные, сочувствовавшие социалистическим идеям Фурье, встретили в лице Банзарова не ученика, а равного им передового деятеля. «При светлой голове ему понятны были самые утончённые вопросы и требования эрудиции, и во всех своих суждениях и направлении обнаруживал он чисто европейский склад ума, сочувствие к современным идеям, соучастие в жизни и движениях человечества»³.

В 1846 г. Доржи Банзаров окончил Казанский университет и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Чёрная вера или шаманство у монголов»⁴. Эта работа Банзарова получила высокую оценку учёных-востоковедов России и Европы. «Чёрная вера» свидетельствует не только о всесторонней образованности Банзарова, но и о его ясном и зрелом философском миропонимании, передовом для 40-х годов прошлого столетия. Тогда же, мечтая заняться научной деятельностью, Банзаров подал ходатайство об освобождении его от казачьей службы, которую он как бурят-казак должен был отбывать в течение 25 лет. В связи с этим он провёл полгода (с конца 1847 по июнь 1848 г.) в Петербурге. Здесь он встретился с известными русскими учёными-востоковедами, не чуждыми передовых общественных идей того времени: П. Савельевым, В. Григорьевым и др. Они оказали Банзарову тёплый, дружеский приём.

Во время своего кратковременного пребывания в Петербурге Банзаров проявил огромную энергию: он с утра работал в Азиатском музее Академии наук или в Публичной библиотеке, а затем дома обрабатывал выписки, как бы предчувствуя, что ему больше не представится благоприятная возможность для научной деятельности. За короткий срок он выполнил пять научно-исследовательских работ, задумал ряд новых тем и приступил к их выполнению.

В 1848 г. Банзаров получил определение Государственного совета об увольнении его из сословия казаков и неожиданно для себя и своих русских друзей-учёных был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Назначение Банзарова на этот пост и устранение от научно-педагогической деятельности подействовали на него угнетающе. Петербургский период жизни Банзарова несмотря на его кратковременность сыграл значительную роль в дальнейшем развитии и укреплении его демократических взглядов и окончательном формировании его как учёного.

В письме из Казани от 18 августа 1848 г., т. е. вскоре после возвращения из столицы, Банзаров признавался: «Здесь я... скучаю и сожалею о Питере, а в особенности о том кружке, в котором я бывал»⁵. В состав этого кружка входили, как известно, П. Савельев, В. Григорьев и др. В 30-х годах они поддерживали связь с кружком П. Ершова (автор «Конька-Горбучка»), в 40-х годах — с кружком Н. Надеждина. Значительный интерес представляет письмо Банзарова из Петербурга к своему другу Бобровникову

¹ Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. Т. II, стр. 88. СПб. 1891.

² Ильминский Н. Воспоминание об Алексее Александровиче Бобровникове. «Известия и учёные записки Казанского университета». Вып. IV—VI, стр. 428—429. 1865.

³ Савельев П. О жизни и трудах Доржи Банзарова. «Записки Археологического общества». Т. IX, стр. 78. СПб. 1856.

⁴ Опубликована впервые в «Учёных записках Казанского университета». Кн. 3-я. 1846.

⁵ Венгеров С. Указ. соч., стр. 126.

• николаевской России. Доржи Банзаров с горечью писал: «Мир сей подобен океану, наполненному подводными скалами. Жизнь наша сопряжена с мучениями, которые ожидать должно каждую минуту»¹. О петербургской жизни он с иронией писал: «Люди ходят здесь, как бешеные... невинных, и безгрешных, и простодушных здесь легко обманывают и надувают»². Банзаров, которого царское правительство отправило в Восточную Сибирь в качестве «чиновника по особым поручениям губернатора», а по существу в ссылку, поехал сразу же в родные края, в родной улус, где и прожил целый год. Буряты встретили его, как родного. В письме к И. Березину от 4 сентября 1852 г. Банзаров писал: «Я был между бурятами, которые из преданности ко мне... осаждали меня дома или зазывали к себе»³.

В тогдашнем Иркутске пытливый ум Банзарова не находил себе пищи. Банзаров всюду видел своекорыстие и зависть и всё больше и больше старался забиваться в медвежьи углы. Он часто пропадал целыми месяцами в далёких улусах, в деревнях и делал всё возможное, чтобы облегчить положение бурят. Он с нескрываемым презрением относился к взяточничеству, широко распространённому среди чиновничества. В одном из своих писем Банзаров писал: «Я живу одним жалованием, хотя на руках у меня бывают такие дела, от которых другие толстеют; я же от них худею»⁴.

Банзаров горел желанием принести пользу своему народу, но его донимало православное духовенство: оно стремилось «крестить» Банзарова и направить его на путь миссионерской деятельности. И. Сельский в письме к П. Савельеву сообщал: «Высокопреосвященный Нил, знаток монгольского языка, очень хотел сблизиться с Банзаровым и желал, чтобы он советами своими был полезен при переводе литургии на монгольский язык. Вместе с тем преосвященный пламенно желал, чтобы Банзаров принял христианство. Монголы сердились за эти попытки и перестал посещать преосвященного»⁵. Донимали Банзарова и ламы: они пытались спавать его. Банзаров ясно понимал реакционную роль религии и служителей того и другого культа и оставался в буддийском вероисповедании, так как в тогдашних условиях необходимо было принадлежать хотя бы официально к какому-нибудь культу.

В 1851 г. Банзаров был избран членом-сотрудником иркутского отделения Сибирского отдела Русского географического общества. И с чиновничьей интеллигенцией он не нашёл общего языка. Сибирская чиновная бюрократия и нойонство враждебно относились к общественной деятельности

Банзарова. Они добились того, что Банзаров был арестован и посажен на гауптвахту. Доржи Банзаров рассказывает об этом следующее: «Я долго прожил между бурятами, производил следствия строго, одним словом, дела вёл не политично; меня на десять дней посадили на гауптвахту, но всё-таки ничего со мной нельзя было сделать»⁶. Банзаров несмотря на заговор против него, несмотря на болезнь и тяжёлые условия не прекращал научных исследований и борьбы за интересы своего народа.

Доржи Банзаров, ещё будучи студентом Казанского университета, много времени уделял научно-исследовательской и научно-популяризаторской деятельности. Трудолюбие и блестящие дарования Банзарова отразились на его всесторонней эрудиции, особенно в области истории и филологии. Один из видных русских ориенталистов, современник Банзарова, характеризуя степень его учёности, писал: «Он мог бы надеть с честью докторский колпак в любом европейском университете»⁷.

— Ещё в студенческие годы Банзаров написал для своего народа научно-популярные книги на монгольском языке: «Всеобщую географию» и «Монгольскую грамматику»⁸. Тогда же Банзаров перевёл с французского на монгольский язык «Странствование китайского буддиста IV века по имени Фа-Сяна», а также помогал монголоведу А. Бобровникову в составлении монголо-калмыцкой грамматики. В 1846 г. в «Казанских губернских ведомостях» была опубликована статья Банзарова «Белый месяц—праздник нового года у монголов», представляющая в историко-этнографическом отношении большой интерес⁹.

Облик Доржи Банзарова как передового учёного того времени характеризует его кандидатская диссертация «Чёрная вера или шаманство у монголов»¹⁰.

Эта работа, написанная Банзаровым, когда ему было всего 24 года, выдвинула его имя в первые ряды не только русских, но и западноевропейских учёных-востоковедов.

Банзаров темой своей работы избрал ещё никем до него не разработанный вопрос о шаманстве. Он кропотливо рылся в монгольских рукописях, сверял отрывочные показа-

¹ Там же, стр. 120.

² Григорьев В. Монгол с европейской учёностью. «Географические известия», стр. 28. СПб. 1848.

³ Рукописи этих книг, находившиеся на отзыве у известного монголоведа профессора О. Ковалевского, погибли во время пожара.

⁴ «Казанские губернские ведомости» № 30 за 1846 год.

⁵ Диссертация Банзарова была опубликована в 1846 году. Впервые напечатана в «Учёных записках Казанского университета». Кн. 3-я. 1846.

¹ «Чёрная вера...», стр. 110.

² Там же.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. XXXVI.

ния русских и западноевропейских путешественников, использовал манчжурские, китайские и арабские источники, личные воспоминания и рассказы лекторов-бурят Казанского университета, сочинения многих европейских ориенталистов и научно-философские труды.

Как показывает диссертация, Банзаров не был рабом фактического материала (ползучим эмпириком) и установленных норм в науке. Он творчески отнёсся к собранному им фактическому материалу, стремясь раскрыть объективную историческую закономерность в развитии шаманства. «Светло и философски понимал свой предмет юный кандидат, только что оставивший университетскую скамью, а десять лет тому, дитя природы, росший среди стад родимых степей!»¹ — писал о нём его первый биограф — П. Савельев.

Исследование о шаманстве Банзаров начал с установления того факта, что внимание востоковедов до последнего времени «преимущественно обращалось на военные дела монголов, между тем как нравы, обычаи и вера их оставались в стороне и составляли как бы посторонний предмет в истории»². Следовательно, Банзаров уже с первой страницы своего труда критиковал абстрактно-метафизические взгляды своих предшественников и современников, исследовавших судьбы народов Центральной Азии. Он требовал приложения исторического метода к исследованию не только военных дел монголов, но и их нравов, обычаев и религии. Банзаров рассматривал шаманство как конкретно историческое явление в жизни древних монголов. Он утверждал и доказывал, что чёрная вера (или шаманство) — такая же религия, как и другие религии, и что она возникла у монгольского народа самостоятельно, как у китайцев и у тунгусов, в очень древние времена. Он очень искусно отвергал туманные, метафизические представления о шаманстве, уподоблявшие его буддизму, зороастризму и другим религиозным культурам. Многие учёные 40-х годов прошлого столетия, да и в более позднее время, наблюдая сходство в некоторых установлениях религиозного, юридического и других порядков, искали заимствований. Им была чужда идея параллельного развития, которой придерживался Банзаров. Мысль Банзарова о естественном сходстве между шаманством и другими религиями древних народов является передовой для того времени.

Исследование шаманства Банзаров проводит в целом с позиций антропологической теории происхождения религии. Объективными источниками возникновения шаманства у древних монголов он считал воздействие природы «на младенствующего человека», бессильного на этой ступени своего исторического развития перед силами природы, а также внутренний мир челове-

ка. Второй источник шаманства — внутренний мир человека — у Банзарова есть не что иное, как страсти народа, которые он и считал одной из основ религиозной фантазии, подобно французским материалистам XVIII века. В целом же взгляды Банзарова на источники шаманства как религии очень сходны со взглядами на источники религии Людвига Фейербаха. Но в ряде случаев Банзаров идёт дальше: он объясняет возникновение религиозных верований у древних монголов исходя из наличия у них такого объективного источника, как кочевой быт.

Он подчас указывает на скотоводство и войны, эти атрибуты кочевых народов, как на основу особенностей религиозного культа древних монголов, высказывая замечательные материалистические догадки о реальной почве, на которой формировалось шаманство как религия. Но и эти и другие догадки не устраняют исторической ограниченности работы Банзарова.

Тем не менее, исследуя шаманство у древних монголов, Банзаров глубже, чем кто-либо другой из его современников, выяснил специфические отличительные признаки, характеризующие содержание шаманства как древнейшей религии. Он убедительно доказал, что в древней шаманской религии не было понятия единого бога. Она, как правильно установил Банзаров, непосредственно олицетворяла силы природы и прежде всего «синее» небо, и лишь с дальнейшим развитием шаманства появляется такая абстракция, как «вечное» небо и представление о его всемогуществе. Таким образом, Банзаров решительно восстал против положения европейских учёных о наличии у древних монголов в шаманской религии понятия Deus, как и против утверждения мусульманских историков о наличии в ней понятия аллаха.

Банзаров справедливо указал, что в шаманской религии скорее можно найти древнегреческий Олимп, чем представление или понятие о едином боге. Он установил, что шаманисты, помимо неба, поклонялись земле, солнцу, луне, звёздам, огню и другим явлениям и стихиям природы. Банзаров установил наличие в шаманстве почитания духов или второстепенных богов (тенгри) и душ умерших (онгоны), сначала (по времени) родственников, а затем людей вообще. Впервые он дал мифологию древних монголов, правда краткую, а также подробно показал праздники древних монголов: весенний, летний и осенний, или белый, месяц. Так например весенний праздник «урус», отмечавшийся монголами с древнейших времён, «есть, — писал Банзаров, — праздник обновления природы и наступления той поры в году, когда стада приносят номаду новый приплод и обильное молоко; поэтому и жертвы, которые в это время благодарный народ приносит богам своим, состоят из молока, кумыса, пива и трав»³. Таким образом, Банзаров при объяснении шаманских праздников исходил из объективных, материальных условий жизни кочевников — древних монголов.

¹ Савельев П. Жизнь и труды Д. Банзарова. Труды Восточного отделения Археологического общества. Ч. II, стр. 134. СПб. 1856.

² «Чёрная вера...», стр. 1.

³ Там же, стр. 38.

Анализируя мифы, свойственные шаманству, как всякой религии, Банзаров правильно подошёл к объяснению мифов об избранниках неба, появляющихся по воле неба: они отражали прежде всего интересы владетельных родов, т. е. родовой аристократии кочевников. Он высказал верную мысль о роли политического фактора в закреплении и использовании шаманства как культа «родовой знатю» — феодалами и крупнейшими из них: Чингис-ханом и китайскими императорами. Банзаров дал правильное объяснение слова «шаман». На основе анализа культа огня у древних монголов Банзаров дал также правильное объяснение процедуры обязательного прохождения русских князей между двух огней, прежде чем они представляли перед монгольскими ханами.

Наконец, Банзаров дал очень интересные исторические сведения о борьбе буддизма и ислама против шаманства, приближаясь к раскрытию связи этой борьбы с политическими устремлениями и интересами крупнейших феодалов (например Чингис-хана, Даян-хана и др.), которые пытались создать феодальные монархии и в силу этого покровительствовали религиям, распространявшим культ единого бога и укреплявшим и освящавшим монархию.

В заключение своего исследования Банзаров рассматривал исчезновение шаманства как длительный исторический процесс борьбы науки, народного образования против религиозных предрассудков: «Для окончательного уничтожения шаманства остаётся ещё многое сделать: оно исчезнет ещё не скоро, будучи защищено суровой природой от предприимчивости образованных народов»¹.

Насколько далеко ушёл Банзаров от современников в области научного исследования шаманства, видно из характеристики его диссертации, данной Савельевым; «Какая разница между этим разумным воззрением на шаманство и взглядом покойного о. Иакинфа, который довольствовался извлечением из Манчжурского устава описания обрядов и штатов китайских шаманов»². Можно подумать, что эти два писателя о шаманстве имели в виду различную публику и один писал для Европы, а другой — для Пекина, и притом монгол смотрел как европеец, а европеец — как монгол»³.

В авторитетном заключении акад. Б. Владимирцева говорится, что «диссертация Д. Банзарова «О чёрной вере» имеет огромное значение и до сих пор».

Ценный вклад в развитие науки внёс Банзаров и другими своими историческими и филологическими исследованиями. Он брался за разрешение самых запутанных и сложных вопросов востоковедения, особенно монголоведения, возникавших у учёных в 40—50-х годах прошлого столетия, когда эта наука только начинала складываться. Банзаров в своей рецензии на

калмыцкую грамматику казанского профессора А. Попова, отмечая достоинства этого труда, указал, что автор не учёл влияния монгольского языка на калмыцкий.

В вышедшей вскоре грамматике А. Бобровникова это указание Банзарова было полностью учтено. Молодой учёный написал также следующие статьи: «О двух среднеазиатских алфавитах», «Объяснение монгольской надписи на серебряной дощечке, найденной в Екатеринославской губернии» и «Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов». В последней Банзаров объяснил слово «пайзе»: так персидские историки монгольского периода называли жалованные ханами дощечки с надписями. В этой же статье Банзаров дал объяснение и ярлыку Бербидек-хана, вручённому митрополиту Киевскому Алексею, в котором сказано: «Байсу да ярлык с алоу тамгою дали есмы на утверждение вам». Это объяснение помогло историкам уяснить взаимоотношения между татарами-завоевателями и русскими, а также роль русской церкви в эпоху татарского ига. В статье «О восточных названиях некоторых старинных вооружений» (1849) Банзаров объяснил значение и происхождение слов «куяк», «бахтерец», «тешляй», «джид» и «тохтуй» и рассказал пути распространения в древней Руси оружия монголов⁴.

Банзаров написал ряд статей по этимологии некоторых монгольских слов, встречающихся в татарской летописи «Шейбани-Наме»: «О происхождении имени «монгол»⁵, «О происхождении слова Чингис»⁶, «О названии Эргене-хон»⁷, «Об ойратах и уйгурах»⁸.

Если гипотеза Банзарова о происхождении имени «монгол» не нашла последователей и подтверждения в науке, то его предположение о том, что монголы приобрели решающее политическое значение в Центральной Азии в первой половине IX в., остаётся и по сей день справедливым.

В статье «О происхождении слова Чингис», основываясь на отрывочных сведениях китайских источников, Банзаров высказал предположение, что чингис — древний титул великих ханов народа Хюнь-ну, который владел всей Монголией до конца первого столетия до н. э., равносильный китайскому императорскому титулу «Сын неба».

В этой статье интересен подход Банзарова к выяснению исторических условий при которых Темучин принял титул чингис. Банзаров писал: «Кому известно политическое состояние Монголии в эпоху появления Чингис-хана, тот легко поймёт, что монгольскому завоевателю не нужно было принимать титул великого, могущественного, во-

⁴ Напечатано в «Записках Археологического общества». Т. II, стр. 352—358. СПб. 1851.

⁵ Библиотека восточных историков. Изд. И. Березина. Т. I, приложение II.

⁶ Там же, приложение III.

⁷ Там же, приложение IV.

⁸ Там же, приложение V.

¹ «Чёрная вера...», стр. 46.

² Иакинф Бичурин. Китай. его жители и проч., стр. 314—328. СПб. 1840.

³ Савельев П. Указ. соч.

инственного и т. п. Ему нужен был титул в другом смысле. До появления Чингис-хана Монголия была под влиянием Китая и дробилась на множество мелких племён, которые назывались илами, и владельцам их приличествовал титул ил-ханов; если владелец успевал соединить под свою власть несколько илов, что называлось гур, то он получал титул гур-хана. Когда же Темучин покорил себе все племена в Средней Азии, то ему нужен был приличный его положению титул... Принятый им титул Чингис должен был означать нечто выше гур-хана, соответствующий хуан-ди—император»¹.

Банзаров в этой статье не дал правильного объяснения слова «чингис» в этимологическом отношении. Наиболее правдоподобное объяснение этого слова он дал в своей книге «Чёрная вера». Банзаров писал, что Темучин принял имя одного тенгри, считавшегося сыном неба, при этом он привёл имя этого тенгри: Хаджир-Чингис тенгри. Академик В. Бартольд это предположение Банзарова считает вполне вероятным². В своём исследовании Банзаров раскрыл общественно-исторические условия, при которых Темучин принял титул чингис, правильно указав на решающую роль в этом событии политических намерений Темучина и поддерживавших его шаманов.

Основная мысль Банзарова в исследовании «Об ойратах и уйгурах»: «Уйгуры и ойраты суть два лесных народа тюркского и монгольского племени, составлявшие (с VIII столетия) одно политическое тело». Вместе с тем он отвергал попытку учёных истолковать выражение «дурбэн-ойрат» как политический союз. Банзаров считал, что добавление «дурбэн-чентыре» появилось в XIII в., при Чингис-хане, когда он из ойратов составил четыре тумэна, т. е. четыре десятитысячных корпуса, которые и являлись военно-административным делением ойратов, как это было и у монголов. Это объяснение Банзарова не утратило значения и в наше время³.

О глубоком историческом подходе Банзарова к исследуемым вопросам ярко свидетельствует, в частности, его статья «Замечания о монголизмах в ярлыке Тохтамыш-хана», написанная в 1850 году. В этой статье он писал: «Требовать от памятника XIV столетия непременно нынешнего татарского языка — значит отвергать всякую перемену в языке народа, продолжающего жить и подвергнувшегося с той поры довольно многим преобразованиям в общественной жизни, значит в древностях отыскивать современность»⁴.

¹ Библиотека восточных историков. Изд. И. Березина. Т. I, приложение III.

² Бартольд В. Образование империи Чингис-хана, стр. 116. СПб. 1896.

³ Владимирцев Б., акад. Общественный строй у монголов. XI — 222, стр. 156—157, Изд. АН СССР. Л. 1934.

⁴ «Чёрная вера...», стр. 122, или «Ярлык хана Золотой орды, Тохтамышша, к польскому королю Ягайлу», изд. М. Оболенского, стр. 41—42, 47—48. Казань. 1850.

Банзаров критически относился к некоторым ориенталистам типа академика Шмидта. Этот профессор, как истинный пруссак, был рабом дословного чтения (по шаблону), без исторического смысла сущности документа. Банзаров ещё в бытность свою в Петербурге очень метко охарактеризовал этих формалистов или бюрократов от науки: «Хотя и есть люди, знающие санскритский и тибетский языки, и читают они священные буддийские книги, но они сущности их не понимают. Они подобны опрокинутому сосуду, во внутрь которого ничего не попадает»⁵.

В 1851 г. Банзаров опубликовал статью «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана». В 1852 г. он представил на заседание Сибирского отдела Русского географического общества перевод с монгольского «Путешествие Зая-Хамбы в Тибет».

В последние годы своей жизни Банзаров совершил поездку в Тункинский край для исследования происхождения сойотов и их заграничных соседей, урянхайцев. Кроме того Банзаров работал над историей перехода на нашу территорию различных монгольских племён.

Банзаров был одним из первых европейских учёных, указавших на самостоятельное развитие культуры древних монголов. Эту мысль он развивал и отстаивал, как мы видели, в «Чёрной вере».

Новые идеи Доржи Банзарова не были развиты и как следует оценены и поняты его коллегами-современниками. Научное наследие Банзарова не было в полной мере использовано и последующими исследователями истории древних монголов, хотя оно внесло в её освещение много положительного.

Доржи Банзаров умер очень рано, в 1855 г., 32 лет от роду, в полном расцвете творческих сил. Он похоронен в Иркутске.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда советские учёные взялись за созидание подлинно научной истории бурятского народа, к имени Банзарова и его трудам возрос интерес. Большое внимание изучению деятельности Банзарова как учёного и его научному наследству уделили Ф. Кудрявцев⁶, Г. Санжеев⁷, Б. Санжиев⁸, И. Румянцев⁹, П. Хаптаев¹⁰ и др.

⁵ Там же, стр. 109—110.

⁶ Кудрявцев Ф. История бурят-монгольского народа. Очерки. М.—Л. 1940.

⁷ Санжеев Г. Банзаров как учёный. «Записки Бурят-монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Вып. 2-й. Улан-Удэ. 1940.

⁸ Санжиев Б. Доржи Банзаров (к 86-летию со дня гибели). «Бурят-монгольская правда» № 62 от 15 марта 1941 года.

⁹ Румянцев Н. Доржи Банзаров как филолог. «Записки Государственного института языка, литературы и истории». Вып. III—IV, стр. 141—153. 1941.

¹⁰ Хаптаев П. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ. 1942.

Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Улан-Удэ) в настоящее время подготавливает к изданию полное собрание сочинений Доржи Банзарова, что будет лучшим памятником первому бурятскому учёному.

П. Савельев в некрологе о Банзарове писал: «С Банзаровым рушились надежды ученых на скорое объяснение монгольских древностей Южной Сибири... Много мог бы он сделать для науки; почтим память дорогого учёного-монголоведа и за то, что он успел совершить. Как исследователь среднеазиатской древности, он заслужил себе место между европейскими ориенталистами»¹.

Доржи Банзаров — первый бурятский учёный, национальная гордость бурятского народа.

В невозвратное прошлое ушло то время, о котором с горечью и гневом писал известный русский историк А. Шапов: «Средя мо-

¹ Савельев П. О жизни и трудах Д. Банзарова. «Записки Археологического общества». Т. IX, стр. 30. СПб. 1856, или Труды Восточного отделения Археологического общества. Ч. 2-я, стр. 157. 1856.

лодых поколений сибирских гибнет множество Ломоносовых, Банзаровых»².

В Стране советов буряты нашли свободу и счастье. Благодаря братской помощи великого русского народа трудящиеся Бурят-Монголии под руководством великой партии Ленина — Сталина за короткий исторический срок добились огромных успехов в социалистическом строительстве и подлинного расцвета хозяйственной и культурной жизни страны. На родине Банзарова исчезли кочевье, нойонство и ламство. Крепнут молодые научные и культурные силы бурятского народа. В свободной Бурят-Монголии введено всеобщее обучение.

В Отечественной войне Советского Союза сыны и дочери Бурят-Монголии плечом к плечу со всеми народами СССР мужественно отстаивают свободу, честь и независимость своей родины. Десятки тысяч бурят, подобно легендарным воинам Гэсэра, доблестно разят современных чудовищ — немецко-фашистских захватчиков. Они вместе с миллионами воинов других народов Советского Союза составляют могучую армию богатырей великого Сталина, несущую победу нашей родине и всему прогрессивному человечеству.

² Шапов А. Соч. Т. I, стр. 16—23.

ВАЛЬТЕР СКОТТ КАК ИСТОРИК

Е. Демешкан

Белинский назвал Вальтер Скотта историком в великом, высшем смысле этого слова. Однако несмотря на обширную литературу о В. Скотте на русском и иностранном языках немногие оценили в увлекательном романисте замечательного историка-новатора, оказавшего большое влияние на историческую науку.

Ещё не создано ни одного фундаментального исследования, достойно оценивающего заслуги В. Скотта как историка. Работы на эту тему, изредка появлявшиеся на Западе, нельзя признать удовлетворительными или хотя бы приблизительно разрешающими проблему¹.

Можно выделить, пожалуй, единственную работу, посвящённую вопросу о связи творчества В. Скотта с развитием исторической мысли. Она написана была вскоре после смерти писателя, в 1836 г., русским профессором Харьковского университета М. Луниным: «Может быть, ничто не содействовало более общему перевороту, изменившему самую методу изучения и обработки средневековой истории, как сочинения абботсфордского гения... Можно безошибочно утверждать, что исторические

изыскания новейших времён своим неожиданным успехом преимущественно обязаны чувству любопытства, пробудившемуся во всех умах при чтении В. Скотта к истории средних веков, загромождённой в продолжение длинного ряда поколений под тяжкими проклятиями философии»², — таковы основные идеи этого труда.

К сожалению, в силу своего конспективного характера работа эта не даёт развёрнутого анализа исторических взглядов писателя, хотя и содержит много принципиальных положений, стимулирующих дальнейшее изучение В. Скотта как историка.

Много интересных мыслей о своеобразии исторического дарования В. Скотта и его влияния на историческую мысль разбросано в многочисленных статьях, посвящённых писателю, в самых разнообразных русских журналах: «Сын отечества», «Московский наблюдатель», «Галатей», «Телескоп», «Библиотека для чтения», «Дамский журнал», «Молва», «Вестник Европы» и др.

Так, в одной из статей, напечатанной в «Сыне отечества» за 1826 г., читаем такой восторженный отзыв о В. Скотте как истори-

¹ Ganning. «History in Scott's novels». London. 1905. Butko «Scott as a mediaevalist». London. 1932.

² Лунийн М. «О влиянии В. Скотта на новейшие изыскания по части средней истории», стр. 22. Харьков. 1836.

ке: «История, в собственном смысле слова, пошла путём, который проложил великий романист шотландский»¹.

Причины огромного влияния В. Скотта на историческую мысль ещё не выяснены до конца. А между тем историческое наследие В. Скотта давно уже стало достоянием науки и оплодотворило не одного историка-исследователя. На В. Скотта ссылались Маркс и Энгельс там, где они касались истории Шотландии. Его использовал Льюис Морган в своей классической работе «Древнее общество». В. Скотт оказал непосредственное влияние и на основоположников буржуазной исторической науки, французских историков эпохи Реставрации — Тьерри, Гизо и др. В предисловии к «Истории завоевания Англии норманнами» Тьерри писал, что основная мысль его произведения принадлежит В. Скотту: «У историков, писавших историю Англии до нашего времени, саксонцы как будто исчезают в этой стране тотчас после Гастингской битвы и коронации Вильгельма Незаконнорожденного; гениальный романист первый открыл английскому народу, что предки его не в один день были побеждены в XI веке». В другой своей работе — «Dix ans d'études historiques» — Тьерри писал: «В истории Шотландии также обратила на себя внимание вечная вражда горцев и жителей долин, так живо и так оригинально драматизированная в многочисленных романах В. Скотта. Я питал к этому великому писателю глубочайшее, благоговейное уважение, которое тем более усиливается, чем более сравниваю я его великое понимание прошедшего с мелочью и тусклою эрудицией знаменитых новейших историков. Великое создание «Айвенго» было встречено мною с величайшим энтузиазмом. В этом романе В. Скотт бросил орлиный взгляд на эпоху, на изучение которой в продолжение первых трёх лет устремлены все усилия моей мысли. Со свойственной ему смелостью исполнения он противопоставил на английской почве норманнов и саксонцев, победителей и побеждённых, ещё трепещущих друг перед другом сто лет спустя после завоевания. Он художественно воспроизвёл сцену той драмы, над изображением которой трудился с нетерпением историк. Общий характер эпохи, в которую переёс он завязку своего вымысла и своих действующих лиц, политическое состояние страны, нравов эпохи и тогдашнее отношение различных классов народонаселения, одним словом, вся действительность, положенная в основу «Айвенго», совершенно согласовывалась с линиями плана, рисовавшегося тогда в моём уме. Признаюсь, что посреди сомнений, неразлучных с исполнением всякого добросовестного труда, моя ревность и уверенность удваивались, когда любимые мои взгляды получали хотя и косвенное освещение че-

ловека, на которого я смогу как на величайшего гения в области исторического прозрения»².

Об огромном влиянии В. Скотта на континенте говорит известный современный историограф Пирдон, причём он отмечает, что это влияние не только не уменьшается, но увеличивается с течением времени³.

Немецкий историограф Фитер в главе, посвящённой романтической историографии, рассматривает В. Скотта как родоначальника живописательного направления в исторической науке, преодолевшего безжизненные исторические схемы Вольтера. Он также подчёркивает влияние В. Скотта на виднейших историков XIX в. — Маколея, Ранке, Тьерри⁴.

Почти все крупнейшие историки XIX и XX вв. цитируют В. Скотта как непревзойдённый авторитет. Что касается шотландских историков, то ни один из них не прошёл мимо В. Скотта, и, что особенно любопытно, многие из них спустя столетие вновь открывают то, что давно уже открыл В. Скотт. Необычайно высокую оценку его историческим знаниям даёт современный Глазговский историк проф. Райт. Он считает, что нет более высокого авторитета, который можно было бы противопоставить Скотту как историку Шотландии. «Скотт, — пишет Райт, — знал историю Шотландии лучше, чем кто-либо когда-либо узнает её, и всё своё знание истории В. Скотт вложил в свои исторические романы».

Шотландский историк Ланге говорит, что романы В. Скотта были единственным руководящим лучом в его работе над историей Шотландии. Он считает, что в истории этой страны было легко разбираться только там, где она освещена В. Скоттом.

Но В. Скотт не является художником ординарного типа. Исторический роман, который он создал, представляет собой, по словам Белинского, ту точку, в которой наука как бы сливается с искусством. И прав Пирдон, который говорит, что соприкосновение В. Скотта с наукой настолько тесное, что его нельзя оставить в стороне от общего потока исторической мысли и что его произведения — не только исторические романы, а самая история и их надо рассматривать как документы, хотя и представленные в необычайной форме⁵.

В. Скотт всю свою жизнь посвятил изучению истории, которую он исследовал методами учёного, археолога, источниковеда, фольклориста, этнографа, экономиста и т. д. Скотт состоял постоянным членом исторического общества (Bannatyneclub), организованного для издания старинных документов. Он принимал деятельное участие в работе этого общества, издавал старин-

² Thierry A. Dix ans d'études historiques. Préface, p. 9—10. Paris. 1846.

³ Peardon «The transition in English historical writing 1760—1830», p. 143. New York. 1933.

⁴ Fueter «Geschichte der neueren Historiographie», S. 444—479. 1911.

⁵ Peardon. Op. cit. p. 142—143.

¹ «Сын отечества» за 1826 год. Ч. 103, стр. 293.

ные рукописи, снабжая их историческими комментариями, представляющими большую научную ценность. То удивительное вживание в прошлое, которое мы встречаем в романах В. Скотта, отнюдь не является случайной удачей хорошего художника. Его романы базировались на весьма основательном историческом фундаменте и явились результатом кропотливого исторического исследования.

Насколько глубока и всесторонняя предварительная историческая работа В. Скотта, показывают специальные исследования, посвящённые выяснению исторических источников его романов¹. Как видно из этих работ, В. Скотт, помимо основных исторических исследований о той или иной эпохе, тщательно изучал государственное и юридическое законодательство, памятники материальной культуры, исследовал архивы, изучал фольклор, художественную и мемуарную литературу избранной им эпохи. Так, работая над «Роб-Роем», В. Скотт использовал следующие материалы: парламентский акт от 1607 г., гл. 16, о преследовании клана Мак-Грегоров; положение 1633 г., гл. 30, указ против Мак-Грегоров; парламентский акт, положение 1893 г., гл. 61, озаглавленную «Судебное дело относительно горной Шотландии»; статистический отчёт по Шотландии (т. XVIII, стр. 332, 1-е изд.); Вордсворт «Смерть Роб-Роя»; коллекцию шотландских поэм, собранную шотландским джентльменом (т. VII, стр. 125); Грагам из Гартмога «Причины волнений в горной Шотландии» (изд. Jamieson); письма Варта из Северной Шотландии; историю Роб-Роя, появившуюся в Лондоне при его жизни под названием «Горный разбойник» (стр. 26—28); судебный процесс над сыном Роб-Роя с анекдотами о нём самом и его семье².

Из приведённого материала видно, что В. Скотт, создавая один из лучших своих исторических романов, не располагал никакими предварительными исследованиями. Вся концепция шотландского клана в «Роб-Рое» явилась, по существу, результатом непосредственного изучения исторических первоисточников. Это целиком справедливо по отношению ко всему уэверлеевскому (шотландскому) циклу романов В. Скотта.

Что касается романов В. Скотта, посвящённых английскому и французскому средневековью, то хотя у него и были предшественники-историки, однако он в этой области является новатором, имеющим свою собственную точку зрения на средние века, делающим своеобразные исторические открытия относительно значения тех или иных исторических явлений.

¹ Schüller M. Quellenforschung zu Scott's Roman «Rob-Roy». Leipzig. 1901. Abramczuk «Ueber die Quellen zu W. Scott's Roman «Ivanhoe». 1903; Loe we «An exact account sir W. Scott's poem «The lady of luke». 1873; Genevri er «W. Scott historien français, ou le roman tourangeau de Quentin Darward», и др.

² Schüller M. Quellenforschung zu Scott's Roman «Rob-Roy», S. 26.

На основатели исторических романов и исторических работ В. Скотта — «Жизнь Наполеона», «История Шотландии» и др. — можно сделать вывод о самостоятельной исторической концепции В. Скотта, которая составляет звено в развитии исторической мысли.

Историческая концепция В. Скотта явилась одним из первых выражений подъёма исторической мысли, который можно было наблюдать в начале XIX в., когда закладывались основы исторической науки и прошлое становилось излюбленным объектом изображения. Этот интерес к истории явился результатом национальной и общественной зрелости, которую обрели страны Европы в результате важнейших исторических событий, последовавших в конце XVIII и начале XIX века. В отличие от консервативно-романтического преклонения перед прошлым это было обращение к истории с великим сознанием преимуществ её настоящего этапа. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошлое, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем»³. Эту же мысль мы встречаем у Тьерри. Он видел в средних веках прежде всего колыбель буржуазных отношений и этим объяснял особое внимание историков к этому периоду.

Почему именно Англия, точнее Шотландия, явилась родиной классического исторического романа? Почему именно Англия явилась родиной человека, оказавшего огромное влияние на судьбы как художественной, так и исторической мысли, всемирноисторическое значение которого так блестяще определил Пушкин. «Действие В. Скотта, — писал он, — ощутимо во всех областях современной ему словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал на источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гёте».

Ответ на поставленный нами вопрос дал Белинский. Он писал: «Читая Шекспира и В. Скотта, видишь, что такие черты могли явиться только в стране, которая развилась под влиянием страшных политических бурь, и ещё более внутренних, чем внешних»⁴.

Действительно, исторический роман В. Скотта и вся система его исторических взглядов явились непосредственным результатом, с одной стороны, мирового, с другой стороны, национального, английского и шотландского общественного опыта. Англия не случайно явилась родиной первого подлинно исторического романа. Ни в одной стране интерес к истории не был так силён, как в

³ Белинский В. Соч. Т. II, стр. 9, 264. 1907.

⁴ Белинский В. Соч. Т. II, стр. 128. СПб. 1911.

Англии, где не знали того резко отрицательного отношения к средневековью, какое мы встречаем во Франции в XVIII столетии.

Первоначальное накопление, эпоха гражданских войн, переворот в земледелии, промышленный переворот, вытеснение доисторических форм в Шотландии и Ирландии, победа прогрессивных форм — всё это происходило на глазах современников, приковывало интерес к истории, будило дух исследования.

После французской революции 1789 г. история Англии приобрела особый, всемирноисторический смысл, характер всемирнотипичного, поскольку история показывает повторяемость явлений, казавшихся ранее только национальными, английскими.

«Английская история,—писал Гёте,—представляет отличный материал для поэтического изображения, так как она даёт нам образцы дельного, здравого, а потом и общего, того, что повторяется»¹. О «Роб-Рое» Гёте говорил: «Теперь мы видим, что такое английская история и что можно из неё извлечь, когда за неё берётся настоящий поэт. Наша немецкая история в пяти томах есть поистине нищета. Так что после Геца фон Берлихингена пришлось обратиться к частной жизни»².

История Англии вызывала интерес в те дни не только национальных, но и многих европейских художников и историков (Тьерри «История завоевания Англии норманнами», Гизо «История английской революции» и др.).

Можно говорить о ряде причин, которые определили своеобразные пути английской исторической мысли, о чём часто забывают современные историографы, переоценивающие влияние французского просвещения на английскую общественную мысль.

Интерес к истории в Англии имеет свои традиции и большую давность. Большие исторические исследования в области всеобщей и национальной истории появляются здесь задолго до Вольтера. Серьёзный интерес к истории мы можем наблюдать в Англии уже в эпоху Ренессанса, когда появляются исторические хроники Голиншеда, исторические драмы Шекспира, исследования Бэкона и др. Большие исторические обзоры появляются в Англии в XVII веке. Слабые в методологическом отношении, нечувствительные к философии истории, они представляют собой большую ценность благодаря огромному интересу к историческому факту, к действительности, как она есть. Так, в 1625 г. появляется работа Бэкона «Царствование Генриха VII Тюдора». Маркс цитирует эту работу в «Капитале»³.

Во второй половине XVII в. пишет свою «Историю восстания и гражданских войн» Кларендон — первый английский историк с мировым именем и первый исследователь ан-

глийской буржуазной революции. Консерватор по убеждению, дающий резко отрицательное освещение революции, Кларендон, однако, был близок к пониманию материальных импульсов гражданской борьбы. Подлинный расцвет исторической мысли наблюдается в Англии во второй половине XVIII века. Появляются учёные, которые делают историю предметом специального научного исследования, — Юм, Гиббон, Фергюсон, Робертсон. Их исторические работы были хорошо известны на континенте и переведены на французский, немецкий и другие языки. Беспристрастный подход к прошлому, стремление разобраться в подпочвенных источниках человеческой жизни и объяснить материальными основаниями все побуждения людей — вот что отличает эти работы от трудов большинства французских просветителей, которые ограничивали свои интересы преимущественно сферой духовной жизни людей.

Давид Юм, автор многочисленных работ по истории («История Стюартов», «История Великобритании»), в своих трудах впервые подвергал критике рационалистическую теорию общественного договора. «Прежде чем людей мог соединить договор,—писал он,—их соединила нужда». Робертсон был первым историком до Скотта, который специально занимался историей Шотландии и написал её в 1759 году. Ему принадлежат также «История императора Карла V», «История Америки» и другие работы, хорошо известные в Западной Европе и России. В обширном очерке о феодализме, предпосланном «Истории Карла V», Робертсон прослеживает основные фазы развития европейского общества с V по XVI век. Он во многом предвосхищает В. Скотта, уделяя внимание системе социальных отношений при феодализме, прослеживает историю крестовых походов, развитие городов и т. д.

Исторический взгляд на вещи отчётливо выступает у старшего современника В. Скотта, учителя А. Смита — Фергюсона, которого Маркс неоднократно упоминал и цитировал в «Капитале»⁴. Маркс подчёркивал исторически верное освещение Фергюсоном отдельных сторон буржуазных отношений, влияние разделения труда на духовную жизнь людей, отношение труда и капитала и пр.

Гиббон в 1776 г. написал «Историю упадка и разрушения Римской империи», в которой дал гражданскую историю древнего общества, его экономический, политический и культурный строй. Эту работу высоко оценил Гизо, написавший вступительный очерк к французскому изданию Гиббона. Наряду с собственно историческими работами во второй половине XVIII в. появляются замечательные работы из экономической области. Помимо работ А. Смита Маркс часто цитировал и ссылался на Джемса Стюарта, шотландского экономиста, автора работы «Принципы политической экономии», который задолго до появления «Богатства наций»

¹ Гёте И. «Разговоры с Эккерманом», стр. 283. М.—Л. 1934.

² Там же, стр. 570.

³ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 369, 674, 675. М. 1937.

⁴ См. К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 142, 402, 409.

А. Смита занимался анализом экономических основ нового общества.

Таково было состояние исторической мысли в Англии в эпоху, предшествовавшую и отчасти современную В. Скотту. Средоточием английской исторической мысли являлась Шотландия. Эта небольшая горная страна была родиной многих замечательных людей, имена которых вошли в историю человечества. Шотландцами были три первых великих английских историка — Юм, Фергюсон и Робертсон; шотландцами были крупнейшие экономисты европейского и мирового масштаба — Адам Смит, Джеймс Стюарт, Фергюсон и др. Можно было бы говорить о Бёрнсе, Карлейле и др., прославивших свою родину.

И самый факт, что родиной В. Скотта была Шотландия, говорит о многом. Это страна, где каждый клочок земли является историческим памятником и свидетельствует о памятных событиях прошлого. В конце XVIII в. Шотландия представляла собой любопытный уголок. Здесь можно было столкнуться с пережитками старины, которые постоянно напоминали о себе и вызывали живой интерес.

Так, наряду с развитыми современными отношениями в Южной Шотландии в Северной Шотландии сохранялись родовые отношения, а в той и другой одновременно были ещё сильны феодальные традиции.

История Шотландии, этой обетованной страны современных романов, по выражению Маркса, исключительно драматична и богата событиями. Это непрерывная борьба за независимость, в которой шотландцы проявляли поистине замечательную сопротивляемость. Шотландцы сохранили предания о тех далёких временах, когда вся Британия находилась под властью Рима и лишь горцы оказали столь мужественное сопротивление, что вога римлян не коснулась каледонской земли. Потом потянулись годы упорной борьбы за национальную независимость. И было что-то глубоко трагическое в этом упорном сопротивлении неумолимому ходу истории, ибо поглощение этой небольшой страны более цивилизованной Англией было неизбежно.

В Шотландии зародилось английское пуританство; здесь оно приняло подлинно народные формы и отличалось исключительным воодушевлением. И пуританские традиции в этой стране свято чтятся спустя много времени после того, как движение было подавлено. Образ Старика-Смерти, поправляющего надписи на могилах пуритан-мучеников, который даёт В. Скотт в «Пуританах», навеян действительными впечатлениями писателя (он встречал этого старика в юности).

Шотландский народ прославился беспримерным мужеством и безграничной любовью к родине и свободе. И это вполне понятно, так как в этой стране на протяжении столетий остро стоял национальный вопрос и каждый клочок земли был полит народной кровью.

В. Скотт всецело разделял страстный патриотизм своих соотечественников. Любовью к Шотландии проникнуты все его произве-

дения, начиная с первых поэтических опытов и кончая зрелыми историческими романами и историческими работами: «О, земля Каледонская, суровая и дикая властительница истинных поэтов! Отечество упрямых скал и дубрав обширных, страна гор и потоков! Земля отцов моих! Рука какого смертного может расторгнуть узы, связывающие меня с утёсами твоих берегов!»¹.

В конце XVIII в. в Шотландии наблюдалось оживление исторической и экономической мысли. Социальная ломка, происходившая в этой стране, сложный переплёт родовых, феодальных и буржуазных форм вызвали необходимость развития общественно-исторических наук. Эдинбург Юма, Фергюсона, Робертсона, Стюарта был той средой, в которой протекала юность В. Скотта. И историческая концепция В. Скотта сложилась под непосредственным воздействием знаменитой школы шотландских историков. Об этом свидетельствуют воспоминания, письма, да и всё творчество В. Скотта. От шотландских историков и экономистов он унаследовал интерес к материальной стороне человеческой жизни, интерес к социальным отношениям в обществе, уважение к факту, к документу. Но Скотт взглянул на историю сквозь призму современных ему исторических событий, и при этом он обладал несравненно большим запасом исторических сведений, нежели его предшественники. Исторические взгляды В. Скотта можно рассматривать как промежуточное звено между исторической школой английских историков XVIII в. — Юма, Гиббона, Робертсона (сюда с полным правом можно присоединить и Фергюсона и Смита) — и французскими историками эпохи Реставрации и английскими историками либеральной школы — Галламом, Маколеем.

Стихийно-материалистическое отношение к истории, сознательный объективизм и новое отношение к народу — вот что прежде всего характеризует историческую концепцию В. Скотта. Это в свою очередь определило понимание прогрессивного характера исторического процесса, чувство исторической стадильности, а также умение разобраться в исторических конфликтах прошлого.

Правда, все эти положения не были систематизированы и сформулированы самим В. Скоттом. Но на основании всего созданного им можно говорить о его философии истории.

О своём желании быть объективным и донести правду истории до современников В. Скотт говорил в одном из своих замечательных произведений — «Пуритане» («Старик-Смерть»), — вызвавшем восторженные отзывы Маркса и Лермонтова. Порывая с традиционным, крайне неприязненным освещением пуританского движения, которое Кларендон и Юм изображали как наводнение и психическую заразу, В. Скотт достиг высокой объективности, раскрывая подлинные идеалы и достоинства пуритан, показывая, ценой каких огромных жертв и стра-

¹ Скотт В. «Песнь последнего барда», стр. 115. СПб. 1823.

даний завоёваны были гражданские свободы в Англии. Последовательное проведение этого принципа дало возможность В. Скотту проникнуть в действительную историю и, преодолевая свои политические симпатии и антипатии, нарисовать близкую к истине картину прошлого.

Яркой особенностью исторической концепции В. Скотта является её стихийно-материалистический характер — следствие объективного подхода к истории и интереса к первичному историческому факту, которым отличается всё его творчество. Сын известного адвоката и сам юрист по профессии, В. Скотт, изучая право, знакомится с самыми прозаическими материальными сторонами человеческой жизни — отношениями собственности, отношениями труда и капитала, семейными отношениями и пр.

Понимание силы материального начала в жизни людей пронизывает все произведения В. Скотта. За политической, социальной и религиозной борьбой выступает у него материальная сторона жизни.

История для В. Скотта — это постоянная борьба за собственность, за землю, которая принимает каждый раз разные формы. Так, в ненависти, питаемой англо-саксами к норманнам-завоевателям («Айвенго»). Скотт увидел не столько национальный конфликт, а прежде всего вражду к собственникам-завоевателям, которые завладели саксонскими землями, так же как и их свободами. В этом отношении замечательно место, где Гурт поясняет Вамбе разницу между словами «swipe» и «roge». С огромной силой роль материальных начал выступает в «Квентине Дорварде», где В. Скотт показывает, как купеческий дух проникает во все сферы жизни, разрушает старый идеальный рыцарский декорум, проникает в религию. Нечто подобное мы наблюдаем в «Кенильворте», где практическое начало блестяще раскрывается в образе королевы-девственницы Елизаветы Тюдор.

В многовековых религиозных смутах, которыми наполнена история Англии, В. Скотт видел в первую очередь борьбу за перераспределение собственности. «Ты один из тех, — говорит один пастор другому, — которые признают евангелие божие из-за умножения хлеба и рыбы»¹.

Проследившая историю шотландской реформации, Скотт показал, как перераспределение благ между участниками движения изменяет его состав и цели, как шотландская знать, ранее возглавлявшая борьбу против католической церкви и абсолютизма, становится в ряды противников реформации, после того как монастырские владения отошли в её пользу.

Роль земельных интересов, борьба за поместье обнажённо выступают в «Вудстоке», первом историческом романе в Европе, посвящённом республике Кромвеля. То же мы найдём в «Легенде о Монтрозе», «Роб-Рое», «Чёрном карлике», «Антиквариане». В борьбе шотландских горцев против англичан

В. Скотт видел не проявление фанатизма и дикости, а желание отстоять свои леса, луга и пастбища. Захват земля у членов клана знатными магнатами вёл к постоянным столкновениям, превращал хайлендеров в нарушителей закона и спокойствия страны. В. Скотт понял смысл извечной борьбы между Лоулэндом и Хайлендом (низменная и горная Шотландия) как борьбы патриархальных, клановых отношений с отношениями буржуазными. Роман В. Скотта «Антиквариан» может служить дополнительной иллюстрацией к истории знаменитой «очистки», о которой говорил Маркс в «Капитале»².

Нужно было иметь огромное историческое чутьё, чтобы понять, что не проповеди ревностных отцов церкви, католиков или пуритан, а простая долгорунная овца перевернула вверх дном тысячелетние привычки и верования. «Ты ведь сам знаешь, — говорит один фермер другому, — что для долгорунных овец нам надо припасти кормовой репы и много за ней поработать плугом и мотыгой, так уж некогда сидеть на пригорках, да надеяться на чёрного карлика, как у вас делалось в прежние времена, когда водились одни только короткие овцы... Это было ещё в те времена, когда люди верили в домовых и прочую нечисть... Мало ли во что верили тогда, а теперь уж давным-давно никто не верит... с тех самых пор, как у нас введена долгорунная овца»³.

И долгорунная овца — символ первоначального накопления, символ нового, буржуазного землепользования — то и дело появляется у В. Скотта.

В. Скотт понимал прогрессивный характер человеческой истории, и необратимость исторического процесса была для него очевидна. Многие писатели ошибочно считают В. Скотта консерватором, ограниченным в своих воззрениях представлениями прошлых эпох. Автор исторического романа, непревзойдённого по глубине проникновения в прошлое, В. Скотт всей своей философией истории отвергает такой взгляд. Любовь к истории своего народа сочеталась у него со здоровым, критическим отношением к прошлому.

Своеобразный торизм В. Скотта, его якобитские симпатии и привязанность к последним клансменам — всё то, что навеяно национальными шотландскими связями писателя, отнюдь не мешало ему признать историческую закономерность падения Стюартов и победы Ганноверской династии и неизбежность гибели шотландского клана. Понимание поступательного характера исторического процесса отчётливо выступает во всех более или менее значительных романах В. Скотта.

Так, в «Айвенго» и в «Истории Шотландии» В. Скотт показывает слабость англо-саксов и всего их патриархального строя, сочетавшего пережитки родовых и рабовладельческих отношений, перед бо-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 797—802.

³ Скотт В. «Чёрный карлик», стр. 214—215. СПб. 1897.

¹ Скотт В. «Пуритане», стр. 239. СПб. 1896.

лее высокой общественной организацией норманнов. Эту слабость он подчёркивает в образе последнего отпрыска королевской династии англо-саксов — Ательстана, добровольно отказывающегося от притязаний на престол. В «Квентине Дорварде» В. Скотт осуждает и обрекает на гибель дикий феодальный хаос, воплощённый в образе Карла Бургундского и его сторонников, и оправдывает деятельность Людовика XI, лично ему несимпатичного.

Безнадёжность дела реакции раскрывается в «Аббате» (дело Марии Стюарт). История последнего восстания претендента в «Уэверлее» и «Редгонтлет» показывает обречённость всего дела Стюартов. И В. Скотт говорит словами одного реакционного деятеля эпохи Кромвеля: «Безнадёжно бороться с течением времени»¹.

Размышления В. Скотта в исторических комментариях к «Квентину Дорварду» показывают, что такое отношение к истории было сознательным и явилось плодом длительного наблюдения над историческим процессом. «Я полагаю, — пишет он, — что учёные исследования антиквария должны разъяснить постепенное развитие общества, они должны показать все усовершенствования, какие делал человеческий ум на поприще изобретений, постепенно доходя до высших ступеней, часто даже выдвигая учение, противоположное прежнему, чтобы тем вернее достигнуть истины. Мы можем ожидать, что наши открытия заменятся мало-помалу другими; например мы употребляем газовое освещение, которое может настолько улучшиться, что заменит собой всякое другое, и по прошествии нескольких веков может произойти такой случай: учёное общество археологов отыщет пару щипцов для снятия нагара, и пойдут развиваться гипотезы и теории с целью выявить значение и употребление этого страшного инструмента».

Всё это свидетельствует о широте исторических взглядов В. Скотта и о прогрессивности его исторической концепции. Понимая всецелие времени и неизбежность смены одних форм общества другими, В. Скотт был далёк от консервативно-романтического цепляния за прошлое и от его идеализации. Наоборот, Скотт ярко осветил отрицательные стороны феодализма, на что в своё время обратил внимание Белинский. В «Айвенго», «Пертской красавице», «Квентине Дорварде», «Истории Шотландии» и других романах мы найдём описания насилия, бесправия, беззакония, дискредитирующие прошлое в глазах современников. «Не могут назваться счастливыми времена, когда не было никаких законов, когда сильный мог отнимать у слабого всё, что ни захотел?.. Нельзя было иметь ни прибежища, ни покрови-

тельства в законах в такое время, в которое всё рушилось силою руки и меча»².

Историческая концепция В. Скотта покоится на глубоко демократическом основании. Этот демократизм выражается не только в благожелательном и гуманном отношении к народу. В. Скотт воспринимал историю прежде всего как историю народа и очень часто с точки зрения народа. Детство, проведённое из-за болезни на ферме, среди простых людей, прогулки в глубь Шотландии во время адвокатской деятельности, встречи с пастухами, фермерами, охотниками, соприкосновение с жизнью народа и его поэзией (В. Скотт ещё в детстве собрал около 10 томов народных баллад) — всё это послужило причиной того, что история была прочувствована, пережита и осознана им через народные представления задолго до изучения шотландских и европейских историков. В своей автобиографии Скотт писал, что исторические сведения, имевшие, конечно, большое влияние на образование его будущих стремлений и вкусов, он заимствовал из старых песен и преданий, составлявших иногда главное развлечение провинциального семейства.

Этим объясняется то глубокое понимание народа, которое делает его романы подлинно историческими. С другой стороны, сознательное отношение к народу явилось результатом изучения опыта пуританского движения, а также современных В. Скотту событий: революции 1789 г. и национально-освободительного движения в странах Европы и Нового Света.

Революционность и новаторская роль исторической концепции становятся очевидными при сравнении произведений В. Скотта с историческими работами XVIII в. Юма, Робертсона, Вольтера, которые уделяли большое внимание истории династий, или с историческими драмами Гёте, Шиллера и даже Шекспира, у которого народ выступает лишь как эпизодический герой. М. Лузин, обративший впервые внимание на эту особенность В. Скотта и сравнивший его с Юмом, его предшественником, писал: «Читайте прославленную историю Д. Юма и что вы увидите?

Обломки риторических фигур, непрерывное повторение закликающих формул: король, двор, Англия, возмущение, заговор... и вы напрасно вглядываетесь в английский народ, ваши взоры его не встретят»³.

Полемизируя со своими предшественниками, В. Скотт писал в предисловии к «Айвенго»: «Было бы грубым насилием над исторической правдой вывести в качестве

¹ Скотт В. «Вудсток», стр. 49. СПб. 1898.

² Скотт В. «История Шотландии». Т. I, стр. 49, 319. СПб. 1831.

³ Лузин М. Указ. соч., стр. 16.

саксов одну лишь высокомерную знать»¹. Эта мысль пронизывает «Историю Шотландии» В. Скотта, в которой он не раз подчёркивает первостепенную роль народа в национальной истории: «И не одними только усилиями знатных и сильных лордов, как Рандольф и Дуглас, удалось Шотландии добиться независимости. Храбрые мызники и отважные крестьяне, столь же дорожившие своими хижинами, сколь вельможи замками, и равно с ними любившие отечество, содействовали освобождению его от иноземного ига».

Ни у одного современного В. Скотту романиста и историка мы не встретим такого полнокровного изображения жизни народа, как у В. Скотта. В таких романах, как «Антикварий», «Эдинбургская темница», «Пертская красавица», «Пуритане» и др., народ составляет душу романа, его содержание, его героя, его мораль. Это смелые йомены Робин Гуда, саксонские крестьяне Вамба и Гурт («Айвенго»), это мужественные ковенанторы 1679—1680 гг. («Пуритане»), благородная и смелая Джейни Дийне («Эдинбургская темница»), пертские ремесленники («Пертская красавица»), мудрый, талантливый кузнец Уэланд («Кенильворт»), хайлендские крестьяне («Антикварий») и др.

В предисловии к «Антикварию» В. Скотт писал: «Я брал, особенно в двух последних рассказах, главные лица из того класса общества, в котором позже всего сказывается влияние образованности, делающей обычай разных народов похожими друг на друга... люди низших сословий меньше привыкли подавлять свои чувства, и потому я согласен с мнением Вордсворта, они почти всегда выражают эти чувства сильно и энергично. Такими особенно кажутся мне крестьяне моей родины, класс, с которым я долго был в тесных сношениях. Стихийная сила и простота в образе выражения, часто с оттенком восточного краткоречия библии, придаёт в устах образованнейших из них какой-то пафос их грусти, достоинство их чувству»². Именно народ является для В. Скотта носителем национальных традиций, национальной чести, выразителем подлинно национального характера, часто утрачиваемого в привилегированных слоях общества.

В. Скотт стремится реабилитировать народ в его человеческих и гражданских правах. Мысль о том, что люди от природы равны, он постоянно повторяет на страницах своих произведений: «Разве крестьянин отличается чем-нибудь от принца, разве не один бог, создавший их»³. Эту мысль В. Скотт вкладывает в

уста нищего Очильтри («Антикварий»). Однажды во время прилива, когда волны океана грозили затопить нищего и оказавшегося рядом с ним спесивого шотландского лорда, потомка древнего Фингала, Очильтри сказал, поглядывая на быстро прибывавшую воду: «Богатства наши скоро сравняются: они уже равны, потому что у меня нет ни вершка земли, а вы бы отдали всё своё баронство за пространство в три фута, которое оставалось бы сухим в течение девятнадцати часов»⁴. Антикварий Ольдбек убеждён также, что происхождение от трудолюбивого типографика не менее почётно, чем от закованных в железные латы баронов, не умеющих подписать собственного имени. В «Квентине Дорварде» устами одного из героев В. Скотт говорит: «Каким образом можно было бы отличить знатную даму от загорелой молочницы, если бы за одну не ломали копья, а из-за другой только ореховые палки»⁵.

В этом духе воспринимала В. Скотта русская критика 30—40-х годов. В одном из журналов того времени читаем: «Высокая правда, великая истина всеобщего братства, истина, сделавшаяся, к сожалению, пошлою, не находила ещё проповедника более искусного и более счастливого... Кто бы мог лучше его, плебейца, постигнуть сущность мыслей простонародных, где всеобщее равенство высказано с полнейшей уверенностью и с такой ясностью, как в романах В. Скотта, разве только в драмах Шекспира?»⁶.

В этом преувеличенном отзыве о В. Скотте больше правды, чем в вульгарно-социологических толкованиях, которые дезориентируют читателя, классифицируя В. Скотта как феодала, погрязшего в сословных предрассудках, и пр.

То, что часто принимают за сословную спесь В. Скотта, является чисто шотландской национальной гордостью, чисто шотландской привязанностью к роду (клану), разделяемой всеми его соотечественниками независимо от их происхождения и сословия. «Каждый шотландец, — писал В. Скотт в 1827 г., — имеет свою генеалогию; это его национальная привилегия, столь же неотделимая, как его гордость и его бедность».

Глубина демократической концепции В. Скотта особенно ярко обнаруживается в его отношении к народным восстаниям и революциям. В. Скотт показал, какую огромную инициативу и энергию таит в себе народ, как велико в нём сознание своих исторических прав и как прорывается эта энергия, подобно урагану, когда эти права нарушаются. В «Айвенго» (восстание йоменов) и особенно в «Эдинбургской темнице» и «Пуританах» В. Скотт оправдывает народ, с оружием в руках от-

¹ Скотт В. «Айвенго». Предисловие. СПб. 1845.

² The Waverley Novels by sir Walter Scott. Vol. V., n. 1—2. The antiquary. Edinburgh. 1878.

³ Scott W. Old mortality in collection of British authors. Vol. XLVII, p. 342. Leipz. 1846.

⁴ Скотт В. «Антикварий», стр. 66. СПб. 1845.

⁵ Скотт В. «Квентин Дорвард», стр. 177. СПб. 1845.

⁶ «Телескоп» № 18 за 1833 год.

стаивающий свои права, и признаёт великую, историческую миссию революции.

«Революцию,— писал он,— можно уподобить буре или урагану, который, проносясь по какой либо стране, делает много опустошений на своём пути, но зато вносит стоячие и вредные воды и будущим плодородием вознаграждает причинённые им бедствия и опустошения»¹.

В «Пуританах» В. Скоттом руководило желание реабилитировать перед историей революционеров-кованторов, наиболее демократического крыла пуританского движения. И мы читаем у В. Скотта слова, которые ни один историк до него не осмелился произнести: «Что бы ни говорили о крайностях и узком ханжестве пресвитериан, нельзя отрицать самоотверженного мужества нескольких сотен поселенцев, которые без опытных полководцев, без денег и провианта, без определённого плана действий и почти без оружия, проникнутые только религиозным рвением и ненавистью к притеснителям, отважились вести борьбу с правительством, имевшим в распоряжении регулярную армию и соединённые силы трёх королевств»². Историческая проникновенность Скотта здесь достигает своего высшего выражения. Он не только даёт живые картины гражданских битв, но с неопровержимой логикой показывает причины, породившие это движение. И нельзя не привести простые и мудрые слова о В. Скотте одного из современных ему русских журналов: «Никогда он не изображает картины политического или религиозного мятежа без того, чтобы не связать его с тайной причиной или с тем, что следует сообразно с жизнью народа»³.

Только благодаря широкому, общему пониманию исторического процесса, явившемуся результатом скрупулёзного изучения прошлого, В. Скотту удалось дать образцы исторического анализа, разработать в своих романах такие участки истории, которые до него не были исследованы.

К числу исторических шедевров В. Скотта следует отнести группу романов, посвящённых проблеме родового строя, истории кельтского клана (его шотландской ветви).

Судьбе шотландского клана, истории последнего восстания горцев посвятил В. Скотт свой первый роман — «Уэверлей» (1814), — принесший ему мировую известность.

К этой проблеме В. Скотт возвращается в течение всей своей жизни, каждый раз углубляясь в историю клана; последний роман этого цикла — «Пертская красавица» — вышел в 1828 году.

Немногие, восхищаясь сильными самобытными характерами, романтическими приключениями и чудесными описаниями Шотландии, сумели понять, что всё это почти списано с натуры и является ценным историческим документом, докумен-

том невоспроизводимым, как невоспроизводим и шотландский клан, огнём и мечом уничтоженный в XVIII столетии. В. Скотт первый увидел в клане совершенно особую общественную организацию со своими особыми хозяйственными принципами, своими особыми правовыми и моральными нормами. Энгельс писал, что до 60-х годов прошлого столетия никто не занимался изучением доисторической основы нашей писанной истории; в художественной литературе этот период был известен по произведениям Гомера и ранне-средневековому эпосу (Эдда, сага о Волсунгах и др.).

В. Скотт задолго до Бахофена, Мак-Леннана и Моргана заинтересовался родовым строем и оставил богатейший материал о природе шотландского клана. «В романах Вальтера Скотта перед нами, как живой, встаёт этот клан горной Шотландии»⁴. Не случайно Льюис Морган, автор «Древнего общества», первой материалистической работы о родовом строе, ссылается на романы В. Скотта, утверждая, что воспроизведённая им картина кланового строя Шотландии соответствовала исторической истине: «Кельтская ветвь арийской семьи сохранила родовую организацию в виде шотландского клана и ирландского секта до более позднего времени, чем какая-либо другая ветвь этой семьи, за исключением разве арийцев Индии. Шотландский клан, в частности, сохранял в горной Шотландии замечательную жизненную силу ещё в середине прошлого столетия (XVIII в. — Е. Д.). Это был по своей организации и по своему духу превосходный образец рода и необычайно яркая иллюстрация влияния родовой жизни на его членов. Знаменитый автор «Веверлея» увековечил ряд выдающихся типов, сложившихся в лоне клановой жизни, запечатлев их характерные черты. Эван, Дью, Торкиль, Роб-Рой и многие другие возникают в нашем представлении в качестве примеров влияния рода на образование человеческого характера. Если даже В. Скотт преувеличил в некоторых отношениях особые черты этих типов, удовлетворяя требованиям романа, то всё же они имели реальное основание. Несколько столетиями раньше, когда клановая жизнь была крепче и внешнее влияние слабее, те же самые кланы, вероятно, вполне соответствовали этим картинам. В их распрах и кровавой мести, в расселении по родам, в коллективной обработке земли, в верности членов клана своему вождю и друг другу мы находим обычные и постоянные черты родового общества»⁵.

Историческая обстановка, окружавшая В. Скотта, способствовала тому, что он стал первым исследователем шотландского клана. Патриархальные отноше-

¹ Скотт В. «Антикварий», стр. 321.

² Скотт В. «Пуритане», стр. 164.

³ «Телеграф» № 17 за 1833 год.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 112.

⁵ Морган Льюис «Древнее общество», стр. 203—204, Л. 1934.

ния чрезвычайно сильны были в Шотландии, где клан, как говорил Энгельс, «был в полном расцвете ещё в середине прошлого столетия, и здесь был также (как и ирландский. — Е. Д.) уничтожен только оружием, законодательством и судами англичан»¹.

И хотя к концу XVIII в. клан как самостоятельная историческая организация был уничтожен, в сознании современников он ещё долго продолжал жить, и на каждом шагу в Шотландии можно было встретить пережитки клана.

Так, В. Скотт уже в начале XIX в. в рыбацких посёлках Северной Шотландии встречал семьи с явно выраженным преобладанием материнского права, которое в незапамятные времена господствовало в Шотландии². Наблюдение это очень ценно, так как имеется весьма ограниченный современный материал для изучения матриархата.

Скотт прослеживал историю шотландского клана с XIV в. («Пертская красавица») до современного ему периода («Антикварий»). В своих произведениях он стремился рассеять превратные представления о горцах, сложившиеся в исторической и художественной литературе. Горцев представляли до него разбойниками, головорезами, чуть ли не людоедами. Правда, горцы, описанные В. Скоттом, тоже не отличаются сентиментальностью. Но В. Скотт нашёл историческое объяснение и в какой-то мере историческое оправдание жестокости и озлобленности, которые нельзя было не заметить у последних шотландских кланменов. «Обречённый клан, — писал Скотт, — видя себя постоянно согняемым со своих земель, отстаивал свои права силой и не раз добивался победы, которой пользовался довольно круто. Такое поведение, хоть и естественное для той страны и по тем временам, нарочито изображалось в столице, как следствие враждебной жестокости, против которой не было якобы другого средства, как только обрубить племя Мак-Грегоров корни и ветви»³.

В своих романах В. Скотт показал, в каких сложных и тяжёлых условиях оказался хайлендский клан в последние столетия (XV—XVIII). Теснимый более высокой общественной организацией, клан всё время являлся ареной крестовых походов, сначала знатных феодалов, затем королевской династии, позднее он становится жертвой первоначального накопления: клановые земли превращаются в овечьи пастбища. В «Пертской красавице» В. Скотт описывает борьбу феодальных и родовых начал в Шотландии XIV столетия. К этому времени страна разделялась на две резко противоположные части: южную, низинную (Лоуленд), и северную, горную (Хайленд). После длительной борьбы феодальные отношения восторжествовали в

Южной Шотландии, в то время как Северная Шотландия упорно сохраняла незыблемость первобытных форм. Однако ежедневно горцы подвергались насилию со стороны Альбани, Дугласа и других феодалов, которые стремились покорить народ и овладеть прекрасными пастбищами горной Шотландии. И сотнями гибли горцы, отстаивая свои земли и независимость; всё дальше отодвигались они на север, что создавало напряжённое положение в этой части страны. Между кланами разгорелась жестокая борьба за пастбища, которую разжигали соседние феодалы.

Сравнивая романы В. Скотта, можно проследить, как с течением времени изменялся характер исторического конфликта. Так, взаимоотношения горцев с горожанами, жителями низин, в XIV в. носили дружеский характер. Они мирно обменивались товарами, причём горцы всегда оказывались наиболее честной стороной, добросовестно выполняя заказы на козью и оленью кожи. В «Роб-Рое» и «Уэверлее» мы видим, как изменились эти отношения к XVIII столетию, когда горожане превратились в грозную силу, которая положила конец существованию клана.

Тянулись годы. Положение горцев становилось всё тяжелее. Не раз издавались специальные указы, стимулирующие истребление горцев. Ни защиты, ни покровительства не ведали кланы, испытывая от закона одни несправедливости. В. Скотт показывает, что чем ближе к современности, тем суровее становились меры, принимаемые против шотландского клана.

В «Роб-Рое» и «Уэверлее» В. Скотт прослеживает длительный исторический конфликт — столкновение английской буржуазной цивилизации с первобытным обществом Шотландии. В этих романах он показывает наиболее критический момент в истории клана, непосредственно предшествующий его окончательной гибели. И В. Скотт улавливает сложный переход и переплетение обстоятельств, которые привели к тому, что клановый строй оказался сломленным во второй половине XVIII столетия.

Без сознательного стремления спорочить современную цивилизацию В. Скотт, однако, как историк, не мог не показать, какими трагедиями сопровождалось столкновение буржуазных отношений со старыми, родовыми формами в Шотландии, как мучительно переживали люди разорение своих родных гнёзд и как упорно держались в них старые представления.

О печальной судьбе кланов после 1745 г. повествует Скотт в предисловии к «Легенде о Монтрозе». Он рассказывает здесь историю сержанта, бывшего члена клана Мак-Альпина. Когда-то он пас горных коз и коз, потом под барабанный бой его угнали в дальние страны, и сорок лет он скитался по разным землям. Но где бы он ни скитался мысль его постоянно возвращалась к горной шотландской долине, которую он любил больше всего на свете.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 109.

² Скотт В. «Антикварий», стр. 248.

³ Скотт В. «Роб-Рой», стр. 44. М. 1937.

«Вернулся он на родину, пришёл в свои любимые места; оказалось, что это не более как бесплодная лощина, окружённая крутыми скалами. Тридцать домашних очагов навеки потушили свои огни, от домика его предков осталось лишь несколько разрозненных камней, даже старое наречие почти исчезло, потому что древний род, от которого он с гордостью вёл свою родословную, переселился за океан и нашёл себе пристанище в Северной Америке. Один фермер-южанин, три пастуха в серых плащах да полдюжины собак были единственными обитателями лощины, где в дни его молодости проживало, если не в богатстве, то, по крайней мере, в довольстве, более двухсот человек»¹.

Не менее типична судьба клана Мак-Грегоров («Роб-Рой»). Вся история этого клана — это борьба за существование, за сохранение былых вольностей.

Много пало славных горцев в этой неравной борьбе, но те, кто остался в живых, поражали неукротимостью духа, презрением к смерти, ненавистью к мелкому торгашескому духу, царившему среди жителей равнин. Эта вечная борьба ожесточала, озлобляла горцев, превращая их в грозную силу, мстящую за отнятые земли, разорённые хижины, поправленную свободу. Скотт подчёркивал, что столкновение с цивилизацией затронуло моральную целостность кланового человека.

Вождь этого клана Роб-Рой, действительно историческое лицо, был когда-то честным, трудолюбивым прасолом. С круглым щитом за спиной, с палашом и кинжалом за поясом идёт он, бывало, следом за сотней горных бычков и двенадцатью молодцами, такими же косматыми и дикими, как погоняемый ими скот. Но суровая борьба за землю не прошла мимо Роб-Роя. Однажды он вернулся домой и застал полное запустение: соседние владельцы ограбили его дом, угнали скот, отняли землю. Что же оставалось делать? «Он поглядел на восток и на запад, на юг и на север и видит, помощи нет нигде. Нет нигде ни крова, ни защиты, надвинул шляпу на лоб, заткнул за пояс двуострый меч и поднялся в горы, стал жить своим законом»².

Картины уничтожения кланов, которыми сопровождалось триумфальное шествие цивилизации, В. Скотт воспроизвёл на основании документального исторического материала. Об этом периоде рассказывает Маркс в «Капитале»: «Бедствия, постигшие горную Шотландию, не менее ужасны, чем те, которые постигли Англию благодаря политике норманских королей. Дичь получила больше простора, но зато людей сгущают в пределах, всё более и более тесных... У народа отнимают одну воль-

ность за другой... И гнёт ежедневно возрастает»³.

Историческая закономерность исчезновения клановой системы была очевидна для Скотта.

На страницах своих романов В. Скотт запечатлел тот кризис, который переживало клановое хозяйство на рубеже XVII и XVIII столетий, не будучи в состоянии даже прокормить своих членов. И в то же время В. Скотт подчёркивал живучесть клановых обычаев и первобытной, клановой морали и упорное стремление горцев отстоять себя в неравной, суровой борьбе против цивилизации, которая грозила раздавить их.

В нескольких милях от крупнейших университетских и промышленных городов горцы сохраняли в неприкосновенности привычки и обычаи глубокой старины. Они не знали, что такое «твое» и «мое». Здесь царил первобытное товарищество и круговая порука, господствовала своя мораль, почти неизвестная цивилизованному миру, мораль, основанная на величайшем доверии человека к человеку. То, что считается преступным, согласно законам цивилизованного общества, кажется естественным и справедливым у горцев. Так например обстояло дело с конокрадством. Английский офицер Уэверлей был неприятно поражён тем, как спокойно занимаются горцы этим преступным, с его точки зрения, ремеслом.

В повести «Мать» В. Скотт рассказывает о вдове одного старейшины клана, которая никак не могла смириться с тем, что она и её сын подвластны закону. Сознание, что сын должен стать солдатом, потерять свободу, не укладывалось в её голове. И в тот день, когда сын должен был явиться на военный сбор, она дала ему снотворное и расслабляющее зелье. За нарушение закона сына казнят. Мать теряет рассудок.

В. Скотт описывает удивительную преданность горцев своему вождю. Когда восстание 1745 г. было жестоко подавлено и всех его предводителей ждала смертная казнь, горцы, не задумываясь, предложили свои жизни, чтобы спасти вождя, считая это величайшей честью для себя. Подобный же случай описывает В. Скотт и в «Пертской красавице». Для того чтобы спасти жизнь своему вождю, умирают один за другим семеро сыновей Торкаля, старейшины клана. «А для чего же они

¹ Скотт В. «Легенда о Монтрозе», стр. 4. СПб. 1897.

² Скотт В. «Роб-Рой», стр. 270.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 801.

родились, как не для того, чтобы умереть за своего вождя», — такова была суровая мораль клана.

Сопротивлению горцев, горстки людей, с неслыханным мужеством отстаивавших свои права, посвятил В. Скотт самые патетические страницы своих романов. Имела ли эта патетика какое-то объективное историческое основание или в этом выразились узость и провинциализм В. Скотта? Несомненно, изучая патриархальный строй, В. Скотт не мог не признать известные исторические преимущества, которыми обладал клан, не мог не признать какой-то правды, которая была на его стороне.

Эта правда коренилась в сознании нравственного превосходства кланового человека. В «Легенде о Монтрозе» у Скотта есть замечательное место: умирающий сын Тумана, одного из древнейших шотландских кланов, завещает сыну, как надо жить, чтобы быть достойным своих предков: «И в лесных дебрях и среди горных туманов, Кеннет, сын Ирахта, храни неприкосновенную свободу, которую оставляю тебе в наследие, не меняй её ни на пышную одежду, ни на каменные палаты, ни на роскошные яства, ни на пуховое ложе. Среди утёсов, как на дне долины, в довольстве или в голодной пище, в дни красного лета, как и в пору железной зимы... Кеннет, сын Тумана, будь свободен, как были твои деды и прадеды. Не признавай над собой властелина, не подчиняйся законам, не принимай платы... Не держи невольников... не строй темницы, не огораживай пастбища... не засевай нивы... Пусть горные олени заменяют тебе стада и табуны... Коли и их не будет, добывай себе добро наших притеснителей англичан, а также и тех сынов Гаэля, которые в душе те же англичане и ставят стада и уголья превыше чести и свободы. Тем лучше для нас, что они так думают: тем шире поле для нашего мщения. Помни о тех, кто оказывал услуги нашему племени, и для них не жалея крови, если понадобится. Если придёт к тебе Мак-Ян, неся в руке отрубленную голову королевского сына, укрой его и защити, хотя бы за ним гналась по пятам разъярённая армия короля-отца: не забывай, что в прежние годы мы нашли приют в Гленко и в Арднамухане... Пусть и умрёшь, как умирали предки, прежде чем болезни, увечья или старость подточат бодрость духа твоего! Беги... беги! Живи на воле... Будь признателен за ласку... Мсти обидчику твоего племени»¹.

Здесь выразилась подлинно народная клановая мудрость первобытного человека, не заражённого цинизмом и двоедушием современности.

Достоинства шотландцев, воспетые В. Скоттом, отмечал Энгельс в письме к Бернштейну. Правда, достоинства людей патриархального общества были задолго до В. Скотта оценены просветителями. Мнения Монтескье, Вольтера и тем более Руссо сходились в том, что нравственный идеал следует искать в прошлом, и они преуве-

личивали достоинства и идеализировали первобытные черты, подлинным знанием которых они не всегда обладали.

В. Скотт понимал, что черты известного морального превосходства людей клана были лишь одной стороной патриархальных устоев. Он видел вместе с тем ограниченность исторических связей в пределах патриархального общества. Словами одного из героев В. Скотт говорит о горцах: «Разнообразие вносит в них только узколюбый, но пламенный патриотизм, образуя как бы самый внешний из кольцевых бастионов, за которым шотландец окопался против всех стен филантропической щедрости. Взберитесь на этот вал, и вы увидите за ним новый, ещё более неприступный барьер — любовь к своей провинции, своей деревне или, вернее, к своему клану; опрокиньте эту вторую преграду и вас встречает третья — его привязанность к своей семье: к отцу, матери, к сыновьям и дочерям, к дядям, тёткам и всем родичам до девятого колена. Этими пределами и ограничивается социальное чувство шотландца»².

В. Скотт видел причины, лишившие клан исторической сопротивляемости, в слабости социальных связей и в низком уровне хозяйства.

Начиная с 1819 г. В. Скотт создал группу романов из истории средневековой Европы. Первый из них, «Айвенго» (1819), посвящён эпохе крестовых походов. К этой же эпохе относятся романы «Ричард Львиное Сердце», «Граф Роберт Парижский», «Обручённые». Европа периода образования феодальной монархии находит отражение в «Квентине Дорварде» и «Агнне Гейерштейн».

В «Кенильворте», «Аббате», «Ламмермурской невесте» изображена Англия времён торжества абсолютизма. Последняя группа романов посвящена английской буржуазной революции. Сюда относятся «Вудсток», «Пуритане», «Легенда о Монтрозе». Выбор исторической тематики показывает, что В. Скотта привлекали в прошлом не пикантные и занимательные истории, а события, имеющие всемирноисторическое значение, поворотные и узловые моменты человеческой истории. И проблематика, которую поставил В. Скотт в своих романах, стала центральной в английской и европейской исторической науке. Лучшие работы западноевропейских историков: Тьерри, Гизо, Мишле, Гиллама, Кембля, Маколея, Фримена, Гардинера — посвящены проблеме норманнского завоевания в Англии, английской буржуазной революции и др.

Такие романы В. Скотта, как «Айвенго», «Квентин Дорвард», «Пуритане», «Вудсток», по-новому осветили средневековье и явились, несомненно, поворотным моментом в исторической науке.

Так, в «Айвенго» в совершенно новом свете предстала история возникновения английской национальности. «Никто не станет оспаривать, что творец «Веверлея» был первым, который вывел на сцену разнородные племена, постепенное слияние которых

¹ Скотт В. «Легенда о Монтрозе», стр. 97.

² Скотт В. «Роб-Рой», стр. 112.

в течение времени образовало великие нации Европы. И вследствие этого разложения показан нам совершенно новый мир причин и побуждений, обуславливавших в продолжение веков борьбу основных частей этих великих масс и породивших постепенно политические и нравственные явления западной цивилизации... Спрашиваем: кто прежде В. Скотта говорил о саксонцах и норманнах во времена Ричарда Львиное Сердце? Как будто достаточно одного сражения, одной перемены династии, чтобы слить две враждебные нации тогда, когда дело шло об имуществе, о независимости, о жизни, о смерти»¹.

Можно умножить количество примеров, которые подтверждают умение В. Скотта самостоятельно анализировать и осмысливать историческое явление, схватить в нём самое существенное, чепреходящее.

Несомненно, общая концепция феодализма, данная в главе XII «Айвенго» и отчасти в «Истории Шотландии», не может считаться устаревшей и по сегодняшней день, как и характеристика исторической деятельности Людовика XI в «Квентине Дорварде» и др.

Конечно, жанр романа ограничивает историческую достоверность его произведений, поскольку в них большое место занимают домысел и воображение. Но в том-то и заключается глубочайший историзм В. Скотта, что определяющим моментом для него всегда остаётся история. «Художник может разрешить себе обрисовать чувства и страсти героев гораздо подробнее, чем в старинных хрониках, которым он подражает; но как бы далеко он тут ни зашёл, он не должен вводить ничего не соответствующего характеру эпохи; его рыцари, лорды, оруженосцы, йомеи могут быть изображены более подробно и живо, нежели в сухом и сжатом рассказе старинной иллюстрированной летописи, но характер и внешний облик эпохи должны оставаться неприкосновенными»².

В. Скотт создал исторического человека в противоположность метафизическому человеку XVIII столетия, когда и Магомет и Саладин в равной мере способны были произносить «энциклопедические» речи (Вольтер, Лессинг и др.).

Это относится не только к действительным историческим лицам, изображённым В. Скоттом в его романах, но в большинстве случаев и ко всему его человеческому миру вообще. Люди В. Скотта в своём внешнем и внутреннем облике выражают дух и нравы избранной им эпохи: «Художник должен изображать людей в костюмах и позах, свойственных времени»³. Историческим шедевром являются образы Людовика XI, Елизаветы, Бурлея, Мак-Ивора, Роб-Роя и др. Так, в Роб-Рое нет ни единой черты, которая не находила бы объяснения в богатых исторических

связях этого человека, в его родстве с одним из древних и почтенных кланов Шотландии.

«Несколько качеств было у Роб-Роя, позволивших ему обратить в преимущество избранную для себя роль. Среди них самым замечательным было его происхождение из клана Мак-Грегоров и родственная связь с этим кланом, столь прославленным своими несчастьями и неукротимостью духа, заставлявшей его отстаивать себя, как единый клан, целостный и сплочённый, невзирая на самые суровые законы, с неслыханной жестокостью применявшиеся против тех, кто носил это запретное имя»⁴.

«В. Скотт,— писал Белинский,— потому так увлекателен, истинен и верен в отношении к исторической истине, что выражает дух избранной им эпохи и не гоняется за подробностями, и что посему ему никакого труда не составляет соблюдать мелочную верность в подробностях».

В. Скотт стремился к тому, чтобы ничто не нарушало целостной картины времени. «Антикварные детали,— говорил он,— придают ландшафту специфические черты... феодальный замок должен возвышаться во всём своём величии... Местность, которую избрал художник для изображения, должна быть передана со всеми своими особенностями, с возвышающимися утёсами или со стремительным падением водопада и т. д.»⁵.

В. Скотт придавал огромное значение воспроизведению материальной культуры той или иной эпохи. Домашняя утварь, своды тысячелетнего замка, развалины древних аббатств, застольный кубок феодального владыки, убогая одежда смиренного пилигрима, тяжёлые латы крестоносца, картины Дюрера отнюдь не являются простыми живописными подробностями; они выражают временное и национальное своеобразие прошлого. Нередко такие детали освещают систему исторических взаимоотношений и способствуют проникновению в сокровенный смысл исторических событий. Шедевром исторической детали является медное кольцо, наглухо запаянное на шее Гурта, с надписью: «Гурт, сын Беовульфа, прирощённый раб Седрика саксонского». Этот маленький медный предмет отражает всё — время, страну, характер социальных отношений.

И можно сказать, что вся художественная организация романов В. Скотта соответствует действительным историческим пропорциям и содержит огромный познавательный смысл. Это отличает романы В. Скотта от романов Виньи, Гюго и др., которые считали «правду моральную выше правды исторической»⁶. Исторические романы В. Скотта явились огромным вкладом не только в художественную, но и в историческую литературу, тем более если учесть неразработанность методов собственно

¹ Луниин М. Указ. соч. стр. 15—16.

² W. Scott. Ivanhoe. Edinburg, p. XIV, v. 1—2. 1863.

³ Ibidem.

⁴ Скотт В. «Роб-Рой», стр. 440.

⁵ W. Scott. Ivanhoe. Edinburg, p. XIV, v. 1—2. 1863.

⁶ Hugot. Oeuvres. T: I, p. 568. Bruxelles. 1842.

исторического исследования в пору, современную В. Скотту. Этим объясняется большее влияние В. Скотта на Тьерри, Гизо и др.

В. Скотта можно отнести к той плеяде английских историков начала XIX столетия, о которых писал Энгельс Штаркенбургу 25 января 1894 г.: «Если материалистическое понимание истории открыл Маркс,

то Тьерри, Мигье, Гизо и все английские историки до 1850 г. доказывают, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие должно было быть сделано»¹.

¹ К. Маркс. Избр. произведения. Т. I, стр. 358—359. Л. 1940.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА У ДРЕВНИХ РИМЛЯН*

Проф. Моск. ун-та А. Мишулин

Процедура объявления войны

В столкновениях Рима с италийскими общинами, с заморскими странами, а впоследствии в войнах Рима с Карфагеном сложились определённые формы взаимоотношений между воюющими странами. Параллельно шло развитие и оформление права войны и мира, как оно понималось древними римлянами: фециальное (*jus fetiale*) и общенародное (*jus gentile*) право древнего Рима.

Одно из важных положений старого фециального права — будто римляне не предпринимали никогда никакой войны, кроме законной и справедливой. Римская формула гласит: «*Bellum nullum nisi justum*» («Нет войны, кроме законной») ¹. Для нас представляет большой интерес римское понимание «законной» войны. К сожалению, в римском праве остаётся открытым вопрос, какую войну считать законной и какое может быть понимание «*justum*» в применении к войне. Однако толкование этого вопроса по отдельным, конкретным поводам не идёт далее попытки всякую войну, какую только вёл Рим, превратить в законную. По мнению бельгийца Лорана², занимавшегося международным правом греков и римлян, всякая война у римлян считалась законной, если были предварительно выполнены соответствующие религиозные обряды. Следовательно, вопрос о законности и незаконности войны, как полагает Лоран, не решается определением, кто первым напал на страну, не собирающуюся воевать, и каково было это нападение — вероломно или нет. Вопрос заключался, согласно фециальному праву римлян, в том, что было до начала войны, как она была подготовлена процессуально, выполнены ли были все формаль-

ные религиозные обряды, произнесены ли магические формулы. Если фециал произносил священную формулу перед объявлением войны, то война считалась у римлян справедливой и законной.

Таково мнение Лорана. Но оно требует существенных поправок. У Цицерона³ упоминается о различных формулах, касающихся подготовки или объявления войны. Говорится и о том, что «обиды», нанесённые римскому народу, обсуждали и взвешивали фециалы⁴. Это позволяет утверждать, что понятие правомерной войны предполагает не только соблюдение известных религиозных обрядов, но и наличие каких-то законных поводов или мотивов, при рассмотрении которых фециалы являлись судьями, и при этом на их решения не представлялось апелляции. Однако, по мнению Мартенса, всё это было «лишь пустой обрядностью»⁵. Римляне выработали понятие «публичного» врага, которое соответствовало понятию «законного» врага современного права. По словам Помпония⁶, «на-

³ Cicero «*De officiis*», I, II; «*De legibus*», II, 9.

⁴ Цицерон приводит следующую формулу: «*Belli oratores Fetiales judicesque sunt*». «*De legibus*», II, 9.

⁵ Ф. Мартенс в своём известном «Современном международном праве цивилизованных народов» пишет по этому поводу следующее: «Самое применение фециального права было лишь пустой обрядностью», ибо «источники не дают ни одного примера, чтобы фециалы когда-либо отказывались от исполнения предписаний, данных им сенатом или консулами; напротив, они всегда соглашались с ними» (Соч. Т. I, стр. 63. СПб. 1882).

⁶ Помпоний формулирует это в следующем законе: «*Hostes hi sunt qui nobis, aut quibus nos publice bellum decrevimus: caeteri aut latrones, aut praedones sunt*» (L. 118. Dig., 50, 16 de Verb. sign) Примерно такую же формулу даёт и другой римский юрист, Ульпиан. См. Dig. XLIX, 15, 24. Эти формулы любопытны с той точки зрения, что уже, по римскому праву, всякое тайное или вероломное нападение приравнивалось к бандитскому (*bellum latrocinium*).

* Обработка лекции из курса «Международные отношения и дипломатия древней Греции и Рима», прочитанного на факультете международных отношений МГУ.

¹ См. по этому вопросу формулы, предлагаемые Цицероном в его «*De officiis*», I, II.

² Laurent F. «*Études sur l'histoire de l'humanité*», 2-^{me} éd. Т. III, p. 12; см. также его «*Histoire du droit des gens et des relations internationales*». Bruxelles. 1862.

шими врагами являются те, кто нашему народу объявил войну. Остальные — или бандиты или пираты». Таким образом, военные действия считаются дозволенными лишь в отношении «публичного» врага, который сам признаёт законы войны, т. е. ведёт её открыто. «Публичными» врагами, с точки зрения римского права, не могут быть враги тайные, вероломно нападающие на римскую территорию, например бандиты или пираты. Не могут быть таковыми также обитатели восставшей провинции или варвары, не имеющие правительства или установленной власти, с которой можно было бы заключать договор или вступать в союз.

Таким образом, по римскому праву, только с «публичным» врагом можно вести такую войну, которая имеет свои законы и обычи¹. Когда же приходится иметь дело с пиратами, разбойниками, тогда нет войны, и нет военного права, и международное право Рима здесь не формулирует никаких норм, ибо тут господствует лишь состояние самозащиты и необходимости. Здесь не требуется предписанных религией формальностей, здесь нет необходимости объявлять войну в установленном порядке; в борьбе с пиратами или разбойниками руководствуются только началами естественного права и насилие, по словам Ульпиана, отвечают только насилуем (*vim vi repellere*).

Правомерная, или законная, война, с точки зрения римского права, должна быть сначала объявлена, а потом уже начата². Однако, прежде чем начать враждебные действия, римляне посылали своих уполномоченных — обычно двоих или четырёх фециалов — требовать удовлетворения. Обычно миссия фециалов во главе с «отцом отцов» (*pater patratus*), прибывала за границу неприятельской земли. Здесь глава миссии произносил установленную формулу; возвышенным стилем он горячо излагал жалобы римского народа и в знак правоты своих требований призывал в свидетели богов.

«Услышь меня, Юпитер,—говорил «отец отцов»,—услышите меня, боги границ; да услышит меня и священный оракул права. Я — посланник римского народа и прибыл сюда в интересах права и справедливости. Да будет дана вера словам моим»³. По произнесении этой формулы «отец отцов» кратко излагал требования римского народа (*res repetere*) и, снова призвав в свидетели Юпитера, заканчивал своё обращение клятвой. Выслушав обвинение, неприятель мог немедленно или по прошествии известного срока дать удовлетворение или отказать в нём. Фециалы же, не ожидая окончательного ответа, возвращались

в Рим. Рим ожидал ответа в течение определённого времени — 33 дня. Но если этот срок истекал, а требования ещё не были удовлетворены, фециалы снова отправлялись на границу неприятельской земли и глава миссии произносил в этом случае следующую священную формулу: «Услышь, Юпитер, и ты, Юнона, услышь, Квирин, услышьте и вы, боги неба, земли и преисподней! Призываю вас в свидетели того, что этот народ отвечает отказом на наши справедливые требования. Об этих делах мы посоветуемся в нашей стране и решим, каким путём получить нам удовлетворение»⁴.

После второй миссии фециалы возвращались в Рим. Они докладывали сенату о результатах переговоров с неприятелем, указывали, что все требуемые обряды и формальности были выполнены, и затем заявляли, что если сенат и римский народ будут согласны, они объявят войну и эта война будет законной. Тогда сенат приступал к обсуждению вопроса на собраниях сената. Как это было у римлян при столкновении с латинянами, обсуждение вопроса — объявить войну или нет — проходило в следующей форме: председатель сената обращался к собранию с такой речью: «О каких делах уполномоченный народа римского квиритов просил уполномоченного народа древних латинян? Ни уполномоченный народа древних латинян, ни сам народ древних латинян ни в чём не оказал правосудия и не возвратил ничего из тех предметов, которых он у них законно требовал. А поэтому,—говорил в заключение председатель, обращаясь к тому из сенаторов, которого обыкновенно первого спрашивали о его мнении,—скажи: как, по-твоему, надлежит поступить?» На это он получал следующий ответ: «Надлежит искать удовлетворения открыто и честно войною. Таково моё мнение»⁵. Затем председатель обращался поимённо к каждому из сенаторов и спрашивал его мнение. Подача голосов была открытая. Опрошенный сенатор вставал и высказывал своё мнение. Вотировавшие «за» шли на одну сторону, а вотировавшие «против» — на другую.

Но решением сената дело не ограничивалось. Война требует жертв от народа, она подвергает опасностям народ, личность и имущество каждого гражданина. Поэтому на объявление войны испрашивалось и согласие народа. Об этом имеется положительное указание у Тита Ливия, относящееся к периоду войны римлян с вейентинцами. Начиная с 328 г. было немало примеров, иллюстрирующих участие народа (свободных граждан — квиритов) в реше-

¹ Сисеро «De officiis», III, 29; см. также ранее указанное I, II.

² О взаимоотношении войны и права см. у Александренко. «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП) за 1895 г., февраль, стр. 316—322; у Нетушила «Римские древности». Вып. 2-й, стр. 281; также «История дипломатии» под ред. акад. В. П. Потёмкина, стр. 58—59.

³ T. Liv., I, 32—33.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem. О всей этой процедуре разрешения вопроса о войне или мире см. работу Weiss A. «Le droit fetial et les fetiaux à Rome». Paris. 1883, также работу Александренко В. ЖМНП за 1895 г., февраль, стр. 318—319.

нии вопроса войны и мира¹. Народ выражал своё согласие в такой же форме, в какой он вотировал законопроекты. Решение народа было обязательно для должностных лиц и сената, и на него не допускалась апелляция. Сенат обыкновенно вотировал предварительно, но на практике бывали случаи, когда война объявлялась без согласования с сенатом (*senatu ante non consulto*)². В промежуток между заседанием сената и решением народа жрецы и консулы совершали жертвоприношения, возносили молитвы богам о том, чтобы задуманное дело окончилось благополучно. После того, как народ утверждал решение сената объявить войну, снова совершали жертвоприношения богам, дабы они даровали счастливый исход войны.

И когда все указанные религиозные формальности и обряды были выполнены, фециалы в последний раз отправлялись на границу неприятельской земли и «отец отцов» объявлял войну: «Народ римский квиритов объявляет войну (такому-то народу. — А. М.) и сенат народа римского квиритов дал своё согласие и утверждение на ведение войны (с таким-то народом. — А. М.). На основании этого народ римский (такому-то народу. — А. М.) объявляет начало военных действий». При последних словах фециал бросал на неприятельскую землю окровавленное копье, что имело символическое значение начала войны.

Все описанные обряды носили священный характер и, согласно требованиям старого сакрального права, должны были строго соблюдаться. Время и обстоятельства ограничивали применение этого правила, и со времени второй Пунической войны, когда религия потеряла прежнее значение, строгое исполнение прежних формальностей становится всё более редким³. Известно, что в конце республиканского периода не только фециалы, но и сенат потеряли своё значение. Кассий и Лукулл объявляли войны и заключали мир без согласия сената. Но и старое фециальное право допускало отступления от правил при ведении оборонительной войны и при междоусобной войне.

Выше мы уже говорили, что порядок объявления войны был связан с рядом религиозных обрядов и формальностей, неуклон-

ное выполнение которых обуславливало благосклонное или милостивое отношение богов к римлянам. Война предпринималась только с соизволения богов, при их ближайшем участии, а иногда и при их непосредственной помощи. Римляне думали, что сами боги заинтересованы в существовании Рима и что они не допустят, чтобы враг одержал над Римом победу. Поэтому и во время войны религиозные обряды продолжали играть важную роль. Армия выступала в поход лишь после того, как полководец совершал жертвоприношение. Войска начинали сражение не прежде, как узнав от жреца, гадавшего по внутренностям животных, о милостивом расположении богов к римлянам. Римляне предполагали участие в ведении войны и враждебных им богов неприятеля. Поэтому объектом их враждебных действий являлись не только неприятельские силы, но и всё, что находилось на неприятельской земле и что было дорого неприятелю. Война велась не только с неприятелем, но и с его богами. Она являлась как бы судом божьим. Победитель считался исполнителем воли богов. Побеждённый же приравнивался к преступнику.

«Во время мира, — говорит Тацит, — к каждому относятся согласно поступкам и заслугам. Но когда возгорается война, невинный погибает вместе с преступником». Действительно, от воли победителя зависело даровать ли жизнь побеждённым или превратить всё население, включая женщин и детей, в рабов, что практиковалось чаще. Иногда населению даровали пощаду, но эти примеры великодушия, восхваляемые философами и историками, не смягчают жестокого в общем характера войны в условиях древнего мира. Для победителя нет ничего священного на неприятельской земле. Боги неприятеля — для победителя не боги, и он может ниспровергнуть их статуи и разрушить их храмы. Этот обычай в рабовладельческом обществе древности был отображён в юридических формулах римских юристов: Помпония, Ульпиана и Гая. Победитель мог нарушить и покой мёртвых: сокрушить их гробницы и даже разобрать камни, из коих они сложены. Таким образом, война приносит несчастье и живым и мёртвым, и смертным и бессмертным. Побеждённые зачастую предпочитали искать спасения в бегстве, чем сдаваться на милость победителя. Древние, спасая себя и свою семью, нередко уносили с собой и своих богов. Когда же римляне вели войну с врагом, у которого был особенно чтимый покровитель среди богов, они, руководимые страхом или расчётом, шли на компромисс: возносили молитвы этому богу и просили его перейти к ним, на сторону победителей. Так например Камилл перед взятием города Веи возносил неприятельским богам следующую молитву: «Аполлон Пифийский! Благодаря твоему руководству, вдохновению твоего божества я разрушу Веи. Я обещаю тебе десятую часть добычи. И ты, царственная Юнона, и до сих пор обитающая в Веях, заклинаю тебя: последуй за победителями в их город, который будет

¹ См. T. Liv., VI, 22; VII, 19; XXI, 17, а также T. Liv., XXIX, 12; XXXIII, 25.

² Подобные случаи см. у T. Liv., XLV, 21.

³ Так со времён войны с Пирром фециалы исполняли обряд объявления войны, т. е. бросания копья уже не на границе, а в самом Риме, у «колонны войны» (*columna bellica*), которая с этой целью и была сооружена за чертой города Рима, у храма Белонны. См. Нетушил «Очерк римских государственных древностей». Вып. 2-й, стр. 556; вып. 3-й, стр. 764. По такому именно обряду была начата война с Клеопатрой, как сообщает об этом Dio Cassius, 50, 4. Применение обряда в императорскую эпоху см. также Dio Cassius, 71, 33.

твоям. Они воздвигнут тебе храм, достойный твоего божества»¹. Война приносила и имущественное разорение, ибо для победителя она являлась способом приобретения имущества, при этом безразлично, кому оно принадлежало — частным лицам, государству или духовным корпорациям. Римляне захватывали вещи, а людей, как зависимых, так и свободных, обращали в рабство»².

Таким образом, право войны, поскольку оно явилось особой областью международного права у римлян, превращалось в легализацию всякого военного нападения на другую страну. Для этого следовало только выполнить соответствующие обряды³. Именно с этой точки зрения римляне считали, что нег войны, кроме справедливой. Нужно видеть римское содержание этой «справедливости», чтобы не сделать ошибки в рассмотрении того, что собою представляла *bellum justum* («справедливая война»). В этом содержании заключалась специфика фециального права, как права рабовладельческого Рима.

Заключение мира, договоры

Выше мы уже касались вопроса о том, как регулировались мирные отношения между воевавшими сторонами. Для этой цели существовали различные формы мирных отношений, временных или постоянных, в зависимости от того, каким договором они формулировались⁴.

Заключая договоры, Рим преследовал различные цели: прекращение военных действий, установление мирных сношений, а также обеспечение покровительства над отечественными подданными в иностранном государстве. Такие договоры заключали

как во время войны, так и во время мира. Договоры, заключаемые во время войны, были двух видов: прелиминарные (*indutiae* — перемирие) и окончательные (*foedus* — мирный договор, союз). В первом случае договор устанавливал перемирие, но не прекращал войны (*bellum manet, pugna cessat*). Перемирие могло быть установлено и на весьма продолжительный срок, и, как говорит Тит Ливий, были договоры подобного рода, которые заключались на 100 лет⁵. Договор, заключённый на более или менее продолжительное время, назывался *foedus*⁶. Другой вид договоров заключал командующий войсками собственной властью (*proposio*). Договоры этого рода Рим признавал обязательными лишь в том случае, если они были ратифицированы, т. е. получали верховную санкцию римского народа. К этой категории относились и договоры о мире и дружбе. Эти договоры могли устанавливать протекторат, т. е. покровительство и защиту римского народа, и распространять на другой народ право «публичного покровительства» (*hospitium publicum*)⁷. Глава или представитель такого народа по прибытии в Рим пользовался известными привилегиями: ему предоставляли бесплатную квартиру, стол и подносили подарки.

Кроме этих видов договора существовал вид договора, который являлся, в сущности, договором о союзе. Он напоминает договор о взаимопомощи. Это был *foedus sociale*. Он устанавливал между двумя народами не только мир и дружбу, но и обязанность активно помогать в борьбе против общего врага. На это указывает основная формула этого рода договоров: «Союзники римского народа имеют с ним общих врагов» («*Ut eosdem hostes et amicos habeant, quos populus Romanus*»). Такие договоры налагали известные обязанности на союзников и чаще всего заключались после войны. Они регулировали отношения римского народа к побеждённому, но ещё не покорённому врагу. Но, по существу, это были не двусторонние соглашения, принятые на началах равенства, а скорее законы и веления, которые Рим диктовал другим народам⁸.

¹ Т Liv., V. 21.

² Сотни тысяч порабождённого населения, огромное количество ценностей в слитках золота и серебра, а также в украшениях, несомненно, изобличают войны Рима как предприятия рабовладельческие по преимуществу. Эмилий Павел в Эпире поработил 150 тыс. населения. Марий после войны с кимврами и тевтонами поработил 90 тыс. тевтонов и 60 тыс. кимвров. Цезарь поработил до миллиона галлов, из которых 53 тыс. он продал сразу, остальных раздавал солдатам.

³ Как было видно выше, подобную точку зрения развивает и известный знаток международного права Ф. Мартенс. См. указ. работу, стр. 63—65.

⁴ О международных договорах Рима существует большая литература. Мы обращаем внимание на И. В. Нетушил «Очерк римских государственных древностей». Вып. 2-й, стр. 281—285; Мартенс Ф. «Современное международное право». Т. I, стр. 55, § 13; Александренко В. ЖМНП, февраль 1895 г., стр. 301—322; «История дипломатии» под ред. акад. В. П. Потёмкина, стр. 87—88.

⁵ «*Indutiae*» (перемирие) на 2 года — Т. Liv., X, 5, 12; на 8 лет — Т. Liv., 4, 30, 1; на 30 лет — Т. Liv., IX, 37, 12; на 40 лет — Т. Liv., VII, 22, 5; на 100 лет — Т. Liv., I, 14 (с вейентинцами); Т. Liv., VII, 20 (с церетами).

⁶ О договорах этого рода см. у Т. Liv., XII, 1, 24 (*passim*).

⁷ К сожалению, до нас не дошли формы договоров этого рода. Этому вопросу посвящена специальная работа Williams «*Droit public romain*», p. 425, 3-me éd.

⁸ Такой договор заключался сенатом. См. у Т. Liv., VIII, 18. Крайнее выражение этот вид договоров нашёл в форме «*deditio*» — «диктовки» — римского полководца своих условий побеждённому врагу. См. об этом Нетушил. Указ. соч., вып. 2-й, стр. 284.

Был ещё один вид договоров, более близкий к равноправным (*foedera aequa*), которые заключал Рим с чужими народами. Это трактаты о торговле и мореплавании. Но, к сожалению, о них известно очень мало. На один из таких трактатов, который заключил Рим с Карфагеном при первых консулах, обратил внимание Лоран. По его мнению, этот договор разграничивал сферы влияния двух держав. Карфаген желал господствовать на море, а Рим в то время ограничивался распространением своего владычества в Италии. По предположениям, этот договор относится к 509 г. до нашей эры. К этого рода договорам можно отнести и договор с Карфагеном от 348 г.¹ или договор с Лациумом от 493 г. до нашей эры. После второй Пунической войны *foedera aequa* всё реже встречаются в римской практике. При заключении договоров, перемирия рабовладельческий Рим исходил, по существу, из исключительного права превосходства по отношению к другим народам, а не из равенства сторон.

Международные договоры являются актами государственной важности. Они устанавливают права, которые принадлежат государству, и налагают обязанности на народ. Поэтому право заключать договоры принадлежит органам верховной власти или её исполнителям. В Риме суверенитет принадлежал народу. От имени римского народа говорили и действовали, вели дипломатические переговоры и заключали договоры римские послы, сенаторы и командующие войсками. Народу в принципе принадлежало право заключать договоры, но это право народ мог осуществлять или непосредственно (в народных собраниях — комициях) или косвенно (через послов, особых лиц или учреждения).

В комициях римский народ осуществлял свои политические права. Постепенно комиции стали ведать и делами внешних сношений, иногда даже в ущерб компетенции сената. Ливий приводит немало примеров, иллюстрирующих участие народа в заключении договоров². Но особенно достойно внимания заключение трактата об окончании второй Пунической войны. После поражения при Заме, карфагеняне отправили послов в Рим просить мира. Послы просили сенат положить конец войне. Сенат был согласен заключить мир и издать по этому поводу соответствующий указ, но консул Кней Лентулл, командовавший римским флотом, воспротивился решению сената и настаивал на продолжении войны. «Тогда, — говорит Ливий, — народные трибуны Ацилий и Мичудий апеллировали к народу и предложили ему решить, согласен ли он на то, чтобы с карфагенянами по решению сената заключить мир, и в таком

случае кого следует уполномочить для заключения мирного договора и эвакуации войск из Африки»³. Все трибунные комиции вотировали в пользу мира. Публию Сципиону было поручено заключить мир. Ему же было предписано вывести войска из Африки.

Этот пример даёт основания сделать следующие выводы. Во-первых, в заключении договоров участвовали и римский народ и сенат. Во-вторых, инициатива заключения договора могла исходить от отдельных лиц и учреждений, но по праву принадлежала народу. Из вышеприведённого примера мы видим, что решение сената не было обязательным для народа, тогда как решению народа сенат обязан был подчиниться. В-третьих, если возникали разногласия, римскому народу принадлежало право сказать своё последнее слово. В-четвёртых, римский народ ратифицировал заключённые договоры. В-пятых, он решал вопросы, связанные с исполнением договоров. Таким образом, рабовладельческий класс Рима и его государственные учреждения старались при объявлении войны и заключении мира претивопоставить врагу народ и государство как нечто целое. Риму это удавалось. Однако привлечение комиций к решению вопросов войны и мира не вносило принципиальных изменений ни в характер переговоров, ни в сущность договоров, ни в подход Рима к народам. Рабовладельческий характер взаимоотношений Рима с различными народами сохранялся и тогда, когда от имени Рима выступал не сенат, а сам народ.

Теперь обратимся к выяснению роли сената в заключении договоров⁴. Известный специалист по римскому праву Вилемс заметил: «Право объявлять войну, заключать мир и союзы с другими народами принадлежало римскому народу, но ведение предварительных переговоров по этому поводу в республиканский период составляло одну из основных функций сената».

Обычно порядок заключения мира был таков. Неприятель, испытавший перемену военного счастья или потерпевший поражение, обращался к римскому полководцу с просьбой о мире. Тогда командующий римскими войсками начинал вести переговоры и одновременно приостанавливал военные действия (*sponsio* — давал ручательство, перемирие). Названное лицо (во времена республики) не было компетентно заключать окончательный мир с неприятелем, и условия последнего необходимо было сообщить в Рим и довести до сведения сената и римского народа. С этой целью непри-

² См., например, T. Liv., XXIX, 12; XXXIII, 25; XXX, 43—45.

³ T. Liv., XXX, 43.

¹ О договоре 509 г., равно как и от 348 г., мы узнаём из III книги Полибия. См. Polyb., III, 22, 1—13 (509 г.); III, 24, 1 (348 г.). О достоверности договора от 509 г. вопрос остаётся в науке открытым.

⁴ О роли сенатского утверждения при заключении договоров см. T. Liv. XXVIII, 18, 3; XXXII, 36, 7. О роли сенатского утверждения в условиях мирного времени см. T. Liv., V, 50; VIII, 19, 1; VII, 31, 2; XLIV, 14, 1; также Valer. Maxim. III, 3, 10; T. Liv., XLV, 3; XXX, 17.

тель посылал в Рим посольство, которое нередко возглавлял старейшина, избранный чаще всего римским военачальником и называвшийся «первым легатом»¹. Иногда наряду с делегатом от неприятеля римский полководец посылал с посольством и своего особого делегата для более определённого формулирования своих требований.

Прибыв в Рим, обе стороны излагали перед сенатом свои предложения и просьбу быть судьёй. Сенат мог признать предложения неприятельских послов не заслуживающими внимания и отклонить их, даже не мотивируя своего решения. Перед сражением при Заме карфагеняне делали попытку заключить мир со Сципионом и даже отправили в Рим посольство. Сенат выслушал послов, но не дал им определённого ответа. Впоследствии, когда сенат принял предложение заключить мир, он приступил к обсуждению проекта договора, т. е. отдельных его статей или условий. Иногда сенат довольствовался тем, что устанавливал общие основания возможного соглашения с неприятелем и давал командующему войсками необходимые полномочия и инструкции. Тогда полководец заключал мир в форме *deditio*, т. е. победитель диктовал побеждённой стороне условия мира. Освящение договора фециалы производили заклинанием жертвенной свиньи каменным орудием (*foedus ferire* или *icere*).

Сенат мог назначить из своей среды комиссию, которая отправлялась на театр военных действий и там принимала участие в заключении мира. Эта комиссия обычно состояла из 10 сенаторов², она возвещала полководцу волю сената и представляла последний в переговорах и сношениях с неприятелем. Таким образом, сенату принадлежала значительная доля участия в заключении договоров, но его голос имел совещательный характер; решающий голос в эпоху республики имели представительные учреждения народа. Сенат следил также и за исполнением договоров. В случае неисполнения договора или нарушения его цари и народы подавали в сенат жалобы. Цицерон говорил о роли сената: «Пока Римская империя поддерживала свою власть благодеяниями, а не неправдами, войны велись за союзников или же за власть над народами, и они оканчивались милостью или мероприятиями суровой необходимости. Сенат сделался, таким образом, прибежищем царей, народов и племён. Рим заслужил тогда имя скорее патрона,

¹ О посылке послов в Рим с мирными предложениями указывается у Т. Liv., VIII, 1, 7; также XXXVII, 1, 1.

² О посылке сенатом «комиссии десяти» для совместного с римским полководцем на фронте разрешения вопроса о мире см. ряд мест у Т. Liv., XXXVII, 56, 1; XLV, 17, 7; XLV, 18, 8. Только спорные пункты выносились на усмотрение сената — XXXVIII, 39, 17; XXXIII, 35, 7. Реже случался, когда спорные договоры целиком передавались на усмотрение сената — XXXVII, 45.

чем повелителя мира. Но уже давно и эти обычаи и этот порядок стали выходить из употребления и почти исчезли совсем после победы Суллы»³. Цицерон тут, очевидно, намекает на то, что со времени диктатуры Суллы сенат, комиции и другие представительные учреждения народа постепенно отходят на второй план в решении вопросов войны, заключения мира и управления государством.

Выше мы касались компетенции народного собрания и сената в процедуре заключения мира и договоров между Римом и различными народами. Остаётся установить степень компетенции определённых должностных лиц при заключении различных договоров. В заключении договоров, кроме народа и сената, могли участвовать отдельные лица, имеющие «империум», т. е. пользующиеся высшей властью и полномочиями народа. Этими лицами были цари, консулы, диктаторы, командующие войсками и впоследствии императоры. Но права этих лиц (кроме императоров) в заключении договоров были ограничены властью сената и верховенством римского народа. Мог быть такой случай на практике, когда договор заключал полководец, имевший на это право, но этот договор оказывался невыгодным римскому народу. Спрашивается: мог ли такой договор иметь силу? Кроме того договор мог быть заключён и при условиях, оскорбляющих честь и достоинство римского народа. Спрашивается: а как быть в таких случаях? Отказаться в ратификации договора — что является обычным исходом в новейшей практике заключения международных договоров — не всегда представлялось удобным, да и возможным: ведь при заключении договоров совершались различные обряды, т. е. фактически ратификация. И римляне нашли искусный выход из этого затруднения. «Вы правы, — говорили они другим народам, заключившим мир (который римляне не хотели или ратифицировать или исполнять. — А. М.), — вы действительно терпите ущерб и ваши интересы страдают от этого. Но наш полководец заключил невыгодный мир. Он действовал не в интересах своего народа и поэтому превысил свои полномочия, и мы вам его выдаём»⁴.

Эта выдача совершалась по определению сената и при участии фециалов. Так, консул Постумий, заключивший мир в 321 г., после кавдинского поражения, был выдан самнитам; Манцин, заключивший мир в 136 г. с нумантияцами, также был выдан врагу. Выдача происходила с божественной санкции, при участии фециалов. Римский полководец, потерпевший поражение, находил единственный выход в заключении мира. Но затем, выиграв время, Рим вероломно нарушал заключённый им мир. Фециальное право прикрывало подобные акты отмеченной выше процедурой. Рим пытался прикрыть покровом справедливости явно нечестные, несправедливые и даже ковар-

³ Cicero «De officiis», II, 8.

⁴ См. Т. Liv., IX, 9—10.

ные акты. Как правильно указывает Лоран, для того чтобы впредь избежать ответственности за заключение договоров, которые мог не одобрить римский народ, были созданы особые прелиминарные соглашения. Они имели силу договора, но вступали в действие лишь после того, как сенат или народ их ратифицировал.

К концу республиканского периода власть народа и сената уменьшается, а власть отдельных полководцев возрастает. Такие военачальники, как Кассий и Лукулл, объявляли войну и заключали мир без согласия сената. Военный деспотизм прокладывал дорогу деспотизму политическому. Во времена империи функции комиций и сената перешли к императору. Он представлял народ во внешних сношениях, имел право вступать в союзы и заключать договоры. Он мог или лично вести переговоры или предоставить это своим полководцам или сенату. Когда командующий войсками или другое должностное лицо вели переговоры или вступали в соглашение с правителями отдельных народов, то они не имели силы без санкции императора. Император же мог заключить договоры по собственной инициативе с любой страной. Для того чтобы международный договор имел силу и вступил в действие, необходимо было, чтобы его заключали компетентные органы, чтобы при этом соблюдались соответствующие религиозные обряды. Вначале форме договора не придавали значения — письменная она была или словесная, — важно было, чтобы заключение договора являлось актом религиозным и сопровождалось жертвоприношением. Столь же строго соблюдались принятое впоследствии вырезывание договоров на медных табличках и хранение их в Капитолии, в особом храме (*aedes fidei populi Romani*).

Посольское право в войне и мире

При заключении договоров большое значение имели приём и посылка послов, или так называемое посольское право (*jus legationis*). Остановимся на этом вопросе, поскольку он помогает глубже усвоить международные отношения Рима в сфере заключения договоров, перемирий, в связи с деятельностью послов в условиях войны или мира. Всё, что имело отношение к посольствам, прибывавшим в Рим, было подведомственно сенату¹. От сената зависело прежде всего, согласен ли принять данных послов и выслушать их предложения или нет. Если послы были от такого народа, с которым римляне не состояли ни в союзе, ни в дружбе, то сенат нередко отказывался принять их, а иногда требовал, чтобы они немедленно покинули город, а в течение определённого срока — и Италию. Иног-

да к таким послам прикомандировывали особых провожатых для предупреждения возможных злоупотреблений со стороны этих непризнанных послов². Непринятие послов от союзного или дружественного народа равнялось нарушению дружбы и объявлению их врагами³. Различие между друзьями и врагами заключалось ещё и в том, что послы первых допускались в самый город, а послы вторых должны были останавливаться вне городских стен⁴.

Когда вопрос о принятии послов решался положительно, они становились гостями римского народа, причём попечение о них входило в обязанности квесторов, которые руководствовались указаниями сената. Послам и их свите отводилась бесплатная квартира в казённом помещении на Марсовом поле или в нанятом для этой цели доме с необходимой обстановкой. Кроме того им полагалось казённое содержание на всё время их пребывания в Риме, а иногда и вообще в Италии, причём обыкновенно соответствующая сумма выдавалась им наличными деньгами. Кроме этого послам нередко подносили подарки. Во время народных празднеств послы занимали почётное место, поблизости к сенаторам. В назначенный для приёма день представляющий магистрат приглашал послов в сенат, причём сенаторские заседания устраивались вне городских стен, в храмах Аполлона или Беллоны на Марсовом поле, с тем чтобы в них могли принимать участие лица, не имеющие доступа в город. По обычаю, ради торжественности председательствовал наивысший римский магистрат, т. е. консул. Если же отсутствовали консулы текущего года, приём откладывался до их возвращения, а позднее — часто до вступления в должность новых консулов. Впоследствии установился обычай принимать послов вообще только в начале каждого года, до отъезда новых консулов. Этот обычай соблюдался также и после Суллы⁵.

О форме приёма послов мы знаем следующее: послов вводили в сенат; они стояли в проходе между местами сенаторов и консулов и стоя делали свои заявления. Сенаторам могли предлагать вопросы по своему усмотрению. Иностранные послы говорили на своём родном языке, их речи тут же переводчики переводили на латынь. Со времени Суллы переговоры с греками велись без переводчиков, ибо предполагалось, что знатные сенаторы были достаточно образованы и безупречно владели греческим языком. По представлении объяснений или по формулированию своих просьб послы удалялись из курии, после чего председатель приступал к опросу мнений сенаторов по данному вопросу. После принятия сенатом решения послы уезжали. Часто обратный

¹ Компетенцию сената в посольском праве подчёркивает Полибий, VI, 13. Разработку вопроса о посольском праве Рима см. в названных работах Мартенса, Лорана, Нетушила, Александренко, в «Истории дипломатии» под ред. акад. В. П. Потёмкина.

² См. T. Liv., XLII, 36, 7.

³ См. T. Liv., XLV, 20; XLVI.

⁴ См. ряд мест у T. Liv., XXX, 21, 10; XXXIII, 24, 5; XLII, 36, 1; XLV, 22, 2.

⁵ См. Нетушил. Вып. 2-й, стр. 286 — 287.

проезд послов производился на казённый счёт; кроме того они получали рекомендательные письма к общинам и царям, дружественным Риму¹.

Важно отметить, что иностранные посольства сами по себе не входили в компетенцию комиций, за исключением только того случая, когда дело касалось прощения вероломных союзников, да и то только по воле сената. Дела, ради которых послы приезжали в Рим, решал исключительно сенат, и только уже выработанные сенатом договоры, смотря по обстоятельствам, предлагались на утверждение комиций. Выше уже было отмечено, что в конце республиканского периода комиции стали принимать участие и в посольских делах. Так, например, закон 166 г., запрещавший иностранным царям являться лично в Рим, был принят по требованию сената из-за одного определённого случая². В 94 г. законом Габиния послам было запрещено занимать в Риме деньги³. Таков же закон Габиния о приёме послов в течение февраля (при вступлении новых консулов в исполнение своих магистратских обязанностей)⁴.

Сенат не только принимал послов, но он и направлял своих представителей на правах послов в другие страны. Послов из лагеря мог отправлять полководец, а из Рима — только сенат. Эти послы назывались «ораторами» или «легатами», в редких случаях — «нунциями». Оратор — человек, обладающий даром слова, умеющий уговорить тех, с кем ему приходится иметь дело. Легат — лицо, снабжённое определёнными полномочиями, обязательными для него при ведении переговоров. Таким образом, легат был наиболее пригоден в том случае, когда Рим просто диктовал свои условия, между тем как оратор направлялся туда, где римлянам приходилось уговаривать, упрашивать противника. Отсюда понятно, почему с течением времени, с усилением завоевательной политики Рима, термин «легат» получил перевес над термином «оратор»⁵.

В древнее время для международных поручений, как мы уже говорили, использовались, повидимому, главным образом фециалы, но в республиканский период фециалы лишь следили за исполнением формальных обрядов религиозного характера, между тем как вели переговоры, а также и объявляли войну только через уполномоченных сенатом послов⁶. Процедура назначения сенатских послов была обычной для сенатских назначений. Но в сенате решался

¹ См. Нетуши л. Вып. 2-й, стр. 287.

² Закон был принят, чтобы не допустить въезда в Рим пергамского царя Евмена, которого Рим подобным отношением хотел унижить (дипломатическая акция эта описана у Полибия, XXX, 20). Вообще же были изъятия из этого закона. См. Нетуши л. Вып. 2-й, стр. 287.

³ См. Сисеро. Att. V. 21, 12.

⁴ См. Нетуши л. Вып. 2-й, стр. 287.

⁵ Там же, стр. 317.

⁶ См. T. Liv., IV. 58, I; XXXI, 8, 4. Более подробные данные см. у Нетушила.

лишь вопрос о том, следует ли отправлять послов и с какими полномочиями, а также, в каком количестве. Избрание лиц для данного поручения предоставлялось магистратам по их желанию или по жребию. Лишь изредка назначение лиц предопределялось решением сената. Ещё реже примеры, когда послы задерживались в Риме по желанию сената. С другой стороны, магистраты, находившиеся в Риме, не имели права отправлять послов без согласования с сенатом. Послы назначались, как правило, из числа сенаторов и только в исключительных случаях — из других граждан. Сенат мог переносить выборы послов на комиции. Таким путём были избраны послы для переговоров о мире в первой и второй Пунических войнах⁷.

Посольства могли состоять из любого количества лиц, по усмотрению сената, — от одного до пяти. Только посольства для ведения мирных переговоров и для устроения новых провинций состояли всегда из десяти членов (*Decem legati*). В посольствах, состоявших из нескольких лиц, главою считался главнейший из них по знатности и положению.

Исполнив сенатское поручение, послы докладывали сенату о результатах своей миссии. Посольское поручение являлось важной обязанностью, и поэтому магистрат мог принудить избранное лицо выполнить это поручение. Посольский труд был бесплатным. Оплачивались только расходы по путешествию.

В ранние времена республики римский сенат посылал своих послов в лагерь полководца только в исключительных случаях и каждый раз по особому поводу. Но после Пунических войн, т. е. со времени возникновения десятичленного посольства для ведения мирных переговоров и устроения новых провинций, послы стали прикомандировываться к полководцам и провинциальным правителям на всё время их магистратских полномочий. Сначала это было лишь экстренной мерой⁸ и производилось каждый раз по особым соображениям, причём на первых порах это имело характер настоящих сенатских посольств. С первой половины II столетия до н. э. такое прикомандирование послов стало обычным явлением, хотя одновременно менялся и характер посольского дела. Так как «постоянные» легаты назначались на всё время полномочий данного магистрата, то они получали общую инструкцию — содействовать магистрату «делом и словом»⁹. Таким образом, легаты становились не только ближайшими советниками магистрата, но также их помощниками как в управлении провинцией, так и в ведении войны, так что полководцы могли

⁷ См. Нетуши л., особенно примечание 7.

⁸ В связи с македонскими и испанскими делами, см. об этом у T. Liv., XXXII, 28, 12; также XXXIX, 38, 4.

⁹ Varro. I, 1, 5; Polyb., VI. 35, 4.

давать им даже чисто военные поручения (*ministri imperii*).

«Постоянные» легаты избирались также только из среды сенаторов, причём на первых порах не исключался и высший разряд консуляров. Не будучи магистратами, эти легаты считались ниже квесторов, что видно из того, что отсутствующего начальника обычно заменял квестор. Но если присутствовали сенаторы высших разрядов, то им отдавали предпочтение перед квестером. Легаты, не будучи магистратами, не могли действовать по собственной инициативе, вследствие чего положение легата противопоставляется магистратской «*potestas*» (власть). Легаты получали от своего начальника различные поручения: кроме того что они замещали магистратов, они были то начальниками флота, то начальниками зимних квартир, то возглавляли легионы, что было реже, и только с эпохи Цезаря.

Таким образом, к концу республиканского периода существовало два разряда легатов: послы, и в том числе «комиссия десяти легатов», и «постоянные» легаты — помощники полководцев и правителей провинций. Сходство между обоими разрядами этих послов заключалось в том, что они назначались из среды сенаторов. Различие же было не только в их функциях, но и в сроке их полномочий. В то время как срок полномочий послов не мог быть указан заранее, срок полномочий «постоянных» легатов совпадал со сроком службы магистрата.

Легаты при полководцах и правителях провинций получали вознаграждения и награды на тех же началах, как и высшие должностные лица провинциального управления. Послы, отправляемые в каждом случае и для отдельного поручения, подобно магистратам получали всё необходимое для дороги, в том числе перевозочные средства и квартиру по пути следования, но кроме того и особую сумму на расходы в пути. Сверх того они получали по золотому кольцу (этот обычай стносится к более отдалённым временам). Так как назначением государственных послов и содержанием их в пути ведал сенат, то он нередко разрешал членам сената путешествовать на правах послов, даже тогда, когда они отправлялись куда-нибудь по своим частным делам, причём цель путешествия должна была указываться заранее сенату¹.

Следует особо отметить, что личность посланников была неприкосновенна и что они находились под охраной богов и международного права, как об этом свидетельствуют римские историки, юристы и философы². По словам Тита Ливия, неприятельских послов, замеченных в неприязненных действиях, римляне считали неприкосновенными, согласно международному праву. Так смотрел на этот вопрос и известный

полководец Сципион. Когда ему сказали, что карфагеняне плохо обращались с римскими послами, он ответил, что не следует поступать так с послами карфагенян, ибо это было бы недостойно традиций римского народа³. Особого внимания заслуживают слова известного юриста Помпония о неприкосновенности послов: «Если бы кто-нибудь оскорбил действием неприятельского посла, то такое деяние признаётся нарушением международного права, ибо послы считаются неприкосновенными. Поэтому, если бы у нас находились послы от какого-либо народа, которому объявлена война, то установлено, что они остаются свободными согласно международному праву; всякий, кто оскорбил бы посла неприятельской страны, должен быть выдан неприятелю, от которого посол был принят. Такой ответ давал несколько раз Квинт Муций»⁴. Фециалы решали вопрос об оскорблении послов и определяли наказание. Они же ведали выдачей виновных оскорблённому государству и при этом совершали необходимые религиозные обряды.

Таковы в основных чертах институты международного римского права о войне и мире, мирных и торговых договорах, посольском праве, включавшем как приём иностранных послов, так и посылку послов от сената и римского народа в условиях мира и войны

Как видно из всего изложенного, объявление войны и заключение мира у древних римлян были подчинены известному комплексу правил, норм или регламенту, вошедшему в фециальное и общенародное право Рима в виде соответствующих международных обычаев.

Спрашивается: несли ли эти обычаи характер международного права или все эти установления имели большее значение для Рима, чем для других стран? До сих пор этот вопрос остаётся невыясненным. Различные точки зрения по этому вопросу возникли ещё во второй половине XIX в. и сейчас положены в основу новейших работ.

Так, ещё Уитон в «Истории развития международного права»⁵ игнорировал фециальное право как собрание международных институций и призывал лишь как право сакральное. Другую позицию занял Филлимор в «Комментариях международного права»⁶: он фециальное право рассматривал как международное публичное право.

В своей классической работе о международных отношениях в древности Лоран доказывает, что Рим не знал международного права и что все его институции, касавшиеся отношений с народами, были чужды идее международного права, поскольку последнее основано на идее равенства, на признании

¹ T. Liv., XXX, 25.

² Dig., I, VII, 18.

³ Ouyton «Histoire de progrès du droit des gens». T. I, p. 17.

⁴ «Commentary upon International Law», Vol. I, p. 18.

¹ См. Нетушил, стр. 323. Там же и указания на материал.

² Например Caesar «De bello Gall», III, 9; Corn. Nepot. Pelop., 5; T. Liv., XXX, 25. Tacit. Hist., III, 80.

одинаковых прав и обязанностей народов. И действительно, идея равенства и справедливости была чужда древним и грекам и римлянам. «В международных отношениях естественным порядком была война, — говорит Лоран, — и мир существовал лишь в силу договора»¹. Эта точка зрения сделалась весьма популярной, она нашла отражение и в нашей старой отечественной литературе². Проф. Таубе в «Истории зарождения современного международного права» развивает ту же мысль Лорана, но придаёт ей более крайнее и острое выражение. «Отношения Рима к другим народам нормировались не договором, а законом. Цель существования Рима — обращение независимых государств в римские провинции; царей в украшение триумфов его полководцев, — одним словом, в подчинении, завоевании всего мира. А эта цель есть прямое, конечно, отрицание самой возможности какого бы то ни было международно-правового порядка»³.

Но старые юристы под международным правом понимают буржуазное право. Не находя у римлян буржуазного международного права, Лоран отрицает право вообще. Но мы допустили бы ошибку, если бы, учитывая специфику этого права, не заметили его исторического значения в том смысле, что его элементы вошли в современное европейское право, разработанное в систему норм, принятых органами международной юрисдикции, а также практикой международных отношений.

Однако столь же неправильным следует считать и положение, что римское право — *jus fetiale et gentile* — создало основы современного международного права. Оба приведённых положения нужно признать неправильными. Основная их ошибка — антиисторическая трактовка вопроса, т. е. трактовка римского права вопреки существу римской политики завоеваний, вопреки фактам и характеру римских внешних отношений с другими народами древности.

История внешних отношений и дипломатии древнего Рима раскрывает развитие завоевательной политики Рима, захват и порабощение им других стран. Ни одна восточная деспотия древности, ни одно античное государство Средиземного моря не давали примера столь методически проводившихся, дипломатически подготовлявшихся и постепенно нараставших захватнических войн, как это умел осуществить Рим. Термин «империализм», как известно,

¹ «Etudes sur l'histoire de l'humanité», Т. III, р. 12. 2-me éd.

² Из русских работ мы обращаем внимание на следующие труды: проф. Таубе «История зарождения современного международного права». Т. I. СПб. 1894; статья Александренко о римском праве (ЖМНП, февраль 1895 г.), Ф. Мартенса «Современное международное право». СПб. 1882. Н. Иванова «Характеристика международных отношений...». Казань, 1874.

³ Таубе. Указ. соч., стр. 44.

не только происходит от римского «*imperi-um*» (высшая власть), но и раньше всего в исторической литературе относился к Риму. Нельзя забывать того, что международные обычаи возникали в атмосфере завоеваний и отражали эти завоевания. Признавал ли Рим в политике завоеваний права других народов, их независимость? Можно ли считать, что обычаи фециального и общенародного права в равной мере относились и к другим народам тогдашнего мира? Конечно, нет!

Это доказывают виды заключавшихся Римом договоров с различными странами. Выше говорилось об этих договорах, как непосредственных результатах римских войн. Договоры Рима всегда имели одну ярко выраженную тенденцию — лишить противника политической независимости. История римских провинций — это история порабощения Римом различных народов. «Завоёванные страны, — говорил Маркс, — рассматриваются как частная собственность, по отношению к ним считается применимым *jus utendi et abutendi*»⁴ (право произвольного распоряжения, как вещью. — А. М.).

Договоры Рима с другими странами древности имели и другую тенденцию — заставить эти народы «охранять империю и величие римского народа». Эта формула «*Imperium majestatemque populi romani servare*», как это мы видим у Ливия и Дигеста, являлась суровым приговором народу, в договор которого с Римом вводилась эта формула⁵. Охранять римские границы, платить дань понуждалась «варвары» и в тот поздний период империи, когда ей не удавалось так удачно, как раньше, вести войны со всеми этими народами (готы, скифы и др.). Таким образом, не только оружие, но и созданный им договор, закон, т. е. оружие международного права, приковывало побеждённые народы к римской триумфальной колеснице. Именно «этому, — говорили сами римляне, — счастливый римский народ обязан тем, что он в прошлые времена достиг господства над всеми другими народами и с божьей помощью удержал его на вечные времена. Одно (завоевание) поддерживалось другим (законом). Вооружённая сила Рима находила своё упрочение в законе в такой же мере, как самые законы охранялись с помощью оружия» (Codex Justin, praefatio, 7).

Всё это достаточно ясно подчёркивает значение завоевания не только для существования Рима (что достаточно общеизвестно), но и для обоснования его господства в римских правовых теориях (что иногда ускользает от внимания учёных).

Существование Рима как рабовладельческого государства в его классической форме было не мыслимо без войн, без завоева-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 636.

⁵ Эта формула упоминается не только у Тита Ливия, XXXVIII, II, но и у римских юристов, как твёрдо вошедшая в оборот римской практики заключения договоров. См. L. 7, 1 (Dig. De Capit. XLIX, 15).

тельной политики, без порабощения. Самое «рабство, — говорил Маркс, — объясняется правом войны, правом оккупации»¹.

Маркс даёт, как это видно из вышеприведённых его высказываний, подлинно историческое объяснение характера римского международного права. Последнее вытекало из рабовладельческой основы римского государства. Это право всеми своими нитями было связано с завоеваниями, захватами земель, порабощением народов, оккупацией обширных территорий. Это надо иметь в виду, чтобы не впасть в идеализацию римского международного права и конкретно представлять, как исторически оно возникло.

Пока Рим являлся субъектом международного права древности, считал применение его функцией лишь своего государства, игнорировал равные права других народов на независимость и самостоятельное государственное существование, он односторонне применял те нормы, которые мы рассмотрели в связи с объявлением войны и заключением мира. Эта односторонняя функция международных обычаев отражала на международной арене рабовладельческие отношения порабощения, отношения господина и раба. Не учитывать этот момент — значит допускать антиисторическую трактовку.

Но когда Римская империя распадается и рушится система рабства, то на её облом-

ках впоследствии образуются обретшие «свободу» варварские государства средних веков. Римские международные нормы, как и римская культура, постепенно становятся достоянием всех государств средневековой Европы. Вместо того чтобы создавать заново нормы международного права, государства средневековой Европы получили готовые рецепты римского права, которые в новой исторической обстановке постепенно перестают быть односторонними, ибо применяются одинаково среди возникших государств. Это право сохраняло элемент односторонности лишь постольку, поскольку христианские государства Европы ещё долго не признавали полного равенства с нехристианскими (например с мусульманскими) государствами.

Но прогресс международного права был безусловным. Римские институты получили развитие, а главное, более широкое применение в отношениях между государствами, образовавшимися на развалинах Римской империи, при этом на основе большего равенства сторон, чем это было в условиях рабовладельческих отношений древности.

Только при условии установления историчности римского международного права можно правильно его оценить. Всякая другая трактовка будет односторонней, догматической, а поэтому и неправильной — отрицание ли у римлян международного права или идеализация последнего.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 635.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЯКОВЛЕВ А. *Холопство и холопы в Московском государстве XVII века.* По архивным документам Холопьяго и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. Том I. Изд. АН СССР. М. и Л. 1943. 562 стр. 26 руб.

I

Профессор Яковлев поставил себе задачу изобразить холопство не в отвлечённых схемах права, а как важное жизненное явление, в конкретных чертах и во всех моментах: в бытовом, экономическом и социальном. Такая постановка задачи должна вызывать полное одобрение. Однако принятый проф. Яковлевым план и некоторые особенности изложения вызывают большие возражения. В первой главе на 56 страницах автор даёт несколько очерков по истории рабства с древнейших времён и до XVII века. Вторая глава отведена статистической обработке напечатанных ранее проф. Яковлевым записных кабальных книг по Новгороду (изд. АН СССР. 1938). Следующие четыре главы содержат основную часть исследования; третья — «Юридические вопросы холопьяго права», четвёртая и пятая — «Господа и холопы»: холопство как бытовое явление; борьба господ с побегами холопов и шестая — «Борьба холопов за свою свободу».

Под такими многообещающими заголовками проф. Яковлев пересказывает своими словами извлечённые им из архивов казусы, большей частью в хронологическом порядке, каждый казус за особым номером. Изложение казусов сопровождается иногда замечаниями, иногда автор делает некоторые обобщения, но в общем предоставляет читателю самому разбираться в массе полусырого архивного материала. Таким образом, «конкретность» изложения доведена до крайних пределов. Эти главы занимают около 200 страниц книги и для широких кругов читателей малодоступны. Затем проф. Яковлев даёт в качестве прибавления к первой главе несколько этюдов, не имеющих прямого отношения к истории холопства. Наконец, около 250 страниц книги проф. Яковлев отводит публикации большой группы архивных документов полностью. В общем из 562 страниц книги более 450 представляют собой полуобработанный или совсем сырой архивный материал.

Проф. Яковлев соединил в одной книге общие очерки, исследования некоторых частных вопросов, полуобработанные источники (регесты) и публикацию архивного сырья. При издании научных работ это — новшество и, надо сказать, весьма сомнительной ценности.

Многовековой истории рабства до XVII в. проф. Яковлев сводит менее полусотни

страниц. В качестве введения этого было бы достаточно, если бы он дал связный очерк достижений историков и юристов на эту тему, но он исходит из ошибочного предположения, что всё это читателю известно, и поэтому даёт ряд отдельных экскурсов — о работе в античном мире, в Киевской Руси, в некоторых странах Западной Европы и в Московском государстве XVI века. Несистематичность изложения и неравномерность освещения деталей, а также не идущие к делу отступления, вроде вычислений (!) плотности населения в Киевской Руси, производят впечатление небрежности и недостаточного уважения к читателю.

Излишне много места проф. Яковлев отводит филологическим разысканиям. В прибавлении к первой главе проф. Яковлев пускается в такие топонимические изыскания, которые не только не заслужат одобрения, но вызовут крайнее изумление.

Приведу несколько примеров. «К северу от Бобруйска встречаем селение Холуй, название которого происходит от термина холоп. В районе Минска имеем селение Холунь, имя которого также дериват от холопа, как и название селения Хлапень под Киевом» (стр. 304). Через страницу автор продолжает: «Следы холопьяго происхождения (!?) владимирцев можно видеть в названиях двух больших селений этого района, живущих и по сей день, — Холуе... и Холуйской Пристани, так как и минские Холунь и владимирские Холуи надо считать лишь видоизменениями слова холоп... Ещё далее на восток... в Хлынове мы тоже вправе видеть поселения беглых, и название Хлынов-Холонов (?) и р. Холуница лингвистически прямо связуемы с термином холоп» (стр. 306).

Даже не будучи лингвистом, позволяю себе усомниться в лингвистической связуемости указанных терминов. В источниках XVI—XVII вв. слово «холуй» встречается нередко и всегда в определённом значении — в смысле участка приречных лугов, затопляемых и засоряемых песком и илом во время вешнего половодья. В бассейне Клязьмы и её притоков таких холуев было немало. Отсюда названия Красный Холуй, Большой Холуй, Холуйская Пристань и т. п. В. Даль даёт три определения слову «холуй»: 1) бранное — слуга, лакей, 2) отруб и месиво для скота (тверское) и

3) сор, дрязг, нанос от разлива реки, заволакивающий луга. Добавлю от себя, что бранное значение слова, насколько мне известно, позднего, быть может литературного, а не народного, происхождения—не ранее XVIII века. Указанные термины следуют выводить не от слова «холоп», а от слов «хлынь», «холунь»— в смысле сора, песка, ила и всякого дрязга, который остаётся на низменных местах, когда схлынут вешние воды. Можно напомнить ещё слова «хлудá», «холудá», что значит тоже мусор, сор и навоз, и «хлус» — тоже мусор и захолустье.

Название племени вятичей проф. Яковлев находит возможным выводить от глагола «вякать» — роптать, протестовать, «отсюда и враждебность к ним летописца» (стр. 306). Город Сердоболь, за Ладожским озером, получил своё название от «сердоболь», что значит свои, родные. «Позднее на юговостоке за Саратовом возник с таким же значением Сердобск» (стр. 306). Но ведь известно, что Сердобск получил своё название от реки Сердобы, на которой он расположен. Никакого отношения к сердобольным людям, а тем более к холопству, Сердобск не имеет.

В примечании на стр. 307 мы находим изумительный образец лингвистической смелости проф. Яковлева. Оказывается, что Балаклея, правильнее Балыклея, происходит от глагола балакать — пустословить, болтать вздор. В Арзамасском уезде мы находим множество названий с окончанием на «лей»: озеро Варлей, р. Варгалей, овраг Букалей. В одном акте 1606 г. читаем: «Ручей Ореховской, по-мордовски словет Тепишлей, а впал в Вашкилей речку, в Городовой ручей то-ж... а по-мордовски тот Городовой ручей словет Вашкилей»¹. «Балык» по-татарски значит рыба, вообще всякая. Отсюда Балыклея — значит рыбная река. В Среднем и Нижнем Поволжье много подобных названий: Пичилей («пичи» — по-мордовски сосна), Колышлей, Сенгилей и несколько Балыклеев. Непочтено, как можно компрометировать себя подобным «балаканием».

Рискуя истощить терпение читателя, приведу последний пример: «Название Галич звукоподражательно связано с птичьим гомоном («галочьим криком»), столь частым в нашей природе и послужившим прототипом поразительно большого количества слов у разных народов. В районе Галича кружились не только русские эмигранты («выгонцы»), но и греки, болгары, волохи, венгры, ляхи и т. д., и многоязычность Галича отмечена летописцем» (стр. 307—308). Речь идёт о Галиче на Волыни, но был ещё Галич Мерский, в бассейне р. Костромы, в котором не было разноязычности и никто не кружился. Подражая методу проф. Яковлева, можно предложить другое объяснение слова «Галич». Глагол галить означал тошнить, блевать. Город, в котором местные и всякие пришлые люди (весьма вероятно,

что и беглые холопы), по не выясненным ещё историками причинам, испытывали тошноту, и был назван Галичем.

Если читатель, ошеломлённый подобными словопроизводствами, заподозрит в них мистификацию, то он ошибётся: проф. Яковлев серьёзно и с видимой любовью занимается этой, с позволения сказать, лингвистикой. Это тем более досадно, что к истории холопства это имеет очень отдалённое отношение, вернее сказать, даже никакого.

Большие возражения вызывают некоторые особенности исследовательских приёмов проф. Яковлева и его манера изложения. В историографии мы можем найти различные методы и приёмы исследования и толкования памятников, но никто из историков, кажется, не находил целесообразным вносить в это дело импрессионизм. Манеру проф. Яковлева трактовать источники нельзя назвать иначе, как импрессионизмом. Показателен в этом отношении § 3 первой главы, в котором автор говорит о холопстве по Правде Русской.

Господство в древнейшие времена обыкновенно права и медленное вытеснение его с течением времени правотворчеством так называемой законодательной власти были для историков права исходным положением всех исследований. На Руси в течение многих веков роль законодательной власти исполнял княжеский указ. Проф. Яковлев оставляет без внимания обычай как источник права и строит все свои рассуждения на предполагаемой им психологии князей. Население разбегалось от центра (Киевской земли) к окраинам, и князья окраинных княжеств были заинтересованы в том, чтобы сманивать к себе беглых в ущерб незыблемости института рабства. Этим проф. Яковлев объясняет некоторый разрыв «в законодательно-указной реакции княжеской власти на выдвигаемые жизнью социально-правовые задания». На этом положении развиваются все дальнейшие рассуждения автора. Отсюда «демагогия», которой будто бы занимались князья. Следует оговориться, что слово «демагогия» проф. Яковлев употребляет не совсем в том значении, которое принято ему придавать. Преувеличивая участие беглых рабов в образовании слобод, проф. Яковлев в слободской политике князей как средстве заселения пустых земель видит демагогию. Никакой демагогии не было в том, что князь договаривался с пришлым населением, давал ему слободские привилегии и льготы и в жалованной грамоте писал, что после льготных лет слобожане должны будут платить все подати и нести все повинности.

В статьях Правды Русской проф. Яковлев также находит «демагогический выпад княжеской власти... любопытен робкий (!) стиль этих выпадов князя против верхушки своего феодально-дружинного круга, и характерна приглушенность и оборванность залётных (!) статей-выкриков (!!) о закупе, как будто даже требующих в конце формулы знака восклицания... На робкие и

¹ «Арзамасские поместные акты», стр. 306. М. 1915.

несмелые статьи о закупах и вдаче верхи рабовладельческого общества ответили крутым и необычайно пространным для Правды и для своей эпохи холопским кодексом» — рядом статей, «составленных, несомненно, по цельному и обдуманному плану» (стр. 20, 21).

До сих пор историки видели в Правде Русской изложение обычного права, в ладной, испорченной многочисленными переписчиками и не всегда для нас ясной форме отмечали участие княжеской власти в решении некоторых частных вопросов, но никому не приходило в голову модернизировать далёкое прошлое, улавливать в холодных, как могильные плиты, статьях Правды выкрики, восклицания и робкую демагогию предполагаемых или, вернее сказать, вымышленных сил и навязывать обычному праву Правды «цельный и обдуманный план». В исследовании этого источника импрессионизм совершенно неуместен — здесь нужны другие методы исследования.

Импрессионистически подходит проф. Яковлев и к вопросу о холопстве в период феодальной раздробленности Руси (§ 4). Изложение начинается так: «За три столетия (XIII—XV вв.) мы не встретим в русских памятниках намёков на какие-либо попытки со стороны княжеской власти оказать воздействие на холоповладение в его внутреннем укладе», хотя для князей было «весьма соблазнительно» в своих интересах поднять низы населения на борьбу с господами; «холопы являлись глубоким социальным тылом противника (т. е. господ.— С. В.), его наиболее интимной, «запазушной» позицией» (стр. 22, 23). Это злоупотребление метафорами, быть может, кажется автору эффектным, но, естественно, возникают вопросы: неужели право творили только княжеские указы? Куда девались на три столетия нашей истории сама жизнь и творчество обычного права? Насколько можно понять не всегда ясную мысль проф. Яковлева, после эпохи Правды Русской в истории холопства произошёл провал на несколько столетий, когда князья перестали заниматься демагогией и холопским вопросом, а жизнь перестала творить новые формы отношений и довольствовалась нормами Киевской Руси. После ликвидации удельной раздробленности положение дел изменилось: «Наступил момент, когда холопий вопрос не мог не сделаться источником беспокойства и смущения для умов московского приказного управления, и мы будем наблюдать поэтому в политике Московского государства по холопскому вопросу смену разных настроений» (стр. 27). На вопрос, почему московское правительство забеспокоилось, стало нервничать и поддаваться разным настроениям, проф. Яковлев даёт очень сложное объяснение. Об этом я скажу несколько слов ниже, а предварительно укажу на весьма важные явления в истории холопства, которые происходили в указанном выше «провале» и о которых проф. Яковлев не счёл необходимым говорить.

В истории Северовосточной Руси, как и в странах Западной Европы, на известных

этапах развития происходило превращение довольно значительной части рабов в крепостных крестьян. Несущественно, что раб, посаженный на землю, не всегда тотчас получал свободу. Во всяком случае, раб на пашне с течением времени подчинялся бытовым, правовым и производственным условиям жизни крестьянства, приобретал одинаковые с ним экономические и социальные черты и в конце концов сливался с массой крестьянства, образуя в нём первую категорию закрепощённых крестьян. В XIV—XV вв. князья сажали на пашню большие группы рабов, целыми слободами. Не отставали от них в этом деле, — а может быть, даже и опережали — монастыри. Рабский труд в монастырях уже в XV в. не применяется ни в хозяйстве самого монастыря, ни в его владениях. Это явление настолько общее, что возникает предположение, не было ли оно следствием каких-либо постановлений по этому вопросу поместных соборов русской церкви.

Другое явление, известное и в императорском Риме и в странах Западной Европы, — это землевладение высших разрядов рабов. На первый взгляд, оно представляется парадоксом, нелепостью, так как раб был объектом права, не имел никаких гражданских прав и не мог рассчитывать на защиту своих интересов в судах. И, тем не менее, рабы с разрешения или при молчаливом попустительстве господ нередко владели землёй и распоряжались ею как настоящие собственники. В некоторой связи с этим явлением было другое, очень характерное для эпохи феодализма, — самоотдача мелких земельных собственников в полное холопство с землёй, а с другой стороны, освобождение по духовному завещанию рабов с наделением их при этом землёй, их же бывшей собственной или господской. Ясно, что для всестороннего освещения холопства указать на эти явления было необходимо, но проф. Яковлев оставляет их без внимания.

В связи с последним моим замечанием нельзя не выразить изумления, что проф. Яковлев оставил совершенно без внимания такой важный для истории холопства источник, как духовные завещания. До нас дошло много сотен духовных грамот, начиная с XIV в., и в них мы находим ценнейший материал для выяснения некоторых существенных вопросов холопства. Неизбежным свидетелем и часто участником составления духовной бывал духовный отец — священник. Нередко он же бывал в числе душеприказчиков — исполнителей последней воли завещателя. После смерти завещателя духовную представляли на утверждение церковным властям — митрополиту, епископам или их наместникам. Наконец, суд по всем спорам относительно духовных завещаний принадлежал церковным властям. Нет сомнения, что весьма распространённый обычай отпускать на свободу по духовным грамотам полных и кабальных холопов сложился под влиянием церкви. Пересматривая массу духовных грамот, мы видим, что духовные, не содержавшие отпуска холопов

на волю, составляют меньшинство известных грамот. Иногда свободу получали все рабы. Чаше господин часть рабов оставлял жене и детям, причём иногда указывал, сколько лет рабы должны прослужить, после чего получают свободу.

Проф. Яковлев придаёт очень большое значение указам правительства о пожизненности кабального холопства (до смерти господина), но, видимо, совершенно не подозревает, что пожизненность холопства, и не только кабального, но и полного, была очень старым, распространённым бытовым явлением, плодом самой жизни, а не княжеской политики.

Переходя к XVI в., проф. Яковлев ставит в центре внимания холопство по служилой кабале. Считая его новшеством, он даёт очень сложное и искусственное объяснение политики московского правительства по этому вопросу: в ответ на запросы рядовых служилых людей московское правительство и вводит новую, обобщённую указами форму холопшей зависимости в виде холопства по служилой кабале (стр. 49). А на 44-й странице он мимоходом бросает замечание: «Но самозалог был почему-то явлением, судя по документам (каким? — С. В.), не частым и встречался обычно в среде княжеской дворянни. У этой формы зависимости (по договорной кабале «за рост служить») были стороны, выгодные для соседей», и т. д. Итак, служилая кабала и самозалог с обязательством за рост служить — две различные формы зависимости, причём первая — новшество, а вторая — «не частое» явление. Никакой преемственной связи этих форм зависимости со всей историей холопства на Руси проф. Яковлев не видит. В действительности это было очень старое явление, уходящее корнями во времена Правды Русской. Приходится сделать некоторые отступления в область истории залогового права.

В эпоху феодальной раздробленности на Руси, как в Северовосточной, так и в областях, находившихся под властью Литвы, существовал институт закупа-запродажи недвижимостей и людей. В применении к людям в этом институте были некоторые особенности, но по существу, по юридической конструкции это был один институт. Поскольку дело касалось недвижимости, сделка состояла в следующем: владелец земли получал от своего контрагента некоторую сумму денег и в обеспечение займа передавал ему во владение недвижимость с правом «за рост», т. е. вместо уплаты процентов, пользоваться доходом от заложенной земли. Московские памятники говорят: за рост владеть, пашню пахать, сено косить и т. д. Сделка могла быть срочной, но большей частью бывала бессрочной, «до отданья суммы пенязей», по выражению литовских памятников. По существу закуп-запродажа — кредитная сделка, но в ту же форму можно было облечь и отчуждение земли навсегда. А прибегали к этому обходу потому, что для продажи недвижимости в полную собствен-

ность было необходимо согласие всех родичей землевладельца, которые в течение 40 лет (так было у нас) сохраняли право выкупа родовой недвижимости. На кредитные сделки право родичей на выкуп не распространялось. Отдавая землю в закуп, землевладелец сохранял право уплатить долг и вернуть себе землю, но не пользовался своим правом, и кредитор мог владеть землёй, пока она за давностью не оставалась за ним навсегда.

В литовских памятниках сделка называлась закупом, с точки зрения кредитора, и запродажей — с точки зрения должника-землевладельца. Термины московских памятников менее выразительны. Они говорят: «Дать вотчину в закуп» и «Держать вотчину в закупе»; но термин «запродажа», насколько мне известно, не употребляется. Бывали случаи, что кредитор уклонялся от принятия долга и возврата заложенной у него земли. В таких случаях, по литовскому праву, должник мог явиться к местному уряду, внести деньги и потребовать возврата недвижимости через суд, в исполнительном порядке. Вероятно, и в Московском государстве были какие-либо легальные пути заставить кредитора принять долг и вернуть закупную землю.

Экономика Московского государства стала в XVII в. уже настолько развитой, что бессрочность и двусмысленность сделок о закупе вотчин стали представлять для гражданского оборота неудобства столь значительные, что вызвали вмешательство правительства: во второй четверти века был дан указ, позже внесённый в Уложение 1649 г., запрещающий держание земли в бессрочном закупе и допускавший залог земли только на определённые сроки. Обходить этот указ было невозможно, так как ещё с середины XVI в. все земельные сделки подлежали обязательной регистрации в Поместном приказе. Таким образом, древний институт закупа вотчин прекратил своё существование.

История закупа недвижимостей в Литве и в Московском государстве помогает нам понять некоторые вопросы закупничества людей, которые казались историкам неясными или спорными. Прежде всего двусмысленность, или двузначность, сделки. Полоцкая ревизия 1552 г., напечатанная проф. Лаппо, определяет «закупного человека» как такого, который «сам ся запродавал». Закупный, или запродавшийся, человек сидит на пашне и платит все подати наравне с крестьянами. Это прямой потомок ролейных закупов Правды Русской. В княжеской Руси известны следующие формы задолженности: «ростовое серебро» — заём с условием платить рост, «издельное серебро» — заём с условием «за рост», т. е. вместо роста исполнять известные работы, и, наконец, «головное серебро» — заём, обеспеченный головой, т. е. личностью, личной несвободой должника. За рост головник должен был служить по вся дни во дворе господина. Двор в данном случае следует понимать в широком смысле слова — в значении хозяйства господина вообще. Не касаясь пока вопроса

об издельном серебреничестве, скажу, что зависимость по головному серебру есть то же, что в Литве называли закупом-запродажей, а в Киевской Руси — закупничеством. О полном тождестве этих институтов, конечно, нет речи, но в существенном это один институт, эволюционировавший с течением времени в зависимости от местных условий. Характерная черта его — та же двусмысленность, или двойственность, которая присуща закупу-запродаже недвижимостей. По форме это кредитная сделка, в которую контрагенты могут вкладывать различное содержание. Человек закладывал свою голову в надежде расплатиться и стать попрежнему независимым, но надежда не всегда оправдывалась, и зависимость становилась бессрочной. Со своей стороны, кредитор-хозяин обыкновенно имел в виду не получение роста, а стремился получить необходимые ему в хозяйстве рабочие руки. Участвуя в сделке с таким намерением, он принимал меры, чтобы закрепить головника-закупа: писал в кабалу преувеличенную цифру долга, жестоким обращением провоцировал побег закупа и обращал его как пойманного беглеца в полное рабство, создавал препятствия для расплаты и прекращения зависимости, не пуская закупа к князю с жалобой, и т. п. Таким образом, кредитная сделка, самозлог, могла быть для хозяев средством закрепощения должника. Киевский закуп, литовский закупный человек и московский головной серебреник — люди свободного состояния, свобода которых ограничена в некоторых отношениях на время задолженности в интересах кредитора, но суровая жизнь ломала нормы права, создавала столь тяжёлую зависимость, что московские памятники в конце концов стали называть серебреника холопом. «Судебник» 1550 г. в ст. 78 говорит: «А которые люди вольные учнут бити челом князям и боярам... а станут на себя давати кабалы за рост служити, и боле 15 рублѣв на серебреника кабалы не имати». В это же время за 2—3 рубля можно было купить человека в полное холопство. Уложение царя Алексея снизило лимит «Судебника» до 3 рублей. В ст. 82 «Судебника» читаем: «А кто займѣт сколько денег в рост, и тем людям у них не служити, ни у кого, жити им о себе, а на деньги им рост давати». Если господин будет держать у себя ростового серебреника, и тот, обокравши его, сбежит, «и что снесѣт, то у него пропало, а по кабале денег лишѣн». Из этих статей видно, к каким извращениям кредитных сделок прибегали господа, чтобы закрепить должников.

Вот с этими-то извращениями архаических форм кредита и обходными путями закрепощения людей и боролось московское правительство.

Понимание указанных статей проф. Яковлевым никак нельзя признать правильным. Проф. Яковлев считает статью 78 «новаторством, сырой мыслью, наспех (!) продвинутой в уложение 1550 г. без учёта сложных вопросов, неизбежно в связи с ней возникающих» (стр. 47).

Проф. Яковлев напечатал целый том новгородских кабалных книг и в настоящем труде дал большую группу актов о полном холопстве, и вдруг оказывается, что правительство вводит «на место старого полного холопства холопство кабалное», «новый тип зависимости по служилой кабале». При этом оно руководится очень замысловатым мотивом — «придать холопей массе текучесть, вызывая периодическую прерывистую мобилизацию холопов по смерти господина» (стр. 49). Хроническую мобилизацию холопов правительство устраивает будто бы в интересах рядовых служилых людей, которые иначе не могли заполучить на рынке холопского труда необходимые им рабочие руки, так как при полном холопстве богатые люди прочно и наследственно держали за собой весь фонд холопского труда, а «служилая кабала устанавливала своего рода поместный порядок (!?) владения холопом». Но ведь всё это чистая фантазия: зависимость по служилой кабале не была новшеством, наспех продвинутым в «Судебник», служилая кабала не отменяла и не заменяла полного холопства, исследованию которого проф. Яковлев посвятил много лет труда, и сравнивать её с поместным владением земель, по меньшей мере, странно.

Общую концепцию холопства по служилой кабале проф. Яковлев подкрепляет толкованием некоторых указов. Так, указ 11 октября 1555 г. он понимает как введение обязательной «кабализации», т. е. обязательного оформления кабалой служебной зависимости. Попробуем не поверить проф. Яковлеву и посмотрим, что написано в указе. Указ имеет в виду распространённое и во многих отношениях нежелательное для правительства явление — бытовое холопство, проживание людей во дворе господ на холопьем положении, без оформления своей службы какой-либо крепостью. Понятно, что прямыми запрещениями бороться с этим явлением было невозможно, и правительство принимает против него косвенную меру: «Которые люди учнут у кого служити добровольно без крепостей, а пойдут от них прочь с отказом или без отказу, а те люди, у которых они служили, учнут на них искати сносом, на колько нибуди, и тем людям, у которых они служили, на тех людей суда не давати, потому что у него служили добровольно, и он, нехотя его от себя отпустить, да на нём ищет сносу, — а что у него пропало, то у себя сам потерял, того для, что добровольному человеку верит и у себя держит его без крепости». Указ предписывает всем судебным учреждениям не давать в таких случаях суда в сносных, т. е. покраденных, животах и предупреждает об этом господ, имея в виду не только служилые кабалы, но вообще всякие крепости, например «житейские записи», записи о найме и т. п. Если считаться с общепринятыми требованиями логики, то ясно, что указ не вводил никакой обязательной «кабализации» людей.

Увлечённый идеей «мобилизации» холопского труда, проф. Яковлев как бы забы-

вает, что полное холопство продолжало существовать, не открывая никакой возможности для мобилизации холопов.

Ещё существеннее то, что в попытке выяснить политику правительства в области холопского права проф. Яковлев игнорирует связь этой политики с происходившим во второй половине века закрепощением крестьянства. «Судебник» 1550 г. ещё признаёт за крестьянином право отказа и выхода и право продаться «с пашни» в холопство, хотя холоп был не тяглым человеком и для правительства превращение крестьянина в холопа было прямым убытком. Но вот в 1581 г. был издан первый заповедный указ, лишивший крестьянина — пока в виде временной меры — права отказа и выхода. Так было положено начало закрепощению крестьянства. Нетрудно понять, что право крестьянина продаться с пашни в холопы было несовместимо с заповедным указом, лишившим его права покинуть тягло. С небольшим опозданием это было замечено правительством и устранено указом 1586 г. об обязательной регистрации всех крепостей о холопстве. Проф. Яковлев упускает из виду связь между заповедными указами и введением обязательной регистрации холопских крепостей и по поводу указов 1586 и 1593 гг. высказывает неубедительные домыслы, будто они не дошли до нас потому, что их скрыли, «замели» и «запилили» (1), так как они были «серьёзной атакой» правительства Бориса Годунова «на вековую твердыню обычного холопского права» и вызвали, «вероятно, бурю во владельческой среде» (стр. 50). Но ведь, кроме этих указов, нам известны по названиям десятки других исчезнувших указов, в том числе выгодные для владельческой среды заповедные указы, и объясняется это не коварством каких-то неведомых лиц, а событиями Смутного времени, когда погибли все московские архивы. Да и какой был смысл «заметать» или «запиливать» эти указы, когда они были применены на практике и регистрация холопских крепостей, как это известно и самому проф. Яковлеву, была введена прочно и существовала и в XVII веке!

Во второй главе проф. Яковлев подвергает статистической обработке напечатанные им новгородские кабальные книги. Эта часть труда проф. Яковлева выполнена тщательно и даёт возможность сделать несколько прочных выводов, но, тем не менее, возникает вопрос, насколько целесообразно применять к этому материалу метод числовой обработки. Дело в том, что самый интересный для историка элемент кабальных книг — показания лиц, дававших на себя кабалу, о своей прошлой жизни — статистической обработке не поддаётся и проф. Яковлевым не использован. Употребив сложный аппарат вычислений и таблиц, проф. Яковлев пришёл к выводам, что в годы неурожая и голода количество закабалений сильно возрастало, что в эти годы заметно увеличивалось закабаление женщин и малолетних, как более слабых жизненных элементов населения, что богатые помещики закабалили большее количество лиц, чем их менее состоятельные

соседи. Нельзя отрицать пользы статистического подтверждения этих априорно ясных явлений; но оправдывает ли это оставление без внимания и без попытки использовать тот интересный материал кабальных книг, о котором было сказано выше и который не поддаётся числовой обработке?

Критический разбор следующих глав, в которых проф. Яковлев даёт полуобработанный материал, мне кажется, целесообразнее отложить до того времени, когда выйдет обещанный второй том труда проф. Яковлева, в котором, надо надеяться, он даст общее построение эволюции холопства и слияния холопства с крепостным крестьянством в эпоху реформ Петра I.

Чл.-корр. АН СССР С. ВЕСЕЛОВСКИЙ

2

Проф. А. Яковлев в своём исследовании для подтверждения своих исторических разысканий и выводов очень часто прибегает к лингвистическим построениям. Он предлагает ряд новых этимологий для древнерусских слов и современных общерусских терминов. Пользуясь данными топонимики, он попутно делает разные историко-этимологические сближения.

Методы лингвистических исследований А. Яковлева производят, по меньшей мере, страшное впечатление. В них сказывается явное пренебрежение к общепризнанным истинным сравнительно-исторической грамматики языков европейской системы, а также полное игнорирование фактов истории славянских языков, в том числе и русского. Лингвистические разыскания А. Яковлева по своим приёмам очень напоминают этимологическую игру, которой предавались русские филологи XVIII в. вроде В. Тредьяковского и А. Сумарокова. В этимологических сопоставлениях А. Яковлева не только гласные, но и согласные ничего не значат и смешиваются, замешаются самым причудливым образом. При этом конкретные факты истории тех языков, которые особенно близки и родственны языку русскому, т. е. языков западнославянских и югославянских, а также литовского и латышского, А. Яковлев вовсе не принимает в расчёт. Например древнерусское слово «отрок» (в значении слуга, младший, полузависимый дружинник) он выводит из «полной формы» — «отродок» (отродье), «осколок, обломок того же кровного рода» (стр. 16—17). Между тем общеизвестно, что отрок (ср. старославянское отрокъ, словенск. otrok — дитя, болгарское отроче, чешское otrok — раб, отроце — дитя раба, польское старинн. otrok — мужчина, работник) восходит к корню рек — рок и буквально значит — бессловесный, т. е. лишённый права голоса (ср. латинское infans)¹. Точно

¹ См. Преображенский А. «Этимологический словарь русского языка». Т. I, стр. 669—670.

так же не имеет никаких конкретно исторических оснований сближение слова «раба» с германским корнем *raub* и *rauben* (стр. 12, 294). А. Яковлев заявляет: «Лингвистическая эпопея рабы восходит к древнегерманскому *roup—roubs*, обозначающему военную добычу... С позднейшим среднегерманским *rauben* связано, по мнению лингвистов, русское слово рубить, с прибавлением придыхания—грабить и грубить» (стр. 294). Итак, раба, рубить, грабить и грубить — отростки одного германского корня. Очевидно, отсюда же произошли и работа, работать, работник, ребёнок, ребята; украинское — парубок, народно-русское — робить и т. п. Пользуясь этим методом произвольных сближений, можно все славянские слова возвести к «германским корням». Ведь со словом «грабить», которое, конечно, не находится ни в каком этимологическом родстве со словом «рубить», связаны не только грабарь (землекоп, польское *grabarz*), грабли, но и грести, гребень, погребать, гроб и т. п., а с рубить — рубаха, рубище и т. п.

Любопытно, что к тому же германскому корню А. Яковлев прикрепляет не только французское *rober, dérober*, но и *gavir*, происшедшее от латинского *garere* (вульгарное латинское *garire*, ср. итальянское *garire*, румынское *gări*)¹.

Звуковые сближения этого рода и лёгкость, с которой А. Яковлев их производит, связаны у него с типичной для донаучного языкознания гипотезой о звукоподражании как одном из главных средств словообразования. Отсюда *Galli*—это «люди, речь которых похожа на улюлюканье» (стр. 296), вятичи — люди вякающие (стр. 306), Галитч—город птичьего гомона (стр. 307), Краков—город иноязычного говора (стр. 308), Псков—Плесков — от плескати, наказывать бичом, аналогично прозвищам фамилиям Сеченовых, Сеченых и т. д. (стр. 305).

Понятно, что на основе такой, с позволения сказать, лингвистической методологии можно сблизить и признать этимологически родственными слова, самые далёкие и не связанные ничем, кроме случайных совпадений в отдельных звуках или в буквенном изображении.

Особенно поразительны и ошеломляющи новые этимологии, предлагаемые А. Яковлевым словам «славяне» и «холоп». По Яковлеву, холоп — это видоизменение слова «славянин». Доказывается это таким образом: чешское слово «*chláp*» и польское «*chlór*» («возможно, просто полонизация чешского звучания» (?) произошли в VI—X вв. нашей эры либо из латинской формы *clavus*, либо из германских *slaveni—slaven*, или *schlaven—schloven* (ср. также Шклов и Шавли), либо из греческой *Σκλάβος* (склабос), *Σβλάβος* (сфлабос) (славянин). Последнее, по Яков-

леву, вероятнее всего. Итак, термин *Σκλάβος*, или *sklavus, sklavenus*, был перенесён в Чехию в виде «хлапа», в Польше превратился из хлапа в «хлопа», затем, в первой половине XI в., в связи с переселением польских пленников в Киевскую Русь, был усвоен русскими, переделан в «холоп» и получил здесь новое значение—невольника, раба-земледельца (стр. 14—15). А. Яковлев с изумительной смелостью и неосновательностью реконструирует фонетические законы, в соответствии с которыми произошло рождение холопа из славянина. Эти законы следующие. Сочетание «ск» (так же как «ст», «кс» и сходные с ними) «свистяще-гортанное, неблагозвучное и трудное для выговора». «Хриплые звуки... зоологического, механического или даже метеорологического типов», напоминающие «звуки скрипа, покашливания, чавкания, чмокания, неудовольствия, отвращения, окрика, шуршания, шипения, инстинктивно перерабатывались народами, одарёнными звуковым чутьём, в сочетании или более благозвучные или легче произносимые» (стр. 297). Однако ни одного достоверного примера перехода сочетания «ск» в «х» А. Яковлев не указывает, да и не может указать.

Проф. И. Эндзелли² высказывал предположение, что индоевропейское сочетание «ск» после и, у, р (i, u, r) переходило в славянских языках в sh, а в литовском—в š(ш). Но это предположение, подтверждённое лишь одним примером (*měschъ* будто бы из *moiskos*), решительно отверг акад. А. А. Шахматов³. Кроме того и эта гипотеза, даже если бы о ней знал А. Яковлев, не могла бы его выручить: она неприменима к *slavus*. Между тем А. Яковлев заявляет без всяких оснований: «В свете этих аналогий становится вполне понятным переход *Σκλάβος* (склабос.—В. В.) между IV (а быть может и раньше) и X вв. в хлапа—хлопа» (стр. 298). Между тем в славянских языках, в том числе и русском, есть много и ископных общеславянских и в древнюю пору заимствованных слов, начинающихся со звукосочетания «ск», например скакать, скала, скалы (= весы), скарעד, скворец, скверна, скверный, склабиться (ср. о-склабиться), скопить, скорый, скот, скра (груда, слиток, камень), скрижаль, скрежет, скорбь, скудный, ккупость и т. п. Никаких следов переделки сочетания «ск» в «х» в славянских языках историкам этих языков ещё не удалось обнаружить.

Второй фонетический закон, придуманный А. Яковлевым, гласит: «звуки «б», «п» нередко меняются местами со звуками «в» и «ф». Но и этот закон не соответствует фактам истории славянских языков: жени т в а и жени т ь б а — разные морфологические образования (ср. битва и стрельба, моли-т в а и мольба; суффиксы «ва»,

² Эндзелли И. «Славянобалтийские этюды», стр. 56. Харьков. 1911.

³ «Известия отделения русского языка и словесности», Т. XVII. Ч. 1-я, стр. 281; ср. также Ильинский Г. «Праславянская грамматика», стр. 232. Нежин. 1916.

¹ См. «Dictionnaire étymologique de la langue française par Osc. Bloch...» Т. II, 210. Paris. 1932.

«тва» и «(ь) ба» этимологически неродственны; они не выводятся один из другого), клепать и клеветать—слова разных корней и т. п. Область произошло из об-власть, а не из овласть, как думает А. Яковлев. Следовательно, ни из sklāb (склаб), ни из slav нельзя вывести хлапа. Славянское «п» не передаёт ки греческого β (ср. суббота, корабль, декабрь и т. п.), ни латинского v (ср. Виктор и т. п.).

Кроме того А. Яковлев совершенно произвольно считает источником для всех славянских ответвлений слова «холоп» чешскую форму chlap.

Соответствия русскому слову «холоп» находятся как в западнославянских, так и в югославянских языках. (Сравни старославянское хлапъ—раб; болгарск. хлапе—мальчик; сербохорватское hlār и hlār—крестьянин, раб; чешское chlap—человек из простонародья, крепостной, крестьянин; верхнелужицкое khlor—бурш; польское chtop—крестьянин; украинское—холоп). Основные этимологические объяснения этого слова изложены в работах Г. Ильинского¹. В основе всех славянских разветвлений этого корня лежит общеславянское chorpъ, конечно, не находящееся ни в каком родстве с общеславянским slovēnīpъ.

После всех этих замечаний, разоблачающих историческую беспочвенность этимологических фантазий А. Яковлева, нет нужды долго останавливаться и на той этимологии, которая изобретена А. Яковлевым для слова «славяне». Правда, безупречного и вполне достоверного объяснения происхождения этого этнического термина в науке до сих пор нет, несмотря на то что над его истолкованием трудились известные лингвисты. Но несомненно, что этимология, предложенная А. Яковлевым, совсем невероятна. А. Яковлев полагает, что термин «славяне», собственно Σκλαβοι (склабой или склаби) был придуман греками, а затем они передали его всему миру. Греки же сочинили это слово таким образом: они его искусственно составили из звукосочетания «sk», которым передали типичный для обозначения славянских племён суффикс «ичи» (ср. радимичи, вятичи, дреговичи, кривичи и т. п.), и своего греческого слова λαος (лаос) (с дигаммой λαζος), «обозначающего бесформенную человеческую массу» (стр. 295) (греческое λαος—народ, племя). Таким образом, по Яковлеву, Σκλαβος (откуда—славяне) представляет собою ироническое греческое прозвище всей совокупности славянских племён: это, так сказать, толпа людей, обозначающих себя на «ичи», или, буквально, по Яковлеву, «ичи—людишки». Но в греческом языке ещё никем не указан такой тип словообразования, который предлагает А. Яковлев для слова Σκλαβος (склавос). Кроме того можно думать, что греческое λαος само восходит к βλαξος (сла-

вос). Финский учёный Миккола находил возможным slovēnīpъ сопоставлять с греческим λαος (βλαξος) (славос)—народ, племя, ссылаясь на то, что «туземные названия некоторых племён обозначают просто принадлежность к одному и тому же племени или сословию»². С этой точки зрения slovēnīpъ первоначально значило «член племени». Этимология Микколы не считается убедительной и не разделяется лингвистами, но А. Яковлев и её искажил, приписав изобретение её грекам и увидев в начальном сочетании «sk» Σκλαβος передачу славянского суффикса «ичи». Между тем историку следовало бы знать, что в сочинении греческого императора Константина Багрянородного «De administrando imperio» (949 г.) слово «кривичи» встречается в двух вариантах: Κριβιτζων (кривитзон) и Κριβιταίηνοι (кривитэини)³. Ср. также Βιτετζεβη (Витетзеви), «Витичев», Διτζιναν (Дитзинан), «дичина», Δερονουβιτων (род) «дреговичи». Таким образом, догадка А. Яковлева о передаче суффикса «ичи» через «sk» не может быть подтверждена ничем; она плод игривой исторической фантазии.

Общий вывод: «лингвистические» разыскания А. Яковлева не привели даже к вероятному объяснению ни одного древнерусского термина. А. Яковлев обнаружил полное незнание современной лингвистики; применённый им метод этимологических сближений неисторичен, ненаучен и объективно вреден.

Проф. В. Виноградов

3

Исследование института холопства и положения холопов в Московском государстве XVII в. проф. Яковлева представляет значительный интерес. Автор привлёк в качестве источника архив Холопьевого приказа, в котором он отыскал ценнейшие записи холопских дел.

Вместе с тем автор не ограничивается изучением положения холопов в XVII в., а делает попытку показать эволюцию института холопства на всём протяжении исторического развития.

Однако работа проф. Яковлева вызывает серьёзные возражения. Прежде всего нам представляется неправильным тот путь исследования, по которому пошёл автор. Отметим в предисловии, что истории древнерусского холопства посвящён ряд ценных работ Чичерина, Ключевского, Сергеевича и других, автор в дальнейшем изложении совершенно не считается с этими исследованиями, не сопоставляет с ними своих выводов. При подобном игнорировании богатого наследия русской историографии читателю трудно установить, в чём же состоят новые выводы автора, в какой мере убедительно они обоснованы и как опровергаются заключения предшествующих исследователей. Та-

¹ См., например, исследование «Звук ch в славянских языках». «Известия отделения русского языка и словесности». Т. VV. К.

² «Русский филологический вестник» № 3—4 за 1902 г., стр. 272.

³ Ср. Niederle L. «Slovanské staro-»

кой приём как-то не вяжется с характером научной монографии.

Автор рассматривает эволюцию института холопства вне связи с общим процессом развития русского общества и изменениями в соотношении всех классов и всех общественных групп. Такой метод рассмотрения неизбежно привёл к смещению всех перспектив. Автор не различает холопства как экономической, юридической и бытовой категории. Холопство в исследовании А. И. Яковлева выступает в недифференцированном виде, в результате чего даётся явно неверная, фальшивая оценка ряду важнейших и узловых моментов русской истории.

Как это ни странно, но автор, декларируя разрыв с методологией формально-юридической школы, на деле возрождает её худшие традиции. Институт холопства, рабовладения рассматривается им не как социально-экономическое явление, а только как категория юридическая. В связи с этим холопы, посаженные на пашню и имевшие своё собственное хозяйство, что равняло их в социально-экономическом смысле с крепостным крестьянством, не различаются с действительных холопов, эксплуатировавшихся в хозяйстве господина.

Холопы, по Яковлеву, — не только эксплуатируемая масса населения, но и вся администрация и войско: «На холопах не только строилось всё хозяйство князей и бояр удельного времени, но при их же обязательной помощи функционировал домашний обиход князя и боярина и действовала административно-судебная власть русских феодалов» (стр. 24). Настоящими господами положения в русском государстве, утверждает Яковлев, была «холопья свора» (стр. 25). Служилые люди, продолжает автор, — это те же холопы. «Общее обозначение формулы для московских служилых людей — «холоп твой», надо считать не раболопной метафорой (к тропам они были мало склонны!), а простым адекватным выражением фактического положения» (стр. 43).

Такая внеисторическая и внеэкономическая постановка вопроса о холопстве знаменует собой полный разрыв с марксизмом, с элементарными приёмами подлинно научного исследования и приводит автора к выводам, грубо искажающим основные факты и процессы русской истории. Рассматривая холопство вне связи с общественно-экономическими отношениями и прослеживая его эволюцию оторванно от эволюции общества и его производственной базы, проф. Яковлев отождествил феодально-крепостную систему с системой рабовладельческой, стёр различие между двумя общественно-экономическими формациями и пришёл к абсурдному выводу, что не только Киевская Русь, но и Московское государство XVI—XVII столетий являлись холопским царством.

Осуществив такое всеобщее «похолопление» (выражение проф. Яковлева) Руси, автор доходит до сногшибательного утверждения, что именно холопы и были создателями русского национального государства. «Холопами отрядами, — пишет автор, — были

одержаны победы на Воже и на поле Куликовом, такие же вооружённые силы присоединили владения Новгород Великого при Иване III, вернули Смоленск при Василии» (стр. 31).

Автор смазал тот факт, что национальное дело — создание крепкого, централизованного государства, способного выдержать напор иноземных нашествий, — было делом всего русского народа. Общеизвестна роль народного ополчения в составе русской рати, победившей на Куликовом поле. Общеизвестно также, что, выступая против Новгорода, Иван III набрал рать из «московских сурожан, суконников, купчих людей и прочих всех москвичей, которые пригожи по их силе», так же как ранее Василий Тёмный в борьбе с силами феодальной реакции опирался на посад, мобилизуя «московских гостей и иных посадских людей». Общеизвестно и поведение народных масс Новгорода, восставших против своего боярства при приближении войск Ивана III, и вятчан, выдавших вожжаков боярской партии. Увидев на Руси одних холопов и их господ, автор в извращённом виде представляет движущие силы её исторического развития.

Нельзя не протестовать также и против антиисторической оценки проф. Яковлевым политических деятелей феодальной России и её государственно-правовых институтов. «Сам князь-государь — рюрикович, гедиминич или представитель старого сановного боярства» — обязательно «не столько жадный, но неповоротливый и неизобретательный» (стр. 25). Московское правительство будто бы неизменно следовало принципу «не торопиться, а выждать и наблюдать» (стр. 27), причём этот принцип был почерпнут из «народной русской логики». Приёмы вмешательства правительства в холопий вопрос кажутся А. И. Яковлеву «неуверенными и странными» (стр. 36). «Верная своей вековой методе, Москва делает иногда один шаг вперёд, а потом — два шага назад, или отклоняется в сторону, точно забывая о только что налаженной установке, спотыкается о какие-то нам незримые препятствия и делает непонятные долгие паузы» (стр. 36). Московское государство было всемогущим «по отношению к лицам, но не порядкам» (стр. 36). Остаётся секретом, как могли «неповоротливые» и «неизобретательные» московские государи стать во главе мощной Русской державы, выросшей в конце XV в. как могучая сила на удивление «изумлённой Европе»?

Не щадя чёрных красок для огульной характеристики русских государственных деятелей периода феодализма, автор забывает, что среди них были такие исполинские фигуры, народные герои и патриоты, как Александр Невский и Дмитрий Донской, или государственные деятели такого масштаба, как Иван III и Иван IV Грозный.

Экономическое развитие Руси проф. Яковлев рассматривает не как естественный процесс развития общественно-экономических отношений, а как следствие «подражания» западным странам, которые «не могли не служить соблазнительными примерами для киевско-новгородских князей и для их бо-

яр» (стр. 311). При этом, «подражая порядкам у соседей», русские князья заимствовали у них и социально-экономические термины. Развивая эту, по меньшей мере, странную теорию формирования общественно-экономических отношений в результате подражания, проф. Яковлев забывает, что если Русь и испытывала на себе влияние византийской культуры, то по сравнению со странами Западной Европы, как это показали исследования акад. Грекова, Киевская Русь стояла на более высоком уровне культурного развития, пока оно не было подорвано монгольским нашествием.

Автор пренебрежительно отзывается об указах и Уложении XVI—XVII вв., подходя к ним, очевидно, с точки зрения образованного юриста современности. «Как всё в этом государстве (?), так и его юридические нормы, почему-то на некоторых историков права производившие положительное впечатление, были на самом деле только скоплением капризных (I) и непоследовательных юридических наметок» (стр. 288). «Право, творимое московскими приказами, многословно, запутанно, сбивчиво и, что самое характерное, почти всегда лишено внутренней перспективы» (стр. 290).

Указ 25 апреля 1597 г. представляется А. И. Яковлеву «беспорядочно отредактированным приговором-протоколом» (стр. 51). Это «не приговор, как его упорно называют историки права, а только протокол прений (I) в Боярской думе, баскорю кое-как проконспектированный» (там же) и т. д.

Весь раздел, посвящённый анализу положения холопов по Русской Правде, является каким-то недоразумением. Прежде всего автор возрождает давно отброшенный наукой взгляд на Русскую Правду как на официальный кодекс, как на продукт творчества «князя-кодификатора» (стр. 20), игнорируя установившуюся характеристику её как свода прежде всего обычного права, куда вошли и отдельные княжеские решения.

Затем автор видит глубокое противоречие между статьями о закупе и вдаче, с одной стороны, и статьями о холопах — с другой. Такое противоречие проф. Яковлев смог усмотреть только потому, что он не вышел за пределы формально юридического анализа этих статей. Между тем, если учесть, что Пространная Русская Правда появилась в период интенсивной феодализации общественных отношений, то вполне естественна в это время попытка оградить от порабощения закрепощённого (закуп) или впавшего в нужду (вдач) смерда. Точно так же статьи о холопах ограничивают, как это показал акад. Греков, случаи возможного порабощения свободного человека, а значит, вполне корреспондируют статьям о закупе и вдаче.

Придя в результате немарксистского, чисто догматического противопоставления отдельных статей Русской Правды к выводу о противоположности статей о закупе и вдаче статьям о холопах, проф. Яковлев рисует затем фантастическую и не имеющую никакой опоры в источниках картину борьбы «имущих и кабалающих групп киевского общества» (стр. 21) с социальной демагогией киевских князей. В связи с этим проф.

Яковлев выражает мнение, что эти статьи зародились где-нибудь в окраинных княжествах и затем были вставлены «в правовую кодекс, пускаемый в оборот с высоты киевских холмов» (стр. 21). «Любопытен робкий стиль,— пишет автор,— этих выпадов князя против верхушки своего феодально-дружинного круга, и характерна приглушенность (I) и оборванность (I) залётных статей-выкриков (II) о закупе, как будто даже требующих в конце формулы знака восклицания» (стр. 21).

В науке давно установлено, что статьи о закупе представляют собой устав князя Владимира Мономаха, что они были составлены после восстания 1113 г., что, ограждая собственность рабовладельцев, Русская Правда защищала и свободных людей от незаконного порабощения. Это отвечало и силе сопротивления древнерусской демократии, только что проявившей себя в восстании 1113 г., и интересам господствующего класса, переходившего к более прогрессивному, феодальному методу эксплуатации. Всё это известно и самому автору, и потому просто непонятно, зачем ему понадобились эти импрессионистские декларации.

Проследивая процесс эволюции холопства и норм холопского права от Русской Правды до Уложения 1649 г., автор касается общей политической обстановки отдельных этапов этого исторического периода. К сожалению, и здесь выводы автора не всегда убедительны. Так, причину социального кризиса XVI в., приведшего к опричнине, автор почему-то видит в конфликте между уездом и столицей (стр. 48), причём под уездом автор понимает служилых людей, помещиков, а под столицей — съехавшееся в Москву боярство со своими холопами. Это, конечно, искусственная схема, так как и в уездах оставалось большое количество бояр и в столице было (особенно со времён Ивана IV) немало помещиков, не говоря уже о посадском люде, поддерживавшем московского государя в его борьбе с боярством. Читатель не поймёт далее, откуда у А. И. Яковлева взялся этот кризис, так как автор пытается его уверить, что уже к концу XV в. бывшие удельные владыки «не могли более угрожать Москве всерьёз» (стр. 25); они становились «полухолопами» московского князя, их власть и на уделах стала «эфемерной», а после переселения в Москву феодал «становился совсем безопасным» (стр. 25).

Правда, далее, автор, видимо, спохватившись, уже начинает рассказывать читателю о «серьёзных опасностях», грозивших московской власти, впрочем, не столько со стороны бояр, сколько со стороны их холопов, благодаря их непрерывному движению «взад и вперёд» (?) (стр. 33). Не удивительно, что автор и опричнину выводит из зависти, которую вызывала у дворянства многочисленная холопья дворян у бояр.

«Единственным, хотя вначале и очень осторожным, ответом московского правительства на эти настроения должны были явиться боярские опалы и связанные с ними роспуски больших холопских скоплений в боярских дворах» (стр. 32). Путаница в голове читателя ещё более увеличится, когда он прочтёт, что Москва только частично и выборочно «прорежала... ряды многотысячной боярам принадлежавшей холопией боевой массы» (стр. 32), но «не отваживается» на решительные шаги в этом направлении, «так как она зависит на каждом шагу от своих слуг более высокого ранга и руководствуется в своей законодательно-указной деятельности интересами именно этого класса (?), представителями которого были и сами московские князья... При никогда не прекращавшейся внешней борьбе такой подрыв боевой и социальной годности верхов служилого сословия мог быть пагубным» (стр. 33).

При таком изображении весь смысл опричнины Грозного пропадает. Автор не сумел показать причины острого конфликта московских государей с боярством и вскрыть позицию в этой борьбе дворянства. Крайне преувеличенный «холопий вопрос» привёл к потере исторической перспективы.

Много в книге и частных ошибок. Так, характеризуя идеалы «боевого класса» XV—XVI вв., автор приводит слова И. Посошкова: «Дай-де бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать»¹. Между тем это суждение начала XVIII в. совсем не подходит для характеристики воинов XVI в., которые, в отличие от вельмож, по словам И. Пересветова, люто «играла» против недруга «смертною игрою».

Неизвестно, откуда А. И. Яковлев взял право господина распоряжаться жизнью кабатного холопа (стр. 44). Так же произвольно звучит утверждение автора о старинных холопах, как полученных «путём известной селекции и холопского скрещения, проводи-

¹ См. сочинения Ивана Посошкова, стр. 287—288. Изд. Мих. Погодина. М. 1842.

мого боярами по соображениям холопией евгеники» (стр. 45). Ловля холопов А. И. Яковлеву представляется едва ли не первым случаем «проявления общественной инициативы» (стр. 22) в Киевской Руси. И это говорится про общество, где действовало вече, а суд ещё далеко не был отделён от общества. Закладничество отнюдь не было массовым похолоплением (стр. 35), как пишет автор.

Язык автора изобилует метафорами. К сожалению, нередко эти метафоры бывают лишены убедительности и даже смысла. Тяжба у А. И. Яковлева обладает способностью «дремать» (стр. 284). «Сноп норм» (стр. 21), «фабула об Авессаломе» (стр. 29), «принципиальный шок с идеями» (стр. 31), «человеческий капитал» (стр. 34), «дудан... земельных пространств» (стр. 41), «законодательство... заилило указы» (стр. 50)— эти и им подобные выражения засоряют книгу.

Битва на Куликовом поле — это «роковой бой» (стр. 31), хотя в русском литературном языке слово «роковой» имеет совсем другой оттенок. «Социальный поток боярско-дворянской формации нёсся неудержимо вперёд... и отдельные гуманитарные выпады царя Алексея легко заглушались топотом и шарканьем дворянского табуна в его маленьких приёмных покоях» (стр. 285—286). Это уже литературщина дурного вкуса и тона.

В целом А. И. Яковлев, предоставляя в распоряжение читателя новый богатый документальный материал, вводящий «за кулисы» юридических норм и договоров, и делая ряд интересных выводов и наблюдений над положением холопов в XVII в., явно не справился с задачей дать историю холопства в России. Возрождая формально-юридический метод догматического толкования источников, а в ряде случаев став на путь искусственных построений, игнорируя свидетельство источников, автор дал сугубо неверную, извращённую картину «социально-динамического» развития общественных классов Руси вообще и холопства в частности. Не сумел он дать и юридического анализа института холопства, ибо последний возможен только на базе марксистского метода, рассматривающего юридические нормы в связи и на основе социально-экономического развития. Искусственные конъектуры проф. Яковлева только запутывают действительное содержание правовых норм Московского государства. Наконец, решительного протеста требуют антинаучная, фальшивая оценка движущих сил русской истории и снисходительно пренебрежительная характеристика её государственных деятелей.

Проф. С. Покровский

СЫРОМЯТНИКОВ Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1-я. Изд. АН СССР. М. и Л. 1943. 212 стр. 12 руб.

Первая часть работы Сыромятникова посвящена историографическому очерку, «а также выявлению исторических предпосылок, которые обусловили петровскую реформу и определили отношение Петра к

историческому наследию предшествовавшей ему эпохи» (стр. 3).

На 80 страницах своей книги Сыромятников расправился со всеми историками, писавшими о Русском государстве и о реформах

Петра I. В числе их Карамзин, Чаадаев, Аксаков, Киреевский, Герцен, Белинский, Кавелин, Чичерин, Соловьёв, Грановский, Ключевский, Сергеевич, Дьяконов, Владимирский-Буданов, Платонов, Рожков, Милюков, Покровский, Павлов-Сильванский, авторы I тома «Истории СССР», автор конспекта и учебника «История государства и права СССР».

Приведём лишь отдельные места его книги, относящиеся к наиболее крупным русским историкам: Соловьёву, Ключевскому, Сергеевичу, Платонову, Павлову-Сильванскому.

Всем известно, какое значение имели труды Соловьёва для выяснения сущности и характера реформ Петра I. В знаменитых «Чтениях о Петре Великом» Соловьёв обосновал взгляды, которые надолго определили развитие вопроса о петровских реформах в русской исторической науке.

Как же расценивает Сыромятников труды Соловьёва об эпохе Петра? Подводя итоги своему разбору взглядов Соловьёва, Сыромятников говорит: «В заключение можно сказать, что мы не найдём в трудах Соловьёва ни истории эпохи Петра I, ни исторической критики и оценки его реформы. Несомненной, крупной заслугой автора «Истории России» было собрание богатого материала по данному вопросу и, главное, постановка на очередь проблемы научного исследования замечательной эпохи, которая привлекла к себе его особенное внимание. Однако подобное исследование оказалось не по силам самому С. М. Соловьёву» (стр. 41).

Так знаменитого автора «Чтений о Петре Великом» и «Истории России» Сыромятников превратил в простого компилятора, собирателя материалов, которому не под силу самому использовать их.

Давая характеристику взглядов Ключевского, Сыромятников говорит: «В конце концов, и автор «Курса» всё «дело» свёл к оценке личности Петра в его «личном деле», добавив ко всему несколько морализирующих замечаний, которые должны нас примирить с «лицом» неистового «самовластца», в котором деспотизм соединился с «самопожертвованием» (стр. 45). Окончательные выводы Сыромятникова о взглядах Ключевского: «Таким образом, и «Курс» Ключевского не подвинул ни на шаг вперёд проблемы о реформе Петра, хотя автор и посвятил целый ряд глав обзору и изложению петровских преобразований, их «плану» и приёмам» (стр. 46—47).

Переходя к Сергеевичу, Б. И. Сыромятников подводит итоги: «Таким образом, в результате всех этих беспомощных попыток определить понятие «верховная власть» в Московском государстве у автора ничего, кроме противоречий, не получается» (стр. 85).

Касаясь взглядов Платонова, Сыромятников декларирует: «Покойный академик также в данном случае не пошёл дальше Со-

ловьёва и Ключевского, воспроизведя не только общую точку зрения автора «Истории России», но и его противоречивые квалификации в оценке петровской реформы. В высказываниях Платонова мы не найдём не только ни одной новой, оригинальной мысли, но даже попытки хотя бы углубить в каком-либо направлении традиционные положения его ближайших предшественников, несмотря на то, что в своих «Лекциях» автор уделил достаточное место «времени Петра Великого» (стр. 47).

Ту же судьбу разделил и Павлов-Сильванский. Этот талантливый и наиболее прогрессивный из буржуазных историков «уличён» Сыромятниковым в ряде противоречий. Вот какую оценку даёт Сыромятников его замечательным исследованиям: «Итак, мы имеем «формальное право» констатировать, что автор «Феодализма в древней Руси» не сумел связать свои начала и концы и запутался в противоречиях. Главное же: он так и оставил без ответа наиболее интересный для нас вопрос — чем же отличались друг от друга те два «этапа» в истории Русского государства с XVI и до начала XIX в., о которых он говорит на 145-й странице своей книги» (стр. 112).

Расправившись таким образом с самыми крупными представителями исторической науки XIX и начала XX в., Сыромятников переходит к разбору попыток советских историков разрешить вопрос о петровских реформах. Подвергнув анализу I том «Истории СССР», который писали и редактировали крупнейшие советские историки, Сыромятников даёт ему следующую характеристику: «Мы должны констатировать тот факт, что искать в настоящем томе хотя бы самой общей исторической композиции и оценки реформ Петра Великого и характера его государства не приходится» (стр. 65). С точки зрения Сыромятникова, не только автор раздела, посвящённого Петру I, но и все составители I тома «Истории СССР» «далеко ещё не разобрались сами в тех основных вопросах русской истории, которую они преподносят учащимся высшей школы» (стр. 65. Разрядка наша.— Л. и Ю.).

Но, быть может, Сыромятников нашёл что-либо ценное в обширной монографической литературе, посвящённой этой эпохе? Но и здесь он непреклонен. «Несмотря на относительно значительное, как будто, количество работ, так или иначе затрагивающих эпоху Петра и его преобразования, — пишет Б. И. Сыромятников, — мы до сих пор, однако, ещё очень далеки от знакомства с этой эпохой не только в целом, но даже и по важнейшим вопросам её истории, в особенности по вопросам государства и права, не говоря уже об их идеологии, несмотря на особый интерес, какой именно с этой стороны представляет данный период русской истории» (стр. 42. Разрядка наша.— Л. и Ю.).

Чтобы продемонстрировать «критические» приёмы Сыромятникова, приведём его полемику с авторами I тома «Истории СССР» и с автором «Истории государства и права СССР». Говоря о VIII главе «Истории СССР» (том I), посвящённой военно-бюрократической империи Петра I, Сыромятников утверждает, будто бы в ней «нет и речи» о классовой борьбе (стр. 66), хотя в этой главе имеются раздел, посвящённый народным движениям начала XVIII в., в частности Астраханскому восстанию, восстанию Булавина, Башкирскому восстанию (§ 5, стр. 609—618), и раздел, посвящённый борьбе Петра I с консервативной оппозицией (§ 10, стр. 642—645).

Разгром «Истории государства и права СССР» Сыромятников начинает со следующего заявления: «Прежде всего мы должны отметить, что Юшков нигде не даёт, как и его предшественники, определения понятия, что такое «абсолютизм» (стр. 69).

Но Сыромятников не заметил, что автор приводит классическое определение абсолютизма, данное Лениным, хотя сам же он признаёт, что «Ленин превосходно охарактеризовал его (абсолютизм.—Л. и Ю.) в наиболее типических чертах» (стр. 201, примечание 537).

Далее Сыромятников пишет: «Отождествляя самодержавие и абсолютизм и утверждая, что в Московском государстве не было самодержавия, Юшков явно противоречит Ленину» (стр. 70). Утверждение, что Юшков будто бы доказывает, что в Московском государстве не было самодержавия, и тем самым вступает в противоречие с высказываниями Ленина, беспримерно по своей беззастенчивости. На стр. 236 работы Юшкова написано: «Вместе с тем московские цари в эпоху сословно-представительной монархии, опираясь на дворянство и горожан, наносят окончательный удар крупной феодальной знати и расчищают почву для абсолютизма. Создаётся сложный бюрократический приказной аппарат и т. д. Однако этот абсолютизм второй половины XVII в. носил зачаточный характер». Отсюда видно, что автор признаёт существование самодержавия, абсолютизма в Русском государстве во второй половине XVII в. (по терминологии Сыромятникова — в Московском государстве).

Можно бы продолжить разбор «полемиических» приёмов Сыромятникова. Но и приведённых достаточно, чтобы понять и оценить значение сурового приговора автора «Регу-

лярного» государства» над исторической наукой.

Попытаемся проанализировать взгляды автора на основные моменты истории Русского государства XVII—XVIII вв. и, в частности, на государство Петра I. Взгляды эти можно свести к следующим основным положениям. В XVI—XVII вв. московское самодержавное государство представляло собой сословно-представительную монархию, характерным признаком которой было «двоевластие»: царь и Земский собор, подобно тому как в предшествующие исторические периоды были князь и вече, князь и Боярская дума (стр. 108). Эта самодержавная сословно-представительная монархия просуществовала до Петра I. «Для московского царя,— говорит Сыромятников,— а ещё более для московского общества в его массе, сверху донизу, родной, твёрдой почвой была всё ещё почва традиционной, феодальной Московской Руси со всем её государственным и общественным «домостроем». И для царя Алексея, воровато тянувшегося к новшествам иноземной культуры, европейский Запад оставался всегда «еретическим»... Но и в тех случаях, когда алексеевское правительство было вынуждено заимствовать в интересах государственной обороны уже не «потешные» заморские штуки, а их европейскую технику, прежде всего военную, то и тогда «нога» этого правительства продолжала твёрдо стоять на родной земле» (стр. 119). В другом месте Сыромятников выступает ещё решительнее: «Преобразовательный» марш московского правительства — скажем мы — совершался по классическому образцу: «шаг вперёд — два шага назад», так что в итоге получалось не только «ни взад, ни вперёд», а даже явный уклон назад» (стр. 120. Разрядка наша.—Л. и Ю.).

Пётр совершил переворот, покончил с сословно-представительной монархией и на её развалинах заложил основы Российской империи, «того государства нового типа, которое известно под названием «регулярного», т. е. полицейского абсолютистского государства «просвещённого деспотизма», образец которого он нашёл в Западной Европе, откуда он и почерпнул его идеологию, освящённую столь популярными учёными авторитетами, как Гуго Гроций, Гоббс, Пуффендорф, Лейбниц, Хр. Вольф» (стр. 151).

Итак, Пётр I, ученик немецких публицистов — Лейбница, Пуффендорфа и Вольфа, — пересадила на русскую, совершенно не подготовленную почву полицейское государство. Таков первый тезис Сыромятникова, тезис, который, по сути дела, отбрасывает русскую историческую науку к временам господства немецких историков в российской Академии наук — Миллера, Шлецера.

Второй тезис ещё более «оригинальный»: Пётр, как оказывается, был не дворянским

царём, как до сего времени думали современные советские историки, а представителем и защитником нарождавшейся русской буржуазии.

Чтобы доказать читателям буржуазный характер петровских реформ, Сыромятников пишет: «В своём отношении к нарождающейся русской буржуазии Пётр решительно стал на её сторону и в этом направлении последовал по тому пути, какой намечен был «торговыми людьми» XVII в., которые, как мы видели, весьма ясно формулировали свои desiderata путём «докуки беспрестанной» московскому правительству» (стр. 139). Дальше Сыромятников ещё более смело утверждает, что Пётр I, стремившийся ускорить темпы рождения русской буржуазии, стоял на антифеодальных позициях (стр. 144). Больше того: по Сыромятникову, Пётр, как и полагается защитнику интересов буржуазии, переходит в наступление против дворянства «Ближайший анализ петровского законодательства по данному вопросу показывает, что характерной тенденцией этого законодательства было стремление к ограничению крепостного права во имя тех же направляющих начал, которые привели и к ограничению землевладельческих прав дворянства во имя широко понимаемого «государственного интереса» (стр. 145).

Но ведь Пётр I стремился, как говорит Сыромятников, утвердить в России абсолютизм, абсолютную монархию. А абсолютная монархия является одной из форм феодального государства. Чтобы свести концы с концами, Сыромятников приписывает классикам марксизма своё собственное понимание классовой природы абсолютизма: «Классики марксизма, как известно, в ряде своих произведений, начиная с «Немецкой идеологии», с полной определённости высказались по вопросу об абсолютной монархии или абсолютистском государстве, как историческом периоде, «когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая уравнивает друг против друга дворянство и буржуазию» (стр. 64). Приведя это классическое определение абсолютизма, Сыромятников тут же извращает его. «Таким образом,— пишет он,— абсолютная монархия как бы «сидит на двух стульях» или, говоря иначе, одной ногой опирается на феодальное дворянство, находящееся в процессе своего разложения, но стоящее ещё у власти, другой — на буржуазию, находящуюся в процессе своего формирования и идущую к власти» (стр. 65). А затем Сыромятников делает дальнейший логический скачок: «Отсюда и та колеблющаяся, балансирующая позиция неустойчивого равновесия, или позиция «нейтралитета», которую пытается занять государственная власть между антагонистическими классами, опираясь, однако, на них, отсюда же и та услов-

ная её «самостоятельность», которая определяет её формальную неограниченность, т. е. её «абсолютизм» (стр. 65).

Таким образом, по Сыромятникову, в эпоху абсолютизма государственная власть опирается сразу на два класса, сидит сразу на двух стульях — буржуазном и феодальном. Поэтому, с точки зрения Сыромятникова, не будет ничего удивительного, если высокий носитель этой власти — абсолютный монарх — прочно сядет на буржуазный стул.

По мнению Сыромятникова, реформы Петра носят антифеодальный, буржуазный характер. Но тогда возникает вопрос: в какой связи находится петровское государство с государством его преемников? Чтобы ответить на этот вопрос, Сыромятникову ничего не осталось делать, как вытащить из архива похороненные домыслы М. Н. Покровского о феодальной реакции при преемниках Петра I. Согласно взглядам М. Н. Покровского, поддержанным теперь Сыромятниковым, преемники Петра отменяют реформы, направленные против дворянства, и восстанавливают дворянскую монархию.

Таковы в основном взгляды Сыромятникова на предпосылки реформ Петра, на характер и классовую их сущность.

Прежде чем начать проверку взглядов Сыромятникова с фактической стороны, необходимо выяснить, правильно ли он интерпретирует высказывания классиков марксизма-ленинизма и в первую очередь те высказывания, которые относятся к абсолютной монархии в России.

До сего времени советские историки и историки-государствоведы твёрдо держались ленинского взгляда, что самодержавие — диктатура феодалов-крепостников, что самодержавная абсолютная монархия является одной из форм феодального государства. Это ленинское понимание классовой природы абсолютной монархии, абсолютизма, самодержавия опровергает взгляды буржуазных учёных (Чичерина, Ключевского и др.) о самодержавии как надклассовой надстройке.

Правда, абсолютизм, абсолютная монархия, является последней формой феодального государства, которая возникает и развивается уже в условиях зарождения и развития капитализма. Классики марксизма-ленинизма отмечают этот момент. «Современная историография, — пишет Маркс, — доказала, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла ещё перевеса над другой»¹. Поскольку абсолютная монархия возникает и развивается в период возникнове-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 212.

ния и развития капитализма и класса буржуазии, т. е. в период, когда в феодальном государстве меняются степень влияния, роль и значение капиталистических элементов и формы классовой борьбы, постольку меняется и структура монархии при абсолютизме.

Ленин даёт следующую характеристику тех изменений, которые происходили в русском самодержавии: «Русское самодержавие XVII века — с боярской Думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещённого абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя»¹. Ленин указывал, что в России монархия сделала два шага по пути превращения из феодальной в буржуазную: первый раз — в период 60—70-х годов, XIX в., а второй раз — в период столыпинской реакции².

Одной из характерных черт абсолютизма, самодержавия является то, что оно, будучи диктатурой феодалов, помещиков, представляет, как писал Ленин, «до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу... Самодержавие удовлетворяет известные интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансирующим между противоположными интересами»³. Это балансирование самодержавия между противоположными интересами усиливается после революции 1905 — 1907 годов. Ленин писал об отзовистах: «Отзовисты не умеют отличать абсолютизма, лавирующего между указанными двумя классами (капиталистами и помещиками. — Л. и Ю.), от прямого господства этих классов, и у них выходит абсурд, исчезает куда-то борьба с самодержавием»⁴. Но это лавирование, балансирование вовсе не означает, что самодержавие является надклассовой надстройкой. Самодержавие, абсолютная монархия продолжает быть политической формой феодального государства, она продолжает быть диктатурой феодалов, помещиков.

В постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР говорится: «Известно, что развитие русского государственного строя в последние десятилетия перед революцией шло в направлении превращения российской монархии в буржуазную монархию (причём

этот процесс так и не закончился до революции) — помещик разделял власть с капиталистом (что отнюдь не равнозначает полному уступке власти капиталистам)»⁵.

Но если в России только в последние десятилетия перед революцией помещик разделял власть с капиталистами, то естественно, что в период возникновения и первоначального развития абсолютизма, когда только нарождался класс русской буржуазии и влияние его было незначительно, не могло быть и речи о разделении помещиками власти с капиталистами; можно говорить только об «удовлетворении известных их интересов».

Можно ли, опираясь на совершенно ясные высказывания классиков марксизма-ленинизма о классовой природе самодержавия, абсолютизма, протащить взгляд на Петра I. как на буржуазного реформатора? Конечно, нельзя без явного извращения этих высказываний. Б. И. Сыромятников и извращает как смысл высказываний основоположников марксизма-ленинизма, так и исторические факты.

Факты, приводимые Сыромятниковым, двойного рода. Они показывают, что деятельность Петра, с одной стороны, была направлена против дворянства, а с другой стороны, ставила своей целью обеспечить господство буржуазии. Среди мероприятий, направленных против дворянства, Сыромятников отмечает издание указа об единонаследии 1714 г.; издание таблицы о рангах; ограничения прав дворян-помещиков на труд их крепостных и вообще мероприятия по ограничению крепостного права; введение военной реформы.

Коснёмся прежде всего мероприятий, связанных с указом о единонаследии. Известны давно те весьма значительные ограничения, которые были установлены Петром I в праве распоряжения и пользования дворянскими землями. Так, известно, что по указу 1712 г. было запрещено последнему в роде распоряжаться своим родовым имуществом. По указу об единонаследии 1714 г. запрещалось отчуждение недвижимого имущества, за исключением продажи и то только по особой нужде, «кто принуждён будет». А чтобы затруднить продажу, была установлена высокая пошлина с цены продаваемого имения и т. д. Как раз эти факты и разбивают доводы Сыромятникова об антифеодальном, антидворянском характере земельного законодательства Петра I. Характерной чертой буржуазной поземельной собственности является неограниченное право владения, пользования и распоряжения ею, в противоположность феодальной. Если бы Пётр действительно стремился проводить антидворянскую политику в области земельного законодательства, то он должен был бы, слив вот-

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 18.

² См. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 96; т. XIV, стр. 292.

³ Ленин. Соч. Т. V, стр. 125.

⁴ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 53.

⁵ «К изучению истории». Сборник, стр. 34. Партиздат. 1937. (Разрядка наша. — Л. и Ю.)

чины с поместьями, уничтожить всё, что мешало неограниченному распоряжению и пользованию землёй, и таким образом провести в жизнь основные принципы буржуазной поземельной собственности. А между тем Пётр дополнил ряд ограничений в праве распоряжения собственностью, существовавших в Московском государстве, новыми, более стеснительными. Здравый смысл говорит, что, издавая эти постановления, законодатель стремился сохранить землю за теми, кто ею владел, в данном случае за дворянами.

Точно так же домыслом, Сыромятникова является его положение, что указ о единонаследии 1714 г., который ограничивал право завещательных распоряжений и до крайности суживал круг законных наследников, содержит какие-то антифеодальные, антидворянские принципы.

Всеми исследователями признаётся, что указ 1714 г., кроме защиты так называемых казённых интересов, имел своей целью поддержать знатные фамилии. Он предохранял дворянские имения от распыления. Хотя указ имел в виду не только дворян, тем не менее его действие должно было затронуть в особенности дворянство, которое главным образом и владело недвижимой собственностью.

Далее Сыромятников говорит о стремлении Петра I ограничить крепостное право. Но и этот его довод при ближайшем рассмотрении всего петровского законодательства, а не только отдельных указов, не может быть признан убедительным.

Среди мероприятий Петра I, которые должны были улучшить положение крестьян, необходимо указать на именной указ сенату от 15 апреля 1721 г. о непродже крепостных порознь; инструкцию воеводам от 6 января 1719 г. о мерах против беспутных, мотов и разорителей (крестьян); указ от 5 января 1724 г. о запрещении неволиять своих рабов при заключении брака; указ об установлении для помещиков обязанности «прокормления» своих крестьян; указ от 26 мая 1714 г. о запрещении помещикам отдавать крестьян в зажив; указ от 12 декабря 1720 г. об отмене правева; указы, имеющие своей целью регулировать право помещичьих крестьян заниматься торговлей; «Плакат» от 26 июня 1724 г. (п. 17) о запрещении помещикам переводить своих крестьян из одного имения в другое без дозволения камер-коллегии.

Но, как правильно отметил ещё Владимирский-Буданов, единственным ограничением крепостных прав было запрещение ставить крестьян вместо себя на правёж¹. Остальные указы или парализовались другими указами Петра I, или не выполнялись на практике, или, наконец, издавались не с целью улучшения положения крестьян, а в фискальных интересах.

Если признать, что эти указы несколько улучшили положение помещичьих крестьян, то нужно отметить, что Петром были изда-

ны и такие указы, которые, наоборот, резко ухудшили их положение. Среди этих указов в литературе давно отмечается «Плакат» от 26 июня 1724 г. (п. 121), разрешавший крестьянам отлучаться только с получением письменных отпусков.

Если подвести общий баланс петровскому законодательству о крестьянах, то придётся признать, что положение крестьян при Петре I не улучшилось, а ухудшилось.

Классики марксизма-ленинизма, отмечая большое значение реформ Петра I и его деятельности, подчёркивали ухудшение положения крестьян в его царствование. «Со времён Петра,— писал Энгельс,— началась иностранная торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. Этим было вызвано угнетение крестьян»². С особой яркостью мысль об угнетении крестьян при Петре выразил товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»³.

Только от сознания слабости своей аргументации можно сослаться на табель о рангах и на военную реформу Петра как на доказательство его антидворянской деятельности. Табель о рангах как раз обновлением состава дворянства должна была укрепить и укрепила это сословие. Табель о рангах предупредила превращение дворянства в касту, и тем самым был обеспечен дальнейший рост его экономического и политического влияния. Если бы табель о рангах вызвала возмущение всего дворянства, то она была бы отменена при ближайших преемниках Петра. Только при Екатерине II некоторые представители дворянства начали выступать против основных принципов табели о рангах, но дело окончилось только одними разговорами.

Ещё меньше можно говорить об установлении обязательной для дворян военной и гражданской службы, как о мероприятии, направленном против дворянства. Мероприятиями Петра I был создан крепкий дворянский костяк в русской армии, причём благодаря изданию табели о рангах выдвинувшиеся из других сословий командиры были прочно связаны с дворянством, становясь личными, а затем потомственными дворянами.

Не антидворянское настроение Петра I, а широкое понимание классовых интересов дворян толкнуло его к принятию тех мероприятий, которые Сыромятников квалифицирует как антидворянские. Пётр боролся не с дворянством, а с заскоруждыми, узкокастовыми тенденциями, возникшими в некоторых кругах дворянства к концу XVII века.

Так же неосновательны попытки Сыро-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 370.

³ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 3. Госполитиздат. 1938.

¹ См. «Обзор истории русского права», стр. 259. СПб. 1900. 3-е изд.

мятникова доказать буржуазный характер мероприятий Петра, предпринимавшихся им для развития русской торговли и промышленности. Пётр I, так же как и представители меркантилизма в западноевропейских странах, в первую очередь учитывал значение развития торговли и промышленности для дворянского, помещичьего хозяйства. Он очень хорошо понимал, что развитие промышленности отвечало интересам дворянства, было стимулом для повышения производительности помещичьего хозяйства, поскольку основанные им мануфактуры становились потребителями сельскохозяйственного сырья.

Таким образом тезис Сыромятникова о Петре I как буржуазном реформаторе не выдерживает никакой критики.

Перейдём к разбору взглядов Сыромятникова об общественно-политическом строе Русского государства XVII века. Обратимся к историческим фактам, которые решительно бьют Б. И. Сыромятникова. Земские соборы, которые являются, по мнению Сыромятникова, для сословно-представительной монархии основным органом, с 1653 г. перестают созываться как таковые. Они вырождаются в комиссии по сословным делам. Собор 1653 г., созданный для решения вопроса об Украине, является последним собором, в котором принимали участие выборные и от служилых людей и от посадских. После 1653 г. земские соборы были простыми совещаниями правительства с представителями или служилых людей или посадских, причём эти совещания часто созывались для решения мелких вопросов.

Можно ли назвать в этих условиях Русское государство во второй половине сословно-представительной монархией? Конечно, нет. Петру I вовсе не нужно было устраивать переворота, «кончать» с земскими соборами, поскольку они с 1653 г. не созывались и выродились в совещания правительства с представителями некоторых групп русского общества. Пётр I унаследовал самодержавие, которое, как указывал Ленин, отличалось от чиновничье-дворянской монархии XVIII века. И в самом деле, значительно раньше, чем это думает Сыромятников, в Русском государстве сложились социально-экономические и политические предпосылки для возникновения абсолютной монархии. Основной предпосылкой для этого возникновения являлось дальнейшее развитие производительных сил в Русском государстве к середине XVII в., когда были ликвидированы последствия кризиса начала XVII в., а также тяжёлые последствия «литовского» разорения.

Образование всероссийского рынка и дальнейший рост товарных отношений обусловили разложение средневекового сословия горожан и появление элементов, которых товарищ Сталин в беседе с Эмилем Людвигом называет представителями «нарождавшегося купеческого класса». Эти элементы возникали в первую очередь среди гостей людей гостинной и суконной сотен, выделяясь из общей массы посадского населения.

Стали создаваться и политические предпосылки для возникновения абсолютизма. К середине XVII в., когда было издано Соборное уложение 1649 г., процесс всеобщего закрепощения закончился. Одновременно были прикреплены и посадские люди к посаду. Дальнейшее усиление крепостнической эксплуатации обусловило обострение классовых противоречий. В Русском государстве наступил тот период, который в современной исторической науке получил название периода крестьянских войн и городских восстаний. Господствующий класс феодалов-крепостников в то время был заинтересован в установлении такого политического аппарата, который мог бы оперативно и быстро подавлять эти восстания. А таким политическим строем является самодержавие, абсолютизм. К тому же самодержавие могло удовлетворять «известные интересы» нарождавшегося класса русской буржуазии.

Однако самодержавие, абсолютизм в XVII в. был в зачаточном виде. Правительство принуждено было считаться в той или иной степени с земскими соборами, причём иногда оно шло даже на созыв фиктивных соборов или выдавало совещания с представителями некоторых групп за земские соборы. В некоторых случаях оно принуждено было созывать и Боярскую думу в полном её составе. Ещё не окончательно ликвидированы были органы земского самоуправления. И тем не менее Русское государство со второй половины XVII в. было абсолютной монархией в период её возникновения, а не сословно-представительной монархией в период её упадка.

Но в Русском государстве не только возникает абсолютизм, но в последней четверти XVII в. происходят дальнейшие изменения в государственном аппарате, которые предвосхищают многие петровские реформы. Так, в большей степени усиливается значение «комнаты», являющейся прообразом будущего сената. Делается попытка упорядочить систему приказов и сократить их число. На местах создаются так называемые разряды — крупные военно-административные округа, включавшие несколько воеводств — прообразы будущих губерний. Наблюдаются попытки ввести городское самоуправление (во Пскове и в Новгороде). Много изменений происходит в финансовом устройстве, в частности посошная система обложения заменяется подворной. Реорганизуется и войско. Количество войск иноземного строя увеличивается с каждым годом, а роль дворянского ополчения падает.

Таким образом, должен быть решительно отвергнут и тот тезис Сыромятникова, в котором государственная реформа Петра I расценивается как переворот, вызвавший появление абсолютной монархии. До сего времени некоторые исследователи пытались доказать, что Пётр I, проводя свои реформы, якобы следовал шведским или голландским образцам, но все эти доказательства были блестяще опровергнуты. Можно с уверенностью сказать, что и попытка Сыромятникова представить Петра как деятеля, рукой которого водили главным образом

немецкие теоретики будет разбита. Само собой разумеется, Пётр I был знаком со всеми достижениями западноевропейской культуры. В частности он прекрасно знал работы западноевропейских философов и теоретиков государства и права. Известно, что некоторые произведения этих теоретиков он пытался напечатать на русском языке. По заказу Петра I был написан Феофаном Прокоповичем трактат «Правда воли монаршей». Но это произведение отнюдь не представляло программы дальнейшей деятельности Петра: оно было написано главным образом для оправдания и объяснения указа о престолонаследии.

Наша критика взглядов Б. И. Сыромятникова вовсе не имеет целью умалить роль и значение Петра I. Роль Петра I заключается вовсе не в том, что он проводил свои реформы якобы по рецептам, по указке главным образом немецких философов и теоретиков права—Лейбница, Пуффендорфа и Вольфа, что он был каким-то прожектором, «бунтарём», не учитывавшим окружавшей его обстановки, что он пошёл против исторических потребностей общества, а в

том, что он правильно понял условия развития русского общества своего времени и стремился изменить их к лучшему. Пётр I был представителем своего класса—класса помещиков,—но он выражал всё новое, всё передовое, прогрессивное, что имелось в русском дворянстве и купечестве.

Задача советских историков заключается не в том, чтобы наклеить на политический строй, возникший в результате реформ Петра I, какой-то ещё не известный доселе в науке ярлык («регулярное» государство), а в том, чтобы, используя богатейшее научное наследство, на основе марксистско-ленинской методологии дать углублённое изучение предпосылок реформ Петра I, коренившихся в самой русской жизни, в Русском государстве, а также общего хода реформ, которые надолго предопределили дальнейшее развитие Русского государства и придали ему исключительную силу и крепость.

Проф. МГУ В. Лебедев,
чл.-корр. АН УССР проф. Моск.
юрид. ин-та С. Юшков

МАНАНДЯН Я., *акад. Краткий обзор истории древней Армении.* Изд. АН СССР. М. и Л. 1943. 56 стр. 3 руб.

Небольшая по объёму работа, как указывает акад. Я. А. Манандян в предисловии, написана с целью оказать посильную помощь авторам учебников по истории СССР и одновременно преподавателям, студентам и другим читателям, интересующимся историей армянского народа.

Автор обобщил новейшие достижения по истории Армении начиная от периода образования армянского народа и до XVI века. Значительная часть этих достижений есть результат исследований акад. Манандяна, опубликованных главным образом на армянском языке. Именно поэтому значение настоящей работы выходит за пределы скромных намерений автора.

Огромная исследовательская работа по вопросам социально-экономической истории древней и средневековой Армении, которую особенно интенсивно вёл акад. Манандян последние двадцать лет, показала, насколько необходим пересмотр периодизации истории древней и средневековой Армении и проблематики, насколько необходимы переоценка установившихся традиций и увязка истории Армении с историей сопредельных стран. И с этой точки зрения настоящий очерк следует рассматривать также как рабочую схему для исследователя, занимающегося вопросами истории Передней Азии и, в частности, истории Армении.

Опытный глаз исследователя, несомненно, заметит в подчас чрезвычайно лапидарных положениях акад. Манандяна либо выводы большого принципиального значения, либо новую постановку той или иной проблемы. Кроме того следует отметить, что в настоящей работе в системати-

зированной форме отражены выводы из ряда монографий автора, на первый взгляд непосредственно не связанных друг с другом, но давших основание по-новому объяснить ряд исторических процессов в истории Армении. Так например страницы, посвящённые созданию и развитию древнеармянского государства (стр. 11—15), изложены на основе капитальной монографии акад. Манандяна «Тигран II и Рим», совершенно по-новому осветившей историю эллинистического государства Тиграна Великого.

Общественно-политический строй древней и средневековой Армении изложен на основании большого труда — «Феодализм в древней Армении» (1934), — значение которого велико не только для истории Армении, но и для общей истории феодализма как формации. Экономическая история в значительной части основана на двух монографиях автора — «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времён» (1930) и «Главные пути древней Армении по карте Певтингера» (1936). Наконец, следует упомянуть о трёх исследованиях автора, нашедших отражение в настоящем труде: «Народные восстания в Армении против арабского владычества» (1932), «Города Армении в X—XI веках» (1940) и «Месроп-Маштоп и борьба армянского народа за культурную самобытность» (1941).

Одновременно следует отметить, что в настоящем обзоре есть немало положений, основанных на многочисленных узко специальных исследованиях автора по различным вопросам исторической географии, метрики, истории культуры и т. д. По сравнению со своими предшественниками, занимавшимися историей древней и средневековой Армении,

акад. Манандян в своих исследованиях шире и глубже охватил экономические, социально-политические и культурные вопросы.

Необходимо отметить, что все указанные труды созданы акад. Манандяном в советский период; они являются ценным вкладом в советскую науку. Отсюда ясно, что настоящий краткий обзор является своего рода сводом научных достижений автора. Это особенно бросается в глаза при сравнении известного труда В. Брюсова «Летопись исторических судеб армянского народа», написанного в 1916 г., с данной работой акад. Манандяна. В. Брюсов проделал весьма нужную, основанную на последних данных армяноведения того времени пре-

красную сводную работу. Но он не имел возможности дать всестороннюю картину развития государственного, общественного и экономического строя Армении, так как тогда ещё не было сделано всего того, что создал в новых, советских условиях акад. Манандян.

Настоящая работа, местами изложенная чрезвычайно конспективно, даёт возможность получить общее представление о главных явлениях истории армянского народа и на основе такого знакомства обратиться к изучению специальных работ, перечисленных в указателе, данном в конце работы.

Проф. И. Кусикьян

ЗАХОДЕР Б., проф. *История восточного средневековья (халифат и Ближний Восток)*. Московский ордена Ленина Государственный университет имени М. В. Ломоносова. Издание МГУ. М. 1944. 152 стр. 20 руб.

Изучение истории Востока до последнего времени было уделом специалистов-ориенталистов и не вводилось в систему университетского преподавания. Только после решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома о преподавании истории в средней школе и о восстановлении исторических факультетов в наших высших учебных заведениях изучение истории Востока входит в программы исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Преподавание новой истории Востока в настоящее время обеспечено хорошим учебником (правда, доведённым только до конца первой мировой войны) и другими пособиями. Преподавание же истории восточного средневековья было крайне затруднено. А между тем понимание современного состояния стран Востока, имеющих большое культурное прошлое, занимавших некогда ведущее место в мире, невозможно без тщательного изучения феодального периода истории этих стран. Это тем более необходимо, что пережитки феодализма до сих пор сильны на Востоке.

Изучение истории Востока особенно важно в нашей стране, теснейшим образом связанной в процессе своего развития со странами Востока и включающей в свой состав ряд восточных республик.

Появление книги проф. Б. Заходера, имеющего ряд работ по истории и истории культуры мусульманского Востока (главным образом Ирана), — событие незаурядное. Это — первое оригинальное сочинение, посвящённое истории мусульманского средневековья, на русском языке. До сих пор русский читатель, интересующийся этими вопросами, должен был обращаться к устаревшей (написанной в 80-х годах прошлого века) переводной книге А. Мюллера «История ислама». Известно, что русское, а затем советское востоковедение занимало всегда почётное место в мировой науке. Отдельные вопросы истории Востока, в том числе и средневекового, нашли всестороннее освещение в трудах таких учёных, как В. Гри-

горьев, Н. Веселовский, В. Жуковский, И. Марр, В. Бартольд, Б. Владимирцев, А. Якубовский. Однако до сих пор не появлялось ни одного сводного труда, который, давая изложение основных фактов и важнейших проблем истории на уровне достижений современной науки, мог бы служить учебным пособием для студентов и средством самообразования для широких слоёв интеллигенции. Известные научно-популярные очерки акад. В. Бартольда «Ислам» и «Культура мусульманства» не дают последовательного изложения исторических событий и кроме того в методологической части устарели.

Книга проф. Б. Заходера является сокращённым изложением лекций, читанных им на историческом факультете Московского университета, и переработкой стеклографического издания 1940 г., ставшего библиографической редкостью. Книга является плодом многолетней исследовательской работы автора, она по-новому ставит ряд важнейших проблем истории средневекового Востока.

Работа делится на следующие главы: «Иран при Сасанидах» (стр. 4—13); «Аравия и арабы до ислама» (стр. 13—20); «Первозачальный ислам и образование арабского государства» (стр. 20—30); «Омейяды» (стр. 30—39); «Халифат Аббасидов» (стр. 39—59); «Мусульманская Испания с VIII по XI в.» (стр. 59—63); «Северная Африка, Египет и Сицилия в IX—XII вв.» (стр. 64—70); «Мусульманский мир в IX—XI вв. Хозяйство, общество и государство, культура и быт» (стр. 70—88); «Сельджукское государство в XI в.» (стр. 88—96); «Реконкиста в Испании и Северная Африка» (стр. 96—100); «Крестовые походы и Передняя Азия» (стр. 100—107); «Монгольское завоевание» (стр. 107—117); «Тимур и Тимуриды» (стр. 117—123); «Османская Турция» (стр. 123—141); «Северная Африка, Египет и Аравия в XVI—XVIII вв.» (стр. 141—143); «Иран» (стр. 143—150).

Уже одно перечисление глав даёт представление о широком охвате книги, а указанные страницы красноречиво говорят о том, как стеснён был автор объёмом книги при выполнении своей нелёгкой задачи.

Автор, располагающий богатейшими материалами, выработавший в течение многих лет исследовательской работы определённую концепцию, должен был кратко, в книжке в десять печатных листов, изложить четырнадцативесковую историю нескольких десятков народов.

Вполне понятны поэтому досадные пропуски, вызванные вынужденной экономностью автора в выборе излагаемого материала. Так, автор почти ничего не сказал о Средней Азии и Кавказе, а между тем книга выиграла бы, если бы в большей мере был привлечён среднеазиатский и кавказский материал.

Однако нужно поражаться искусству автора: на 150 страницах он поместил большое количество фактов, имён и дат, не сделал изложение скучным и затронув множество важнейших проблем своеобразного развития феодального общества на Востоке.

Первый вопрос, с которым сталкивается автор, — о генезисе феодализма на Востоке. Вопрос этот, как известно, очень сложный и далеко ещё не разрешённый в советской науке. Так например акад. Я. Манандян видит сложение феодальных отношений на Кавказе ещё во времена Тиграна II (I в. до н. э.)¹. Акад. И. Орбели склонен считать феодальным Парфянское царство, во всяком случае, во второй период его существования, начиная с Вологеза I. Лет пятнадцать назад в советской историографии под влиянием «школы» М. Н. Покровского и неправильного толкования факта существования на Востоке в очень отдалённом прошлом развитых торгово-денежных отношений высказывалось мнение о разложении феодализма уже в X веке. Реакцией на это явно неправильное утверждение явилась теория о позднем сложении феодализма, согласно которой не только сасанидскую державу, но и халифат омейядов следует относить к дофеодальным государственным образованиям (акад. В. В. Струве). В настоящее время большинство советских учёных склоняется к мнению, что феодальный уклад, в зачаточном виде имевшийся уже в позднепарфянский период, в сасанидское время (III—VII вв. н. э.) приобретает ещё большее значение. Открытым остаётся вопрос о том, когда же именно наступает момент перехода количества в качество: превращение феодальных отношений в господствующие отношения. Б. Заходер, опираясь на мнение акад. В. Бартольда, склонен считать таким поворотным моментом Мадзакитское движение и последовавшие за его разгромом реформы сасанидского царя Хосрова I Аношравана (середина VI в. н. э.). Хотелось бы только, чтобы это мнение было высказано с большей определённостью. В книге начальный период истории Сасанидов изложен

таким образом, что мало искушённый в этом вопросе читатель (а ведь книга в основном рассчитана на студентов 2—3-го курса) не получит ясного представления об этой кардинальной проблеме истории средневековья.

Чрезвычайно важной является глава «Мусульманский мир в IX—XI вв.», где автор высказывает свои основные взгляды на общество, социальную структуру, культуру и быт арабских государств. На этой главе следует остановиться подробнее.

Рассмотрев различные отрасли хозяйства: сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство, добычу жемчуга, птицеводство, разработку недр, обрабатывающую промышленность, торговлю, транспорт, деньги и кредит, — автор в специальном разделе разбирает виды земельной собственности, положение крестьянства и ремесленников, организацию государственной власти, положение и характер средневекового города.

При рассмотрении положения средневекового крестьянства необходимо прежде всего установить формы и способы эксплуатации. Наиболее характерной формой зависимости феодального крестьянина является крепостная. Однако на Востоке для раннего средневековья мы редко можем увидеть классические образцы крепостного права. Б. Заходер пишет: «Ни в Коране, ни в сборниках мусульманского права нет указаний на возможность крепостного режима. И тем не менее, к XI в. мы наблюдаем в мусульманском мире фактически если не крепостное, то полукрепостное положение крестьянства» (стр. 76). Высказав это положение, автор не конкретизирует его, а ограничивается ссылкой на известное место из четвертой главы «Краткого курса истории ВКП(б)», где даётся схема феодальной структуры общества в общей форме. И далее Б. Заходер прибавляет: «Источники X—XI вв. весьма богаты сообщениями о дарении и продаже целых деревень». Неопределённость и недостаточная ясность формулировки создают у читателя (знающего русское крепостное право) впечатление о возможности купли и продажи крестьян и без земли. А между тем это неверно. Такой практики мусульманское средневековье не знало. Факт продажи и дарения деревень ещё не означает возможности продажи и насильственного перемещения обитателей этих деревень. Крепость земле засвидетельствована рядом источников, главным образом египетскими папирусами VIII—X вв., но и там нет речи о продаже крестьян без земли.

Признание этого своеобразия не означает, конечно, что эксплуатация крестьянства не

¹ См. труды акад. Я. Манандяна: «Феодализм в древней Армении», «Тигран II и Рим» и др. (на армянском языке).

была тяжёлой, она принимала только несколько иной характер, чем в Западной или Восточной Европе.

В разделе о кочевниках следовало бы подробнее развить важную тему о взаимоотношениях кочевой степи и осёдлых земледельческих районов. Постоянное вмешательство кочевых племён (арабов, туркмен, монголов) в жизнь старых земледельческих районов, несомненно, повлияло на своеобразие форм восточного феодализма.

Глава о городе и городской жизни чрезвычайно кратка. Хотелось бы получить более подробные сведения о структуре восточного города, различных типах городов на востоке и западе халифата, о ремесленниках, о взаимоотношениях между феодалом и городом, принимавших здесь иную форму, чем в Западной Европе. Особо следует отметить вопрос о ремесленных организациях. Трудно согласиться с положением автора, высказанным на стр. 77: «Мы не встречаем в источниках этого времени ни малейшего упоминания о зарождения хотя бы самых примитивных форм ремесленных цеховых организаций». Сведения о ремесленных организациях чрезвычайно скудны, однако они имеются уже в сирийских источниках сасанидского времени (акты несторианских соборов). Несомненно, городскими, ремесленными были многие религиозные, дервишеские, суфийские организации. Для Малой Азии имеются ценные сведения более позднего времени (XIV в.) о ремесленных организациях «ахиев», сообщённые путешественником Ибн-Батутой. Такие организации не могли возникнуть вдруг: они должны были иметь длинную предисторию, тем более что аналогичные организации существовали в Византии и Армении. Но, конечно, ремесленные организации средневекового Востока не играли той роли в истории, какую сыграли ремесленные организации на Западе.

Вопросам культуры и быта в период халифата уделено большое внимание. В сжатой форме автор дал ясное, конкретное представление о высоком уровне культуры. В вину автору можно поставить только слишком, пожалуй, большую нивелировку культурных достижений, отсутствие дифференциации достижений отдельных народов. Автор постоянно употребляет выражения «арабская наука», «арабские учёные», в то время как лучше было бы говорить о «науке халифата», «учёных халифата», в крайнем случае о «мусульманской науке» и т. д.

Жаль, что автор, вероятно, также из-за недостатка места, уделил внимание только

науке и культуре халифатского периода. Это привело к тому, что некоторые деятели науки (Ибн-Халдуи, Рашид-ад-дин), не имеющие никакого отношения к халифату, упомянуты в этом разделе, так как о них больше негде сказать; с другой стороны, сказано об арабской поэзии (стр. 87) и ни словом не упомянуто о сыгравшей не меньшую роль поэзии персидской. Нет ничего и о турецкой литературе. Всё это создаёт у читателя неправильное представление о мусульманской культуре как о преимущественно арабской.

Начиная следующую большую главу рассказом о сельджукских завоеваниях, автор правильно отмечает переломный характер этого периода. Большие внутренние сдвиги, а не сила кочевников-туркмен определили роль Сельджуков в истории Востока. Не могу только согласиться с утверждением автора, что в лице туркмен «хлынули большие массы кочевого скотоводческого населения» (стр. 88). Все источники говорят, наоборот, о небольшом количестве туркмен, принявших участие в завоеваниях Сельджуков. Кочевой туркменский и вообще тюркский элемент просачивался в Переднюю Азию сравнительно медленно, в течение XI—XIII веков.

Автор совершенно правильно делает упор на ленную систему землевладения как на принципиально новое, отличное от старых, раннефеодальных форм землевладения. Особой заслугой автора является то, что он указывает на преемственность сельджукской икты от буидских форм землевладения и тем самым отмежевывается от распространённой (к сожалению, и в советской науке), но по существу реакционной теории о тюркском происхождении института икта. Как в области земельных отношений, так и в области общественной и культурной жизни Сельджуки явились не столько носителями нового, сколько могучим ферментом, катализатором, ускорившим назревшие в глубине ближневосточного общества перемены.

Вызывает недоумение дальнейшее размещение глав: рассказу о крестовых походах предшествует глава о реконкисте в Испании. Тем самым раздел о сельджукском государстве оторван от своего естественного продолжения — крестовых походов. Было бы целесообразнее поменять эти главы местами.

Нашествие монголов в целях экономии дано отрывочно. Так, на стр. 111 рассказывается об административных мероприятиях великого хана Угедея, а между тем раньше ничего не было сказано не только о приходе к власти Угедея, но и о смерти Чингис-хана.

Хорошо изложена история Османской империи. Несмотря на большую краткость изложения читатель получает ясное представление о бурной экспансии, а затем о постепенном загнивании этого государства.

Книга заканчивается изложением истории Ирана в XVI—XVII веках. Жаль, что изложение обрывается на краткой заметке об

объединении афганских племён. В книге нет концовки, не подведён итог своеобразному историческому процессу, протекавшему в течение многих веков на обширной территории. Заключение должно было бы резюмировать основные черты восточного феодализма, узловые моменты в истории мусульманского Востока и подвести читателя к изучению новой истории этих стран.

Отмечу некоторые случайно вкравшиеся недосмотры. На стр. 92, при перечислении отдельных представителей Сельджукского дома, автор называет среди прочих Арслаза-Пейгу. Это — устарелое чтение, основанное на несовершенстве арабской графики. Следует читать: Ябгу. Этот титул вождя племен-

ного союза засвидетельствован в Средней Азии с глубокой древности и перешёл к тюркам, вероятно, ещё от Юечжи¹. На стр. 119 сказано, что Тимур родился в 1336 г. в округе Кеш, называвшемся в то время Шахрисябз. Как раз наоборот: Кеш — старое название, современное Тимуру, а Шахрисябз — современное.

К сожалению, в книге отсутствуют хронологические таблицы и нет ни одной исторической карты.

М. Дьяконов

¹ См. Толстов С. Основные вопросы древней истории Средней Азии. «Вестник древней истории» № 1 за 1938 год.

ПАВЛОВ М. А., *акад. Воспоминания металлурга. Ч. I и II. М. 1943.*
288 стр. 14 руб.

Книга академика М. А. Павлова, крупнейшего специалиста по чёрной металлургии в СССР, представляет большой интерес, и притом не только для техников-металлургов. Она принадлежит к редкому ещё виду исторических источников — мемуарам инженеров. Акад. М. А. Павлов рассказывает в книге о своей работе на заводах Урала и Донбасса. Его практическая работа инженера-доменщика охватывает вторую половину 80-х и 90-е годы XIX столетия. В Донбассе, в Екатеринославе, началась и профессорская и научная деятельность М. А. Павлова.

Книга М. А. Павлова интересует не только инженеров и историков техники, но и вообще всех историков. Эта книга является яркой иллюстрацией к тем страницам работы Ленина «Развитие капитализма в России», где говорится о развитии крупной машинной индустрии и именно — о росте горной промышленности. Ленин указывал, что Урал в конце XIX в. характеризовался самыми непосредственными остатками до реформенных порядков, отсталостью техники, замкнутостью, в то время как «в южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898) туда перевозятся из Америки целые заводы»¹.

Воспоминания знаменитого учёного помогают конкретизировать картину, изображённую Лениным, и дают возможность понять, чем был на деле русский капитализм в очень важный исторический момент перехода к империализму.

Окончив Горный институт в 1885 г., будущий академик стал инженером на Омутнинских заводах в Вятской губернии. Он рисует яркую картину уральского завода, почти не изменившегося со времён Петра

Великого. Непременная принадлежность уральского завода — пруд, резервуар воды и источник двигательной силы. Уральские домены работали на древесном угле, и на заводе имелось две печи: когда одна стояла на ремонте, плавку производили в другой. Не только техника, но и руководство и организация управления на уральских заводах дышали ещё глубокой стариной. Со времён Петра I и его преемников Урал делился на горные округа: это — горнозаводское владение, в котором добывали руду, выжигали уголь, выплавляли чугун и выделяли железо. Каждый округ состоял из нескольких заводов, размещённых по течению реки и связанных между собой производственным процессом. С доменного завода чугун отправляли вниз по реке на другой завод для выделки железа, которое отправляли дальше, на третий завод. Железо отправляли на Нижегородскую ярмарку на баржах по рекам Чусовой и Каме раз в год.

Автор даёт яркие литературные зарисовки заводчиков, у которых ему приходилось работать. Один из владельцев был дипломатом и вращался в аристократическом обществе, другой оказался заядлым игроком и кончил тем, что, по словам М. А. Павлова, «проиграл нас в карты» и разорился. Обыкновенно уральские заводчики «не давали денег на поддержание заводов, на их усовершенствование, высасывали прибыль, стараясь получить её как можно больше; отчего мало-помалу и хорошие заводы приходили в упадок» (стр. 148).

В 1896 г. автор настоял на своей командировке в Америку для изучения широко распространённой там в то время плавки на антраците. Главы, посвящённые поездке в Америку, — одни из лучших в рецензируемой книге. «Поездка в Америку, — пишет М. А. Павлов, — отразилась на всей моей последующей деятельности: я стал сторон-

¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 379—380.

ником и пропагандистом американских конструкций и американских приёмов ведения доменной плавки» (стр. 196), в особенности американской полной механизации подачи материалов, завалки печи и т. п. С этого времени М. А. Павлов начал работать в Донбассе. Здесь, на Сулинском заводе, он с большим успехом применял американские методы плавки. Домна Сулинского завода до приезда М. А. Павлова давала в сутки не более 1800 пудов чугуна, а после перестройки её производительность была доведена до 3450 и даже до 3800 пудов в сутки, т. е. увеличилась больше чем вдвое.

Однако в книге приведено много примеров того, как невежественные в технике владельцы заводов тормозили введение необходимых улучшений. Так, например, заводчики Пастуховы в течение трёх лет не решались на покупку дорогостоящей американской воздуходувки, применение которой значительно увеличило бы выпуск чугуна. Особенно ярко показано в книге М. А. Павлова хозяйничанье в Донбассе иностранного капитала. Иностранцы меньше всего думали о высокой технике, они подходили к богатствам Донбасса хищнически, стремясь лишь скорее нажиться. При этом они старались не пускать на свои заводы русских инженеров. Даже завод знаменитого англичанина Юза состоял первоначально из двух маленьких домен, устарелых и отставших лет на пятьдесят от передовой западноевропейской техники того времени. Юз начал также с постройки пудлинговых печей, изобретённых ещё в XVIII в., вместо того чтобы вводить новейший, мартеновский или бессемеровский процесс в производстве стали (стр. 72).

Автор рассказывает об отдельных талантливых и знающих иностранных инженерах, работавших на русских заводах, но больше было других. Так например «бельгиец Нев, интересный тип техника-жулика», будучи директором Таганрогского завода,

делал заказы своему же котельному заводу «Нев, Вильде и К^о». Нев принял негодную установку, в результате чего произошёл взрыв и имели место несчастные случаи с рабочими.

М. А. Павлов тепло, с признательностью вспоминает в своей книге о русских рабочих, у которых он многому научился. На уральских заводах в самом начале деятельности М. А. Павлова рабочие знакомили его со всеми деталями и особенностями производства. После теоретического изучения вопроса о пудлинговом процессе, рассказывает автор, «я стал учиться у рабочих, наблюдая, как действует пудлинговая печь, какова длительность отдельных периодов и т. д. Интересуясь вопросом, как улучшить работу печи, я постоянно пользовался советами и разъяснениями рабочих» (стр. 112).

Книга показывает, как из практика-инженера М. А. Павлов вырос в крупнейшего учёного. Непрерывная практическая работа на заводах в течение 15 лет, изучение научной литературы, как русской, так и иностранной, наконец, хорошо использованные заграничные командировки, в особенности в Америку, помогли М. А. Павлову стать выдающимся профессором. Свои знания он применял на практике, вводя улучшения в конструкцию доменных печей на Сулинском и других заводах, а затем передавал их студентам.

Книга акад. М. А. Павлова отличается богатством содержания, которое нельзя исчерпать в небольшой рецензии. Следует пожелать скорейшего выпуска следующих частей воспоминаний акад. М. А. Павлова. Надо ожидать, что автор расскажет в них о своей дальнейшей деятельности и о том грандиозном подъёме, который произошёл в нашей металлургии, как и во всей стране, за период сталинских пятилеток.

Б. Кафенгауз

ГРАЦИАНСКИЙ Н., проф. *Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века.* Пособие для преподавателей. Учпедгиз. 1943. 64 стр. 80 коп.

Борьба славян и народов Прибалтики против немецкой агрессии давно привлекала внимание русских исследователей. Это нашло отражение в ценных монографиях: «История балтийских славян» А. Гильфердинга, «Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII—IX вв.» А. Павинского, «Германизация балтийских славян» И. Первольфа, «Колонизация Мекленбурга в XIII в.» (т. I—II) Д. Егорова. Ряд работ М. Бречкевича посвящён истории Западного и Восточного Поморья. Ценный обзор истории полабско-прибалтийских славян дан в «Истории западных славян» М. Любавского и в статье В. Розанова «Книга для чтения по истории средних веков» под редакцией П. Виноградова (т. III. 1902). В «Истории средних веков» (т. I. М. 1939) и в «Истории средних веков» Н. П. Грацианского

истории полабско-прибалтийских славян уделено большое внимание. Наконец, в сборнике статей «Вековая борьба западных и южных славян с немецкой агрессией» Н. П. Грацианский написал главу о борьбе полабско-прибалтийских славян против немецких агрессоров.

История борьбы народов Восточной Прибалтики также давно привлекала внимание исследователей. Она достаточно подробно отражена в «Истории России с древнейших времён» С. Соловьёва, в «Истории России» Д. Иловайского, а также в ряде статей и брошюр об Александре Невском, в ценных работах М. Тихомирова и Я. Зутиса. Меньше внимания было уделено длительной борьбе пруссов с Тевтонским орденом; но борьба литовцев против немецкой агрессии, в особенности Грюн-

вальдский бой, подробно освещена в работах А. Барбашева «Витовт и его политика» (т. I. 1835) и «Витовт, последние двадцать лет княжения» (Птрг. 1891) и В. Антоновича «Монографии по истории западной и югозападной России» (т. I. 1885). В последнее время В. Перцев приступил к исследованию истории пруссов, как это видно из его работ в журнале «Славяне» (1943—1944) и в «Историческом журнале» (№ 4 за 1944 г.).

Очень хорошо, что наш виднейший медиевист Н. П. Грацианский обратился к изучению этих старых проблем. Его книга «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века» политически актуальна, особенно в наше время, когда немецко-фашистские агрессоры задумали осуществить свой давно лелеемый злодейский план — захват «восточного пространства» на основе уничтожения славянских народов.

Борьба полабско-прибалтийских славян против немецкой агрессии тесно связана с борьбой народов Прибалтики, и Н. П. Грацианский правильно поступил, объединив эту тему в одной книге.

Новый труд Н. П. Грацианского, конечно, привлечёт внимание и преподавателей, и студентов, и аспирантов, и медиевистов. В сжатой до предельности форме, но в то же время в ясном и отчётливом изложении Н. П. Грацианский знакомит читателя с историей борьбы славян и народов Прибалтики против немецкой агрессии. Труд Н. П. Грацианского — образцовое, хотя и небольшое по размерам исследование.

Работа Н. П. Грацианского состоит из двух разделов. В первом трактуется вопрос о полабских и поморских славянах и их борьбе против немецкой агрессии в средние века. Второй раздел посвящён борьбе против немецкой агрессии в Прибалтике. В первой главе Н. П. Грацианский определяет территорию расселения западных славян за Лабой (Эльбой) и изучает славяно-франкские отношения до распада империи Карла Великого.

Н. П. Грацианский отмечает мужественное сопротивление славян, скептически относясь, и притом совершенно правильно, к показаниям хрониста Видукинда о потерях славян (стр. 10). Немецкая агрессия с большой силой продолжалась при Оттоне I, который организовал две марки, чтобы держать славян в повиновении. Вместе с тем он приступил к принудительной христианизации, вызвавшей длительную оппозицию славян.

М. К. Любавский полагал, что королям саксонской династии не удалось «надолго упрочить своё господство над полабскими славянами. Около 1000 г. полабские славяне были столь же независимыми, как и двести с лишком лет тому назад». Н. П. Грацианский говорит лишь об ослаблении зависимости от немцев при последних королях саксонской династии (стр. 15). Нам думается, что формулировка Н. П. Грацианского

более соответствует действительности: ведь ободриты подняли восстание лишь в 1002 году.

Одним из последствий длительной борьбы полабских славян против немецкой агрессии было известное развитие политических объединений среди полабских славян. М. К. Любавский находил возможным говорить о двух федерациях полабских славян: ободритской и лютицкой. По мнению М. К. Любавского, первая федерация стояла ближе к образованию единого государственного союза, чем вторая. Н. П. Грацианский уделяет много внимания ободритскому государственному объединению, которое окрепло при князе Готшалке. По мнению автора, «у ободритов правление Готшалка положило начало большому славянскому государству с единою княжескою властью, просуществовавшему около столетия» (стр. 18). Оно было подготовлено предыдущим развитием ободритской федерации. Социальной базой власти Готшалка, по справедливому замечанию Н. П. Грацианского, была дружина, которую Готшалк противопоставлял старинной родовой знати, что уже было отмечено М. К. Любавским. Но «государство Готшалка, — замечает Н. П. Грацианский, — оказалось очень нетвёрдым, так как слишком ещё сильны были среди ободритов родовые порядки, мешавшие образованию у них сильной центральной власти» (стр. 20). Тем не менее государство ободритов на время задержало наступление немцев.

После смерти Генриха (1119) государство ободритов распалось, началось новое наступление немцев на славянские земли, основные этапы которого сжато, но отчётливо отмечает в своей книге Н. П. Грацианский (стр. 38—42).

Хотя славяне оказывали отчаянное сопротивление немцам, всё же оно было сломлено (стр. 41). «Завоевание немцами славянской территории сопровождалось, — отмечает Н. П. Грацианский, — уничтожением их старинной самобытной культуры. Погибли большие торговые славянские города на Балтийском море; погибли памятники архитектуры и искусства славян, в частности их отделанные с большим художественным вкусом языческие храмы; погиб весь патриархальный славянский быт, проникнутый честностью и добродушным гостеприимством, которым восхищались даже немцы» (стр. 41—42).

Вторая часть работы Н. П. Грацианского отведена борьбе против немецкой агрессии в Прибалтике. Автор не ограничился тем, что показал историю завоевания Восточной Прибалтики, но коснулся также положения местного населения после его подчинения немцам. Обычно советские исследователи на этом вопросе почти не останавливались. Н. П. Грацианский отмечает, что «при полном отсутствии притока в Ливонию немецких крестьян-колонистов местное население являлось единственной рабочей силой, которая могла прокормить завое-

вателей. Вот почему массового истребления крестьянства и массового лишения их личной свободы на первое время не было» (стр. 47—48).

Вторая и третья главы второй части работы Н. П. Грацианского посвящены захватнической деятельности Тевтонского ордена, его наступлению на Пруссию, на русские земли, а затем на Польшу и Литву. Н. П. Грацианский отметил героическую борьбу Святополка Поморского против немецких агрессоров (стр. 52—53), но прошёл мимо немецкой агрессии против Полоцка. А между тем Подвинье имело большое стратегическое значение в борьбе против немецкой агрессии.

Интересная работа Н. П. Грацианского заканчивается небольшой главой «Круше-

ние немецкой агрессии в Прибалтике». Немецкие фашисты, бесцеремонно извращая факты, пытались доказать, что, продвигаясь на восток, немцы приносили с собой новую культуру. В действительности это была «культура» грабежа, насилия и уничтожения славянских племён.

Н. П. Грацианский в своей прекрасной книге на основе данных источников показал «истинный характер немецкого «натиска на Восток», неизменно сопровождавшегося вопиющими насилиями над местными жителями и являющегося вопреки лживым утверждениям фашистов не чем иным, как сплошным разбоем в грандиозном масштабе» (из предисловия, стр. 2).

В. ПИЧЕТА,
чл.-корр. АН СССР

ХРОНИКА

Работа сектора славяноведения Института истории АН СССР (1943—1944 г.)

В план научно-исследовательской работы сектора славяноведения на 1943—1944 г. были включены два коллективных исследования: «Балканские государства накануне второй мировой войны» (редактор — проф. З. Неедлы) и «Россия и южные славяне в их культурных и политических связях» (редактор — чл.-корр. АН СССР В. Пичета).

Редакционная работа над первым сборником несколько затянулась. Работа над вторым сборником закончена, и в ближайшее время он будет слан в печать. В сборнике помещены исследования проф. М. Тихомирова о древнейших культурных и политических связях России с южным славянством, чл.-корр. АН СССР В. Пичеты «Юрий Крижанич» и чл.-корр. АН СССР С. Богоявленского «Россия и Сербия в XVIII в.». Последний раздел сборника — «СССР и южные славяне» — пополнит нашу историографию в области истории современного славянства. Особого интереса заслуживает разработанный здесь вопрос о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на общественно-политическую жизнь южнославянских государств. Этот раздел представляет собой коллективную работу ряда сотрудников сектора, в том числе чл.-корр. АН СССР В. Пичеты, кандидатов исторических наук Д. Густинича и Р. Караколова, докторанта С. Зинича, аспирантов Н. Франича, С. Гринберга и В. Королюка.

За истекший период времени проф. В. Пичета закончил работу над вторым томом своей большой монографии «История Польши». В ближайшее время будет слан в печать первый том монографии охватывающий период времени с X в. по 1795 год. Третий том должен быть подготовлен к печати в течение 1945 года.

Наряду с этим проф. В. Пичета вне плана подготовил для сектора два других крупных исследования — «Южные славяне в русской историографии» и «Юрий Крижанич».

Проф. З. Неедлы закончил работу над двумя большими монографиями — «История Чехии» и «История Словакии». Старший научный сотрудник сектора Д. Влахов представил большое исследование на тему «Македония и македонский вопрос», Д. Густинич написал для Госполитиздата брошюру «Югославия».

Не будем останавливаться на более мелких работах сотрудников сектора, напечатанных в различных периодических органах, а упомянем лишь о трёх монографиях, редакция которых была закончена в 1943 году.

Сейчас находятся в печати «История Сербии» С. Богоявленского, «История Черногории» Б. Горянова, «История Хорватии» Д. Густинича.

Научный сотрудник сектора д-р философских наук Варшавского университета Ж. Корман представила в Учёный совет Института истории диссертацию на тему «Иоахим Лелевель, его жизнь, общественная деятельность и научное наследие» на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

На отдельных заседаниях сектора были заслушаны и обсуждены планы диссертаций: С. Зинича на тему «Иллиризм» (на степень д-ра исторических наук), Н. Франича «Происхождение Югославии» и С. Гринберга «Вступление Болгарии в первую мировую войну» (на степень кандидата исторических наук).

Другой формой научно-исследовательской работы сектора были заседания, на которых обсуждались доклады отдельных членов сектора. Всего состоялось 20 заседаний, посвящённых следующим сообщениям: «Польское восстание 1831 г. и Пруссия» (В. Пичета), «Классовая борьба в Византии в VII в.» (Н. Пигулевская), «Немецкая агрессия в славянском фольклоре» (С. Гринберг), «Грюнвальдская битва 1410 г.» (Т. Константинов), «Сербия в половине XIX в.» (С. Богоявленский), «Македонский вопрос» (Д. Влахов), «Социально-политические взгляды Мартина Галла» (В. Королюк), «Юрий Крижанич и его отношение к русскому государству» (В. Пичета), «Задачи советского славяноведения» (З. Неедлы), «Издательская деятельность Иосафата Огрызко» (С. Шкроб), «План «направы» Польского государства Фрыча Моджевского» (Г. Санчук), «Костюшко» (В. Пичета), «Русское византиноведение» (Б. Горянов), «Метод и библиография истории рабочего класса в Польше до половины XIX в.» (Ж. Корман), «Революционная деятельность Иосафата Огрызко» (С. Шкроб), «Вступление Италии в первую мировую войну» (Ф. Нотович), «Иван Грозный и Сербия» (М. Тихомиров), «Германский империализм в Болгарии» (И. Топалов).

Помимо этого сотрудники сектора прочитали ряд докладов на заседаниях отделения истории и философии АН СССР. Проф. В. Пичета прочитал три доклада: «Богдан Хмельницкий», «Начало колонизации Галичины» и «Византия и славяне»; проф. З. Неедлы сделал доклад на тему «Миро-

вое значение русской музыки»; Б. Горянов свой доклад посвятил русскому византиноведению.

Специальное заседание сектора было посвящено трёхлетию борьбы югославского народа против гитлеровской Германии. В этом заседании приняли участие представители Всеславянского комитета, бойцы и

офицеры югославской воинской части, сформированной на территории СССР.

В настоящее время сектор проводит подготовку научной сессии, которая будет посвящена культурным и политическим связям России с южным славянством.

Большое внимание уделяет сектор подготовке кадров молодых специалистов.

В. Королюк, Г. Санчук

Пять лет кафедры славяноведения исторического факультета МГУ

Осенью 1939 г. в составе исторического факультета МГУ была организована кафедра славяноведения. Руководство этой кафедрой было поручено чл.-корр. АН СССР проф. В. Пичете. Немного позднее в работе её принял участие крупнейший чехословацкий учёный профессор Пражского университета З. Неedly.

Принятый учебный план был рассчитан на то, чтобы ввести учащегося в возможно более широкий круг вопросов, занимавших мировое славяноведение за последние несколько десятилетий. С этой целью из года в год проф. З. Неedly читал для начинающих специализацию курс «Введение в славяноведение». Были прочитаны общие курсы: «История Польши» (проф. В. Пичета) и «История Чехии» (проф. З. Неedly). Следует отметить также специальные курсы: «История польских восстаний XIX в.» и «История средневековой Польши» (проф. В. Пичета), «История Словакии» и «Чешская историография» (проф. З. Неedly).

С большим успехом прошли специальные семинары по Вислицкому статуту и по истории гусизма.

В 1940—1941 г. кафедра получила право объявлять свои практикумы по истории средневекового славянства. Это мероприятие было связано со стремлением кафедры подготовить к специализации студентов младших курсов.

Хорошо было поставлено при кафедре изучение славянских языков — чешского, польского, сербского. Был подобран квалифицированный штат преподавателей. Аспирантура кафедры насчитывала 5 человек.

Кафедра проводила и большую научно-исследовательскую работу. Была предпринята первая попытка изучить историю русской школы славистов, в результате чего в «Историке-марксисте» появилось небольшое исследование проф. В. Пичеты «К истории славяноведения в СССР»¹.

Была подготовлена к печати серия источников по истории гусизма.

Вероломное нападение Германии на СССР изменило содержание работы кафедры.

Пришлось отказаться от ряда публикаций. Большинство студентов и аспирантов ушло на фронт. Только один аспирант, И. Миллер, успел защитить в сентябре 1941 г. диссертацию, посвящённую Костке Наперскому, на степень кандидата исторических наук.

Возобновление занятий в 1942 г. несколько задержалось. В полной мере кафедра развернула свою деятельность только в апреле — мае 1942 года.

В конце 1942 г. в общий учебный план факультета был включён для студентов 2-го курса общий курс «Введение в славяноведение», заменённый затем курсом «История западных и южных славян». Была возобновлена специализация на 4-м и 5-м курсах, восстановлена аспирантура. Большое внимание уделялось научно-исследовательской работе. В 1942 г. в работе кафедры приняли активное участие проф. М. Тихомиров и доц. С. Никитин.

В 1943—1944 г. при кафедре были прочитаны следующие специальные курсы: «Польско-русские отношения в XIX в.» (проф. В. Пичета), «Международные отношения на Балканах во второй половине XIX в.» (доц. С. Никитин), «Источниковедение западных и южных славян» (проф. В. Пичета), «История Болгарии» (доц. С. Никитин).

Успешно работал организованный для студентов 4-го курса специальный семинар на тему «Россия и Польша в XIX в.». Работой семинара руководил проф. В. Пичета.

Кроме того впервые на заочном отделении исторического факультета был введён общий курс «История западных и южных славян», который читал доц. С. Никитин.

В 1944—1945 г. кафедра предполагает значительно расширить состав своей аспирантуры и возобновить преподавание славянских языков.

Кафедра предполагает провести значительную научно-исследовательскую работу в 1944—1945 г.: издать основные источники (полностью или выдержки) по истории западных и южных славян. Проф. В. Пичета заканчивает работу над составлением краткого курса «История западных и южных славян».

¹ См. «Историк-марксист» № 3 за 1941 год.

Другой формой научно-исследовательской работы является обсуждение научных докладов отдельных членов кафедры. Наибольшего интереса заслуживают доклады проф. М. Тихомирова «Киевская Русь и Болгария в X—XII вв.», проф. З. Неедлы «Государство Само», проф. В. Пичеты «Византия и славяне». Доклады вызвали оживлённые прения.

В заседаниях кафедры принимали участие сотрудники сектора славяноведения Института истории АН СССР.

Основной задачей кафедры в области на-

учно-исследовательской работы является изучение богатого наследия, оставленного русской школой славистов-историков. Подробному исследованию будет подвергнута не только русская историография славянских народов, но и русская публицистика. В этом смысле можно назвать программным доклад проф. В. Пичеты «Московская школа славистов» на заседании кафедры, посвящённом десятилетию существования исторического факультета.

В. К.

Работа исторического факультета Кзыл-ординского педагогического института

Исторический факультет Кзыл-ординского педагогического института перестроил свою работу с первых дней Великой отечественной войны.

Деканат факультета и кафедра истории пересмотрели планы и учебные программы в направлении акцентации внимания студенчества на вопросах борьбы народов за свою национальную независимость, на героическом прошлом русского и других народов СССР. Совместно с военно-физкультурной кафедрой в 1942—1943 учебном году был проведён на всех факультетах института курс «Военное прошлое русского народа».

С 1941 г. на историческом факультете были дважды проведены специальный семинар «Отечественная война 1812 г.», специальный семинар «Революционно-демократическое движение в России» и специальный курс «Общественно-политическое движение 30—40-х годов XIX в.».

Эвакуация Киевского и Харьковского университетов в Кзыл-Орду и создание Объединённого Украинского государственного университета дали возможность привлечь к работе на историческом факультете Педагогического института высококвалифицированных историков — проф. С. Семёнова-Зусера, которому было поручено заведование кафедрой истории, и д-ра исторических наук А. Введенского. Проф. С. Семёнов-Зусер прочитал на факультете специальный курс «История древнего Казахстана», а также специальный курс «Основы археологии». А. Введенский прочитал специальный курс «Русская историография».

Деканат и кафедра истории уделяли большое внимание организации на факультете научно-исследовательской работы. Доц. В. Иллерицкий защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-политические и исторические взгляды В. Г. Белинского».

Педагогический институт за период Великой отечественной войны провёл три научные сессии. Первую сессию организовал Педагогический институт совместно с Объединённым Украинским государственным университетом в мае 1942 года. На пленарных и секционных заседаниях сессии с рядом докладов выступили члены кафедры. Проф. Семёнов-Зусер зачитал доклад «Фа-

шистская фальсификация древней истории», доц. Лившиц — «Римская агрессия на Балканах во II—I веках до н. э.», доц. Иллерицкий — «Ленин о революционном просветительстве в России».

Вторая научная сессия была посвящена 125-летию со дня рождения Карла Маркса. На этой сессии доц. Лившиц зачитал доклад «Карл Маркс и историческая наука», доц. Иллерицкий — «Маркс о России».

Большое внимание деканат и кафедра истории уделяли руководству работой студенческого кружка. В историческом кружке работали лучшие студенты факультета. Тематика кружка охватывала узловые вопросы всеобщей истории и истории нашей родины с древнейших времён до наших дней. Все студенческие доклады готовились и обсуждались под руководством членов кафедры.

В январе 1944 г. в институте была проведена третья научная сессия, она была посвящена итогам научно-исследовательской работы за 1943 год. На этой сессии наряду с докладами научных работников были заслушаны лучшие доклады студентов, предварительно обсуждавшиеся на студенческих научных кружках.

На январской сессии 1944 г. члены кафедры истории зачитали следующие доклады: д-р исторических наук А. Введенский — «26 лет исторической науки в СССР», проф. С. Семёнов-Зусер — «Князь Святослав», доц. Г. Лившиц — «К проблеме этногенеза древних германцев», доц. В. Иллерицкий — «Идея патриотизма в русском освободительном движении XIX в.». Доклад проф. Семёнова-Зусера был отмечен премией жюри научной сессии. Были премированы также выступавшие на конференции с докладами студент I-го курса Банд — «Военное искусство скифов» и студентка 3-го курса Фельдман — «Изгнание французов из России в 1812 году».

Ряд работ членов кафедры истории принят к печати. Проф. Семёнов-Зусер сдал в печать большую работу «История древнего Казахстана» (15 печ. листов), написанную им в период пребывания в Кзыл-Орде в 1941—1943 годах. Этот капитальный труд принят к изданию Институтом истории языка и литературы Казахского филиала Академии наук СССР. Кроме того проф. Семё-

нов-Зусер подготовил к печати по заданию издательства Украины другой труд — «Князь Святослав» (10 печ. листов). Доцент Лившиц по заданию Института истории Академии наук Белорусской ССР написал брошюру «Фашизм и нацизм как самая мрачная реакция во внутренней и внешней политике» (2 печ. листа) для издания массовым тиражом.

В деятельности кафедры и студенческого коллектива большую роль сыграла чёткая работа исторического кабинета (заведующая — тов. Гуревич). Кабинет проделал большую работу по составлению каталогов и указателей исторической литературы (более 15 тыс. карточек). Был пере-

смотрен весь книжный фонд института (около 100 тыс. томов). К началу чтения специальных курсов и проведению специальных семинаров кабинет готовил соответствующие по теме указатели литературы, составлял рекомендательные списки и делал выставки литературы для практических занятий и к знаменательным датам и годовщинам.

Работники факультета принимали активное участие в общественной жизни института и города. Они прочитали большое количество лекций и докладов в городском парткабинете, в госпитале и на предприятиях города.

В. Иллерицкий

CONTENTS:

27th Anniversary of the Great October socialist revolution. Speech of Comrade J. V. Stalin, the Chairman of the State Committee for Defence, delivered at the Joint Celebration Meeting of the Moscow Soviet of working people's deputies and the representatives of Moscow Party and public organizations, November 6, 1944. — Order of the Day of the Supreme Commander-in-Chief of the Armed forces of the USSR, No. 220. Moscow, November 7, 1944. ARTICLES: Sivkov P. Sailors of the Baltic fleet and the October socialist revolution. — Genkina E. From the history of the industrialization of the USSR. — Sidorov A., prof. Methods of coping with the crisis of supplying the Russian Army with arms during 1915-1916. Extraordinary Conference on the defence of the State. — Zastenker N. Proudhon and the coup d'Etat of Bonaparte of December 2, 1851. — Dityakin V., prof. Formation of the Croatian State. REPORTS AND PUBLICATIONS: Petrov L. Dorzhi Banzarov, the first Burvat scientist. — Demeshkan E. Walter Scott as a historian. — Mischulin A., prof. How the ancient Romans declared war and concluded peace. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY: Critical articles and reviews. CURRENT EVENTS.

SOMMAIRE:

J. Staline. XXVIIe anniversaire de la grande Révolution socialiste d'Octobre. Rapport présenté par le Président du comité d'Etat pour la Défense, à la séance solennelle du Soviet des députés des travailleurs de Moscou, élargie aux organisations sociales et du Parti de cette ville, le 6 novembre 1944. — Ordre du jour du Commandant en chef des forces armées de l'U. R. S. S., n° 220. Moscou, 7 novembre 1944. ARTICLES: Sivkov P. Les marins de la Baltique pendant la préparation et l'accomplissement de la Révolution socialiste d'Octobre. — Guenkina E. Contribution à l'histoire de l'industrialisation de l'U. R. S. S. — Sidorov A., prof. La lutte contre la crise des armements de l'armée russe en 1915-1916. La Conférence spéciale pour la défense de l'Etat. — Zastenker N. Proudhon et le coup d'Etat du 2 décembre 1851. — Dityakine V., prof. La formation de l'Etat Croate. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Petrov L. Le premier savant bourlate: Dorzhi Banzarov. — Deméchkane E. Walter Scott historien. — Michouline L., prof. La déclaration de guerre et la conclusion de la paix chez les Romains. — CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE: Articles et revues critiques. CHRONIQUE.

INHALT:

Der XXVII. Jahrestag der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. Bericht des Vorsitzenden des staatlichen Verteidigungskomitees, J. W. Stalin, in der Festsitzung des Moskauer Sowjets der Deputierten der Werktätigen gemeinsam mit den Partei- und gesellschaftlichen Organisationen der Stadt Moskau, 6. November 1944. — Befehl des Obersten Befehlshabers Nr. 220—Moskau, den 7. November 1944. ARTIKEL: Sivkov P. Die baltischen Matrosen in der Periode der Vorbereitung und Durchführung der sozialistischen Oktoberrevolution. — Genkina E. Aus der Geschichte der Industrialisierung der Sowjetunion. — Sidorow A., Prof. Der Kampf gegen die Krise der Bewaffnung der russischen Armee in den Jahren 1915/16. Sonderberatung über die Staatsverteidigung. — Zastenker N. Proudhon und der bonapartistische Umsturz am 2. Dezember 1851. — Ditjakin W., Prof. Staatsbildung bei den Kroaten. MITTEILUNGEN UND VERÖFFENTLICHUNGEN Petrov L. Dorzhi Banzarov—Der erste burjatische Gelehrte. — Demeschkan E. Walter Scott als Historiker. — Mischulin A., Prof. Kriegserklärung und Friedensschluss bei den alten Römern. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE: Kritische Artikel und Berichte. CHRONIK.